

Александр ИВАНЧЕНКО

ПУТЯМИ
ВЕЛИКОГО
РОССИЯНИНА

Роман-исследование
о народной истории Русь-России

**ПОТЕРЯННЫЕ
КЛЮЧИ**

Александр ИВАНЧЕНКО

**ПУТЯМИ
ВЕЛИКОГО
РОССИЯНИНА**

**Роман-исследование
о подлинной истории Руси-России**

Санкт-Петербург
2006

84.3 P7

И 75

Эта книга – явление русской культуры общемировой значимости и энциклопедической глубины. В ней впервые воспроизводится и комментируется русская дохристианская фонетическая азбука, которая идентична фонетической азбуке этрусков, обнаруженной польским учёным-славистом XIX века Фаддеем Воланским. Позднее именно её скомпилировали «древние греки», несколько видоизменив и выдав за свою.

Эта книга – взгляд на русскую историю её автора, получившего знание о ней не только в научных залах лучших библиотек Франции, Англии и США, но и в тайных книжных хранилищах современных русских волхвов. В ней же – уникальная информация (на уровне сенсации) для учёных-гебреистов, для искателей эзотерических знаний. И т.д., в т.ч. (впервые!) объяснение мотивов Гималайской миссии Н.К. и Е.И. Рерихов в 1918 г.

ISBN 5-7058-0418-0

© А.С. Иванченко

© О. М.Гусев

В ДЕТСТВЕ К НЕМУ ПРИШЁЛ РУССКИЙ МУДРЕЦ С ПАМИРА

Предисловие редактора

Сегодня, как никогда ранее, испытывается острая нужда в умной книге о дохристианском прошлом Руси, её древнейшей истории, письменности, культуре, традициях, которая могла бы стать настольной не только для учёного–слависта, но и в каждой русской семье. И такую книгу мы наконец имеем: литературный «проект» по проникновению в многотысячелетнее прошлое Руси ещё в советские времена осуществил русский писатель, доктор исторических наук Александр Семёнович Иванченко, написав роман–исследование «Путями великого россиянина». В 1991–1992–х годах журнал «Славяне» опубликовал из этой книги её первую главу с пометкой «продолжение следует», однако, к сожалению, вскоре прекратил своё существование.

Установить личный контакт с писателем мне удалось только в июле 2002 года, когда надо было разобраться в деталях биографий русского историка Егора Ивановича Классена и польского исследователя славянских древностей Фаддея Воланского. Первый, согласно данным, унаследованных нами ещё из XIX века, был якобы немцем по происхождению, а второй – сожжён на костре из собственной книги «Памятники письменности Славян до Рождества Христова». Александр Семёнович рассказал тогда, что, работая с русскими архивами в США, он нашёл точные ответы на эти вопросы, чему посвятил несколько страниц в книге «Путями великого россиянина». Автор любезно разрешил опубликовать некоторые главы из этой книги в газете «За Русское Дело», для чего пообещал прислать рукопись книги и обещание своё сдержал. В «ЗРД» №2(104) за 2003 год был напечатан отрывок из книги А.И.Иванченко «Заставил–таки посадить себя на кол...», затем этот же отрывок увидел свет в качестве приложения к изданной нами книге Е.И.Классена (оказавшегося совсем не немцем) «Новые материалы для древнейшей истории Славян...» Мы были рады установившимся между нами дружеским отношениям.

Конечно, я внимательнейшим образом ознакомился с рукописью всей книги и, проникшись её злободневностью, сразу позвонил в Москву Александру Семёновичу, чтобы узнать, когда же она выйдет в свет? Александр Семёнович с грустью ответил, что денег на издание книги лично у него нет и не предвидится, а что касается его обращений в

книжные издательства, то книгу опасаются брать в производство, как он сказал, «даже самые смелые из редакторов». Тогда я спросил, не позволит ли автор нам здесь, в Питере, попытаться издать «Россиянина», если, конечно, удастся собрать для этого деньги? Александр Семёнович, не раздумывая ни секунды, сказал: «Конечно же издавайте! Я буду только рад».

Позже выяснилось, что в течение всех пятнадцати лет, минувших после прекращения публикации книги в журнале «Славяне», и вскоре после таинственного исчезновения с балкона квартиры писателя части его личного архива (в том числе черновиков книги) Александр Семёнович ксерокопировал рукописи «Россиянина», не раздумывая, дарил многим своим единомышленникам, полагая, очевидно, что кто-нибудь её всё-таки опубликует. Увы, книга так и не увидела свет, а мысли из неё, как я заметил, изучая творчество современных авторов, потихоньку всплывают (разворачиваются) то тут, то там без всяких ссылок на первоисточник. Хотя бы поэтому никак нельзя было медлить с публикацией книги.

В начале февраля 2004 года, позвонив в очередной раз в Москву на квартиру Александра Семёновича, я вдруг узнал, что писатель Александр Иванченко... умер в конце августа 2003 года. Печальную весть сообщила вдова писателя Нинель Васильевна. Я бы не вздрогнул, узнав о смерти многих из ныне ангажированных писателей, а тут вздрогнул: полгода, как ушёл из жизни такой величины и значимости человек, и ни строчки информации в оппозиционно-патриотической прессе, не говоря уже о демократической. В Москве никто не догадался позвонить в Санкт-Петербург; поклонники писателя в Северной столице выехали бы на похороны и опубликовали некролог. Нинель Васильевна по моей просьбе прислала фотопортрет писателя и краткое описание его жизни. Вот оно:

«ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИВАНЧЕНКО

25 августа 2003 года скорострительно скончался Иванченко Александр Семёнович – писатель, журналист, моряк, исследователь письменности и истории Древней (дохристианской) Руси.

Он родился 13 мая 1936 года в с. Мисайловке Киевской области в многодетной крестьянской семье. По своей первой профессии он геолог. Исходил пешком и изъездил на разных видах транспорта, в том числе и на собачьих, и оленьих упряжках, самые суровые области и

районы российского Крайнего Севера: Якутия, Колыма, Чукотка, Камчатка, острова Ледовитого океана.

Долго работал журналистом. Затем «морячил» несколько лет. Совершил четыре кругосветных плавания, побывал во многих странах.

Но чем бы ни занимался Александр Семёнович, он никогда не изменял своему главному призванию – литературному творчеству. Публиковать свои стихи и маленькие детские рассказы начал в 12 лет от роду. А первая его книга увидела свет, когда её автору едва исполни-

лось двадцать лет. Потом они выходили довольно часто. В своём большинстве это литературно–художественные и публицистические книги, написанные по материалам, собранным автором в его странствиях. Это роман–исследование «Путями великого россиянина» (о Н.Н. Миклухо–Маклае), «Повести студёного юга», «Золотой материк», «Золото для БАМа», книги для детей и юношества.

Последние десятилетия своей жизни А.С. посвятил изучению и осмыслению истории и письменности Древней (дохристианской) Руси, лексикологии письменности древнейших языков, главным образом давно вышедших из употребления, но в которых получили своё отражение ранние этапы развития цивилизации мира и проливается свет на зарождение цивилизаций нынешних. Из этого исследова-

ния были опубликованы только отрывки, так как автор предполагал продолжить работу над этой темой. Однако скоропостижная смерть не позволила осуществить это намерение.

Похоронен Александр Семёнович в Москве, где прожил большую часть своей жизни, на кладбище «Ракитки».

В чём уникальность без времени ушедшего Александра Семёнович Иванченко как писателя?

Прежде всего он большой мастер слова. Работая в научно–популярном жанре, писатель с большим профессионализмом справился со своей задачей: роман–исследование «Путями великого россиянина» читается, как в таких случаях говорят, на одном дыхании. Однако ав-

А.С. Иванченко

тор не желает быть академически беспристрастным наблюдателем, стоящим над событиями, а хочет обозначить свою гражданскую позицию по отношению к ним. Поэтому книга «Путями великого россиянина» несёт в себе очень интересные авторские включения историко-публицистического характера, нисколько книгу не отягчающее, а, наоборот, делающее её информационно необычайно насыщенной, то есть в романе органично соединены два литературных жанра.

Теперь об Александре Семёновиче как знатоке Ведических знаний и древней русской истории. Многие слышали, что в среде современных брахманов Индии и буддистов Тибета сохранена традиция передачи Ведических знаний путём устного запоминания большого объёма информации. Однако не все знают об одной особенности подобной «технологии». Не каждый ребёнок для этой цели подходит, даже если он из семьи потомственных брахманов, а только тот, который: во-первых, на уровне генной памяти от рождения уже владеет некоторой частью информации (например, помнит «свою» прошлую жизнь или вдруг начинает говорить на ныне полузабытых или совсем забытых «мёртвых» языках); во-вторых, обладает качеством объёмного видения описываемого на страницах дохристианских книг события (строки книги видятся этим детям, как наложенные на движущееся изображение титры в кино). Таких детей по особым признакам умели отличать в древности бабки-повитухи (акушерки) уже в момент появления на свет; они сразу же сообщали о них старцам-волхвам, что становилось для них праздником.

Так вот, Александр Семёнович Иванченко был именно таким уникальным ребёнком, которому повезло родиться в малороссийском Ведическом («языческом») селе Мисайловке с помощью мудрейшей бабки-повитухи, которая не замедлила послать весть об уникальном ребёнке в один из сохранившихся на Памире русских Ведических центров. Вскоре для обучения мальчика и раскрытия в нём врождённого знания не только «мёртвых» языков, но и древней истории Руси с Памира прибыл учитель-старец Зоран. Эту часть своей биографии Александр Семёнович описывает достаточно ярко. Замечу в скобках, что в русских семьях продолжают рождаться дети с подобными задатками или с приближенными к ним; к сожалению, родители, как правило, не только не развивают эти задатки, а, не по злому умыслу подавляя их, направляют ребёнка в русло стандартного образования. Благополучно переживший немецкую оккупацию Мисайловки, мальчик Александр Иванченко со временем просто не мог не стать путешественником, учёным, лингвистом, писателем...

Александра Семёновича Иванченко – историка, несущего в себе такую фантастическую (с современной точки зрения) информирован-

ность, – давно и с нетерпением ждёт Россия; она просто задыхается без него. Ведь русской «истории» на протяжении последнего тысячелетия, если считать от насильственного насаждения христианства на Руси, учили нас сначала пришлые византийские попы, потом командированные Ватиканом немцы–«академики» Миллер, Байер, Шлёцер и им подобные, а в наше время – русофобы–учёные рыбаковы, лихачевы, гумилевы, щербаковы, бегуновы и несть числа им, сидящим на шее Русского народа и на него же клеветующим. Вступив, например, на страницах своей книги в жёсткую полемику с академиками Б.А. Рыбаковым и Д.С.Лихачёвым, ставшими ещё при жизни «классиками», Александр Семёнович убедительно разоблачает антирусскую направленность их «исторических» трудов.

Конечно, не всю русскую историю смог поднять–описать А.С. Иванченко (по–хорошему специально под него надо было бы создать научно–исследовательский институт!), но он обстоятельно осветил принципиальные её моменты и выступил в качестве бескомпромиссного защитника исторического достоинства великого Русского народа! Нам, русским, продолжать жить без книги А.С. Иванченко «Путиами великого россиянина» никак нельзя. Она – ценнейшее достояние нашей культуры мирового уровня. Читатель сам в этом убедится, прочитав первые же её страницы.

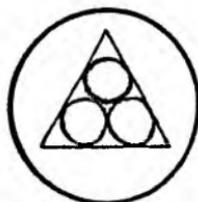
...Книга набиралась с вдвое уменьшенной на ксероксе машинописной авторской рукописи. Она содержит в себе достаточное количество маленьких графических рисунков: или букв воспроизводимой Александром Семёновичем русской дохристианской азбуки, или древних знаков–символов (например, на печати князя Светослава). Во избежание каких–либо искажений, было решено в качестве иллюстраций брать «блоки»–фрагменты машинописной рукописи, содержащие такие графические значки–рисунки.

**Олег ГУСЕВ, профессор
Международной Славянской академии**

***Ad parandum, non ad probandum.
Ad memorandum.***

***«Чтобы рассказать, а не доказать.
Для памяти.»***

Скиф Анахарсис. VII век до н.э.

***Во исполнение завета моего Учителя.
И светлой памяти адмирала Василия
Филипповича Чалого, приложившего нема-
ло усилий к тому, чтобы необходимые для
реализации моих замыслов путешествия по следам
Н.Н.Миклухо-Маклая вопреки, казалось бы, непреодоли-
мым препятствиям всё же осуществились. Тем самым
на долгие годы я получил ни с каким иным благом не
сравнимую возможность работать и жить с сознани-
ем человека, причастного к делу, составляющему
часть высшего достояния Отечества.***

Автор

КНИГА ПЕРВАЯ

КРОВЬ МОЯ ПОМНИТ, А РАЗУМ ОБЯЗЫВАЕТ

Когда я писал вторую книгу этого романа-исследования (она увидела свет раньше первой), я, признаться, не ожидал, что одна моя фраза обратит на себя особенно заинтересованное внимание читателей. Вот эта фраза: «Стремление повторить путь Маклая превратилось в главную, глубоко волновавшую меня цель жизни, которая теперь, правда, диктовалась уже не романтикой, а добровольно взятым на себя долгом».

Многие спрашивают меня в своих письмах, как это «добровольно взятым на себя долгом»? Ведь долг – обязанность перед обществом, а такая обязанность не может быть чем-то добродушно

личным, выбранным произвольно, по собственному усмотрению, она накладывается на человека в соответствии с его возможностями, прежде всего потребностями общества. Добросовестно, а значит, в известной мере добровольно он выполняет просто те из вменяемых ему обязанностей, разумную необходимость которых признаёт, если, к тому же, они отвечают его интересам и доставляют удовольствие.

Вопрос действительно серьёзный.

В суете повседневного бытия и даже в тиши кабинета, когда в одиночестве и мнимом покое сидим за письменным столом, мы часто употребляем слова, пользуясь лишь их поверхностным, как бы назывным назначением, не вникая из-за кажущейся его ясности (вроде всё само собой разумеется) в глубинный смысл и ширь пришедших на ум великих слов-символов. И меньше всего задумываемся над истоками своего духовного начала, во многом предопределяющего всю нашу дальнейшую жизнь, в том числе и словно бы лично-добровольно взятые на себя обязанности. Нет, конечно же, они выбираются не произвольно, не в одном согласии с «я так хочу». Если тебе и сдаётся, что ты взял их на себя сам, они всё равно зависят от твоего духовного содержания, а оно формируется не тобой только, а с твоим лишь участием.

Но и осознав своё назначение и приняв соответствующие ему обязанности, мы далеко не сразу, не в минуту некоего озарения способны понять себя во всех взаимосвязях мира, в котором появились на свет и живём. Разгадка того, из чего, как и почему всё произошло, требует сложной и длительной умственной работы, большей частью подсознательной, которую мы в общем-то не ощущаем, однако она всегда имеет свою закономерность, вытекающую из всего нашего житейского и душевного опыта, и не столько из-за какой-то суммы знаний, сколько из их характера, поскольку каждый человек всё воспринимает по-своему. Нет двух людей, пусть они и братья-близнецы, которые одно и то же видели бы, слышали, обоняли одинаково. Существуют и разные формы познания и самих знаний, касающихся одного и того же предмета в одной и той же науке, искусстве или жизни. Ничего, однако, и ни в какой форме человек не может до конца постигнуть, преступив ступени последовательности.

Только потом, когда разум мой начал осмысливать то, что прежде лишь вбирала и накапливала душа, и ко мне постепенно стало приходить чувство ответственности за всё сущее, во мне возникло как потребность исповеди желание поклониться своим первоординамам.

И тогда я открыл для себя, что моя Мисайловка – село над ещё светлоструйной в годы моего детства и отрочества Росью, откуда,

как считают некоторые разыскатели начала Руси, пошла-есть Русская Земля, всегда была, оказывается, «языческой» (Ведической), то есть с верой, если применимо здесь это слово, народной, ибо язык есть народ, следовательно, язычество, относимое почти всеми монотеистическими религиями, кроме индуизма, к поганству, – мировоззрение, определяющее образ жизни, выработанное в длинной череде веков коллективным разумом самого народа, ничем не обязанного законотворчеству подобных библейскому Моисею или мусульманскому Магомету пророков, поучениям апостолов и подвижничеству страстотерпцев, а потому и не считающего их святыми. У народной же мудрости нет отдельных авторов, требующих особого почитания, и она не нуждается для своего утверждения ни в какой-то пропаганде, ни тем более в жертвах мучеников, достойных, как христианские страстотерпцы, лишь сочувствия и сожаления, поскольку смысла в их мученичестве, на мой взгляд, нет никакого. Можно раскаяться в содеянном зле и как-то, праведным ли поступком, деянием ли, исправить допущенное зло и самому исправиться к лучшему, но не тем покаянием, как у нас его понимают, посыпая себе голову пеплом, или будто бы для искупления грехов обрекая себя на страдания. Какой резон в бесплодном самоистязании? В спасении собственной души? Тогда это корыстный эгоизм, не имеющий ничего общего с истинным благом, ибо оно непременно должно приносить пользу людям; притом эгоизм неразумный – нет иной власти, думаю я, чутко внемля голосам своей души, над человеческим духом, кроме воли самого человека.

А открылось с запозданием потому, что и слова «язычество» в Мисайловке моего детства я не слышал и не помню, чтобы у нас велись какие-то разговоры на эту тему. Вся жизнь в селе казалась обыкновенной, простой и естественной, как цветение вишни. И, конечно, я не испытывал никакого душевного трепета. Когда в свои четыре года заучивал, как таблицу умножения, вот эту азбуку россиячей, которая относится к первой половине 2 тысячелетия до н. э. и которой у нас будто бы не существовало, пока более чем 2,5 тысячелетия спустя не появилась кириллица. Якобы только она, кириллица, принесла нам письменное слово.

Седобородый, но ещё с полными лучистым светом голубыми глазами Учитель Зоран, носивший подпоясанную плетёным ремешком длинную белую рубаху, расшитую на груди и по ободкам рукавов рядочками восьмиконечных васильковых звёздочек, пока не говорил мне, а сам я по малолетству не мог догадаться, что он открывает передо мною какие-то важные страницы нашей древней культуры. Даже когда объяснял он чертёж Малого Сварожья (Малого Космоса или Мира и Антимира), созданный нашими пращурами в том же 2 тысячелетии до н. э., всё воспринималось мною просто с

Λ	А	Вместилище разума	Г	П	Путь
⊖	Аз	"Я" духовное	Γ	Ш	Пути встречные
Н	Б	Звук	Ц	П	Путь последний
Н	Б	Быть /бытие в совести/	∇	Р	Род
Σ, U	В	Веда /познание/, звук	Σ, 2	С	Совесть, звук
Г	Г	Глас /речь/	Σ	Сс	Чистота души и тела
Р	Д	Добро /подвижное/	↑	Т	Ты, Твой, Твоя
Δ	Д	Дом /благополучие/	↑	Т	Те, Тех
Ε	Е	Есмь /триединство/	∇, ∇	У, Д	Дыхание, звук
Є	Э	Эмит /уранит/	К	Х	Хор
↓	Ж	Жизнь	□	Ш	Шана /уражение/
Σ	З	Зорл /свет знаний/	□	Ш	Шада /милость/
·	И		К	Ц	Цепь /взаимосвязь/
·	І		Г	Ч	Звук
М	Й		∇	Ч	Чета /согласие/
К	К	Корень /мужч. и женщ./	∇	М	
U	Л	Любовь	↑	Ъ	Ять
W	М	Ми /взаимость/	⊖	Я	"Я" телесное
W	М	Матерь, matka /эпрг. ц-гу/	⊖	Я	Ярило /Солнце/
W	Н	Звук	·	Ь	
∇	Н	Нами /нас, нам, нам/	С	Ъ	
V.	О	Постоянство	∇	Ω	Омега /конец/

любопытством, и, хотя Зоран делал свои объяснения на древнерусском языке, вышедшего у нас из официального письменного употребления с крещением Руси и почти всеми давно забытом, у меня, малого, не возникало мысли, что язык этот какой-то особенный, как будто я знал его всегда. Всё ясно и понятно.

Наша часть Малого Сварожья представляет собою три Кола (круга). Внизу слева Коло Молока (Галактика), справа – Коло Суры (туманность Андромеды), а над ними и как бы между ними – Коло Ярила (Солнца), в котором десять планет: девять постоянно движутся каждая по своей дороге (орбите), а десятая никак места себе не определит, носится по Колу Ярила то там, то сям, потому и называется странником (Фазтоном).

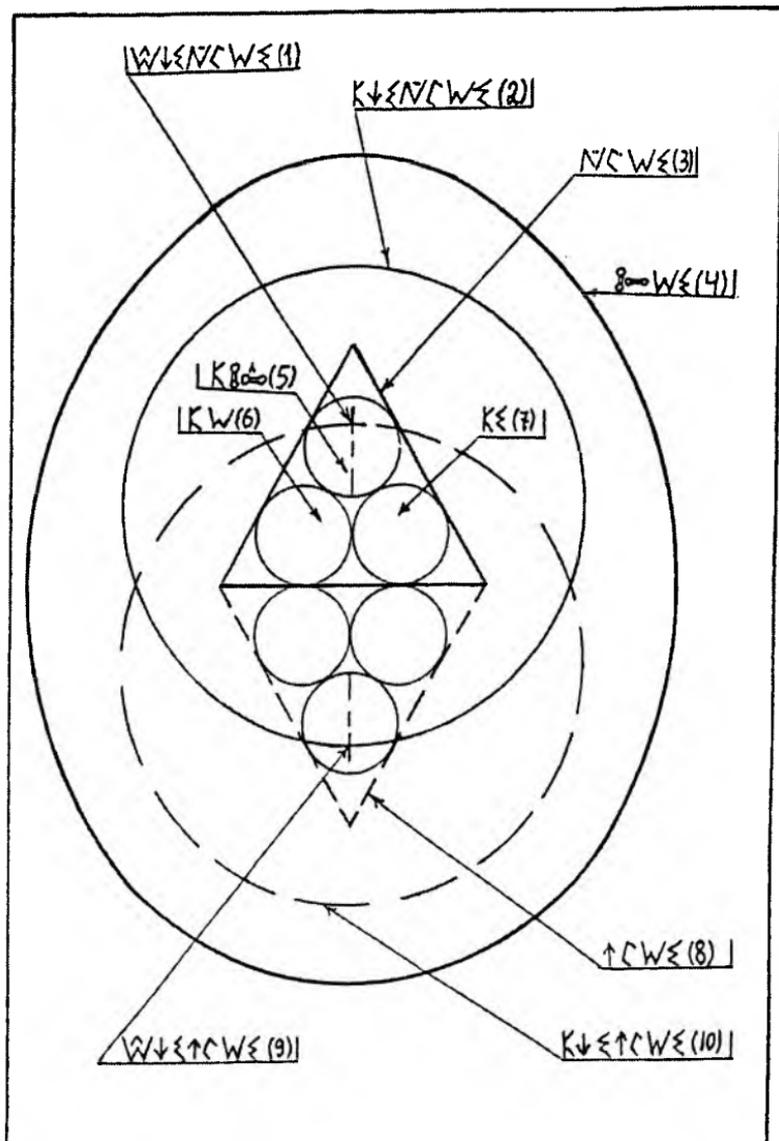
У Кола Молока больше женской силы, а у Кола Суры – мужской, а у Кола Ярила – одинаково и мужской, и женской. Женская

сила тянется к мужской, и все три Кола, как планеты в Коле Ярила, тоже всё время двигаются слева направо по часовой стрелке или виткам естественной спирали.

Если по касательным трёх Кол провести по одной линии, получится равносторонний треугольник. Та (другая) часть Малого Сварожья, которая на чертеже показана ниже и обведена пунктирными линиями, точно такая же, как наша. Вместе на чертеже мы видим их в двух одинаковых, прилегающих друг к другу треугольниках. Но в действительности никакой линией-перегородкой они не разделены. Нарисовано так, чтобы нагляднее показать две взаимосвязанных и взаимозависящих один от другого триединства внутри гигантского небесного восьмигранника (октаэдра). Это его плоский вертикальный разрез, вид сбоку.

В той части Малого Сварожья тоже есть жизнь, и вокруг него, как и вокруг нашей части, образовались два одинаковых взаимопересекающихся Кола живой силы, матки (энергетические центры) которых находятся на пересечениях Кол живой силы и срединных вертикальных линий (экваторов) Кола Ярила и планетного Кола той части Малого Сварожья. Всё же Малое Сварожье удерживается как бы в яичной скорлупе, которая так и называется – Яйцо Малого Сварожья. Но Яйцо это, конечно, не всамделишное, а имеющая такую форму огромная сила, благодаря которой сохраняется порядок движения небесных тел во всём Малом Сварожье.

Вот этот чертёж.

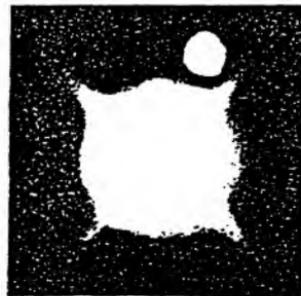
1. Матка живой силы нашей части Малого Сварожья.
2. Коло живой силы нашей части Малого Сварожья.
3. Наша часть Малого Сварожья.
4. Яйцо Малого Сварожья.
5. Коло Ярила.

6. Коло Молока.
7. Коло Суры.
8. Та часть Малого Сварожья.
9. Матка живой силы той части Малого Сварожья.
10. Коло живой силы той части Малого Сварожья.

В селе говорили, что Зоран приехал в Мисайловку с какого-то Памира специально, чтобы учить меня. Вот это сначала меня немножко удивляло, но потом разговоры про нас с Зораном утихли, я привык к нему и к тому, что я должен у него учиться, и мне не приходило в голову, что он открывает мне известные нашим пращурам 4 тысячи лет тому назад великие истины, которые современные астрономы и астрофизики начнут открывать только во второй половине, а математики – в последней четверти XX века.

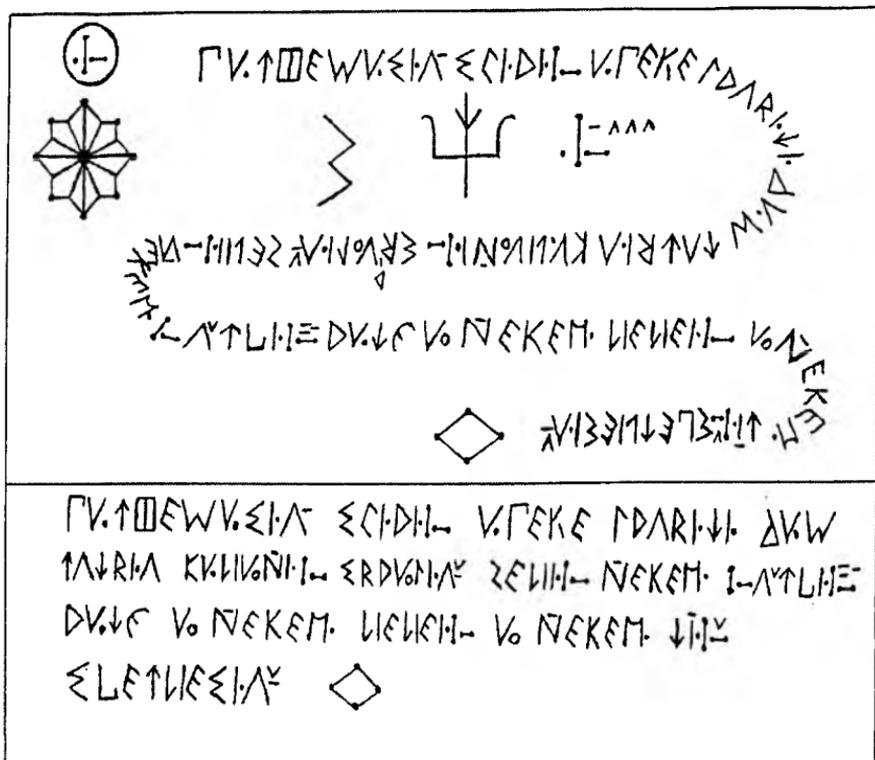
Лишь теперь, читая о новейших достижениях науки, я узнал, какие копыа ломают учёные по поводу не только 26-размерной, но и 11-размерной геометрии. Пользуясь древнейшими чертежами и символикой, Зоран очень доходчиво объяснил мне этот предмет в 1940 году, как и то, что Яйцо Малого Сварожья представляет собою 7-размерную сферу, возможности сделать все вычисления в которой тоже, оказывается, открыты совсем недавно.

Уже в наше время с помощью мощного 3-метрового телескопа Ликской обсерватории в Калифорнии удалось сфотографировать Нептун с его спутником Тритоном (см. фото справа). В древнейших же дохристианских книгах россичей сказано, что за седьмым, считая по удалённости от Ярила, Эмитом (Ураном) находится восьмая планета, которая называется Рогач, потому что у неё как бы четыре громадных светящихся рога. А девятая, самая крайняя в Коле Ярила планета – Чаклун (Колдун), тоже открытый современными учёными лишь в 1930 году Плутон.

Я, естественно, не думаю, что у наших далёких пращуров были телескопы, но как-то «разглядеть» протуберанцы Нептуна они всё же смогли и точно сосчитали их количество.

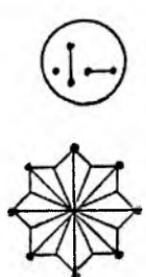
Только потому, что, копаясь в недрах спецхрана, я нашёл книгу польского учёного Фаддея Воланского, на которую в дальнейшем мне придётся не раз ещё сослаться, и я увидел в ней факсимильно опубликованную найденную в Приазовье на каменную надпись россичей XVI века до н.э., позволю привести её и здесь.

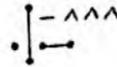
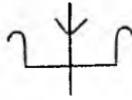
ПОТШЕМОСІА СЧІРІЯ ОПЕЦЕ ГРАДІЖІ ДОМ ТАЖДІЯ КОЛУНІЯ
 СДРУГІА ЗЕЛІЯ НЕХЕЙ ЯАТВГЯ РОЖЕ У НЕХЕЙ ЛЕЛЕЛІА У НЕ-
 ХЕЙ ЖІІЯ СВЕТЛЕСІА

«Постараемся искренней опекой построить дом, а также под-
 ворье супругам молодым. Пусть детей рожают и лелеют, и пусть жизнь
 будет светлой.»

Кроме текста надпись имеет также пять знаков-символов, ко-
 торые я сейчас поясню.

Буква «Я» в окружности означает духовность, а
 восьмиконечная звезда – высший дар: в Природе суще-
 ствуют семь творческих принципов и восьмая - энер-
 гия, которая даёт возможность каждому проявить себя
 в своей области. Это и есть высший дар, которым стар-
 шие желают молодым людям пользоваться не бездум-
 но, а непременно сначала обогатив себя духовно, что-
 бы каждым их поступком руководили душа и разум.

Третий знак «ВЕДИ» - познай. Что? Два триединства мироздания: большое триединство неорганической Природы и очень маленькое по сравнению с ним – органической, которое обозначено буквой «Ж»- «ЖИЗНЬ» и находится как бы в центре неорганического мира. И пятый знак – пожелание потомства, которое тоже составило бы своё триединство и души у которого были бы возвышенны.

Выбито на камне более 3,5 тысяч лет назад, а сказано словно о нашей мисайловской толОке – самом радостном празднике, когда после уборки урожая всем селом строили молодожёнам не просто дома, а именно целые подворья и не по какому-то стандарту, а по индивидуальным, так сказать, заказам молодых. Кому какая из них придёт фантазия, такими и должны быть дом и вся усадьба. Свои сельские архитекторы, столяры, плотники, резчики по дереву и прочие мастера обязаны были угождать и самым привередливым. Платы же ни за стройматериалы, ни за труд на толоке с молодых или с их родителей не полагалось никакой. О прокорме толоччан также заботилось село. Загодя собирали деньги на покупку мясной живности, несли со своих огородов и садов овощи, фрукты, арбузы, дыни, глечики мёда, паляницы хлеба и, разумеется, четверти (два с половиной литра) крепчайшего первака. Но пьяных на толоках не бывало. Напиться допьяна по любому случаю в селе считалось позором.

Когда дом и все хозяйственные постройки были готовы, на предновосельном пиру в новом дворе молодожёны благодарили толоччан и торжественно обещали жить в мире и согласии, любви и ладу, троепоклонно целуя при этом землю, что значило: они обещают хранить верность не только друг другу, но и этой земле-праматери.

Потом распорядитель толоки от имени всех сельчан, не одного толочкан – от имени всего села желал молодой семье счастья и строго наказывал:

- Сберегайте сердцами сокровенно: не убий!

В этой его фразе должно было быть три и два слова: одно триединство и один корень (мужчина и женщина), а всего слов пять, как пять лучей в знаке человека. Смысл они имели отнюдь не библейски буквальный, а куда более обширный: не убий самое себя, то есть свою душу, и помни об этом всегда, помни сердцем.

В два слова «не убий» вмещалось всё, весь неписанный свод нравственных законов, нарушить который в чём-нибудь, не рискуя вызвать всеобщее презрение, никто не смел. Оттого, наверно и кста-ти, в Мисайлоловке, а в ней насчитывалось 2,5 тысячи дворов, не-

благополучные семьи были крайней редкостью, а разводы случались ещё реже. На то нужны были очень веские причины, чтобы разведённых или по меньшей мере одного из них село не осудило, поскольку будущие жених и невеста в большинстве знали друг друга с детства, и становиться на рушник (в этом заключался главный атрибут бракосочетания) их никто не принуждал. Женитьбу или выдачу замуж по воле родителей в Мисайловке, по рассказам стариков, порицали во все времена, так как видели в этом хотя и родительскую, но всё же постороннюю корысть, и не достойное уважения безволие парня или девушки.

За тысячу лет христианство, принесшее в наши пределы великую веру в единого всемогущего и всемилостивейшего Бога, но вместе с ней и замешанную на жестокосердии великую ложь, страх правды и нелепого для былинных пращуров наших ада, алчбу своекорыстия, прикрытого то лукавством любви ко всякому ближнему вместо потребного от нас обыкновенного межчеловечьего уважения, то пропитанными тщетою гордыни призывами к переустройству мира вместо познания изначальной гармонии данного нам мироустройства и отыскания в нём возможностей, чтобы наилучшим образом следовать своему призванию, обусловленному необходимостью развития такой же гармонии в нашем человеческом сообществе, не смогло разрушить в Мисайловке ни вековых духовных устоев, ни памяти народной, ни народных понятий. Потому не угорело село моё и в чаду оргий воинствующих безбожников. Не нашлось в Мисайловке объектов или предметов для их чумных глумлений. Храмы святых, воздвигнутые в сердцах людских, к счастью, невидимы.

В этой связи нелишним, наверное, будет вкратце сказать о нашей Богуславщине, одним из сёл которого является Мисайловка. Было бы неразумным противопоставить её историю другим районам Киевщины, а тем более Украины, но всё же история Богуславщины по-своему весьма и весьма уникальна.

Как подтвердили недавние археологические раскопки, произведённые в Горчаковом лесу у села Медвин, такого же большого на Богуславщине, как Мисайловка, в середине 1 тысячелетия до н. э. именно там находилась, очевидно, легендарная административная столица россичей Голунь. Кроме остатков различных строений, могильников и т. д., богуславские археологи-энтузиасты обнаружили во время раскопок два некогда врытых в землю прямоугольных столба, выступавшая над землёй обработанная часть которых примерно одинаковой высоты – около полутора метров.

Один столб повреждён, вероятно, с умыслом. Обе его стороны, на которых были выбиты письмена и, очевидно, карта звёздного неба с календарём, кто-то старательно продолбил, но всё же несколько слов текста можно разобрать, хотя некоторых букв в них не

хватает, а от большинства других остались только отдельные их детали. Уцелевшие фрагменты календаря тоже дают возможность его восстановить по аналогии с тем сельскохозяйственным календарём, который академик Б.А.Рыбаков опубликовал на стр. 39 своей книги «Киевская Русь и русские князья XII-XIII вв.», снабдив рисунок, должно быть, по незнанию предмета надписью, совершенно не отвечающей его содержанию: «Славянские «календари» для языческих обрядов (Среднее Поднепровье IV н. э.)».

Вот этот рисунок.

Ничего «языческого» и «обрядного» в том смысле, как это толкует Б.А.Рыбаков, здесь нет. Верно только то, что на рисунке изображён не один календарь, а совмещённые календари без всяких кавычек: лунный, солнечный и часть зодиакального, которая приходится на страдную пору от мая по август. Помоему, тут совершенно понятно, что перед тобой календарь крестьянина, на котором ясно показаны приметы времён года и когда что происходит в поле: в апреле – пахота, в мае – косьба и стогование сена, в июне на сенокосах подрастает отава и ко-

лосятся хлеба на нивах, в июле с первой по пятую полудекады хлеба наливаются, а в шестой полудекаде – созревают. Она обозначена плоским изображением шести вершин октаэдра, то есть на последнюю неделю июля приходится пик солнечной энергии.

В первой декаде августа ужинки – начало жатвы, но пока она идёт выборочно, по окраинам, где хлеба созревают быстрее; сплошная жатва – во второй и третьей августовских декадах. В сентябре хлеб остаётся в поле в суслонах, подсыхает, а пока тем временем идёт уборка другого урожая – фруктов и овощей. В октябре хлеб должен быть в овинах, в ноябре – молотьба, в декабре – весь урожай в закромах.

В январе – праздники: идущие из нижних углов в противоположные верхние две четырёхлинейные полосы, скрещиваясь, образуют осьмиголосицу – октаву, что означает полный достаток во всём и радость триединства жизни – оно показано над осьмиголосицей тремя линиями, изломанными острым углом книзу. И тогда на

столах в домах выставляются вот такие кувшины с сурой (в клеточке января они показаны двумя маленькими как бы загогулками) - бодрящим напитком, который приготавливался из наброженной на сухом твороге сыворотки, полученной при взбитии коровьего масла.

Праздники не долго длятся. В феврале надо уже думать о новом урожае, готовить к посеву семена. Об этом напоминает занимающий всю нижнюю половину февральской клетки хлебный колос и копны над ним.

В марте снова радость, но теперь без сур. На первый взгляд клетку марта на календаре пересекают такие же полосы. Но нет, не такие, присмотритесь повнимательней.

Из левых углов, верхнего и нижнего, наискось выходят по пять линий, но они не пересекаются, а образуют перевёрнутую вниз, к правому углу, своей длинной боковой стороной нашу дохристианскую букву «Д»-«ДОМ-БЛАГОПОЛУ-

ЧИЕ». Справа тоже такое же «Д», но длинная боковая сторона у него из одной линии, а короткая – из четырёх. Над ними от верхней стороны месячной клетки опускается острым углом вниз заштрихованная семью линиями буква «А».

Чтобы подробно объяснить эти три символа, надо вспомнить законы биофизики, существующие в Природе биоритмы, от чего они зависят, как и где себя проявляют, и других не менее важных вещей, но это заняло бы слишком много места. Если же коротко, то речь идёт о прибытке в хозяйстве. Ведь март – это месяц окота мелкого и отёла крупного рогатого скота. Потому и радость, но с хлопотами, а не просто весельем, как в январе, который назывался просиньцем – месяцем без забот, а март – кохан: от древнерусского слова «кохать». Выкохивать, значит, брать на себя с любовью заботу о потомстве. В данном случае о молодняке скота.

Наверное, академик Б.А.Рыбаков древнерусского языка не знает (я не имею в виду смесь иллирийского и болгарского наречий, на которой писались на Руси христианские летописи и которая неоправданно называется древнеславянским языком) и не понимает нашу дохристианскую символику, иначе он не написал бы, что керамическая миска с календарём – «сосуд для новогодних гаданий», а кувшин, на котором изображены 14 ромбиков с крестиками внутри – знак покоя семи творческих принципов в живой Природе и семи - в неживой, предназначен «для летних молений о дожде».

Что же касается того, что публикуемые календари, вернее, один сельскохозяйственный календарь, совмещающий в себе три астрономических, относится к IV веку н. э., то очень возможно, что миска с ним была найдена в культурном археологическом слое, датированном этим веком, но тот же медвинский каменный столб, на котором сохранились остатки такого же сельскохозяйственного календаря, был вытесан никак не позднее середины 2 тысячелетия до н. э., так как уцелевшие на нём фрагменты письма выбиты спиральной строкой и ещё не разделены на слова. Писать прямой строкой слева направо и разделять письмена на отдельные слова наши пращуры начали в XV-XIV веках до н.э., а здесь строка идёт вот так.

Η ΒΟΡΓΙΣΙΛΝ.ΙΙΒΟ ΝΙΛ
 ΝΙΜ.Β.Ι.ΚΔΕΖ.Ι.ΚΔΕΖ
 ΛΣΙ.ΩΙ.Λ

Восстановив сначала буквы, потом видишь, каких из них недостаёт. Полностью тут не было только первых двух «Б» и «У» и двадцать второй «Е». В итоге получили:

"БУДІА ГОЛУНІА СЕРЦІА СЕРЦІСІМІА НАСІМІА"

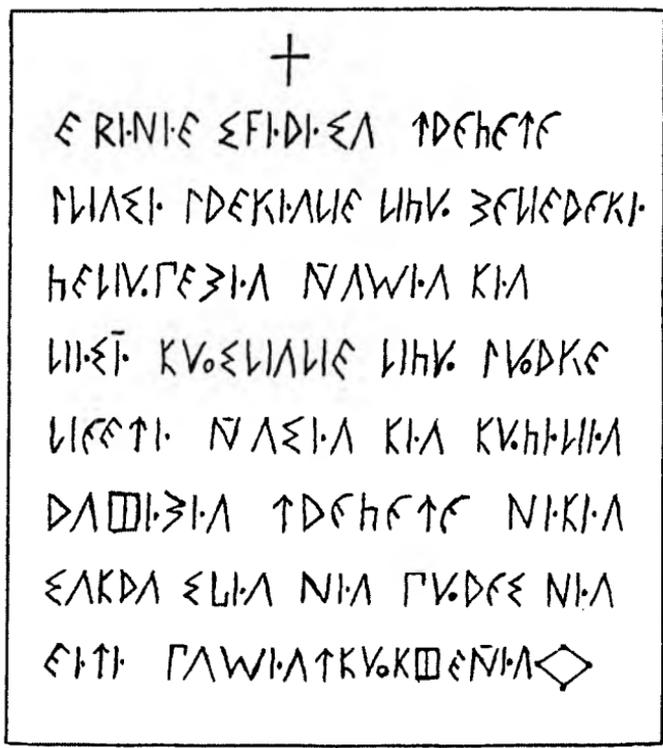
"Будет Голунь сердцем сердца нашего", что вполне соответствует греческому *μετρόπολις* /метрополис – мать-город/. У Геродота так и написано: *Υόλοῦλα* – Голониа. А переводчики на русский язык умудрились перевести это слово как "Телон" и по созвучию с *ἥλιος* /Гелиос – Солнце/ объявляли наших праотцев ^есолнечноклонниками, хотя по крайней мере в пору Голуни они не поклонялись ни планетам, ни идолам, противоположное чему нам чрезвычайно гроссбухно внушает академик Б.А. Рыбаков, больше доверяясь, очевидно, не отечественным первоисточникам, а *Encyclopedia Britannica* и французской энциклопедии *Larousse*, которые, в свою очередь, черпали сведения у лукавых византийцев.

Геродот тоже нередко баснями грешил о слов"янах, но всё же у него немало и правды:

«Над алазонами (то есть на Среднем и Верхнем Днестре. –

А.И.), - пишет он в своих «Музах», - живут так называемые скиф-пахари, которые сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи». То же самое касается Поднепровья и всего Поросья. И это в то время, когда Эллады как таковой ещё не существовало, и египтяне называли греков не злинами, а «дикими данайцами», которые только и умели, что служить наёмными пращниками во вспомогательных войсках фараонов.

Не особенно лестно сказано о них и в надписи на втором медвинском столбе, которая читается отчётливо и относится, видимо, уже где-то к концу 1 тысячелетия до н. э.

ЕДИНІЕ СЧІРІСА ТРЭБЭТЭ ГЛАСІ ГРЕЦІАЛЕ ЛБО ВЕЛЕРЕЦІ БЕЛОПЕВІА НАМІА КІА ЛІСІІ КУСЛАЛЕ ЛБО ГУРЦЕ ЛЭЕТІ НАСІА КІО КОБІЛІА РАШІВІА ТРЭБЭТЭ НІКІА САКРА СВІА НІА ПОРЕС НІА ЕІТІ ПАМІАТКОХШЕНІА

«Единая истина требует сказать: греки либо напевают нам сладкозвучно, как лисы-искусители, либо с горок лают, как кобели. Подношений вымогают. Злопамятные.»

Знак меча над надписью говорит, что состояние войны с греками у россичей не прекращалось.

Всё это, так сказать, информация к размышлению. Я хочу. Чтобы русский читатель задумался над нашими общими истоками, и напомнить ему, что человеческие гены, передаваясь из поколения в поколение, живут тысячелетиями. Но зов крови, самое сильное, что есть в человеке, можно заглушить, если отнять у него историческую память и знания, накопленные предшествующими поколениями. И тогда на смену духовности приходят низменные инстинкты (свято место пусто не бывает), и человеческое сообщество превращается в худший вид стад. В волчьей ли стае, в львином ли прайде, медвежьем ли семействе да и вообще над всеми животными господствуют законы естественной целесообразности, которые хотя и воспринимаются животными на уровне инстинктов, но эти инстинкты выработаны у них под воздействием всё тех же законов естественной целесообразности. Поэтому тот, кто внимательно наблюдал за дикими животными, не мог не заметить, что в любом их сообществе всегда царит известный порядок, во всём сохраняется определённая мера и не нарушается словно по какому-то графику установленный ритм жизни. Человек же в отличие от животных всё целесообразное должен воспринимать и усваивать своим умом. Для этого Природой и дарован ему Разум. Но мозг не может нормально работать без накопления и самостоятельного осмысления знаний с учётом опыта предшествующих поколений. Последнее особенно важно, ибо только в этом случае возможно поступательное и единственно целесообразное развития по пути совершенствования всех сторон бытия.

Чем короче и скуднее у людей историческая память, тем легче понудить их принять новоизобретённые установления и догмы, так как из-за отсутствия достаточных исторических знаний они не могут сравнить нововведённое с тем, чем руководствовались их предки, было оно хуже или лучше. И очень часто вместо желанного прогресса начинается регресс, человек заново изобретает колесо и неизбежно повторяет все те ошибки, горькие уроки из которых давно извлекли и сделали соответствующие выводы его праотцы.

В датированном XI веком «Житие Климента Охридского» читаем:

«Понеже слов`янский альбо болгарский народ не разумеет письма, изложенного греческим языком, святые мужи считали это наибольшим лихом и видели причину для своей безутешной скорби в том, что светоч письменности не зажжён в тёмной стране болгар. Они тужили, страждали и отказывались от жизни.

И что же они делают? Они обратились до утешителя, первым даром которого были языки и помощь словом, и вымолили у него

это благо – создать такую азбуку, которая отвечала бы грубым звукам болгарской речи и возможности перевести божественное письмо на язык народа.

Получив этот желанный дар, они создали слов'янскую азбуку, перевели болгарское письмо с греческого на болгарский язык и постарались передеать божественные знания самым способным из своих учеников. И многие пили из этого родника, среди которых первыми были Горазд, Климент, Наум, Ангеларий и Савва...»

Феофилакт, автор этого «Жития», говорит «слов'янский альбо болгарский народ» не случайно, ибо из «Жития св. Кирилла» он знал, что прежде своей миссии в Моравию к болгарам Кирилл совершил путешествие в Хазарию, во время которого останавливался в крымском Херсонесе и «обреете ту евангелие и псалтырь роушскими письмены писано и человека обрет глаголюща тою беседою и беседавав с ним и силу рече приемь». Следовательно, в азбуку нуждались не все «слов'яне», а только те, кто жил «в тёмной стране болгар», что Феофилакт и счёл необходимым подчеркнуть. Тоже, конечно, не случайно.

Мудрый человек, он понимал, что любая вполне автономная письменность – вершина целой цивилизации. Никакой человек, каким бы гениальным он ни был, создать её в одиночку не в состоянии. Для этого нужны усилия коллективного ума множества поколений в течение веков и тысячелетий, одним из наглядных примеров чему может служить приведённая ниже таблица поступательного развития вавилонско-ассирийской клинописи, почти одинаковой как для шумеров, так и для аккадов.

17 тысячелетие до н.э.	16 тысячелетие до н.э.	15-14 тысячелетия до н.э. Сумерская Вавилонско-Ассирийская клинопись	Что изображено	Словесное значение что изображено	Лингвистическая классификация	Словосочетание		
				Море	„Хадиль“ „Стесть“ „Починить“	Ду, Гум, Ари Губ Тум	Абул Хубзу Вабилу	Ду, Гум Губ, Гум Ри, Тум
				Лесная земля	„Лесиль“	Кад, Куд, Гуд	Шуму	Кад, Кад Губ, Гум Куд, Куд
				Наклонная для высева и полировки плуга	Колышник „Странить“	Гат Ду	Самату Фат	Гат, Кад „Ду“
				Пучок лука	Лука, чеснок „Отлавить“	Сум Сум, Си(н)	Кабилу Кабилу	Сум, Шум Со
				Звезда	„Медь“ „Бог“	Ан Дилитар	Шуму Илу	Ан
				Значок перед названием бога				
				Рыба	„Риде“	Кур, Ха о	Кур о	Ха
				Значок перед названием рыб				
				Говор	„Говил“ „Странить“	Кур, Гум Кур	Шаму Кату	Кур, Гум Шаму, Шаму Мад, Мад Кад, Мад, Лад, Лад.
¹	²			1 Длинный бум 2 Длинный бум + знак „Говил“	„Длинный бум“	Ан	Риде	Ан
				Обсчитательный знак	„Камил“	З	Кур	З
				Нос	„Янчил“	Шо	Шуму	Шо
				Путь	„Пур“ „Земля“	Анн Зиг ар	Эбилу Иллару	Пур

На таблице мы видим, как пиктограммы (знаки-рисунки) в течение 4 тысяч лет постепенно превращались в идеограммы, то есть в такие письменные знаки, содержание которых уже не совпадало с их рисуночными образами. Но пока на основе этих идеограмм будет создано фонетическое, то есть звуковое письмо, с которым мы привыкли иметь дело, пройдут ещё долгие века. Из всех известных в мире образцов фонетической письменности самые давние найдены на территории Древней Руси и, по мнению авторитетных специалистов, они, несомненно, имеют прямую связь с более поздней азбукой россичей, которая окончательно сформировалась, как мы уже знаем, в середине 2 тысячелетия до н. э.

Рис. 1

Рис. 2

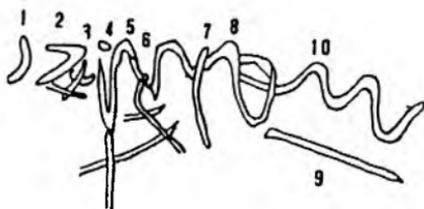

Рис. 3

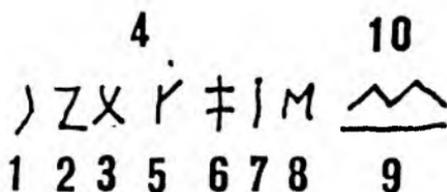

Рис. 4

Вот для наглядности три образца, затейливо выполненных на различных керамических сосудах, один из которых показан на рис. 1. Этому бокалу с 6-значной надписью 5 тысяч лет. Другой 15-значной надписи 3700-4100 лет. Третья 10-значная – примерно такой же давности, как вторая. Не вводя читателя в сложный процесс дешифровки, на рис. 4 я просто показываю эту третью надпись уже расчленённую на отдельные буквы. Ну и всем, конечно, будет интересно узнать, что тут написано. 1. Жидкость лилейная, то есть постное масло. 2. Янтарики красноватые. 3. Краска.

По этим и многим другим надписям, а также целым текстам, найденным на территории Древней Руси, в основном в Поднепровье и Поросье, нетрудно составить такую же, как вавилонско-ассирийская, таблицу поступательного развития письменности россичей тоже в течение 4 тысяч лет, включая 3 тысячелетия до н. э., но письменности фонетической, свидетельствующей о куда более высоком

на скалах; говорят, что именно они были изобретателями букв, а потом финикийцы, ибо они были очень сильны на море, принесли в Грецию и прославились тем, будто изобрели то, что получили [от других]. Поэтому идёт молва, что Кадм, привезённый флотом финикийцев, был виновником этого искусства у всё ещё необразованных народов-греков. Рассказывают, будто какой-то Кекроп Афинянин или Лиин Фиванец и в троянские времена Пелагаид Агриец изобрёл шестнадцать форм букв, потом другие, особенно Симодин – остальные [формы букв]» (Appal., XI, XIY).

Однако за сотню лет до Тацита Диодор Сицилийский по этому же поводу сказал вполне определённо:

«Хотя вообще эти буквы называются финикийскими, ибо их привезли (речь идёт о том же Кадме. – А.И.) эллинам из страны финикийцев, они могли бы называться пеласгическими, поскольку пеласги пользовались ими [раньше финикийцев]» (8. 67. 1).

Современные учёные, в том числе недавно умерший украинский историк и филолог Н.З.Суслопаров, опубликовавший в 9-м номере журнала «Київ» за 1986 г. получившую широкую известность среди лингвистов мира статью «Расшифровка наидавнейшей письменности с берегов Днепра», также приходят к однозначному выводу, что привезённый флотом финикийцев в Грецию легендарный Кадм познакомил дорийцев с той фонетической письменностью, которая давно существовала у пелазгов-троянцев, переселившихся в троянские времена через остров Крит в Палестину, где их стали называть филистимянами. Разрушив и разграбив Трою, ахейцы пребывали ещё на такой ступени варварства, что постигнуть премудрость письменности были просто не способны.

Неопровержимых научных доказательств этому накопилось огромное количество, а мы всё никак не отречёмся от того, что ещё два с половиной века тому назад с горечью отмечал автор «Истории Червонной Руси» Денис Зубрицкий:

«Многие писали историю России, но как она несовершенна! Сколько событий необъяснённых, сколько упущенных, сколько искажённых! Большею частью один списывал у другого, никто не хотел рыться в источниках, потому что изыскание сопряжено с большой тратой времени и трудом. Переписчики старались только в том, чтобы блеснуть витиеватостью лжи и даже дерзостью клеветы на своих праотцев».

Те, кто бездумно твердит о тысячелетней культуре и государственности Руси, вольно или невольно продолжают то же самое. А остальные тысячелетия куда девались? Ведь по меньшей мере ещё три более ранних тысячелетия наши пращуры документировали ПИСЬМЕННО.

У меня нет никакого намерения хоть как-то умалить подвижни-

ческий труд болгарского просветителя Кирилла, но всё же «Платон мне друг, а истина дороже».

Если мы положим рядом азбуку русичей XVI века до н. э. и минимум на 7-8 веков более поздний алфавит греков, то сразу поймём, на основе чего, как и с какой изначальной философией была создана кириллица.

Λ	А	Внешность разума	Г	П	Путь
†	Аз	"Я" духовное	Γ	Π	Пути истинные
†	Б	Звук	Π	Π	Путь последней
†	В	Взгляд /взнос/ в сместь/	Ϝ	Ρ	Рок
†	В	Виды /воззание/, звук	Ϛ	Σ	Совещь, звук
†	Г	Где /речи/	ϛ	ΣΣ	Чистота духа и тела
†	Д	Добро /покаяние/	↑	Τ	Ты, Твой, Твои
†	Д	Дом /договоренность/	↑	Τ	То, Тих
†	В	Всё /универсальность/	∇	Υ,Ϛ	Движение, звук
†	З	Знат /ураки/	Κ	Χ	Хир
†	К	Келья	Π	Ц	Имя /уважение/
†	З	Зора /свет знаний/	Π	Ц	Имя /милость/
†	И		Π	Ц	Имя /взаимосвязь/
†	И		Κ	Ч	Звук
†	И		Κ	Ч	Чета /согласие/
†	К	Корень /муч. в нем./	†	Ъ	Ять
†	Л	Любовь	†	Я	"Я" телесное
†	М	Мы /взаимность/	†	Я	Ябло /Солень/
†	М	Матерь, матия /вирг. п-тур/	†	Ь	
†	Н	Звук	†	Ъ	
†	Н	Имя /нас, нам, нам/	†	Ъ	
†	О	Восточество	†	Ω	Омега /помощь/

Греческое	Сербское	Название	Произношение
Α	α	ἄλφα άλφα	[α] (всегда или долго)
Β	β	βήτα βэта	[β]
Γ	γ	γάμμα гамма	[γ]
Δ	δ	δέλτα дэлта	[δ]
Ε	ε	ἒψιλόν э псило́н	[ε] (всегда кратко)
Ζ	ζ	ζήτα зэ́та	[ζ]
Η	η	ἦτα этта	[ε] (всегда долго)
Θ	θ	θήτα тэ́та	[θ]
Ι	ι	ιώτα йота	[ι] (всегда или долго)
Κ	κ	κάππα ка́ппа	[κ]
Λ	λ	λάμβδα ла́мбда	[λ] (всегда произносится как латинское l)
Μ	μ	μύ ми	[μ]
Ν	ν	νύ нэ	[ν]
Ξ	ξ	ξή кси	[ks]
Ο	ο	ὀμβρόνιο ма́крон	[ε] (всегда кратко)
Π	π	πί пи	[π]
Ρ	ρ	ρή ра	[ρ]
Σ	σ	σίγμα сигма	[s]
Τ	τ	ταύ та́у	[t]
Υ	υ	ύψιλόν э псило́н	[ε] Французское или [i] (немного долго или кратко)
Φ	φ	φι фи	[f]
Χ	χ	χί хи	[x]
Ψ	ψ	ψι пси	[ps]
Ω	ω	ώμέγα о́мега	[ε] (всегда долго)

Присмотритесь внимательно и затем сравните эти две первоосновы с кириллицей.

Десять букв, отмеченных одной звёздочкой, кроме одиннадцатого «ЯТЬ» и заменённой впоследствии точкой двенадцатой омеги, нам придётся отбросить, так как ни в русской, ни в сербской письменности, в основу которой также была положена кириллица, дальнейшего употребления они не нашли. А семь букв, обозначенных двумя звёздочками, стали писаться иначе. Что же сделал Кирилл?

В древнерусской азбуке было 44 буквы, в том числе «А» как вместителище разума (верхний луч пятиконечной звезды – знака человека), имевшее значение звука, и «Аз» как духовное «Я»: пять точек, две из которых соединены вертикальной линией (человек прямостоящий и передвигающийся с помощью двух ног) и две – горизонтальной (две работающие руки); пятая точка слева вертикальной линии символизирует разум, управляющий всеми действиями

человека и в то же время существующий сам по себе (всякая человеческая мысль является не вторичным продуктом биоэнергии мозга, а нераздельной её частью, мы же знаем закон сохранения энергии), потому эта пятая точка и поставлена как бы отдельно.

Кирилл объединил первые две буквы в одно «Аз», но лишённые духовности и многозначности. По смыслу его «Аз» - человек, повернутый спиной вперёд: он не видит своего пути.

Таким образом букв осталось 43, но только у трёх из них Кирилл оставил их прежнее смысловое значение, да и то неполное: «Веди» без уточняющего «познания», «Добро» без указания на его подвижность, то есть что оно должно быть повсюду, и однозначное «Наш» в звуковом начертании – единственная буква, графику которой Кирилл не изменил.

«Быть» - «бытие в совести» превратилось в бессмысленное «Буки», «Глас» - «речь» - в приказное «Глаголь», «Есмь» - «триединство»: муж, жена, дитя – в «Есть» и т.д.

Чтобы подробно проанализировать кириллицу, сопоставляя её с древнерусской азбукой, которую Кирилл, хотя и ориентировался на греческий алфавит, всё же больше взял за основу, но изменил её графику в соответствии с христианской философией и по примеру иудеев вместо «языческой» смысловой символики ввёл цифровое значение для 27 букв, нужно было бы написать отдельную и весьма обширную по своему объёму работу. Поэтому я вкратце остановлюсь ещё только на пяти буквах: Ж. Т. К. Х. Ц.

Древнерусская буква "Ж" напоминает острие обращенной вниз стрелы "↓" и символизирует жизнь в ее триединстве. Начертание буквы "Г" точно такое же, но острие стрелы обращено вверх "↑",

Кириллица		Кириллица	
Буквы и их названия	Цифровое значение	Буквы и их названия	Цифровое значение
А - аз	1	Х - хер	600
Б - буки		Ω - омега*	800
В - веди	2	Ц - цы	900
Г - глаголь	3	У - червь	90
Д - добро	4	Ш - ша	
Е - есть**	5	Щ - ща	
Ж - живото		Ъ - ер	
З - зело*	6	Ы - еры	
З - земля**	7	Ь - ерь	
И - и*	10	Ъ - ять*	
Н - нже**	8	Ю - ю	
К - како	20	Ѧ - (и)л**	
Л - люди	30	Ѧ - (и)л**	
М - мыслето	40	Ѧ - юс малый*	
Н - наш**	50	Ѧ - юс большой*	
О - он	70	Ѧ - йотев. юс малый*	
П - покой	80	Ѧ - йотев. юс большой*	
Р - ры	100	Ѧ - кси*	60
С - слово	200	Ѧ - пси*	700
Т - твердо	300	Ѧ - фита*	9
Оу - ук**	400	У - ижица*	
Ф - ферт	500		

что тоже символизирует жизнь, но ту, другую, которую нужно уважать больше, чем свою, ибо только тогда тебя не растлит себялюбие и в Общей Жизни сохранится Согласие.

«Языческий» символ жизни Кирилл заменил шестилучевиком «Моген Довид» - «Звездой Давида» - и придал ему значение «живете», то есть просто существования – жизни, не озарённой светом разума, поскольку, согласно христианству, Свет Разума может исходить только от Бога.

А вместо символа той, другой жизни ввёл иудейский знак обречённости «Т» - «Тау», но назвал его «Твердо», что должно означать твёрдую веру в обречённость всех нехристиан.

Я знаю, мне могут возразить: мол, «Тау» имеет и другое значение – знак господства материального над духовным. Да, у масонов. Также, как исконно арийский прадавний знак человека – пятиконечная звезда – иудейский царь Соломон сделал своей «печатью», которая тоже используется в атрибутике масонства. Или браминский солнцеворот – свастику – фашисты, перевернув в обратную сторону, как письмо справа налево, означающее не согласие с Природой, а её разрушение, взяли себе эмблемой. Но из этого отнюдь не следует, что мы должны учитывать все эти плагиаты-оборотни, когда-либо имевшее место в области той или иной символики. По-моему, было бы нелепо, если бы я заподозрил Кирилла в масонстве, хотя, как утверждают сами масоны, оно и зародилось ещё при царе Соломоне.

Кирилл, несомненно, из тех же теологических соображений изменил также начертание трех букв, писавшихся у русичей почти одинаково: "К" - "К", "Х" - "К", "Ц" - "К".

Мужское и женское начала – два равновеликих и равнозначных, но все же различных и потому несколько отдаленных друг от друга на единой вертикали зримого Бытия духа, составляют Корень, от которого произрастает в настоящем Кор духов для своего и его, духов, продолжения в единой же Кепи, соединяющей настоящее с будущим, из-за чего нижняя правая черточка у буквы "Ц" не примыкает вплотную к вертикали зримого настоящего, как у "К" и "Х", а немножко отдалена, она шагает в будущее.

Кирилл же вместо указания на различие полов увидел, наверное, в «К» русичей проявление мужской гордыни и потому сомкнул

на той же вертикали мужское и женское начала вплотную, а может быть, сблизил их для более наглядного выражения нерасторжимости брачных уз и более ясного показа давления мужского начала над женским, ибо сказано в Святом писании: «Жена да убойтся мужа». А «язычники» руссичи думали иначе. Мужчина в их понимании являлся собирателем, хранителем и носителем Мудрости; женщина – та, которая вбирает в себя, хранит и умножает созидательные силы Природы, оба её начала, мужское и женское. Но мужчина, кроме Мудрости, позволяющей ему верно понимать законы Прави – управления миром, владеет также искусством труда, то есть той энергией, которая приносит плоды, питающей человека. Ему, мужчине, принадлежит Правь и Явь – всё видимое, поэтому на зримой вертикали Бытия он наверху, но без созидательной силы Природы не было бы Яви, и тогда не нужной оказалась бы и Правь. Поэтому мужское и женское начала равновелики и равнозначны, однако по своему назначению различны. Без такого различия не может быть Согласия, то есть Корня для Хора в единой Цепи настоящего и будущего. И хранитель Мудрости не должен этого забывать. Встретив женщину, он обязан склонить голову или снять головной убор, чтобы показать, что сознаёт своё место в общем Согласии и не мнит себя более значительным. Иначе его посчитали бы утратившим Мудрость.

«Х» Кирилла – небесный Дух Божий, конечно же, довлеет над земным, но из этого получается не хор, а, как написал Кирилл, - хер; «Ц» - цель зримого Бытия в настоящем и будущем, одинаково прикована к греховной юдоли земной, но это дано познать только тому, кто ведаёт о смысле цифры 900, для остальных же оно просто «Ци».

Пожалуй, задержу ещё ваше внимание на ромбе руссичей в конце изречения и омеге Кирилла, поскольку как символы они словесно обозначаются вроде одинаково, но в действительности смысл у них совершенно различный. И ромб, и омега означают конец света, но слово «свет» у руссичей пишется с малой буквы, у Кирилла же – с большой.

Мы видим семь цветов радуги, но знаем, что на самом деле их восемь – белый глаз не замечает, хотя без него радуга была бы невозможна, он главный носитель энергии. Поэтому животворящий дар Солнца руссичи изображали восьмиконечной звездой. Но вот Солнце ушло за горизонт, наступила ночь. Однако жизнь ведь не прекратилась, померк только дневной свет, а всё остальное осталось по-прежнему, постоянное движение материи продолжается. Графически его можно представить двумя синусоидами, вписанным в октаэдр. Синусоиды – путь движения, октаэдр – совершенная организация любой материи. Поэтому, совершая полный цикл движения, стрелка часов проходит за сутки не 360 градусов, как, казалось бы, должно быть, а 720: те самые две согнутые в круг синусоиды.

Плоскостной разрез октаэдра даёт ромб. Также совершенна до конца высказанная мысль, а мысль есть свет. Вот почему россич, сформулировав то, что он хотел сказать, в конце ставил ромб: конец света – конец мысли.

У Кирилла совсем иное. Его омега изображала тот конец Света, о котором говорится в Библии, когда мир настолько погрязнет в грехах человеческих, что от гнева господнего расколется надвое и обе его полусферы опрокинутся. Это и показал Кирилл своей омегой.

Он мыслил категориями искреннего христианина, всем сердцем отдаваясь трудам ради блага труда и истины, как он её понимал, и не задумывался, видимо, над тем, что разрушает тысячелетиями создававшуюся в согласии с окружающим миром Соразмерность. Впрочем, здесь я, пожалуй, ошибаюсь. Скорее всего, над азбукой россичей Кирилл очень даже задумывался и наверняка создавал её высокую нравственную философию. Но как раз эту философию, идущую от Природы, а нет от Бога, и не могла принять душа искреннего христианина. Потому он, сохранив само название Азбуки, отличное от абеток и алфавитов, изменил содержание её букв, поменяв в «Бытие в совести» на «Буки», «Зорю – свет знаний» на «Зело», «Чети – согласие» - на «Червь»...

Об искренности этого подвижника свидетельствует его трогательно-волнующая и высокоталантливая, что невозможно без чистого огня вдохновения, «Азбучная молитва»:

Аз словом сим молюся Богу:
Боже всим твари и зиждителю
Видимым и невидимым,
Господа Доуха посли живоущаго,
Да вдхнет в срьце ми слово,
Юже боудет на оуспех вьсем
Живоущим в заповедех ти...

Христианская церковь канонизировала Кирилла в святые заслуженно, в полном согласии со своим правилом «Воздай вси, воздая тебе». Она считает, что истина одна, для всех общая, и не может быть у других иной, столь же логически осмысленной, но своеобразно, при использовании иных мировоззренческих критериев и, следовательно, в иной системе мышления. Отсюда у Кирилла «Живоущим в заповедех ти», то есть благо «... послы... вьсем», но всё же с разбором – только живущим по христианским заповедям, ибо упорствующий в непризнании или отвергающий их – *aipeitikos* (еретик), что по-гречески означает «отступник» или «сектант, не достойный спасительного света истины, заключённой в Ветхом и Новом заветах».

В систему образования россичей входило обязательное изуче-

ние языков соседних народов, особенно тех, которые имели свои книги, ибо не всякий толмач переводит с других языков на свой родной достаточно точно. Переводами, конечно, занимались, но пользовались переводной литературой только те, кому учение давалось с трудом и постигнуть чужую речь они не могли. Образованный же россиянин, закончивший полный курс наук, а их было в различных областях знаний 39 ступеней, должен был в совершенстве владеть письменностью и речью греков и латинов, персов и арабов, шумеров и аккадов, халдеев, арамеюв, иудеев и ближайших племён торков. Знание санскрита разумелось само собой, поскольку это язык браминов, о родственных отношениях которых с россиянами я скажу в романе.

В «Житие св. Кирилла» говорится, что он видел в Крыму евангелие, переведённое на русский язык и писанное русскими буквами, но не уточняется, какое евангелие. Очевидно, речь идёт не о каком-то отдельном евангелии, а о сборнике, включавшем в себя, кроме четырёх канонизированных евангелия, апокрифические евангелия от Петра, от Фомы, от Филиппа, от Марии, а также Протоевангелие Иакова и фрагменты евангелий эбионитов и евреев. Этот сборник, как и все 39 произведений Ветхого завета и полный Новый завет, имелись в школьных библиотеках россиячей как на языке оригиналов, так и в переводах на греческий, латинский и русский язык. Была известна на Руси и Библия, переведённая в 60-70 гг. IX века на болгарский язык, хотя в школах россиячей он не изучался, так как, по мнению россиячей, в литературном отношении это была ещё не вполне сформировавшаяся речь. Как в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Ефрона идиш называется «испорченным немецким», так на Руси относились к смеси иллирийского и болгарского наречий, в IX веке пока только развивавшихся в самобытный болгарский язык. Потому болгары в отличие от большинства остальных словян до Кирилла и не имели своей письменности. Они нуждались в особой азбуке, которая, как писал автор «Жития Климента Охридского» Феофилакт, «отвечала бы грубым звукам болгарской речи».

Я пишу не «славяне», а «слов`яне», ибо так «слов`яни» или «словене» прозывались мы издревле, что значило «люди, владеющие словом». Наши предки похвальбой не отличались, не называли себя славными. Это Иоанн Грозный впервые приказал первопечатнику Ивану Фёдорову вместо «слов`яни» или «словены» печатать «славяне», за что беглый князь Андрей Курбский потом и корил грозного царя из своего убежища в Остроге: «Прельстити колена грядящие возжаждал ты, Иоане, мя, простют тебе по слову сем грехи твоя окаянныи и понесут слово сие преко себе, яко стяг».

Это, так сказать, для справки, чтобы у читателя не возникало недоумения, почему я, рассказывая о давних временах, называю

народ наш «слов`Янами».

Кириллица из Болгарии дошла на Русь при князе Аскольде, вероятно, где-то в 70-х гг. IX века. Но принять её Русь не желала не только потому, что она была слишком грецифицирована (10 греческих букв по своему звучанию из 43) и мало годились для русского языка, не говоря уже о её нравственной стороне по сравнению с азбукой руссичей. Прежде всего руссичи понимали, что принятие кириллицы означало бы, как с крещением Руси оно и случилось, то, что в 20-30-х годах уже XX века произошло с нашими среднеазиатскими народами, чувашами и татарами Поволжья, когда арабскую вязь у них заменили сначала латиницей, а затем латиницу – кириллицей. И всю их прежнюю многовековую культуру, как мечом, отсекли. Большее зло трудно придумать. У целых народов память отняли! Отняли, ибо всё, написанное арабикой, уничтожалось огнём. А за сокрытие «крамольного» листка бумаги – концлагерь или даже расстрел. И вот с тех пор за каких-то 5-6 десятилетий выросли поколения людей по существу полубразованные: многовековой опыт медресе был отброшен, а новые национальные учебные заведения до сих пор не набрали достаточной силы. Полноценное по теперешним нашим меркам образование представители тюркских народов и некогда выделявшиеся в Средней Азии своей наиболее древней культурой таджики в большинстве могут получить только в высших учебных заведениях России. Но и выпускники Московского университета своим славянским однокашникам в профессиональной смысле, как правило, уступают, так как русский язык, на котором ведётся преподавание, для них слишком сложный, они его, за немногими исключениями, не чувствуют, а главное, у них нет такой своей научной терминологии, которая полностью соответствовала бы русской. Нет потому, что с отменой арабики была насильственно разрушена веками создававшаяся база для дальнейшего развития наук, о чём в наше время демократизации, гласности, призывов к покаянию (неизвестно кто именно и за что конкретно должен каяться) и оглушительного плюрализма я что-то пока нигде не прочитал ни единого слова. А ведь это был самый настоящий духовный геноцид, как и реформа русской письменности, проведённая в 1918 году и разрушившая лад истинно русского правописания, с великой отвагой и гением воссозданной на базе, казалось бы, совершенно не пригодной для нормального русского языка кириллицы Михайлом Ломоносовым в его «Российской грамматике», увидевшей свет в Санкт-Петербурге в 1755 году, благодаря чему, причём исключительно благодаря только этому и литературному творчеству самого Ломоносова, на практике показавшему громадные возможности русского языка, после восьми веков почти полного безлитературья на Руси возникла сначала поэзия Державина, затем – Пушкина, а потом и вся могу-

чая, не имеющая себе равных в мире, русская литература XIX века. У нас, должно быть, ужасно стесняются сказать людям, что как только появился русский вариант гомеровской «Илиады», созданный скромным тружеником поэзии Николаем Ивановичем Гнедичем, блистательные греческие поэты тут же поспешили переложить его на греческий, да с того и началась новая жизнь «Илиады» в Европах и иже с ними. Это нам, тёмным, наши профессора толкуют, что шести-стопный дактиль с одной и двумя цезурами – детище гения эллинов, будто впервые введённый в русскую поэзию В.К.Тредиаковским, потом Н.И.Гнедичем и В.А.Жуковским. Сами-то эллины прекрасно знают, что поэтический гекзаметр подарили им на их собственном языке затворенные в Дельфах пифии, которыми по найму служили там борисфенские прорицательницы, то есть женщины россичей, среди коих ни единой эллинки никогда не бывало. Знают эллины, то бишь греки ныне, но по примеру пращуров своих помалкивают, у которых за раскрытие тайны сей казнили, не токмо проболтавшего, но и весь род его.

В этой связи в поэме «языческого» поэта Славомысла, о котором мы будем говорить в романе, среди многих исторических фактов есть одно примечательное место – полагаю, для многих оно прозвучит откровением.

Лишь мести Духа прорицательницы с Непры убоявшись,
эллины сыну дочери россичей имя Пифагора дали,
Признав, что пифией рождён он в Дельфах,
обет свой девственницы не сдержавшей.
Затворенная в храме, в святилище оракула, как простая смер-

тная,

вопрошателью иль хранителю сокровищ отдалась
И по законам греков, что очень вероятно, казнена была,
когда сокрыть уж тайны не смогла –
Малец проворный, с власами светло-русыми,
от беспечной матери из укрытия сбежав,
В притворе храма, как поделочными цацками,
в Дельфы приносимыми дарами драгоценными играл.
Прочих же слов⁴ян, науками прославивших Элладу –
молва о том идёт по всему свету –
В эллинов богоравных возвели и в изваяниях каменных
их лики воссоздали,
Не смущаясь, что обличем богоравные – скифы-варвары.
Род Любомудра из Голуни от Зевса! –
достойнейший из правнуков Геракла Гераклит.
Здравомысл из Бусовграда, что ныне б киевлянином считался,

критянов демоса мудрейший Демокрит.

Средь россичей известный нам Всеслав злинам Анахарсис – отец хартий, учение которого воспринял жрец Клио Геродот.

Яровит, тоже бусовградец наш преславный,

сначала управителя Афин Перикла друг,

А после толпою афинян приговорённый к смерти как безбожник –

семена материи и всех вещей как посмел узреть!

Но теперь он всё же в камне – божественный Анаксагор, – кто старое помянет, нынче уж того ждёт прежде Анаксагоров приговор...

Велик тот перечень имён эллинских, слов"ян скрывающий, в нём между прочими также одно время

Проживавший на Самосе Аристарх и сиракузец Архимед,

Сварожия читавшие скрижали и тел сварожьих

познавшие движенье,

Пращуров которых, в ремёслах многих искусные этруски,

к тому же солевары и песнопевцы,

От Непры берегов под солнце италийское к латинам перешли и град у моря воззидали Соленцы...

Античная Эллада была, мягко говоря, интеллектуальным хлебником соседних слов"ян, но, называя их скифами и варварами, тщательно это скрывала. Однако во времена христианской Византии положение изменилось. Теперь познания материалистов-россичей для ромеев представляли смертельную опасность, особенно их книги по астрономии, астрофизике, астрологии и медицине, в основе которой, кроме лекарственных снадобий, лежала также биоэнергетика или, как теперь говорят, лечение аккупункцией и экстрасенсорными методами, что христианская церковь, как и волхование, объявила «ведьмачеством» и тех «ведьм» да «ведьмаков» полагалось сжигать на кострах, а волхвов разрубать пополам от головы и далее вниз.

Мы много слышаны об ужасах испанской инквизиции, поскольку она сжигала не только «ведьм» и прочих еретиков, но и многих иудеев, а последние как бы одной из своих неперменных профессий сделали горестные рассказы о вечных страданиях еврейского народа, бедного, несчастного, всюду преследуемого и отовсюду гонимого, конечно, совершенно безвинно. Как в бытность мою студентом в Днепрпетровске мать моего сокурсника Ася Марковна, муж которой возглавлял всю городскую торговлю, всё скорбела: «Готеню, ой вей, Готеню, и таки за что нам все эти муки, голым и босым!» Кроме восклицания «Азухен вей!» и «Готеню» - «О, Господи» Ася Марковна по-еврейски ничего больше не знала.

Византийская инквизиция, однако, отличалась свирепостью несколько не меньшей, чем испанская. Но к иудеям она относилась весьма лояльно, так как большинство еврейских купцов Цареграда, занимавшихся торговлей со странами варваров, по договорённости с патриархом одновременно являлись и проповедниками христианства, не отрекаясь, разумеется, от собственного вероисповедания. Зато если у кого обнаруживали в Византии вот этот древний зодиакальный календарь россичей, который ещё в античные часы эллины перевели на греческий язык и выдавали его якобы за свой, с тем теперь поступали, как с волхвами. Так ромеи признали наконец, что карту звёздного неба создали россичи – «богопротивные язычники», у которых всё от дьявола.

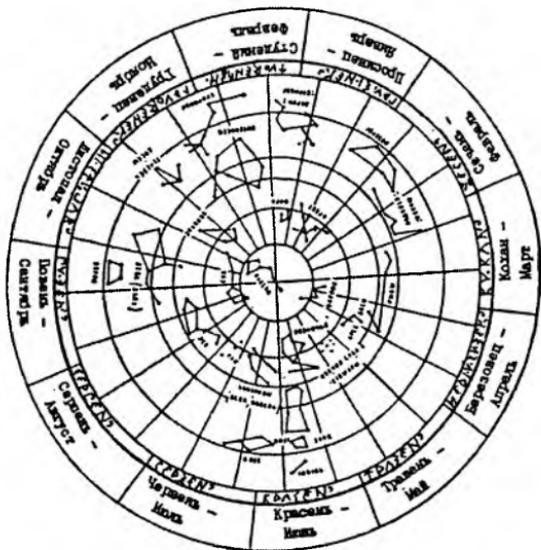
Навязывая Руси христианство вместе в кириллицей и не вполне ещё слов «янский болгарский язык в качестве «общеслов»янского» византийские эмиссары знали, что делали.

Тут надо дать ещё одну историческую справку.

Из нашей христианской Начальной летописи прочно вошла в литературу и воспринимается уже как несомненная достоверность красивая легенда о трёх братьях Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбедь.

«И сидел Кий на горе, - пишет летописец, - где ныне Боричев езвоз, а Щек сидел на горе, которая ныне называется Щековицею, а Хорив – на третьей горе, почему и прозвалась она Хоривицей. Сделали они городок [и] в честь старшего брата назвали его Киевом. И был вокруг города лес и бор великий, и ловили они [тут] зверину. Были же они мужами мудрыми и сметливыми и называлися полянами. От них и есть поляне в Киеве и до сегодня».

Иные же, не зная, говорят, будто Кий был перевозчиком, ибо тогда перевоз был возле Киева с той стороны Днепра. Поэтому [и] говорили «На перевоз на Киев». Если бы Кий был перевозчиком, то нет ходил бы он до Цесареграда. А сей Кий княжил в роде своём и ходил до цесеря. Не знаю [правда, до какого], а только о том веда-

ем, что великую честь, как рассказывают, принял он от [того] цесаря, - которого я не знаю [как не знаю] и при каком он цесаре приходил [туда].

А когда он возвращался назад [то] прошёл по Дунаю и понравилось ему место, и поставил он городок небольшой, и хотел [тут] сесть с родом своим. Но не дали ему те, что жили поблизости. Кий же вернулся в свой город Киев. Здесь он и скончал животенья свое. И два брата его, Щек и Хорив, и сестра Лыбедь тут скончались».

Всякий раз перечитывая эту летописную басню, я хоть вроде и привык к ней, а всё же не перестаю поражаться. Ну, пусть летописец был чёрным черноризцем да вдобавок не русичем (детальный анализ ранних списков христианской Начальной летописи убедительно показывает, что её авторами и редакторами часто выступали люди, совершенно не знающие русской жизни, особенно это бросается в глаза, когда параллельно проделываешь такой же анализ Слова о полку Игореве; дело не в разнице литературных жанров, а в естественном для русского, но нередко неуловимого для людей других наций своеобразного видения окружающего мира и самого характера мышления, присущего только русским), однако, основываясь на сей басне, образованные и, надо полагать знающие свой народ люди, русские и украинцы, написали кучу исторических романов и поэм, не придавая значения, казалось бы, элементарному: как на Руси у женщины могло быть мужское имя – Лыбедь, а мужчине служило именем название подручного предмета – кия, то есть посоха? Кроме того, в той же летописи сказано, что городок Киевец на дунайском острове Русов заложил СвЕтослав Игоревич (так правильно – СвЕтослав, в дохристианской Руси не было имён с корнем «свят»).

Между тем, за исключением, разумеется, Кия, трое остальных, как повествуется в нехристианских летописях, а они в отличие от христианских не грешат какой-либо идеологизацией и тем более фантазиями (как в Персии при царе Кире, так и в дохристианской Руси умышленный обман карался смертью), - лица реальные.

После распада империи Аттилы (в наших энциклопедических справочниках, кстати, говорится, что он расширил свою державу на Востоке до Волги и на Западе – до Рейна; это неверно, восточной границей его империи служил Енисей, а западной – Лаба, то есть Эльба, население между Лабой и Рейном только платило ему дань) в Южной Руси установилось своеобразное республиканское правление, во время которого на так называемых конных съездах князей и старшин родов (слово «род» означало не какое-то фамильное родство, а административно-территориальную единицу, как теперешние области и районы) избирались сроком на шесть лет три главных руководителя государства: верховный воевода и два равных в правах великих князя, ведавших гражданскими и судебными дела-

ми.

Так вот, в нехристианской летописи под годом 525-м (456 г. христианской эры) сказано, что в Голуни состоялся конный съезд, на котором великими князьями избраны Щек и Хорив, а верховным воеводой – Лыбедь, годом позже совершивший победоносный поход на Цареград и вернувшийся с большой данью и необходимым для Руси межгосударственным договором.

На том же конном съезде было решено переименовать торгово-ремесленный центр на Непре («не пря», то есть мирная река) Бусовград («бус» - аист; отсюда Бусовград – город гостей, то есть купцов) в Киев (по-древнерусски это значит «посох в движении»), что говорило о желании россичей отныне не только принимать здесь иностранных торговых гостей, но и сам отправлять отсюда по Непре торговые караваны в Византию (Лыбедь ходил в поход на Царьград специально, чтобы принудить Византию заключить с Русью торговый договор и пропускать её суда через проливы) и другие страны Средиземноморья, главным образом с хлебом, кожами, мехами, мёдом, воском, льном и пенькой, и белорыбицей – осетровыми, которых в Днепре и Роси водилось тогда в изобилии. Русь производила в то время много и других товаров, в том числе варила высокоуглеродистую сталь, из которой ковались самые лучшие в Европе мечи, насошники, ножи и наконечники стрел, но металлом россичи не торговали и своё умение варить сталь держали в строжайшем секрете.

В Киеве были только летние резиденции одного из великих князей и помощника верховного воеводы, выполняющего роль как бы главного полицейского и высшего таможенного чиновника. Столицей же государства оставалась Голунь, подступы к которой на Руси охраняли три крепости: там, где сейчас село Межирич, стоял самый мощный Родэнь, к нему тогда доходил весенний разлив Днепра; выше по течению Роси на месте тепершнего Корсунь-Шевченковского – Росин и далее как щит Голуни - сильно укреплённая девяти-вратная крепость Градиж, нынешний Богуслав, имеющий также превосходное стратегическое расположение.

И здесь в Начальной летописи опять неправда. Читаем:

«У ГОД 6540 [1031]. Ярослав и Мстислав собрали воев многих и пошли на ляхов. И заняли они города червенские снова и опустошили Лядскую землю и многих ляхов привели, и разделили их. И посадил Ярослав своих [ляхов] по [реке] Роси, и есть они [тут] и до сегодня.

У ГОД 6540 [1032]. Ярослав начал ставить города по Роси».

К этому надо добавить ещё одно несоответствие с нехристианской летописью, более раннее, но имеющее к приведённому выше непосредственное и очень важное отношение.

«И сказал Блуд Ярополку: «Пойди до брата своего и скажи ему:

«Что ты мне дашь – я возьму». Пошёл тогда Ярополк и сказал ему [боярин его] Варяжко: «Не ходи, княже. Убьют тебя. Убегай в Печенеги и ты приведёшь воев». И не послушал он его, и прибыл Ярополк до Владимира. И когда входил он в дверь, подняли его два варяга двумя мечами под груди, а Блуд закрыл дверь и не дал вслед за ним войти своим. И так убит был Ярополк».

Датировано это событие 11 июня 978 года. В нехристианской летописи дата в общем не расходится, называется начало второй декады красеня (июня), но об убийстве Ярополка рассказывается иначе. Говорится, что тот убежал из Киева в Голунь, и варяги вместе с Владимиром и Блудом настигли его и убили в пути, о чём россичи, никогда и никому не выдававшие тех, кто искал у них убежища, узнали позже. Поэтому Владимир с помощью Блуда, знакомого голунцам, обманом сумел войти с варягами в город и разорил его дотла. Россичам то был жестокий урок, и впредь вплоть до рокового для Богуслава 1772 года они никому так легкомысленно уже не доверялись. Со времени убийства Ярополка и до вокняжения Владимира Мономаха, то есть до 1113 года, всё Поросье от Россина и выше по реке сохраняло от Киевской Руси полную независимость. Хотя это, может быть, кажется невероятным, но дальше вы убедитесь, что ничего невозможного в этом не было. Что же касается того, будто Ярослав Мудрый строил на Роси города и расселял там ляхов, то в действительности всё происходило совсем иначе.

Чтобы лучше понять ход событий, нам придётся ещё раз вернуться в Киев. До того момента, когда Олег объявил его столицей Руси вместо Голуни (882 г.), он находился на положении вольного города. Поэтому там можно было беспрепятственно вести какую угодно пропаганду. Больше всего старались византийские проповедники христианства. Но главной их целью было не просто добиться крещения Руси и тем поставить её в зависимость от цареградского патриархата. Само по себе крещение заведомо не имело бы никакого успеха без подрыва, а если удастся, то и уничтожения, как теперь сказали бы, интеллектуального потенциала Руси. Для этого в первую очередь необходимо было изменить её письменность и сделать официальным язык болгарский, который среди словянских народов был наименее понятен. Народ и не должен был обязательно понимать всё то, что ему читали с церковных амвонов. А лучше всего, чтобы вообще ничего не понимал, как это мы сейчас можем наблюдать в мечетях тюркоязычных стран, где и не всякий мулла понимает во всех подробностях весь Коран, если не знает арабского языка. Он просто механически его заучил, знает когда какой номер суры читать, то и дело молитвенно восклицая: «О, бисмулля, рахмани рахим!»

Но на Руси прекрасно понимали и далеко идущие замыслы Византии и саму Библию. Не случайно в нашей дохристианской летописи сделаны из неё выписки, раскрывающие суть её идеологии, и подчёркнуты полуфразы, ясно говорящие сами за себя.

«Второзаконие.

Глава 6.

4. Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть.

5. И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всеми силами твоими.

6. И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём.

7. И внушай их детям твоим и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась, и вставая...

10. Когда же введёт Господь, Бог твой, в ту землю, которую он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, КОТОРЫХ ТЫ НЕ СТРОИЛ.

11. И с домами, наполненными всяким добром, КОТОРЫХ ТЫ НЕ НАПОЛНЯЛ, и с колодезями, высеченными из камня, КОТОРЫХ ТЫ НЕ ВЫСЕКАЛ, с виноградниками и маслинами, КОТОРЫХ ТЫ НЕ САЖАЛ, и БУДЕШЬ ЕСТЬ И НАСЫЩАТЬСЯ:

12. Тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства твоего.

13. ГОСПОДА, БОГА ТВОЕГО, БОЙСЯ И ЕМУ ОДНОМУ СЛУЖИ, и его именем клянись.

14. Не последуйте иным богам, богам тех народов, которые будут вокруг вас,

15. Ибо Господь, Бог твой, который среди тебя, ЕСТЬ РЕВНИТЕЛЬ: ЧТОБЫ НЕ ВОСПЛАМЕНИЛСЯ ГНЕВ ГОСПОДА, БОГА ТВОЕГО, НА ТЕБЯ И НЕ ИСТРЕБИЛ ОН ТЕБЯ С ЛИЦА ЗЕМЛИ...

Глава 7.

1. Когда введёт тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идёшь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, Хаттеев, Гергесеев, Аморреев, Хананеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя.

2. И предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их: ТОГДА ПРЕДАЙ ИХ ЗАКЛАНИЮ, НЕ ВСТУПАЙ С НИМИ В СОЮЗ И НЕ ЩАДИ ИХ...

6. Ибо ты НАРОД СВЯТЫЙ у Господа, Бога твоего; ТЕБЯ ИЗБРАЛ ГОСПОДЬ, БОГ ТВОЙ, ЧТОБЫ ТЫ БЫЛ СОБСТВЕННЫМ ЕГО НАРОДОМ ИЗ ВСЕХ НАРОДОВ, КОТОРЫЕ НА ЗЕМЛЕ...

11. Итак, соблюдай заповеди и постановления, и законы, которые сегодня заповедую тебе исполнять...

16. И ИСТРЕБИШЬ ВСЕ НАРОДЫ, КОТОРЫЕ ГОСПОДЬ, БОГ

ТВОЙ, ДАЁТ ТЕБЕ; ДА НЕ ПОЩАДИТ ИХ ГЛАЗ ТВОЙ...

Новый Завет. Евангелие от Матфея.

Глава 15.

22. И вот, женщина Хананеянка, вышедши из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, Сын Давидов! Дочь моя жестоко беснуется.

23. Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его, приступивши, просили Его: отпусти её, потому что кричит за нами.

24. Он же сказал в ответ: Я ПРИШЁЛ ТОЛЬКО К ПОГИБШИМ ОВЦАМ ДОМА ИЗРАИЛЯ.

25. А она, подошедши, кланялась ему и говорила: Господи! Помоги мне.

26. Он же сказал в ответ: НЕХОРОШО ВЗЯТЬ ХЛЕБ У ДЕТЕЙ И БРОСИТЬ ПСАМ...»

Подчеркнув главное, летописец никаких комментариев к этим своим выпискам из Библии не дал. Сообщил только двумя словами для не знающих: «Хананеяне – слов`яни».

Переписчик и редактор Начальной летописи игумен Сильвестр, оставив слова о городах Ярослава на Руси, очевидно полагал, что, охотно приняв власть над собою Владимира Мономаха (почему, читатель узнает из романа) и примирившись с переименованием Росина в Корсунь, а Градижа – в Богуславль, чуждые россичам новые наименования которых нанёс на географическую карту Ярослав, россичи, 135 лет насмерть стоявшие против крестителя Руси Владимира Первого и его кровавых последователей, теперь отпадут и от своего «язычества», и перестанут вести собственные летописи, после чего потомки их со временем начнут думать, что Ярослав-де, не разрушал, а вправду строил города на Руси. Этого, однако, не произошло. Не Мудрым, а Кровавым остался в памяти россичей жидитель величественной киевской Софии хромой Ярослав, как и отец его Владимир, воспитанный в иудействе горбоносый ряженный хазарин (здесь не голословен я, книга моя представит читателю убедительные доказательства). Тот, креститель, пьянством, развратом, идолами и дымом ладана одурманивать Русь начавший, разрушил своей хазарской хитростью Голунь. Хромец, едва удержавшийся на княжестве с помощью дяди своего рабби Малкинда, правившего Новгородом под именем Константина Добрынина два года, 1032 и 1033, которые обозначены в Начальной летописи двумя фразами: «Ярослав начал ставить города на Руси» и «Мстислав Евстафий помер», с наёмною ордою печенегов, варягами, косогами и черниговской дружиной умирившего брата своего Мстислава, который зарезал косожского князя Редеду и по их договорённости перед поединком стал властвовать над косогами. Оба осаждали Родэнь.

Взял его Ярослав в сотни раз превосходящими силами только потому, что не было у россичей никакой возможности доставлять своим собратьям провиант, и в крепости начался великий мор.

«И пал тогда Родэнь, - повествует летописец россичей, - облитый со всех сторон горящей смолой. Что было деревянным, то всё сгорело, а камни хромец в возы велел собрать, увезти от Роси и по полям разбросать не ближе, как по версте камень от камня. И не уцелело из родничан никого, помершие от мора и живые ещё, но ослабшие сильно в пожарище вместе с деревом сгорели. Росин же и Градиж за те два года успели подготовиться таким порядком, что ни хромцу, ни иным выблядкам его, сколько б рати они ни собрали, не взять уже».

Это кажется невероятным, но нечто подобное, даже, пожалуй, более героическое повторилось в нашем XX веке. То самое село Медвин, которое возникло на месте бывшей столицы Руси Голуни, в марте 1917 года создало свою республику, не желавшую признавать ни Временного правительства, ни Центральную Раду, ни белых, ни красных, ни серо-буро-малиновых. Одно-единственное село Богуславщины держало круговую оборону почти четыре года. Только в феврале 1921 года Медвинскую республику наконец одолела прославленная на полях гражданской войны 17-я кавалерийская дивизия Котовского, да и то после неумолчной артподготовки, которая продолжалась без малого полтора месяца.

Поэтому я и хочу ещё немного задержать внимание читателя на истории Богуславщины и в частности моего родного села Мисайловки, которая в таком, казалось бы, ограниченном мире, как один сельский район, занимает, подобно Медвину, место совершенно особенное. Но предварительно оговорюсь.

Понятно, мы – украинцы, но чаще называем себя россичами, однако отнюдь не противопоставляя себя этим остальному своему народу и не чураясь его соловьиной мовы, ни самобытной культуры. Но в то же время слова Михайлы Ломоносова о «коломбах россов» звучат для нас не просто высоким поэтическим штилем. Мы всегда помнили и помним себя, повторяю, россичами, и у нас есть все основания, чтобы гордиться этим и кровными братьями своими: гордо стойкими гуцулами, которыми нередко незаслуженно пренебрегают на Украине, новгородцами и псковичами, поморами и архангельцами, волгожанами и владимирцами... Несть им числа на Руси Великой.

И если лидер шумного ныне на Украине «Руха» Иван Драч, прекрасный поэт, но наивный, не в обиду будь ему сказано, политик романтически тоскует сегодня на газетных полосах о воссоздании Литовского княжества в образе независимой федерации в составе Украины, Белоруссии и Литвы под державной эгидой последней,

поскольку Украина, дескать, в центре Европы, а Литва – очень уж по-европейски пригожа госпожа, то я сомневаюсь, что мои земляки на берегах Роси разделяют его тоску, хоть ему и кажется, будто он изъясняет сокровенные чаяния украинского народа. Не знаете вы, мил-человек Иван Федотович, истории россичей, а её, как известно, заново не переделаешь – напрасно старались киевские летописцы задним числом причесать её поглаже. Якобы выделил киевский князь Рюрик Ростиславович Поросье и Каневщину в удел зятю своему Роману, а потом в 1195 году с его, Романа, согласия передал пять тех городов свату своему Всеволоду Юрьевичу, князю владимирско-суздальскому, а тот вернул один из городов – Торчский – сыну Рюрика Ростиславу; в остальные же четыре – Корсунь, Богуславль, Треполь и Канев - послал своих посадников.

Странная получается картина: где Поросье, а где Владимирско-Суздальская земля, и вдруг - посадники Всеволода Большое Гнездо? В нынешней Киевской области.

Кто же из литераторов первый обратил внимание на эту странность, теперь трудно сказать, давно пошло гулять в литературе, будто Рюрик Ростиславович не подарил Всеволоду Юрьевичу, а продал ему не всё Поросье с Каневщиной, а только город Богуслав и 30 прилегающих к нему сёл. Так вроде получается более убедительно, но, если не ошибаюсь, кажется, ещё Фёдор Достоевский заметил, что истинная правда настолько бывает невероятной, что, дабы поверили в неё, к ней приходится прибавлять порой изрядно лжи.

Между тем, очевидно, сама того не подозревая, часть правды очень точно выразила русская писательница Мария Александровна Вилинская, долгое время жившая в соседнем с Богуславом селе Хохитва и ставшая известной как классик украинской литературы под именем Марко Вовчок. «О, милая Рось и твои зелёные берега, - писала она в одном из своих писем из Парижа, - как легко там дышалось! За одну веточку чебреца, выросшего над Росью, я отдала бы не знаю что».

Наши пращурьы, выбиравшие место для столицы своего государства Голуни в докиевские времена, толк в этом деле понимали. Сейчас, конечно, когда Богуславщина пострадала от ядерной Чернобыльской катастрофы не меньше других районов Украины и Белоруссии, былую свою цену она надолго утратила, но если учесть, что речь идёт о XII веке, картину мы получим совсем иную. Даже на моей памяти Поросье и особенно Богуславщина, хотя изрядно и пострадала от бездумной колхозной бесхозяйственности и от войны Великой Отечественной, сохраняли ещё немало от первозданного своего облика такого, что не шло в сравнение и со знаменитой Швейцарией, осмотреть которую мне представлялась возможность весьма обстоятельно. Ну, разумеется, Швейцария есть Швейцария,

не признать земного рая по-швейцарски нельзя, да уж больно он рукотворный, а матушку Природу, как ни исхитряйся, не переплюнешь. И с практической точки зрения по своим естественным ресурсам конкуренции с Богуславщиной Швейцария никак бы не выдержала. Всё, что дала Природа ей, даровала она и Богуславщине: горы, леса, то тишайшая, то бурная на перекатах река с множеством притекающих к ней речушек, лесные озёрка, родники целебные – всего не меньше, чем в Швейцарии. А вот раздольных таких угодий, пашень да сенокосных лугов с раскиданными по ним купами богатырьлозы там не увидишь. И с садами поскуднее. Швейцария перед Богуславщиной только виноградниками может похвалиться.

Так вот, Роман, зять киевского великого князя Рюрика Ростиславовича, приняв от тестя столь щедрый подарок, с придачей всего остального Поросья и соседней Каневщины, надумал приданное супруги своей использовать в качестве звонкой монеты для приобретения оказавшегося бесхозным в ту пору Галичского королевства. Для этого ему прежде всего было нужно заручиться поддержкой киевского митрополита Никифора, чтобы тот в случае чего похлопотал за него перед тестем, ибо в обмен на корону Галича замыслил он самое сердце Южной Руси расколоть на куски. А кому получить ту корону, зависело тогда от трёх владык: короля венгерского Белы, цесаря германского Фридриха Барбароссы и князя польского Казимира Справедливого. Но прежде чем провернуть всю операцию, требовалось, как я уже сказал, заручиться благословением митрополита Никифора, которое он готов был дать за дарование Медвина под монастырь. Сам же Богуслав с остальными его сёлами запрашивал Казимира. Король Бела, чей сын Андрей также претендовал на Галичское королевство, счёл за более выгодное предприятие посадить его в Корсунь, с придачей ему на Роси Торска, а на Днепре – Канева. Таким образом под самым Киевом возникло бы ещё одно венгерское королевство, что было куда выгоднее, чем иметь его хоть и большим по размеру, но сопредельным. Ведь Роман в Галиче хотел бы того или нет, но вассалом Венгрии всё равно бы стал. А вотчина сына Андрея под Киевом сулила заманчивую перспективу дальнейшего венгерского проникновения на Руси. Ну, а германец Барбаросса за содействие начертанным планам со своей стороны предпочитал получить от Казимира, собравшегося на Богуславщину, в состав которой, кроме Медвина, входило ещё 29 сёл, кусок Западной Польши.

Одного не учли ни Роман с митрополитом Никифором, ни три западных монарха – того, что россияне по своей натуре государственники и не мыслили они Отечество на этукую распродажу чужестранцам. Потому и восстали они против Романа, отрядив одновременно

послов в Суздаль к Всеволоду Большое Гнездо: мы-де отдались под руку деда твоего Владимира Мономаха, русича, призванного на золотой стол в Киев русичами, когда помер последний из восьми княживших в Киеве хазаринов, тот крестившийся в Святополка мздоимец, коим самим правила иудейская его прелюбодейка Дебора, пририсовавшая ему на великокняжеской печати ангельские крылья (см. рис. — А.И.), а ты, Всеволоде, ноне старший из Мономаховичей, то на тебя и падёт вина за раздробление Руси среди чужинцев, если не возьмёшь и ты, как дед твой, под свою руку Поросье; и Канев просится, иначе быть ему под уграми: митрополит Никифор выгоду ищет в соседстве с олатинившимся лядским Казимиром, а брат твой, Рюрик Ростиславович мекготел, на поводке краснобайства Никифорового ходит.

Да собрали подарки богатые — князю Всеволоде особо и на случай, ежели Роман или Рюрик Ростиславоич за Поросье и волость Каневскую откупную востребует, — тоже особо: двенадцать возов майна (добра) всякого, да кожаный мешок гривен золотых, да три сорока сороков выверец (горностаев), да кун (куниц) три же сорока сороков. Ещё обязались на свой кошт поставить в городах Поросья храмы православные, ежели князю Всеволоду то угодно будет и службу в тех храмах по отеческому чину проводить станут, как Мономах старый указывал, а не по византийскому противному русичам и для государства вредному, который Владимиром-хазариным был насаждён; в Каневе же храм таковой прежде возвели. А дань за крепкую руку княжескую россичи и каневцы платить согласны, какую князь Всеволод назначит, и посадников его содержать также согласны, ежели те посадники своевольничать не вздумают да на учение россичей посягать не станут, кроме как кто из россичей сам доброхотно в христианы крестится пожелает, и грамотой княжеской то всё надобно закрепить.

Так Поросье с Каневщиной стали в 1195 году частью будущей Великороссии, за исключением города Торчска, который великий князь Всеволод Юрьевич своей волей зятю своему Ростиславу отписал, сыну Рюрика, а тот, Ростислав, также своей волей Торчск в Белую Церковь переименовал и храм там православный по желанию отца своего Рюрика Ростиславовича и митрополита Никифора воздвиг.

Вот как оно было в действительности. Не Рюрик Ростиславович продал россичей Всеволоду Большое Гнездо, а сами россичи с каневцами выкупили себя, отдавшись под руку Всеволода и тем обеспечив себе вольность, Богуславщина — более чем на пять веков, не считая 135 лет противоборства с ряжеными хазаринами от Владимира Первого до Святополка Изяславовича. Потому ей, Богуслав-

щине, и Переяславская рада была ни к чему, незачем ей было воссоединяться с Русью, ибо никогда она из неё не выходила. И память её предшествующих четырёх тысячелетий сберегла. Только нашим историкам, видно, рассказывать об этом никак не с руки, ибо многое в их храминах исторических рухнет тогда, как песочные крепостицы, которые ребяташки, играя на пляжах, сооружают.

Грамоту Всеволода Большое Гнездо, дарованную россичам, подтверждали затем и сыновья его Григорий, Константин, второй Григорий, и Юрий, тоже бывшие великими князьями владимирскими и суздальскими. А после, в 1239 году, на Киевскую Русь батыева орда пришла, разорившая почти все города дотла, только Богуслав и устоял против ордынцев, как Новгород в Северной Руси. Потом, в 1320 году, южные русичи, побратавшись с литовцами, прогнали ордынцев под верховенством князя литовского Гедемина, который и положил конец Киевской Руси, образовав великое княжество Литовское, поглотившее вместе с кривичами и Лядской землёй и всю Южную Русь, кроме Богуславщины. Не покорился Богуслав Гедемину, так как не считал себя обязанным ему ничем. Но это не помешало богуславчанам в 1380 году войти в согласие с его обрусевшим внуком князем Дмитрием Боброк-Волынским, изъявившим желание идти на подмогу московскому князю Дмитрию Ивановичу против орды Мамайя, для чего сему Дмитрию Боброк-Волынскому полк свой 10-тысячный дал с воеводою Родославом Щупиком, велел ему, однако, у Боброк-Волынского подвоеводою быть, поскольку тот князь. Когда же на Куликовом Мамайя побили, Великий князь Дмитрий Иванович, прозванный теперь Донским, с тем Родославом Щупиком новую грамоту богуславчанам прислал, в точности подтверждавшую первоначальные грамоты Всеволода Большое Гнездо и его сыновей, за исключением того, что прочие города Поросья с Каневом отпали ещё при Гедемине.

С той поры Богуслав опять сам по себе своею управою жил, а посадников-князей и царей московских держали, абы ляхи на Богуславщину не покушались.

Этим, кстати, и объясняется то обстоятельство, может быть, на первый глаз удивительное, почему во время освободительной войны украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого Богуслав нейтральным оставался. А удивительного ничего нет. Во-первых, политика Хмельницкого долго не вполне ясной была. Будто просился под руку царя Алексея Михайловича, а сам между тем в союз с крымчаками вступал и с турками да шведами переговоры вёл. И царь вёл себя неопределённо, пока ляхи польской короной его соблазняли. С другой стороны, Богдан, очевидно, и не хотел богуславчан в войну втягивать, нейтральный Богуслав ему больше подходил как город, на который ляхи поднять оружие не осмелива-

лись из-за опасений московского царя, а его, Богдана, принимали здесь охотно, в трудный момент здесь отсидеться было возможно и с силами собраться.

Именно как убежищем Хмельницкий и воспользовался Богуславом в 1651 году, когда, заподозренный в измене, едва не лишился жизни от своих же казаков.

Во второй раз он приезжал сюда в начале 1654 года для встречи с патриархом антиохийским Макарием, который направлялся в Москву и останавливался в Богуславе, чтобы освятить давно готовый к тому времени обещанный Всеволоду Большое Гнездо православный храм, так как высшие киевские иерархи знаясь с богопротивными богуславчанами не желали, а патриарху Всея Руси Никону ехать в Богуслав, видно, было недосуг, либо донесли ему, что на далёкой от Москвы Богуславщине вести о его нововведениях вызвали ропот.

В большинстве своём «язычников», богуславчан, казалось бы, патриаршьи реформы Никона, послужившие причиной церковного раскола, не должны были волновать. Однако я говорил уже, что росичи по природе своей государственники, а Никон посягал как раз на дела государственные, сначала отменив реформированное Владимиром Мономахом ромейское христианство в отечественное православие, патриотическое по своему содержанию и потому отвечавшее интересам Руси, а затем по византийскому примеру объявив, что «священство выше царства». Это и вызвало на Богуславщине ропот. В Богуславе недоумевали, как это царь Алексей Михайлович, находясь в здравом расположении ума, не видит, что сей мордвин Никита Минов, став патриархом Никоном, вознамерился подмять под себя всю Русь.

Хмельницкий же, встретившись в Богуславе с патриархом антиохийским Макарием, отрядил вместе с ним в Москву послов отдельно к царю и отдельно к Никону, чем вызвал у богуславчан немалое подозрение в своём двоедушии, а стало быть и неискренности, чему спустя год суждено было подтвердиться самым неожиданным для богуславчан образом.

Не вдаваясь в подробности, официальные хроники скупо сообщают, что в третий раз Богдан Хмельницкий посетил Богуслав в 1655 году и приписал его к Корсунскому полку. Так с упованием на беспамятность людское и фальсифицируется история. Для этого необязательно врать напрямую, достаточно умолчания и некоторой корректировки информации.

На самом деле после освобождения от польской шляхты русско-украинскими войсками Галичины под командованием Богдана Хмельницкого и бывшего царского посла на Переяславской Раде Василия Васильевича Бутурлина Хмельницкий явился в 1655 году в

Богуслав с полусотней казаков и несколькими старшинами, чтобы объявить всю Богуславщину своей личной вотчиной, то есть всех богуславчан и жителей 30 сёл Богуславщины сделать своими крепостными. При этом он ссылался на так называемые Мартовские Статьи, подписанные в Москве 23 марта – 6 апреля 1654 года, по которым за Украиной закреплялась полная автономия и определялось ей 60 тысяч реестровых, то есть военнотружущих и потому вольных казаков. А поскольку на Богуславщине таковых не имелось, то Хмельницкий и решил приписать её к своему преторианскому Корсунскому полку как собственных холопов. Но в таком случае в Мартовских Статьях относительно Богуславщины должна была быть хотя бы какая-то оговорка, отменяющая грамоту царя Алексея Михайловича, которой он при восшествии на престол в 1645 году подтвердил, как и все его предшественники, статус Богуславщины, дарованной ей великим князем владими́ро-суздальским Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо на основании расписки великого князя, тоже великого, Рюрика Ростиславовича, что он-де получил от великого князя владими́ро-суздальского Всеволода III Юрьевича означенную сумму золотыми гривнами, выверицами, кунами и прочим майном в выкуп за Поросье и Каневщину, почему и обязуется, что он сам и наследники его, за которых он настоящим ручательствует, впредь на упомянутые волости не претендовать, а считать их принадлежащими княжеству Владимирско-Суздальскому.

Никаких оговорок, однако, в Мартовских Статьях предъявить богуславчанам Богдан Хмельницкий не смог, и те из города его со всей гетманской свитой попросту выгнали, произнося и выкрикивая при том слова, которые приводить здесь не годится. Догадливый читатель и так поймёт.

Но всё же верно говорится: пришла беда – отворяй ворота, может, и не сразу настужь.

Теперь все признают Богдана Хмельницкого гениальным полководцем, сравнивая его только с Александром Македонским. Ни Ганнибал, ни Наполеон ему не ровня. В нём одном воплотился гений всего запорожского казачества. А те неприятеля не считали. Пусть числом своим и вдесятеро превосходил их, пусть весь в латы закован был, а они, голопузые, с пистолями, да с кривыми турецкими ятаганами всё равно в атаку шли и непременно побеждали. При Жёлтых Водах в 1648 году польско-немецкие латники, пожалуй, и более чем вдесятеро превосходили их, если учесть к тому же громадное количество пушек у тех против казацких пукалок, а всё же жалкая горсточка ляхов уцелела, те, которые в плен поспешили сдаться. И с наёмными их германцами то же самое произошло. В том же году так и под Корсунем да Пилявой повторилось, а затем и во многих других битвах. И хотя пьянством загульным запорожцы

тоже славились, но они же перед походом или битвой за пьянство смертью карали. В зимних походах водкой только коней поили, чтобы меньше корма на них навьючивать, водка-то калорийнее овса, и лошадь на морозе, когда спит, не мёрзнет.

В пух и прах казалась разбитой чванная Речь Посполитая, все продиктованные ей условия для мира приняла, но умер в 1657 году Хмель и, возможно, от одного сознания этого факта воспряла шляхта, посунула вновь на Украину с Россией. Десять лет с переменным успехом продолжались баталии, однако понял царь Алексей Михайлович: не одолеть ему гонористых ляхов. Пришлось в 1667 году заключить так называемое Андруское перемирие на тринадцать с половиною лет, по которому за Россией оставался Смоленск и Северская земля, которых издавна добивалась Речь Посполитая, а Украину поделили по Днепру, к Польше отошло всё Правобережье, кроме Киева. Для Богуславщины, к сожалению, такого «кроме» сделано не было. Впервые за последние 372 года Богуслав утратил, как бы теперь сказали, статус подмандатной территории Северо-Восточной Руси, а вместе с ним и свою вольность. Обидно, но богуславчане царя Алексея Михайловича понимали, на его месте всякий здравый человек так бы и поступил, ежели смотреть на вещи с позиций государственных интересов: Смоленск – ворота к Москве, Северская же земля граничит со Смоленщиной. А что Богуславщина? Тут выбор ясен, царь в его положение принял решение единственно верное. И то спасибо, выторговал для Правобережной Украины наказное гетманство со своим реестровым казачеством, а это уже надежду подавало, и не малую, тем более, что в наказные гетманы казакам удалось протасчить Самийла Ивановича Самуся, дед которого когда-то из Богуслава в Переяславль переселился, однако характером Самуси оставались богуславчанами, такими же гордыми духом государственниками. Не случайно Самийло Иванович своей резиденцией сразу же избрал Богуслав. И дружка своего закадычного с собой привёл.

А дружил Самийло Самусь со знаменитым Семёном Палием, который воинскими талантами едва ли не самому Хмелю был подстать. Потому эта дружба сильно и беспокоила ляхов. Придаться к нему Палий повода им пока не давал, так их послы при московском дворе ухитрились как-то оболгать его перед царевной Софьей Алексеевной, будто он крамолу какую-то против России замышлял. Правительница-царевна и вызвала Семёна в Москву да, не пожелав и выслушать его, приказала ни в чём не повинного перед Россией сослать в Сибирь. Заступить же за него Самусь никак не смог, не захотела сестрица будущего императора Петра I даже принять его, когда он образно по этому делу приехал в Москву. И остался Самусь таким образом без надёжнейшего соратника. А сам он в

военном деле не больно мастаком был, и то сознавал.

Потом в 1699 году Польша заключила мир с Туреччиной, воспользовавшись которым польский сейм принял решение о ликвидации украинского казачества в Киевском и Брацлавском воеводствах, а значит, ликвидации подлежало и наказное гетманство. Все клейноды – булаву, бунчук и печать – у Самуся не замедлили отобрать. Но говорю же я, хоть и родился Самийло Иванович в Переяславле и крещёным был, но богуславский дух из него и в третьем колене не выветрился.

По веками выработанным мировым нормам в случае необходимости в армию может быть мобилизовано десять процентов от общего населения страны. Значит, согласно ревизным книгам того времени, Богуславщина могла выставить около 20 тысяч воинов. Но обычно она обходилась полком численностью в 10 тысяч, как полностью укомплектованная дивизия времён Великой Отечественной войны. Однако надо учесть, что это были богуславчане, пращуров которых не смогла одолеть орда Батыя, и тогда арифметика получится совсем иная. Хотя постоянную воинскую службу в мирное время в теперешнем понимании этого слова никто не нёс, все жили по домам и собирались в известном месте с оружием, которое всегда было наготове по первому зову старшин.

Лишившись гетманской булавы, Самусь предложил богуславчанам свои услуги в качестве полковника. Долго объяснять свои намерения ему не пришлось. Сейчас, когда Богуславщина формально к Московскому царству не принадлежала и потому не обязана была придерживаться его перемирия с Речью Посполитой, начать восстание против польской шляхты ей ничто не мешало и сделать это более организованно, чем она, имевшая около четырёх веков самоуправления и в общей сложности почти три века самообороны, никто иной не мог. А в том, что её поддержит вся Правобережная Украина, сомневаться не приходилось. После упразднения казачества в Киевском и Брацлавском воеводствах ненависть к польской шляхте стала безмерной, ибо это значило, что испокон веков вольные казаки отныне должны превратиться в крепостных холопов.

Самусь не ошибся. К Богуславу немедленно присоединились Корсунь и Лысянка, а затем и вся остальная Правобережная Украина. Началась новая освободительная война украинского народа, известная в истории как первая Колиивщина. Но я не к тому веду.

В это самое время шла также русско-шведская война, и похоже было, что Карл XII брал верх, а гетман Левобережной Украины, входившей в состав российского государства, Иван Мазепа в помощи Петру I вдруг отказал, нейтралитет объявил. Но что значит нейтралитет в подобной обстановке? Явная измена тому, кто осыпал его царскими милостями и даже безвинную голову Кочубея на плаху ему

отдал.

Пишу эти строки, наперёд зная, что сегодня на Украине они многим не понравятся, поскольку Мазепа теперь по всем статьям реабилитирован и возведён в ранг чуть ли не БОльшого народного героя, чем прежде Богдан Хмельницкий. Печатаются и его сентиментальные вирши, которые выдаются за образцы поэтической лирики, как присной памяти китайского Мао. Но это уже по-нашему, по-украински, мы без крайностей никак не можем, особенно когда на дворе такой «гуляй-не-хочу» плюрализм. Вчерашний корыстолюбец и натуральнейший предатель враз обожаемым героем делается, а на которого молилися вчера, как на икону, - наоборот. Не пойму только что-то, как при этаким вольномыслии до сих пор остаются преславными два иудея Александр Корнейчук и Микола Бажан, загубившие сотни жизней лучших украинских деятелей науки, литературы и искусства, обрушив на них в 1947 году, когда Лазарь Каганович во второй раз стал первым секретарём ЦК Компартии Украины, свои смертоносные дубины украинского «буржуазного национализма», несмотря на то, что во всей нашей стране, в том числе и на Украине, к тому времени со всякой буржуазией давно было покончено. Хоть бери да публикуй их, то есть Корнейчука и Бажана, доносы в МГБ СССР.

А вот что касается первой и второй действительно преславных колиивщины, тут, как и в прежние времена, наблюдается во всех взглядах поразительное единообразие. Никогда не писалось официально и не произносилось вслух прилюдно, что оба восстания начинали и составляли их основную силу богуславчане. О двух героях второй колиивщины, Иване Гонте и Максиме Железняке, говорится и пишется много, хорошо и звучно, а вот Славомира Грача, прозванного Щуляком, то есть Коршуном, который после гибели Гонты и Железняка ещё двенадцать лет наводил ужас на польских панов, оставаясь со своими молодцами неуловимым, вроде бы и вовсе не было, ибо опять-таки из тех же богуславчан, еретиков и злостных сепаратистов, не пожелавших гуртом со всем народом в Великое княжество Литовское войти, будто их Владимиром-Суздальщиной ещё не под ордынцами тогда была... Чу, теперь Славомира Щуляка вспомнят обязательно, скажут, вот, мол, своим пра-пра-прадедом выхваляется.

Я, конечно, не виноват, что Шуляк тот мне в прямом смысле пращуром приходится, как нет никакой моей заслуги и в том, что он вправду славнейшим народным мстителем был. Это понятно, но таков уж наш украинский характер: если с какого-то боку свой, тем более родич, лучше помалкивать о нём, иначе-де «кырпу гнэш», то бишь нос задираешь.

Но это так, чтобы понятней были некоторые наши национальные особенности. Как говорил Шиллер: «О своём народе я знаю всё и

всё скажу, но, чужестранец, не приведи тебя Господь повторить мне те мои слова». За то и люб мне Шиллер, как наши Пушкин и Шевченко, другими словами, но то же сказавшие о том же.

Узнав о нашествии шведов в самый разгар сражения с ляхами под Винницей, богуславский полк взволновался. Самусь погнал хлопцев с письмом к царю Петру. Был, мол, такой Семён Палий, вояка знатный, которого сестрица твоя, государь, Софья Алексеевна, по наговору послов лядских безвинно в Сибирь упекла. А про лучшего прорывщика передовых неприятельских линий, по совести говоря, и думать непристойно. Так ты, государь, будь любезен, распорядись сыскать его, коли жив ещё, доброго командира нам дашь. А мы тут ляхов малось саблями пока пощекочем, потом, когда Палий сыщется, скорым маршем к тебе. Карла шведский, слышно, для генерального сражения к Полтаве направляется, так и мы там с тобой встретимся. В сю пору нас здесь 10 тысяч, но придём с двадцатью, удвоим полк богуславский. Может слышал о таком от батюшки своего Алексея Михайловича? Токо насчёт Семёна Палия уж расстарайся, не пожалеешь, разобьём Карлу всенепрременно. А после и с ляхами управимся, никуда эти не денутся, соседи или гости, до крайности оголтевшие, хозяевами себя в чужом доме возомня, - без кукля хотя бы пива не разберёшь.

И, как полагается, руку к сему приложил полковник богуславский Самусь.

Дальше даю слово свидетелю Полтавской битвы архиепископу белорусскому Георгию Конисскому – автору «Истории руссов или Малой России». Цитирую по украинскому академическому изданию «Українська література ХVІІІ ст.», Киев, 1983, стр. 620-621:

«Обе армии собрались в Полтаве в июне месяце и расположились одна в виду другой, укрепив себя шанцами и другими нужными окопами. Армия российская состояла из 76 000 и в том числе мало-российских отборных войск, оставшихся от командирования прочих к прикрытию границ, было 20 000 под команду генеральных старшин и прежде бывшего наказного гетмана Заднепровского, Семёна Палия, сысканного из сибирского заточения, который, быв отлично искусен в наездах и разорвании соединённых фронтов, много поспособствовал к победе. Шведская армия немногим превосходила 20 000 да и Мазепинских войск, собравшихся к нему из расквартированных компанейцев и сердюков не более одной тысячи; но они с самим Мазепою во всякое время оставались при обозах своих и шведских, уклонялись всегда от сражений с россиянами и держа против них самый строгий нейтралитет, выговоренный Мазепою у короля шведского и объявленный в декларациях его во всей Малороссии... Наконец, в 27 день июня 1709 года совершилось то сражение, которое решило судьбу России и Швеции, удивило Евро-

пу и сделало перелом в политике держав и в жребии королей. Сражение сие начали шведы на самом рассвете и конницею своею напали на регулярную конницу российскую и прогнали её за шансы. Но начальник козацкий Палий, с козаками своими, напав тогда на шведов в тыл и на флангах их фронтов и прорвавшись в интервалы, сделал великое им поражение копьями и из ружьев, отчего они, смешавшись, побежали к своим шансам и потеряли генерала своего Шлипенбаха, взятого в плен. Козаки, преследуя шведов до их шанцев, провели позади себя сильную колонну пехоты российской под командою генерала Меньшикова, и она, напав на шанцы шведские и сделав сильный залп из пушек и ружьев, увалилась в них штыками и погнала шведов во все стороны. Таким образом обволодели шанцами и взяли в плен командовавшего ими генерала Розена со многими офицерами и рядовыми. Шведы после сего собрались и построились вновь между шанцами и обозами своими на открытом поле и ожидали нападения россиян. Государь выстроил и свои войска против шведских, поставив в середине пехоту и артиллерию, а по флангам конницу. Сражение возобновилось: пальба продолжалась с обеих сторон более трёх часов; наконец шведы, не имев артиллерии и претерпев от россиян великий урон, показали во фланге своём многие интервалы или пустоту, а Палий, сие приметя, тотчас ворвался в них козаками и произвёл всеобщее замешательство в неприятеле...».

Замечу здесь между прочим, что приписанная Петру Первому и разыгранная затем в кино по существу постыдная для россиян сцена, когда российский император всерьёз благодарит шведов за науку воевать, продиктована, видимо, соображениями и чувствами так называемых «западников», взиравших и поныне взирающих из России на Россию либо с Эйфелевой башни, либо с той стороны Атлантического океана. По свидетельству очевидца, Пётр действительно принял пленных шведских военачальников любезно, однако никаких благодарственных слов им не высказывал. Да и невозможно себе представить, чтобы император России, знавший Александра Невского и Дмитрия Донского, при всех своих несомненных симпатиях к Европе вдруг воспылал благодарностью за военную науку к шведам. Из войны с ними он, разумеется, извлёк определённые уроки, но для преклонения перед поверженным противником у него не было никакого повода. И не таков он был, чтобы, разгромив «непобедимого» Карла XII, враз умом повредиться, забыть о собственном достоинстве, а значит, и своей державы, кою он воплощал в себе.

Столь же нелепое соображение навязали и навязывают нам те самые «западники», будто Пётр «прорубил окно в Европу». Русь многими нитями была связана со всем миром, не исключая и Евро-

пу, издревле, о чём красноречиво говорит дипломатия всех предшественников Петра и хотя бы такой, к примеру, любопытный, но не освещаемый нашими историками факт, что в большинстве европейских армий до Петра военными хирургами и лекарями служили россияне. Или такая ещё небезынересная деталь, никак не попадающая в поле зрения наших историков: перенимать опыт по выведению племенного скота, гибридизации и акклиматизации теплолюбивых растений на сельскохозяйственную ферму царя Алексея Михайловича приезжали в подмосковное Измайлово специалисты из большинства стран Европы, в том числе из Англии, Италии и Франции.

Другое дело, что после своей продолжительной поездки в Европу Пётр с психологически вполне объяснимым юношеским пылом многое в России принялся корёжить на европейский лад. Но все его великие реформы, которым неизменно сопутствовали великие же жестокости и самодурство, отнюдь не доказывают, что отечественный путь развития страны и её самобытность, бережно хранимая отцом молодого реформатора Алексеем Михайловичем, никуда не годились. Каким же тогда, спрашивается, манером Россия, пребывавшая якобы в этаккой закоренелости и невежестве, задолго до Петра взошла на берега Восточного океана?

... Начав отвечать на вопрос о добровольно взятом на себя долге, я сказал, что лично-добровольно взятые на себя обязанности выбираются не произвольно, не в одном согласии с «я так хочу»; они зависят от твоего духовного содержания, а оно формируется не тобой только, а с твоим лишь участием.

Хочу добавить к этому, что девственный мозг четырёх-пятилетнего ребёнка способен, как я убедился на личном опыте, впитывать столько разнообразной и сложнейшей по своему содержанию информации, для осмысления и достаточно ясного понимания которой человеку потом нужны долгие десятилетия. Неудержимая погоня за всё новыми знаниями и впечатлениями, естественно, все эти десятилетия продолжается, но озарения ума в зрелом возрасте приходят всё же с возвращением к своим первоисточкам, с переосмыслением всего того, что последовательно ты вбирал в себя, начиная с зорьки своей жизни. Конечно, я сужу, повторяю, по себе, во мне нет самонадеянной прыти обобщать всё на свете глобально и кому-то предписывать свои рецепты.

Начав заниматься со мной в четыре года, мне кажется, мой Учитель Зоран должен был приложить больше усердия к тому, чтобы подготовить меня к первой встрече с нашей дохристианской книгой, чем давать затем сами знания. Неподготовленного сельского

мальчонку, ещё не видевшего немного кино с титрами, та книга могла ой как напугать. Даже и взрослый человек, наделённый такими же, как у меня особенностями биоэнергетики, но не имеющий представления, что это такое, наверняка бы оторопел, если бы, открыв книгу, увидел перед собой во всём объёме живого человека. Он сидит, склонив голову, словно в зеркале. Белая рубашка, как у Зорана, вышита на груди двумя рядочками вальковых восьмиконечных звёздочек. Ниспадающие до плеч светло-русые волосы на лбу прихвачены ремешком-полоской. В левой мочке уха золотая серьга треугольником, нижний угол которой заканчивается будто подвешенной к нему на тонкой ножке бульбочкой.

Худой, длиннолицый, костистый прямой нос, на правой скуле красноватая выпуклая родинка с торчащими из неё тремя рыжими волосинками. А усы и борода, как и волосы, светло-русые. Полудужья бровей белесые. Глаза в обрамлении таких же белесых век голубые с прозеленью, с прицельным прищуром смотрят вниз. В тонких пальцах правой руки зажато гусиное, а может, лебединое перо, искристо белое.

Человек чертит с напряжённым вниманием, не пишет, а именно чертит. И в то же время уже готовый алый чертёж словно висит в воздухе между ним и тобой – два круга один над другим. В верхнем – равносторонний треугольник с вписанными в него тремя кружочками, два рядом, а третий – по центру над ними. В нижнем круге – пятиконечная звезда.

Позже Зоран объяснит мне значение этого чертежа, вернее двух небольших чертёжиков: Согласие мироздания да будет в человеке, и да будет человек в ауре животворящего духа, как мироздание в коле, создавшей и удерживающей его Согласие силы.

Потом я всё пойму, но когда он впервые открыл передо мной большую книгу, я помню, как по всему моему телу пробежали колкие мурашки, и я ошалело застыл, а моя двумя годиками старшая сестрёнка Верочка стояла рядом совершенно спокойная. Оказалось, она не видела ничего, кроме тех двух плоских чертёжиков, которые помещены на первой странице этой моей книги.

Верочка видела только глазами, а не всеми клетками тела, как я.

Обладавшая удивительными для непосвящённого свойствами книга, открытая передо мной Зораном, была одной из наших обычных дохристианских книг, которые крестившие Русь христиане сжигали как дьявольское «чернокнижие», хотя никакого отношения к чертовщине они не имели. Весь их секрет заключался в умении наших пращуров пользоваться биоэнергетикой.

Пергамент для них изготовлялся из кожи трёх-четырёхнедельных жеребят-сосунков. Мездровая её сторона выдвигалась под

мелковолокнистую замшу, обратная сторона - гладкая. Затем готовая кожа резалась на листы по длине в три четверти аршина (53,34 см) и 2,5 пяди (42 см) в ширину. С гладкой стороны листы, а также их торцы покрывались тонким слоем замешанного на яичном желтке порошка из обожжённой белой глины, которая теперь идёт на производства фарфора и фаянса. Из неё делаются также те белые чашечки, какие вы видите на всех столбах электролиний, - они обладают качеством диэлектрика и служат изоляторами.

Покрытая глиняным порошком сторона листов просушивалась на медных как бы противнях над слабым огнём в закрытом помещении, после чего листы переворачивались и в этих же медных противнях выставлялись на жаркое солнце, чтобы замшевая сторона пергамента напиталась солнечной энергией. Но замша вбирает в себя не всю энергию нашего светила, а только те его излучения, которые свойственны также биоэнергии. Теперь они заново не так давно открыты и названы Z-лучами.

Потом листы пергамента брошюровались, как современные толстые тетради с металлической спиралью на корешке. Но вместо такой спирали использовали согнутые в овалы кольца распаренные точёные прутики из хорошо высушенного бука или ясеня. Без учёта обитой тонкими медными листами обложки из досок морёного дуба книга делалась толщиной в четыре вершка (18 см). На обложке рунилось, то есть гравировалось её название. Чтобы оно лучше читалось, в бороздки букв заливалось серебро с чернью. Одновременно для книги изготовлялся такой же массивный дубово-медный футляр с закрывающейся на медные же застёжки-замки крышкой справа.

Книга мастерилась на века. Именно мастерилась, и с большой тщательностью, ибо для сохранности той информации, которую в неё заложат, каждая деталь её материала должна была обладать определёнными физическими качествами.

До нас дошло много вавилонско-ассирийских глиняных «таблиц» с их клинописью. Клинообразные буквы выдавливали на сырой глине, которую потом высушивали и обжигали, как керамику.

Говорю об этом, чтобы читатель сравнил для себя, как в те же прадавние времена создавали книги наши пращуры.

Сначала текст будущей книги росичи записывали заточенными, как карандаш, металлическим стилем на покрытых воском досках, где допускались какие угодно исправления и в самом тексте, и в сопровождавших его чертежах-символах. Автор не может писать сразу «набело». Стараясь точно передать свою мысль, он то «бежит» за ней, не заботясь о правописании, то ищет наиболее выразительные слова, зачёркивая одни и ставя где попало вместо них другие. Он – творец, а творчество рождается в муках.

Тем не менее, главным в создании книги был не автор или группа авторов, а тот, который написанное на восковых досточках переписывал на пергаменте. Он писал гусиным или лебединым пером алыми чернилами, изготовленными из растворённый в спирте еловой живицы (смолы) и тонко растолоченной киновари.

Переписчиком мог быть не каждый, а только человек, обладавший богатым воображением и такими клетками тела, которые биоэнергию излучают. Тогда все картины, какие возникают в его воображении, вместе с его биотоками впитываются в пергамент, как на киноплёнку. Поэтому та сторона пергамента, на которой он пишет и чертит, выделана под мелковолоконистую замшу – чтобы увеличить её площадь. Ведь если растянуть каждую волоконинку замши, то общая её площадь получится во много раз больше, чем её обратная гладкая сторона, покрытая белой глиной. А такое покрытие сделано с той же целью, что и фарфоровые чашечки на столбах электролиний, – для изоляции, чтобы биоэнергия пишущего не проникла сквозь один лист пергамента на другой. И смешанной с еловой живицей киноварью он писал тоже не случайно.

Клетки переписчика излучают биоэнергию, а мои устроены иначе, они принимают его биотоки, как телевизор, и всё, что возникало в его воображении, когда он писал, я вижу. И вместе с тем читаю текст, как титры в немом кинофильме. Потому что киноварь его энергию не впитывала, она проходила в пергамент только через смешанную с ней еловую живицу, которая в себе удерживает частички киновари. Благодаря этому и создаётся эффект титров, словно висящих в воздухе между тобой и теми живыми картинами, которые впитал в себя замшевый пергамент. Но моя сестричка Верочка картин не видела, так как глазами они не воспринимаются, глаза видят только написанное киноварью, а картины воспринимаются клетками тела, если им свойственно такое качество. Поэтому недавно умершая знаменитая болгарская прорицательница Ванга, будучи слепой, ясно видела всё живое и точно описывала словами внешность каждого, кто к ней приходил. Наши глаза не могут расшифровывать картины, закодированные в биотоках. Почему – я не знаю.

Мне самому кажется, что также как я, видят все, для меня это обыкновенно, но все говорят, что такая врождённая способность встречается у людей не часто. Потому Зоран и приехал в нашу Мисайловку аж с Памира, специально, чтобы учить меня. Моя повивальная бабка Даромирка сообщила ему обо мне вскоре после моего рождения, и он приехал на два года к нам, когда я созрел для учёбы. Но мне ничего об этом не сказали, просто познакомили с очень интересным дедушкой, к которому я должен был приходить каждый день заниматься. Он поселился у Даромирки.

Высокий, суровый, с клином ниспадавшей на грудь льняного

цвета бородой, Зоран держался со мной так, будто я был для него вовсе не мальчик, а ровня. Сегодня и мне с трудом верится, о каких материях он вёл со мной беседы, когда мне от роду было всего-то 4-5 лет. И вообще трудно, наверное, себе представить мальчика в таком возрасте кем-то вроде ученика платоновской академии. Но всё же, говоря об этом, я, вспоминая те годы, нисколько не склонен что-либо преувеличивать, да мне это и непозволительно.

!Сейчас, с вершины теперешнего своего возраста, мне любопытно взглянуть на того человечка, который был одновременно и обычным мальчиком, не чуравшимся ничего, что свойственно детству, и таким маленьким босоногим мудрецом в коротких штанишках, рубашонке-разлетайке и чрезмерно широкополом клетчатом картузе, которого я терпеть не мог, но Зоран, заказавший его для меня в Богуславе, сказал, чтобы летом в солнечный день я без него на улицу не показывался, так, мол, необходимо. И до морозов со снегом велел ходить босым, хотя для лета у меня были распрекрасные парусиновые туфельки, а для осени – ботиночки. Однако я обязан был-де набираться силы земли. Попробуй ещё не в морозы, а в заморозки появиться обутым. Зоран так глянет, будто иголками в тебя кинет. А Мирка ахает, словно Зоран не меня, а её всю взглядом своим проколол. Это я про себя так – Мирка - в отместку её обзывал, потому что она не любила, чтобы к ней обращались с уменьшительным именем – бабка Мирка вместо, как полагалось, Даромирка или в ласковом выражении Даромира. Закозыристая была – страсть. Не надо бабы Яги в компании с Кощеем Бессмертным. Но Кощей не Зоран, нет.

!Ровней-то, ровней он держался со мной, но слова суетного не ронял. Я же к четырём своим годам умудрился прослыть в Мисайловке не только на наших Боднях, но даже в Надросье и на дальних Ярах несносным забиякой и шкодливым всюдусуйкой, отчего бабка Даромирка, как я теперь понимаю, пребывала в постоянной тревоге: вдруг выкину очередной коник и всерьёз рассержу Зорана, да он откажется со мной заниматься. А его-то она в Мисайловку не с ближнего света призвала. Не могло не тревожить её и другое, куда более существенное: Емеля-Мели-Неделя, авось про уроки Зорана зачну языком плескать. То несведущим кажется, что охота на «ведьм» сошла на нет в эпоху Просвещения. Как бы не так! В 1931 году наш Наркомздрав созвал в Москве всесоюзный съезд экстрасенсов, около двухсот человек съехалось. Съезд продолжал работать полторы недели, пока все не выступили. Потом его участников пригласили якобы на обед в Кремль, на самом же деле на автобусах отвезли их за Москву и расстреляли где-то в лесу под Истрой. Случайно несколько человек на «званный кремлёвский обед» не попали, и кто-то из водителей тех автобусов, рискуя головой, их предупредил, чем

спас жизнь и им самим, и многим другим, о ком никаких данных в Наркомздраве, видимо, не имелось и потому участи своих более известных коллег они избежали, но затаиться им пришлось очень надолго.

И я сейчас ещё поражаюсь мужеству Зорана и бабушки Даромиры. Они ведь целиком полагались на мисайловчан. Я ребёнок – существо ненадёжное, а в селе две с половиной тысячи дворов и в каждом самое малое 5-6 душ, а то и 10-12. Всякие могли оказаться. Но Зоран и бабушка Даромира, наверное, знали, в какой мере им может угрожать опасность. Я понял коллективный характер моего села во время гитлеровской оккупации, когда старостой у нас стал не коренной мисайловчанин, а приезжий учитель некто Загоруйко, дезертировавший из Красной Армии и в охотку служивший фашистам, но всё-таки с нешуточной оглядкой – до войны он проработал в Мисайловке семь лет и присмотреться мисайловчанам времени у него было достаточно.

Вот здесь я и скажу о своём селе, история которого выделяется и на фоне истории богуславщины. Но прежде нам придётся опять сделать отступление в общегосударственную историю России.

В 1113 году все иудеи-хазарины, наводнившие Русь при Владимире I, внуке любечского раввина Малка, и семи его единокровцах, сидевших на золотом столе в Киеве после него, из Киевской Руси были изгнаны Владимиром Мономахом. Но проникать в пределы Руси, а затем и России они всё же, несмотря на грозившие им опасности, стремились всеми способами, особенно при Петре I, который официально въезд в Россию евреям хотя и запретил, однако как раз при нём им удалось создать в Москве так называемую «Немецкую» слободу под видом лютеранцев. Рядясь, то в голландских, то в германских, то в «гишпанских», то ещё в каких-то негодянтах, оседали они и в других городах и селениях нашей страны. Под разными ликами и в разных ипостасях находились они и при царском дворе. Например, известный петровский дипломат барон Пётр Павлович Шафиров – сын крестившегося ради карьеры при российском посольском приказе французского, но, судя по фамилии, скорее какого-то восточного еврея Берко-Псахия Шафира и жены его Ревеки.

Но, поскольку большинство евреев, называвших себя христианами, продолжали тайно исповедовать иудейство, занимались ростовщичеством и другими недозволенными в России вещами, императрица Елизавета Петровна в 1742 году издала Указ, в котором, в частности, говорилось:

«Из всей нашей Империи как из Великороссийских, так и из

Малороссийских городов и сёл, и деревень всех мужеска и женска пола жидов (то есть лиц еврейского вероисповедания. — А.И.), какого бы звания и достоинства ни был, по объявлению сего высочайшего нашего указа со всех их имением немедленно выслать за границу, и впредь оных ни под каким видом в нашу Империю ни для чего не впускать».

Вернувшийся к нам из Русского Зарубежья писатель Всеволод Никанорович Иванов в романе «Императрица Фике» описал, как Екатерина II, не будучи ещё самодержавной императрицей, скорбно выстаивала сутками у начинавшегося разлагаться труп Елизаветы Петровны, демонстрируя россиянам свою преданность дочери Петра, но, дворцовым путём ворвавшись на престол, всю внутреннюю политику Елизаветы Петровны она скоро забыла, в том числе и её Указ 1742 года. Вопреки всем существовавшим в России настроениям и предрассудкам относительно евреев новая императрица, укрепившись на троне, в ноябре 1769 года послала киевскому генерал-губернатору Воейкову предписание, в котором не столько разрешала, сколько требовала поселять евреев во вновь созданной Новороссийской губернии в качестве колонистов. А перед этим, дабы осуществить свои намерения по водворению евреев в Россию, проделала подготовительную работу, ведя тайную переписку с рижским генерал-губернатором Брауном, особо доверенным курьером между которым и ею служил некий секунд-майор Ртищев.

«Когда от Канцелярии Опекунства будут рекомендованы некоторые иностранные купцы Новороссийской губернии, - писала она Брауну, когда ещё никаких «иностраных купцов» в Новороссийском крае не имелось, - то им разрешить проживание в Риге для производства торговли на таких же основаниях, как это дозволено законом купцам других русских губерний в Риге. Ежели, далее, эти купцы отправят в Новороссию своих приказчиков, уполномоченных и рабочих, то выдать им для безопасного пути, независимого от их вероисповедания, надлежащие паспорта и давать им провозных. Ежели, наконец, из Митавы прибудут три или четыре человека, которые пожелают отправиться в Петербург из-за требований к казне, то выдавать им паспорта без указания национальности и не наводя справок об их вероисповедании, а обозначить в паспортах только их имена. Для удостоверения своей личности эти люди предъявят письмо находящегося в Петербурге купца Левина Вульфа».

Слова «евреи» в письме не было, но секунд-майор Ртищев Брауну, несомненно, всё объяснил надлежащим образом. И он немедленно был командирован в Митаву, откуда 7 мая 1764 года вернулся в Ригу с семьёю евреями. Далее в Петербург с ним отправились три купца: Давид Леви, Моисей Арон и Израиль Лазарь, а также их приказчик или рабочий Яков Маркус. В Петербурге же забот-

ливая Екатерина присоединила к ним раввина Израиля Хаима и двух его служок Натана Авраама и Лазаря Израиля из Бирзена.

В посланном с Ртищевым ответном письме императрице Браун писал: «... не могу поручиться, удалось ли сохранить в этом деле тайну, поскольку евреи прибыли в Ригу открыто и, сколько я знаю эту нацию, отъезд их тоже едва ли остался в тайне».

Рижскому генерал-губернатору Брауну это поручение императрицы, надо полагать, удовольствие не доставило, так как рижское купечество и бюргерство, да и местное население, вели борьбу против разрешения евреям проживать в Риге и заниматься торговлей или какими-либо другими своими делами. На краткое время им позволялось останавливаться лишь в одном заезжем дворе – Московском форштате, но без всяких сношений с жителями города.

Что вызвало у Екатерины такое необыкновенное благоволение к евреям, сказать со всей определённою трудно, версий существует много, но какая-то серьёзная причина для этого была, безусловно. Иначе с чего бы это вдруг в 1780 году она, всемогущая и уже великая, изволила посетить в Могилёвской губернии вновь образованное еврейское местечко Шклов (отсюда, кстати, фамилии-псевдонимы известных в нашей литературе Шкловского и Чуковского, приложивших немало усилий к тому, чтобы таких гигантов русской литературы, как Лев Толстой и Николай Некрасов, мы читали и воспринимали так, как они того хотели). На пышной церемонии в Шклове еврейский хор пропел императрице России благодарение на трёх языках: идиш, немецком и русском:

«Ты дозволила нам проживать в твоей стране в мире и безопасности, под сенью твоего благоволения и под охраной твоего скипетра, в согласии с природными жителями. Как и они, мы восхищаемся твоим величием, как и они, мы проникнуты бессмертием твоей славы, как и они, мы счастливы тем, что мы твои подданные».

Из того, что я скажу дальше о Богуславе, по аналогии можно заключить, что природные жители Малороссии, однако, не особенно радовались обретением Российской империей новых подданных.

Тогда, в 1764 году, с водворением евреев на постоянное местожительство в Новороссийскую губернию у Екатерины ничего не получилось. Помня Указ Елизаветы Петровны и не получив пока прямых предписаний новой императрицы, местные власти при появлении их в Новороссийском крае незамедлительно выдворяли незваных пришельцев восвояси, несмотря на наличие у них паспортов без указания национальности. Достаточным указанием на это служила внешность их владельцев, а в Указе Елизаветы Петровны прямо говорилось: «...ни под каким видом... ни для чего...».

И тогда Екатерина, наверное, поняла, что даже её, самодержавной монархини, подобным образом свой замысел не осуще-

ствить. Для этого нужно было найти путь, чтобы поставить Россию, активно не желавшую принимать сие племя, перед свершившимся фактом: евреи – подданные Империи! С этой целью, собственно, стараниями Екатерины и был осуществлён в 1772 году первый раздел Польши между Пруссией, Австрией и Россией, в результате чего Россия сразу получила более трёх миллионов так нежелательных для неё подданных. Часть из них проживала в принадлежавших ранее Польше Белоруссии и на Правобережной Украине, в том числе в Богуславе, однако все евреи из него были выгнаны богуславчанами во время второй Килиевщины в 1768 году и впредь в город не допускались, хотя народное восстание польской шляхте помогла жестоко подавить Екатерина II. Но теперь, став подданными Российской империи, они обратились к императрице с петицией, в которой жаловались, что, будучи изгнанными из Богуслава, потеряли там подаренного польской короной имущества общей стоимостью на 284 тысячи злотых, что по тем временам составляло сумму громадную, и всеподданнейше просили её величество изыскать возможность понесённые ими убытки как-то возместить.

Екатерина II, наслышанная о своенравной Богуславщине, нашла, казалось, соломоново решение: милостиво подарила Богуслав со всеми прилегающими к нему 30 сёлами своему бывшему любовнику, последнему королю польскому Станиславу Августу Понятовскому, предложив ему вернуть евреев в Богуслав и возместить им упомянутые 284 тысячи злотых за счёт взыскания означенной суммы с местного населения. Но, несмотря на обещанную Екатериной на случай необходимости воинскую помощь, Станислава Августа, не по наслышке знавшего богуславчан, райский уголок над Росью нисколько не прельстил. Он тут же «великодушно» передал его своему тёзке и однофамильцу князю Станиславу Понятовскому. Однако и тот, не будь простаком, счёл за лучшее небрежно проиграть королевский подарок польскому же графу Ксаверию Браницкому. Этот шальной выигрыш принял, но, чтобы закрепить его за собой, обратился к той же Екатерине с просьбой о постоянном расквартировании батальона охранительных войск в Богуславе и роты – в Медвине, желательно не российской национальности, каковую просьбу «милостивая» императрица положила удовлетворить, прислав в распоряжение графа Ксаверия Браницкого 700 вооружённых лифляндцев и к тому же письмо, дававшее право графу или его уполномоченным пользоваться услугами киевской жандармерии по мере потребности.

Эрнест Ренан, историк и лингвист, со своим французским темпераментом не переставал утверждать: «Всякая история прелестна, поскольку она всегда полна драматизма». Это было, как пишут его биографы, у него любимое словечко, по всякому поводу, к месту

и не к месту восклицать: «Прелестно!». Но в принципе он прав, никакую историю перетолковывать на тот или иной лад не следует, тем более шараясь из крайности в крайность, как это принято у нас со времён крещения Руси, а не только Октябрьской революции. От этого лишь непрерывные переоценки ценностей и затемнение в мозгах.

По-видимому, тоже неплохо осведомлённый о богуславчанах граф Ксаверий Браницкий сам поселяться в Богуславе желания не изъявил. С помощью лифляндцев и киевских жандармов он водворил в город три тысячи евреев, предоставив им все права по управлению Богуславщиной, определив для себя сумму дохода и велел в кратчайший срок возвести на самом высоком месте в Богуславе за счёт, разумеется, богуславчан и их усилиями католический костёл, хотя ни в ближайшей, ни в более отдалённой перспективе прихожан для него не ожидалось, так как поляки объезжали Богуслав десятой дорогой, а надеяться на привлечение в лоно богоспасательной католической церкви закоренелых «язычников» и воинственно настроенных вместе с ними против реформ патриарха Никона одной-полтора тысяч православных было бы напрасной иллюзией. Величественное здание костела, пусть без ксендза и прихода, должно было стать символом того, что «ещё польска не сгинела».

Замок же и всю девятизвратную Богуславскую крепость, не менее тридцати веков стоявшую несокрушимой твердыней против всех посягателей сначала на Голунь, затем на Градеж, потом на Богуслав, граф приказал разрушить до основания, что лифляндцами и было исполнено, однако не скоро. Семь лет понадобилось им, чтобы закладывая под стены и фундаменты бочки с порохом, взрывать замок и крепость.

Одновременно строилось в Богуславе семь синагог, средняя общеобразовательная и средняя духовная еврейские школы, так как прибывшие сюда первыми 3 000 евреев рассматривались только передовым авангардом. По ходу строительства их число намечалось постепенно увеличить до 10 000-15 000 и, кроме батальона лифляндцев, создать также батальон еврейской «самообороны», то есть вооружённых сборщиков налогов и надсмотрщиков на разных работах.

Словом, для Богуславщины настали весёлые времена. Чтобы не распалить воображение читателей, не буду описывать все деяния новых поселенцев, они не так интересны. Скажу только о некоторых банальностях. Например, пан главноуправляющий Богуславщиной Моше Срул Бродский, память о котором и сегодня в Богуславе жива, был большим шалуном, любил ездить по городу и сёлам на бричке, запряжённой не лошадьми, а двенадцатью занузанными и празднично одетыми, в лентях, венках, вышитых сороч-

ках и цветастых плахах, красивыми молодыми россичками. У кучера пана Бродского Лейзика Глускина они бежали так же резво, как хорошо накормленные добрым овсом лошади. Но овсом он, конечно, их не кормил. В левой руке Лейзик крепко держал вожжи, а в правой – такую себе голосистую птичку или, если сказать по-другому, плётку-семихвостку. Лейзик умел делать так, чтобы она свистела, как не одна, а сразу-таки семь птичек. Она была порядочно длинной, потому что Лейзик запрягал девушек цугом по три в один ряд, а всего рядов, как вы понимаете, получалось четыре, и Лейзику приходилось доставать плёткой до передних. Он, наверное, неплохо натренировал правую руку. Не так легко всё время держать на весу такую плётку.

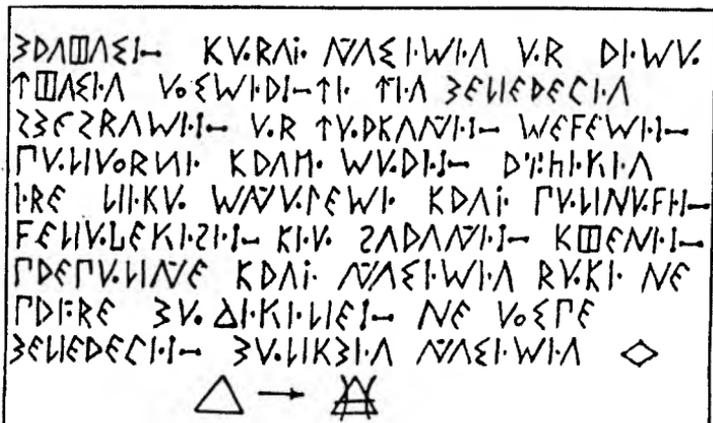
Конечно, не хорошо, кто говорит, закапывать живых людей в землю или чтобы на их руках горели намоченные в керосине тряпки. Ну да, но кто же закапывал их насовсем? Это делалось всего на какой-нибудь час, может, даже меньше часа. Никто не умирал. Кому надо, чтобы кто-то умирал, если он должен работать и платить то, что ему платить полагается? И никто не сжигал у кого-то руки со всем. Их немножко поджигали только лодырям и тем, кто делал вид, будто у него плохая память и он забывал вовремя принести в контору те несколько грошей, которые полагались пану.

А что делать? Надо же как-то учить этих гоев, если добрых слов они не понимают. Сколько раз было говорено попу Онисию, что за всякую службу в этом их храме он должен платить по одному злотому с головы прихожанина пану главноуправляющему и полсотни злотых благочестивому Нох-Ицку Бурд-Грановскому, потому что благочестивый Бурд-Грановский тот их храм арендовал у самого графа, и то был его законный маленький гешефт. И что бы вы думали? Этот наглец поп Онисий, не спрашивая разрешения у благочестивого Бурд-Грановского, взял себе за манеру здоровенной железной кувалдой сбивать те не такие уж дешёвые замки, которые благочестивый Бурд-Грановский своими руками вешал на двери церкви и ключи от которых, как вы понимаете, носил у себя в кармане. А ключи, скажу я вам, были не пёрышко, но они оттягивали карман благочестивого Бурд-Грановского совершенно напрасно. Назавтра за свои кровные он должен был покупать и новый замок, и новый ключ. И вы думаете поп Онисий делал только это? Если бы только это! Он сбивал кувалдой замки с церкви, чтобы править свою службу, а денег ни пану главноуправляющему, ни благочестивому Бурд-Грановскому не платил ни шеляга. И вот вы, разумный человек, скажите, пожалуйста, кому понравится такое терпеть? Кто имеет право отнимать у честных людей их законный маленький гешефт да ещё приносить убытки с этими замками? И не надо забывать те непустяковые монеты, которые благочестивый Бурд-Грановский заплатил гра-

фу за аренду этой их церкви. А что он получил обратно?! Поп Онисий заставил-таки сам посадить себя на кол. Все видели как он «делал шум» на весь Богуслав, и все слышали, что сказать больше хороших слов ему было нельзя...

Готеню, азухен, Готеню!

...Не позднее 70 г. до н. э. наши праотцы предупреждали римлян:

«Врашася ходаі насіміа од Рімо. Тшасіа усміряті тіа, велеречі звездамі, од торканія мечемія полудні край морія. Рыбіца іде. Ліхо многемі. Краі полночія челоуеція, кіо саранія хшенія, преполне, край насіміа, докі не прііде Водіцілея. Не успе велеречія волхвіа насіміа.»

«Возвратились ходоки наши из Рима. Старались усмирить тех, объясняя по звёздам, чтобы не трогали мечами южную сторону моря (здесь ясно, что имеется в виду Средиземное море. – А.И.). Рыбица идёт. Горе многим. Северные страны люди, как саранча, хищные, переполняют наши страны пока не придёт Водолей. Не сумели доказать волхвы наши.»

Ниже на двух рисунках показано, что нормальное триединство жизни в Северном полушарии будет нарушено теми, кто первыми испытает на себе воздействие созвездия Рыб. Согласно астрологии, это должно было произойти (и произошло) в 69 г. до н.э. (отсюда исчисление новой нехристианской эры, которая продлится до 2597 года, когда наше Земля перейдёт под влияние созвездия Водолея) в квадрате между 30-й и 40-й северными широтами и 30-м и 40-м восточными меридианами, там, где находятся Египет, Палес-

тина, Ливан, Сирия и часть Аравии. Потому волхвы россиячей и угоривали римлян не идти туда войной. Из-за этой войны они предвидели большие беды для всего Северного полушария. Но римляне их не послушали. Как известно из истории, в 63 г. до н. э. они покорили Иудею, в результате чего, по оценкам современных учёных, на огромной территории Римской империи оказалось от 4 до 4,5 миллионов палестинских евреев, которые потом разбрелись и по многим другим странам Северного полушария...

В неприступный было Богуслав лифляндцы с графом Ксаверием Браницким вошли свободно. Увидев на них форму российских солдат, богуславчане впустили их в крепость сами. И в тот же день точно так же поступили медвинцы. Остальные сёла Богуславщины лифляндцы занимать не стали, считая их беззащитными. Но обманулись.

Когда в Богуслав начали прибывать евреи, в Мисайловке, которая находится в семи километрах от города, сразу поняли, чем это им угрожает, и в одну ночь вырыли укрепительный ров со стороны Богуслава длиною в три километра. Размытый за два с лишним века тальми водами, он и сейчас ещё сохранился. Бережком теперь называется, потому что в образовавшейся длинной впадине трава луговая растёт.

И заняли оборону, одновременно готовя такие же укрепления со стороны Карапишей, Туников, Дыбинцев и Раскопанцев – шестиугольником: шестой стороной служила Рось, подойти по которой к Мисайловке и пройти вдоль села можно было только либо от Раскопанцев, либо от Дыбинцев.

При тогдашнем вооружении на взятие окопавшейся Мисайловки нужно было бросить добрую дивизию, если не все две. Дело в том, что она, как и Медвин, имела в то время свой неплохой арсенал с пушками, ружьями, достаточным запасом пороха и свинца. Здесь же находился филиал Богуславского литейного завода, который мог изготавливать бомбы, лить ядра, картечь и даже пушки. А с продовольствием и водой проблем не было никаких. Но стоять на смерть мисайловчане не собирались, они задумали иное.

Так сказать, «дипломатический» центр Богуславщины был не в Богуславе, а в Мисайловке. Тут жили Лукомыслы, пращур которых ходил послом от всего Поросья и Каневщины в Суздаль к великому князю Всеволоду Большое Гнездо. К царю Алексею Михайловичу тоже отправляли одного из Лукомыслов. Потому их Лукомыслами звали, что изворотливость в мыслях у них наследственной была. Любого дипломата перелукавить умели. И грамоты великокняжеские и царские, касавшиеся Богуславщины, хранились у них.

Как вы уже догадались, мисайловчане решили спешно отпра-

вить своё посольство в Петербург к самой императрице. Возглавил его Лукомысл Радоцвет, которому не было ещё и тридцати лет, но мисаловчане, вероятно, пришли к мнению, что для такой роли он самый подходящий. Видный собою и многими иностранными языками свободно владел.

Придели посольство соответственно чину. И сопроводительный лист составили важный, с большой сургучной печатью, указав в нём имена всех посольцев христианские. Радоцвета Лукомысла нарекли Иваном Ивановичем Григоренко. Коль фамилия в конце на «-нко», стало быть из вольных казаков. Гришка Потёмкин только через три года надумает Запорожскую Сечь и всё казачество на Украине ликвидировать. А лучшим пропуском на дорожных заставах и почтовых станциях служила знатная грамота царя Алексея Михайловича.

Не будь у них той царской грамоты, солидной сопроводительной бумаги да кунных мехов с горностаями на плечах (дело зимой происходило), их бы как беглых холопьев враз зануздали. Кроме того, посольство везло с собой перечисленные в сопроводительном листе богатые подарки императрице, а также кожаные мешочки с золотыми ещё гривнами и царскими червонцами. Небрежно брошенная золотая монета – тоже пропуск не плохой. Всё это, вместе взятое, без особых хлопот решило в Петербурге и вопрос о доступе к императрице. Сама её величество удивительными послами оказалась заинтригована, велела звать, не томя ожиданием.

Радоцвет был не промах, порядок знал. Сначала, конечно, дары. Рухлядь и прочее на не простой красоты рушниках Поросья позади главного посла несли послы меньшие, он же сам, остановившись на положенном расстоянии и преклонив правое колено, протянул на шитой золотом и жемчугами подушечке осыпанную изумрудами и бриллиантами перламутровую шкатулочку – в личное пользование её высочайшей особе (дед Радоцвета ту шкатулочку у иноземных купцов на Москве впрок купил, когда был у царя Алексея Михайловича, вот и пригодилась). Приняла благосклонно, даже головкой слегка изволила кивнуть.

Первым делом поблагодарил императрицу за дарованную ею великую радость снова быть в неразрывном соединении с матушкой Россией (здесь Лукомысл не лукавил, чистую правду сказал), справился, как должно, о здоровье её величества и его высочества цесаревича Павла Петровича, а затем уж плавно и к причине своего посольства подобрался. Разумеется, с церковью начал (учтём, что при сем присутствовал весь двор). Мол, казус престранный, матушка ваше величество, на Роси наблюдается, православные храмы до сей поры в аренде у католиков остаются, а держава-то нынче православная (об истинных арендаторах говорить не следовало, это

Радоцвет понимал, и ненавистный императрице Богуслав тоже упоминать не годилось; селение в десять тысяч душ на реке Рось, почти город, Мисайловкой прозывается, а Рось в Киевской губернии, коя обширна, вот и все координаты). Сквозь румяна на пухленьких ланитах её величества натуральная пунцовость проступила, охнула сердешная. Эко, головотяпство чиновных наших нерадивых!

...Миссия Радоцвета Лукомысла из Мисайловки в Петербург, о которой он составил подробнейший отчёт, - сюжет для отдельного романа. Для нас же сейчас главное, что Екатерина, сама в лукавстве изошрённая, по достоинству оценила и весьма уместное лукавство Радоцвета относительно арендаторов церквей.

Первостепенным его поручением от села было добиться монаршьего способствования выкупить Мисайловку у графа Ксаверия Браницкого. Тот бы своей охотой навряд ли её продал. Не только ведь десять тысяч холопьев, ещё три тысячи десятин роскошной пахоты да леса столько же, да выпасы, да луга заливные, да производства всякие... Дураком надо быть, чтобы от богатства такого отказать, хотя бы и за деньги. Но Екатерина настолько, наверное, прониклась симпатией к Радоцвету, что чуть было не передарила Мисайловку ему. А может, сам он ей плянул по известной её женской слабости. Радоцвет, однако, ответил на её родном немецком:

- Премного благодарен, матушка ваше величество, не гонец я за прибылью, ты бы лучше ордер охранный Мисайловке даровала по вольному мещанскому сословию, пользы от того больше твоей державе будет.

Тут её величество и совсем растаяла.

Короче говоря, благодаря дипломатическому искусству Радоцвета Лукомысла и охранным ордерам Екатерины II, Мисайловка, будучи в самом центре громадных владений графа Ксаверия Браницкого, которому с 1772 года принадлежала вся Богуславщина, избежала лихой участи крепостного холопства. Не осмелился граф ордер императрицы оспаривать. Как жило издревле село тремя своими общинами: Надросье, Бодни и Дальние Яры, так и продолжало жить, имея статус вроде вольного города. Радоцвета же Екатерина, узнав, что тот в иностранных языках искусен, оставила в Петербурге при дипломатическом ведомстве. Только с фамилией у него недоразумение вышло. Как вы помните, в мисайловских бумагах его записали Григоренко, а в Петербурге превратился он в Классена. Видимо, чиновникам канцелярии её величества велели записать его по такому-то классу, а те, немцы, не разобрав, и вклеили в паспорт «Классен».

Это его внук статский советник Егор Классен, он же Григорий Иванович, доктор философии и магистр изящных наук, написал вышедшую тремя отдельными выпусками (два в 1854 году и третий

в 1861 году) в типографии Московского университета книгу «Новые материалы для древнейшей истории Славян вообще и Славяно-Руссов до Рюрикового времени в особенности, с лёгким очерком Руссов до Рождества Христова», которую наши историки при жизни Ленина и Сталина поносили как лженаучную, заперши её в спецхранах, а теперь делают вид, будто такого исторического труда и вовсе не существует. Никак почему-то не хочется, чтобы история Руси насчитывала больше, чем одну тысячу лет. Так и вошло в обиход с их подачи действительно лженаучное: тысячелетняя история Руси... Будто из небытия, этак вдруг громадная держава вынырнула, причём сначала бессловесная, немая, потом уж на смеси иллирийского и болгарского наречий заговорившая, вроде как на общеславянском.

Между тем, книга Классена, пусть и с заметным несовершенством, слишком бегло, но всё-таки показывает не выдуманную досужими академиками, а нашу подлинную отечественную историю. Кроме огромного количества иностранных источников, Егор Классен широко использовал также дохристианские летописи, хотя и не ссылаясь на них по той же причине, по какой не указывал их Михайло Ломоносов, создавая свою «Граматику Российскойскую». Зато Классен опубликовал 10 таблиц из книги упоминавшегося мною польского учёного Фаддея Воланского, собравшего памятники слов'янской письменности почти за три тысячи лет до н.э. и ещё за одну тысячу лет до крещения Руси. С этой его книгой и с ним самим произошла, на мой взгляд, очень интересная история, которую я узнал в Русском Музее в Сан-Франциско, читая воспоминания Егора Классена, пока, к сожалению, не изданные ни у нас, ни за границей.

Когда труд Ф. Воланского в 1847 году вышел в свет в Варшаве, католический примас Польши, входившей в состав Российской империи, обратился в Святейший Синод России с просьбой испросить разрешение у императора Николая I применить к Воланскому аутодафе на костре из его книги. Тот, однако, Николай I, которого все наши писатели привыкли изображать невежественным Палкиным, затребовал, тем не менее, сначала книгу Воланского и вызвал из Москвы для её экспертизы Классена. Простой случайностью это быть не могло. Вероятно, Николай I знал, что наша дохристианская письменность Классену известна. Потом император приказал «взять потребное количество оной книги под крепкое хранение, остальные же, дабы не наносить вред духовенству, сжечь, к Воланскому же прикомандировать воинскую команду для содействия ему в его экспедициях по сбиранию тех на каменных надписей и впредь и охранения его персоны от возможных злоключений». Так распорядился Николай Палкин. Классену же велел опубликовать в своём сочинении такие таблицы из книги Воланского, которые бы не вызвали

недовольство Русской православной церкви, что Классен и сделал со всей предусмотрительностью. Но недовольство со стороны церкви всё равно вызвал великое, как теперь раздражает наших учёных историков одно упоминание его имени.

Но вернёмся к Мисайловке.

Я говорил, что коллективный характер мисайловчан мне стал понятен во время гитлеровской оккупации, когда старостой у нас был приезжий учитель Загоруйко, работавший до войны в Мисайловке. Так вот, в то время в нашем селе проживала богуславская еврейка Хана Мордухеевна, вышедшая замуж за мисайловчанина. Фашисты её с двумя детьми, конечно, расстреляли бы. Но Загоруйка в селе предупредили, что, мол, если Хану Марковну (так её называли, «Мордухеевна» трудно произносить) расстреляют, в ту же минуту ляжешь и ты.

За семь лет тот отлично усвоил: пустыми словами в Мисайловке не бросаются. Как уж он договаривался с гитлеровцами, неизвестно, но Хана Марковна и её дети не прятались и остались живы.

Я думаю, и Зоран, приехавший с Памира, чтобы учить меня «крамольным» наукам, был уверен в мисайловчанах вполне. В тридцатых годах их боялись даже богуславские энкэвэдэшники. Ни одного человека не осмелились репрессировать. За одного невинного все бы жизнью поплатились, вернее, всё начальство их смердючего райотдела.

Закон же мисайловчане чтили, но тот Закон, в коем прибежище справедливости. Как римляне говорили: «Пусть рухнет мир, но да здравствует юстиция!» Потому в Мисайловке и хмурились, если кто-то, не подумавши, называл службу энкэвэдэшников псовой. За что верную своим обязанностям животину обижать? Подлым нравом собаки не отличаются.

... Смежив веки и немножко отстраняясь от сиюминутного бытия, я вижу Зорана живым, его Душа со мной и во мне.

Ни у кого другого не видел такой улыбки. В чуть размытой голубизне глаз короткий всплеск искринок и лучики света, на мгновение озаряющие морщинки сомкнутых тонких губ. Я всё же успеваю их улавливать и чувствую, как в моё тело множеством токов извне входит, расплываясь по всему мне, теплынь. Но глаза мои продолжают смотреть на Учителя с прежним вниманием. Губы его, скрыв два ряда ровных, белых с сининкой зубов, смыкались только на совсем малый момент. Он такой же серьёзный. Спокойно звучит молодо баритонный голос. Я слушаю его, но и рассматриваю учите-

ля и всякий раз нахожу в его облике что-то необычно интересное. Вы видели, как на вешалах светится под солнцем чесаное льняное волокно? Представьте себе такие волосы. От высокого, с волнистыми прочерками складок лба они перекинута через голову до самых лопаток на спине. И от висков, где небольшие лысоватые прогалинки залысин, по краям удлинённого лица двумя постепенно расширяющимися полосками сбегают вниз, в такую же льняную бороду клином. А усов нет. Верхнюю губу делит пополам выемка с кажется жестковатыми, если бы можно было дотронуться кончиком пальца, закраинками. Ноздри словно просвечиваются: две слегка скошенных книзу треугольника с немного закругленными углами возле узкого кончика носа. На переносице горбинка, а дальше вниз прямая линия с тонюсенькими красноватыми прожилками. Если посмотреть сбоку, она от горбинки до кончика носа по косине поднимается вверх, потом на кончике носа сначала изламывается прямым углом, затем, соединяясь с носовой перегородкой, - округло в косой, падающий под горку. Если бы кончик носа не был узким прямоугольничком, он казался бы клювистым, а так – нет.

Глаза не выпуклые и не посажены глубоко, нормальные. А если бы разогнуть колечки надглазных век, они были бы очень длинные и, наверное, закрывали бы все глаза. Брови прямые. Большая часть их от середины лба гладкая, а дальше влево и вправо торчат стрельчатыми кустиками. Ушные раковины закрывают волосы, выглядывают из-под волос только их мочки. Они тоже как бы просвечивают. Левая проколота, и там будто выпуклая маленькая золотая заклёпка.

В дверь он входил, пригибая голову и сутулясь, иначе стукнулся бы лбом о притолоку.

Не знаю, сколько у него было рубашек, всегда, казалось, одна и та же, с теми рядочками васильковых восьмиконечных звёздочек, вышитых гладью на груди до пояса и по ободкам рукавов, из домашнего льняного полотна, но белее бороды.

«Если Мирка стирает ему рубашки, то где же она их сушит, нигде не видно», - хотел думать я, но боялся, что он услышит. Мои мысли он слышал. Вот:

- Ногти на больших пальцах ног посинели оттого, что ритм обмена веществ в организме к старости нарушается, и прежде всего это сказывается на ногах, так как они под постоянной нагрузкой всего тела, поэтому их клетки и кровеносные сосуды должны работать напряжённее, чем в остальных частях тела, но с приближением старости организм справляется с этой задачей всё меньше. Посинение ногтей на больших пальцах ног означает, что кровоток в ногах остаётся пока прежним, но обмен веществ в клетках уже замедлен. Потом и напряжение в кровотоке снижается, тогда ногти на

ногах обесцвечиваются, а мышцы начинают дряхлеть. Потому и надо ходить босиком, с детства накапливать силу земли впрок, а в старости подпитывать ею ноги...

Ну да, у меня об этом только шевельнулось в голове, а он услышал и сразу объяснил, я и слова ещё не сказал. Правда, раньше я думал, почему и зимой он ходит в хате по «доливке» (так у нас называется смазанный глиной земляной пол) босым и мне велел-разуваться. Но доливка у бабки Даромирки была не холодной. Она застила её мягкими веточками ели, а сверху свежую хвою густо посыпала сухим чебрецом. У неё весь чердак был им набит. Ещё она хранила в нём яблоки и лесные груши-гнилички. Внесёт в хату в плетённом из белой лозы полукушике, будто вот сейчас где-то в саду набрала. Яблоки наливные, хрустящие, только намного душистее, чем с дерева. Яблочный дух с чебрецом смешан. Запашище! – не знаю, как рассказать...

Но меня опять в сторону уводит.

Ответив на не заданный мною вопрос, Зоран тоже закончил вопросом, потому что я сбил его с другой темы:

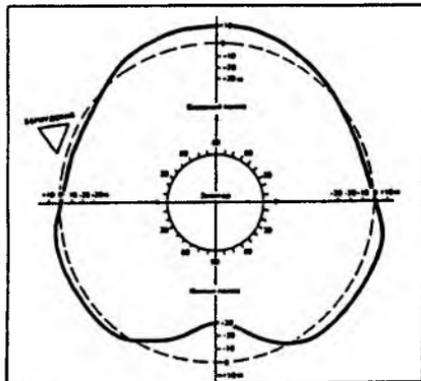
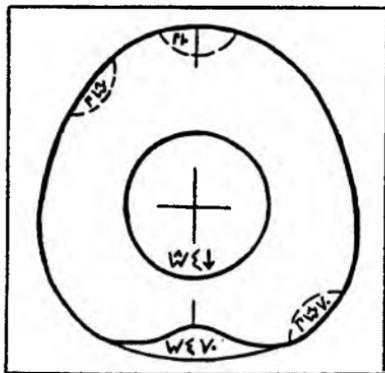
- Теперь ты понял, сынка, почему истинная форма Земли не может быть такой, как на современных школьных картах?

- Да, Учитель, иначе она кувыркалась бы в пространстве. Поэтому внизу, за Полуденным кругом, ей нужно, как у яйца, место силы постоянства. А матка силы животворной в середине Земли круглая, чтобы небесное тело равномерно вращалось вокруг своей оси и в Коле Живота (в созвездии Зодиака, что по-гречески значит Круг Животных).

Напомню читателю, что Зоран с первого дня говорил со мной только по-древнерусски и я, всё прекрасно понимая, отвечал ему точно так же, хотя раньше никогда древнерусского не слышал. В Мисайловке все говорили по-украински, но от украинского и современного русского, на котором, кстати, я говорить ещё не умел, он отличается очень значительно. Видимо, академик Николай Петрович Дубинин прав, называя такое явление генетической памятью. Оказалось, я «помнил» многие языки и наречия, которыми пользовались наши пращуры, кроме болгарского, из него я «помнил» только его иллирийскую часть. А когда мы с Зораном принялись за древнегреческий и латынь, то для меня это было словно повторение. У моей памяти, однако, есть одно свойство, к которому я никак не привыкну. Часто кажется, что многие я напрочь забыл. Но если мне что-то нужно, оно откуда-то всплывает, будто при нажатии кнопки в теперешних компьютерах. Никогда ничего специально удерживать в памяти я не стараюсь, в необходимый момент оно вспоминается само собой. Может быть, так у всех людей, и это свойство человеческой памяти обычное, но я вот сколько живу сознательной жиз-

нюю, не перестаю ему удивляться.

Хочу ещё привести пример из тех знаний, которые давал мне Зоран. Взгляните на эти два рисунка.

На обоих показана истинная форма Земли. Но рисунок слева взят из нашей дохристианской книги «Лад Сварожья», которой три тысячи лет, а справа рисунок впервые сделан современными американскими учёными с помощью широкомасштабных съёмок и зондирования чуткими приборами планеты из Космоса. Разница же между рисунками невелика, хотя наши пращурьы создавали свой рисунок, размышляя лишь над формой куриного яйца без скорлупы и сообразуясь с визуально наблюдаемой динамикой движения небесных тел.

В Природе всё малое повторяет в себе большое и наоборот. Следовательно, яйцо как первооснова жизни необходимо должно повторять в себе и важнейшие особенности планеты, на которой есть жизнь. Желток яйца содержит в себе всё для зародыша, белок – уплотнённое органическое вещество, которое под воздействием тепловой энергии наседки превращается в продукт для питания и развития зародыша до его появления на свет, когда он сможет кормиться самостоятельно.

Значит, земная кора должна иметь форму белка, а её матка, то есть ядро, - форму желтка.

В оплодотворённой курице сумма положительной и отрицательной энергии уравнивается, плюс на минус даёт не минус, как в электричестве, а статичный тепловой плюс. Но до полного созревания яйца какая-то сила удерживает его и в курице, и в определённом положении, не создавая при этом никаких неудобств курице.

Коль во вместилище яйца среда статично положительная,

логика подсказывает, что в самом яйце с его тыльной стороны тогда должен быть достаточно сильный отрицательный заряд, выполняющий сразу две функции – удерживает яйцо в курице и придаёт ему горизонтальное положение.

Идущему по морю или стоящему на якоре кораблю не позволяет опрокинуться при волнении отрицательный груз – балласт. Для сохранения нужного положения, нечто подобное необходимо и яйцу, чтобы его верхушка всё время была горизонтально направлена вправо. Но балласт в него ведь не погрузишь. Стало быть, яйцу нужен своеобразный аккумулятор отрицательной энергии. Им и служит та выемка в яичном белке, которую мы все знаем. Но эта отрицательная сила яйца не должна нарушать энергетическое равновесие в курице. Поэтому яйцо и находится в скорлупе, обладающей свойством диэлектрика. Она является изоляционным слоем между самим яйцом и той средой, в которой оно развивается. Так наша атмосфера защищает Землю от губительных для её живой Природы космических лучей. И скорлупа яйца, и атмосфера Земли имеют наиболее целесообразную обтекаемую овальную форму, ибо и в Природе, и во всём мироздании всё подчинено законам целесообразности.

Земля движется вокруг Солнца слева направо, согласно естественным виткам спирали. Сила движения могла бы свалить её ось вправо, если бы не было никакой противодействующей силы.

Вверху по центру рисунка показана Полночь истинная – Северный географический полюс, через который проходит земная ось. Внизу – Полуденная сторона, юг. Слева и немного ниже Полночи истинной – Полночная матка: Северный магнитный полюс, внизу справа – Полуденная матка постоянства: Южный магнитный полюс. Оба магнитных полюса друг друга уравнивают, благодаря чему наклон земной оси в движении планеты по своей орбите вокруг Солнца сохраняется постоянным.

На рисунке нет широт и меридианов. Во всём остальном, кроме земной оси и экватора, можно указать на те или иные неточности. Но это и не удивительно. Ведь три тысячи лет тому назад у наших пращуров не было космических приборов. Тем не менее, истинную форму Земли и то, что обуславливает её правильное движение вокруг Солнца, они в принципе изобразили верно. Яйцо курицы, наблюдения за небом и сила логических рассуждений – вот и всё, чем они при этом пользовались. Однако, чтобы логика рассуждений действительно имела силу и приводила к верным выводам, нужно было обладать самыми разносторонними знаниями и в совершенстве владеть искусством мышления. Когда человек говорит «Я думаю», это ещё далеко не значит, что он мыслит. Мышление – высочайшее искусство.

В первые два предвоенные года, занимаясь со мной, Зоран, естественно, не ставил своей задачей научить меня мыслить. Для постижения этого искусства, кроме знаний, нужен также зрелый ум. Я же был ещё ребёнком. Поэтому, используя мой девственный мозг, врождённое свойство памяти и моей биоэнергетики, которых в себе я в общем-то долго не сознавал и сам не мог понять, что это такое, Зоран, образно выражаясь, лишь «накачивал» в меня разнообразную информацию.

В августе 1940 года он уехал к себе на Памир. Немного раньше, чем собирался, так как мою мать, хорошо знавшую идиш, неожиданно для нас решили послать на работу в Богуславскую среднюю еврейскую школу, и вся наша семья переезжала из Мисайловки в Богуслав, куда следовать за нами Зоран не хотел. А ходить к нему в Мисайловку мне, малому, было далеко: три километра городом и семь километров по шоссе Мироновка-Карапиши до села.

Потом война. Моторошное слово – ОККУПАЦИЯ.

... Помню, на деревьях уже желтели листья и в воздухе плыла паутина бабьего лета, когда в один из дней на рассвете немцы с автоматами на груди и полицаи с короткими винтовками за плечами согнали всех жителей Богуслава – всех поголовно, от младенцев, которых матери несли на руках, до дряхлый стариков – на две городские площади: евреев с вещами – на большую базарную, а украинцев без вещей – на гораздо меньшую площадь перед бывшим районным Домом культуры, в котором теперь размещалось какое-то увеселительное заведение «Только для немцев».

Для чего и зачем согнали, никто не знал, но все догадывались, что сегодня должно произойти что-то важное. Такого, чтобы вот так разом подняли на ноги весь город, тем более спозаранку, ещё не случилось. И ещё не видели в Богуславе столько гитлеровцев с нашитыми на левых рукавах орлами и солдат, у которых кроме автоматов, висели на груди похожие на полумесяцы железные бляхи. Они, эти солдаты, вперемежку с полицаями оцепили всю нашу толпу. Мы с матерью оказались крайними. В шаге от нас, повернувшись к нам спиной, стоял в полицейской форме всем в городе известный Тимофей Гаркавенко – скрывшийся от мобилизации райфининспектор, ходивший раньше по Богуславу с пузатым потёртым портфелем. Для меня, да, вероятно, и для всех остальных детей он тогда был дядька как дядька, ничем, кроме своего портфеля и помятой фетровой шляпы, какие в Богуславе встречались редко, особенно не примечательный. Но теперь на нём была чёрная суконная форма, широкий тёмно-коричневый ремень и винтовка. Это меняло человека разительно.

- Тымиш, чуеш, Тымиш, - вполголоса с тревогой говорила ему

в спину мать, - що ж воно будэ?

- Замовч! – односложно отвечал он, не оборачиваясь.

Одной рукой прижимая к себе меня, другой – с детства хвою Верочку, мать, шумно вздыхая, некоторое время молчала. Но надолго её терпения не хватало.

- Тымиш, чуеш, Тымиш, ты людина чы нэ людина?!

Полицай обозлился, резко откинул голову назад, показав нам худое, в красных пятнах лицо. Однако гнев свой сдержал:

- Я – людына! А хто твий Сэмэн?.. Отож пам"ятай, чэтвэро у тэбэ...

И снова застыл в прежней позе. Но его спина, напряжённая до сих пор, вроде как бы размягчилась. По-видимому, своей отповедью он остался доволен.

Мать он страдал тем, что наш отец Семён Гигорьевич где-то воюет против немцев, но это все знали и без него, из Богуслава большинство мужчин ушли на фронт, но солдаткам никаких притеснений немцы пока не чинили. А вот он, Гаркавенко, считал это преступлением, и моя вспыльчивая мать наверняка наговорила бы ему дерзостей, если бы сильная Маруся, моя самая старшая сестра, обеими руками вовремя не зажала ей рот.

- Мамо, нащо вин тоби трэба? Побачым, що воно будэ.

После отца Маруся всегда была у нас разумнее всех и над всеми верховодила. А характер моего старшего брата Грицька той поры я почему-то совершенно не помню. Может быть, потому, что мной он почти не занимался. После того, как мы переехали в Богуслав и не было с нами Зорана, моё воспитание целиком взяла на себя Маруся, любвеобильная и строгая до невозможности. В том, что касалось меня, ей не перечила даже мать. Иногда мне казалось, что она побаивалась Марусяки не меньше, чем я.

На верхней ступеньке парадного входа в Дом культуры появился кто-то в гражданском, но перепоясанный ремнями, с пистолетом на пузе и какой-то серебристой штуковиной в руках, в которую он на чистом украинском языке стал говорить:

- Внимание! Германские власти призывают вас к порядку. Никаких разговоров! Стойте и ждите. Причину, почему вас здесь собрали, вам объяснят позже. Неповиновение будет караться по законам военного времени. Прошу отнестись к этому со всей серьёзностью.

В ту серебристую штуковину он не кричал, но голос его был ясно слышен по всей площади.

- Ой, лышэнько, що ж воно будэ! – вздохнула мать, как только перепоясанный ремнями со ступенек исчез.

- Тоби наказано мовчаты?! – гаркнул Гарковенко, на этот раз повернувшись к нам всем корпусом. – Чы жыты набрыдло?

- Пробачтэ, дядьку Тымиш, вона ж ничего нэ сказала, - извиняющимся тоном поспешила на выручку матери Маруся. – Мы будэ-мо мовчаты.

- Отож, майтэ на увази, бо я добрый до часу, - опять пригрозил Гаркавенко, понизив голос.

Запуганная толпа притихла. Никаких звуков не доносилось и со сравнительно недалёкой базарной площади, где, как мы думали, всё ещё находились евреи.

Сколько так стояли, сказать трудно, но очень долго. Потом говорили, что шесть часов. Не знаю, может быть. Помню, что оцеплявшие нас солдаты и полицаи сменялись дважды, а мы всё стояли. После второй смены оцепления ноги уже подкашивались и нестерпимо хотелось по малой нужде. Малыши начали плакать. Плакала и наша слабенькая Верочка. Маруся и Грицько поддерживали её, бедняжку, под руки. И все были голодные. Нас подняли с постелей, никому не дав позавтракать. Люди едва успели натянуть на себя кой-какую одежку.

Откуда-то от моста через Рось вверх к бывшей почте мимо нас проехали грузовые машины с кузовами, нагруженными с горой лопатами.

- Нащо воно такэ? – провожая взглядами рычащие грузовики, зашептались в толпе. – Щось копаты зибралысь, а що, га?

Все задавались одним и тем же вопросом, ответ на который не находили, и это наводило страх. Затихли даже маленькие дети.

Машины давно скрылись за поворотом, когда на ступеньках Дома культуры снова появился тот гражданский, перепоясанный ремнями. Заговорил в свою серебристую штуквину:

- Внимание! Всем организованно выходить на улицу, строиться по четверо в ряд! Лицом направо! – Он указал в ту сторону, куда ехали грузовики. – Если будет давка, солдатам приказано стрелять без предупреждения.

Все решили, что нас сейчас погонят на расстрел. Иначе зачем повезли туда столько лопат? Определённо там уже рюкот нам могилы. Или заставят копать их самим себе.

Ужас, охвативший толпу, не берусь передать. Мне кажется, воссоздать словами ту картину невозможно. Я видел, как у нашей Верочки в момент высохли расширились и застыли глаза. Она словно внезапно задохнулась и не могла понять, что с ней происходит. У мамы и Маруси мелко дрожали губы. Только Грицько, насупившись, ничем своего внутреннего состояния не выдавал. Обычно он так хмурился, когда думал о чём-то своём.

Все боялись, что автоматы затрещат раньше времени, и выливались с площади на проезжую улицу тягучим медленным потоком, который на мостовой сужался до четырёх человек в ряд. Никог-

да прежде этим людям строиться, конечно, не доводилось, но теперь они строились так, будто делали это не в первый раз. Не было ни суеты, ни ропота. Только возле нас какая-то женщина с ребёнком на руках на минуту растерялась: одна она или их двое? Но своё сомнение сама быстро разрешила, заняв место четвёртой в ряду.

Под конвоем солдат с бляхами и полицаев нас погнали через город на его окраину, к знакомой всем богуславчанам круглой котловине у леса. За всю дорогу в колонне не было слышно ничего, кроме слитного топота ног. И я не помню, чтобы голову мою обременяли какие-то мысли, за исключением одной: как бы и где бы справиться нужду. Живот мне прямо-таки распирало, и этим поглощалось всё моё внимание.

До котловины мы не дошли, как я теперь могу прикинуть, метров пятьсот, когда колонну повернули влево, в поле, и вскоре остановили, приказав всем повернуться к видневшемуся справа лесу. Получилось четыре шеренги, которые так и погнали дальше к котловине. И снова остановили почти у её края, разорвав наши шеренги на две примерно равные полудуги.

То, что я увидел в котловине, сначала меня только изумило. Ближняя её половина оказалась забитой евреями без вещей. Чуть дальше от их плотной толпы и ближе к лесу тоже находились евреи, мужчины и женщины с лопатами. Растянувшись по всей котловине, они копали громадный ров. Уже вырыли его до пояса и продолжали копать глубже, кидая землю на обе стороны рва.

«Як жэ воны сюды попалы ранишэ нас і дэ іх чамайданы?» - полный недоумения, спрашивал я себя, совсем не думая о том, что стою на месте расстрела, который вот-вот начнётся.

Потом я увидел, что вся котловина окружена поверху фашистами с серебристыми орлами на рукавах. Кроме того, в разрыве между нашими шеренгами и с трёх остальных сторон стояли пулемёты с их obsługой.

Только теперь я подумал о предстоящем расстреле и начал соображать. По моим наблюдениям выходило, что сравнительно с теми, кто копал ров, гитлеровцев и полицаев во много раз меньше. Почему же те с лопатами на них не бросятся? Ну, пусть фашисты половину или даже больше перебьют, зато остальные убегут. Ведь до леса им рукой подать. Это нам, украинцам, пришлось бы пробегать всю котловину, а сзади нас и впереди – две цепи автоматчиков. И у нас ничего нет в руках. Нам деваться некуда, всё равно перебьют всех. А у тех с лопатами положение другое. Они должны попытаться. Неужели не догадаются?

Наверное, я крикнул бы им, но рядом стояла Маруся, которую я по привычке боялся и перед лицом смерти. Собственно, неизбежность скорой смерти я сознавал лишь умом, думая, что нас рас-

стреляют вместе с евреями или вслед за ними. Но в то, что меня вдруг превратят в труп, какие я видел на центральной улице города в день воздушного обстрела и бомбардировки Богуслава, когда гитлеровцы наступали, не верилось никак. Вероятно, поэтому и такого страха, как у нашей Верочки во мне не было. Здоровая оплеуха Маруси страшила куда больше, и я не сомневался, что получу её, как только открою рот. Это я сейчас понимаю, что в той обстановке ударить меня моя старшая сестра не могла, хотя крикнуть бы тоже не дала. Иначе я погиб бы первым, чего бдительная Маруся не допустила бы ни при каких обстоятельствах.

Между тем, я не заметил, как напурил в штаны. Стало ужасно неловко и одновременно пришло что-то похожее на затаённую радость: наконец-то облегчился! И мои мокрые штаны Маруся, кажется, не видит...

А там, на дне котловины всё копали. Из широченного и длинного рва уже выглядывали только макушки голов, и россыпью летела земля на свеженабросанные валы. Я с тоской подумал, что теперь им оттуда не выбраться.

На противоположном склоне котловины откуда-то из леса появилась цепь автоматчиков с бляхами на груди, растянувшаяся с большими интервалами во всю длину рва.

Грузно и не торопясь шагая, гитлеровцы сошли вниз, поднялись на гребень того земляного вала надо рвом. Что-то прокричали копальщикам, но что из-за дальности расстояния слышать было нельзя (немецкий язык я понимал, так как успел в Богуславе научиться говорить на идиш, а они схожи). Я видел только, как сразу же на нашу сторону рва вместо земли полетели лопаты. Потом раздалась автоматные очереди. Солдаты стрелял в ров.

Я понял, что расстрел начался. Копавших ров убивали там же, во рву. Затем те солдаты, закончив стрельбу, вернулись назад, на гребень котловины у леса. А с нашей стороны, огибая толпившихся ближе к нам евреев, двумя колоннами пошли вниз гитлеровцы с орлами на рукавах, несшие за плечами открытые прямоугольные ранцы, из которых торчали патронные рожки для автоматов.

Евреев партиями отделяли от общей толпы, ставили лицами к лесу на гребень земляного вала надо рвом и строчили им из автоматов в спины. Люди падали в ров, как будто неумело ныряли в воду с выстроенных сплошным рядом вышек. Причём матери с младенцами падали, не разжимая рук, а пули в малышей, должно быть, не попадали. Матери защищали их от автоматчиков своими телами.

Я искал глазами своего дружка Йоську Гершковича и его маму, но найти их нигде не мог. Ров был слишком длинным, и весь он разом глазами не охватывался.

Стрельба в котловине продолжалась до тех пор, пока ров не

заполнился телами убитых совсем, и от многотысячной толпы евреев не осталось никого.

За всем происходящим внизу наши шеренги следили окаменело. Мы ждали своей очереди, уже больше мёртвые, чем живые. Не было слышно ни детского плача, ни вздохов. Я чувствовал только, как мою руку больно сжимала рука Маруси, но думал о другом: куда же мы будем падать? Ров-то полон. Или нас заставят копать новый?

Тишина ничем не нарушалась и когда вдоль шеренг пошли солдаты с бляхами. Оставляя на месте слишком уж дряхлых стариков, женщин с младенцами и детей поменьше, они всех остальных выталкивали в сторону, ближе к кромке котловины. Из нашей семьи вытолкнули мать, Марусю и Грицька. Мою руку Маруся отпустила как-то рывком и выдохнула: «Прощай, Шурочка!» А мать и Грицько простились со мной и Верочкой только взглядами.

Всех отобранных цепь автоматчиков погнала вниз, ко рву, где их остановили и, по-видимому, приказали поднять лопаты. Потом они начали забрасывать землёй ров и работали, пока не перекидали туда весь ближний вал. Затем их прямо по рву перегнали на другую его сторону и они то же самое сделали со вторым валом. Над рвом вырос новый вал, уже могильный.

Я думал, что теперь, когда ров с убитыми заброшен, им прикажут копать возле него такую же могилу для нас, только намного короче. Но все стоявшие за их спинами автоматчики неожиданно повернулись и полезли по склону котловины вверх, к лесу. Уходили к дороге и те немцы, и полицаи, которые стояли сзади и впереди наших поредевших шеренг. Уволокли и все четыре пулемёта. Там, на хорошо видной от котловины дороге, их погрузили в машины, в кузова которых залезли и гитлеровцы с полицияями.

Те в котловине и мы наверху остались без всякой охраны. Почему вдруг – никто не понимал. У всех на лицах – растерянность. Наступил какой-то всеобщий шок, выйти из которого было, очевидно, труднее, чем идти под пули.

Прошло немало времени, прежде чем люди сообразили, что расстрел кончился, больше убивать никого не будут.

Побросав лопаты, народ из котловины повалил наверх, к нашим шеренгам, к тому моменту сомкнувшимся и превратившимся в толпу. Отчётливо помню, как Маруся, прижимая мою голову к своему животу, вся тряслась от рыданий. А дальше в памяти – провал, не помню ничего. Наверное, потрясение того дня было настолько сильным, что я надолго утратил интерес ко всему, что происходило вокруг, пока зимой 1942 года мы опять не вернулись в Мисайловку.

...К нам прибился бывший советский солдат дядя Ваня. Фамилию свою не помню, чтобы он называл. Говорил, что сам он откуда-то из-под Владимира (кажется, Эпикур сказал: «Люди выдумали химеру случая, чтобы оправдать своё неразумие»), где у него остались жена и двое детей. До войны он работал там в колхозе зоотехником. На фронт попал, когда от западной границы он откатился до Житомира.

Дальше описывать его приключения мне затруднительно. Он много рассказывал, но с тех пор в моей голове всё перепуталось. Где-то, уже на Киевщине, выходя из окружения подорвался на mine. Сильно контузило, раздробило правое колено и оторвало кисть левой руки. Какие-то люди подобрали его, как могли, лечили, но пережить у них всю оккупацию что-то помешало. Ковылял со своей суковатой палкой от села к селу, пока не набрёл на Мисайловку (первой на его пути была наша хата, она стояла на самом краю села), и моя мать, выслушав его исповедь, сказала:

- Куды ж ты отакый! Живы у нас, дэ п'ятэро, там и шостый якусь прохарчується.

Жил он у нас в «хатыни» - отдельной комнатёнке с одним оконцем и, страдая, видимо, от сознания, что не способен помогать по хозяйству, чувствовал себя стеснительно. И вот он, чтобы хоть чем-то быть полезным, решил обучить меня и мою сестричку Верочку, ныне покойную, пухом ей земля, грамоте, не подозревая, что я уже умею говорить, читать и писать на нескольких языках, кроме современного русского.

Нам с Верочкой пора было в школу, но в Мисайловке она не работала, немцы заняли её под офицерский дом отдыха, что ли. Богата красотой вся наша Богуславщина, а Мисайловка да ещё Медвин среди её сёл, пожалуй, самые богатые.

Задачу перед собой дядя Ваня поставил трудную. Сложность заключалась в том, что он не знал украинского языка. Понимать-то друг друга мы понимали, но лишь в той мере, чтобы улавливать смысл сказанного. Учить же он нас мог только по-русски...

Может быть, если бы нашёлся украинский букварь, дядя Ваня сумел бы в нём как-то разобраться. Но ещё год назад, когда гитлеровцы пришли в Мисайловку, во всех домах они вместе с полицейскими провели обыски и все книги, какие находили, сожгли. Облитые бензином сгорели и обе сельские библиотеки: школьная и клубная. Было известно, что какие-то книги уцелели только у старосты, того самого Загоруйко. К нему дядя Ваня и отправился на поклон.

Уж не знаю, как они там договаривались, но домой дядя Ваня вернулся сияющий. Принёс тоненькую книжечку с картинками и, как ему хотелось, на русском языке.

Называлась книжка «Человек с Луны» (Е. Васильева. Человек с Луны. Л., 1926) и рассказывалось в ней о знаменитом путешественнике Миклухо-Маклае, который жил у папуасов Новой Гвинеи. Мы с Верочкой слушали чтение дяди Вани, затаив дыхание. Мир открывался перед нами удивительный. Я словно сам находился на диковинном тропическом острове, ясно представлял себе живых папуасов и благородного Маклая, чей портрет был напечатан на обратной стороне книжной обложки. Как и другие картинки, дядя Ваня позволил его внимательно рассмотреть. Мне в нём нравилось всё: и задумчивые, широко открытые глаза, и аккуратная курчавая борода, и всё лицо, таившее в себе какую-то чудесную загадку.

Трудно сейчас, возвращаясь к впечатлениям далёкого детства, воссоздать их на бумагу совершенно точно, со всеми только им присущими особенностями. Нет-нет, да и ловишь себя на мысли, что тогда ты думал и чувствовал не совсем так, как вспоминается теперь. Из той дали всё приходит к тебе, пробиваясь сквозь огромную толщу времени, через всю твою сознательную жизнь и, конечно, смешиваясь с настоящим переосмыслением, в чём-то искажается. Но, кажется, я не погрешу против истины, если скажу, что моё первое знакомство с Маклаем стало для меня событием необыкновенного значения. Вряд ли я переживал когда-нибудь раньше такое благоговейное душевное смятение, как в тот день. Я насмотрелся уже столько смертей и крови, столько насилия, что доступный моему пониманию рассказ о добром человеческом сердце воспринимался, словно чарующая сказка. Во все поры моего существования проникло что-то такое, отчего делалось невыразимо сладостно и одновременно страшно. Вдруг всё сгинет...

Понятно, я не мог тогда предугадать, что впервые слышу о человеке, познанию жизни и деятельности которого потом отдам долгие годы своей жизни. Но подобным диву предсказанием мне кажутся теперь слова дяди Вани, который захлопнув книжку и шумно вздохнув, сказал:

- У моряков, ребята, чтобы бежать по воде к земле, есть парус или, как вы говорите по-украински, витрыло. Оно служит для того, чтобы достигнуть заветного. Эта книжка пусть и будет для вас заветной, а парус, чтобы до неё достигнуть и самим прочитать, я вам сотворю, нарисую буквы и научу их складывать в слова...

Так впервые вошёл в мою жизнь Маклай, в минуту, когда всё было пограно во зло. Белым парусом в лазурное море зовущая мечта уже не угасала во мне, но слишком долго оставалась недоступной. Казалась, всё было против моих желаний. Обстоятельства, однако, не мешали мне верить в Маклая и повторять, как заклинанье, вслед за его другом баронессой Эдитой Фёдоровной Раден:

«Due le Mikoucho-Maclay prete le flank a mille attagues, mais il est Fort d'une arme sainte qui J'emporte, il veut ca, verite pour la verete».

«Миклухо-Маклая уязвим с многих сторон, но он силён святым оружием, перед которым отступают все его слабости: он ищет истину для истины и стремится к ней.»

Может быть, в якутской тайге, где я искал алмазы, это помогло мне выжить, когда у меня открылась скоротечная чахотка, и мне было отпущено очень мало времени, чтобы, как говорится, на перекладных добраться из Якутии на Памир, где меня мог спасти – я в этом не сомневался – только мой Учитель Зоран, его излучающие целительный жар ладони...

В январе 1958 года на заседании редколлегии журнала «Вокруг света», в котором я после непродолжительной своей драмы в Якутии и двух с половиной лет работы собственным корреспондентом Всесоюзного радио по Средней Азии начинал выполнять обязанности спецкора, обсуждались материалы будущего апрельского номера, в том числе и очерк, посвящённый 70-летию памяти Н.Н. Миклухо-Маклая, написанный одним ленинградским миклуховедом. Присутствовал и академик Евгений Никанорович Павловский – небольшого росточка, полноватенькой, с округлой белой бородкой и всегда почему-то печальными светлыми глазами старичок в мешковато сидевшей на нём форме генерал-лейтенанта медицинской службы. Занимаясь в основном паразитологией, он принадлежал в то время к крупнейшим зоологам мира и Большую часть жизни провёл в различных экспедициях.

Членом редколлегии «Вокруг света» Евгений Никанорович не был, но как президент Государственного географического общества СССР работой нашего тогда популярного географического ежемесячника интересовался постоянно. Сейчас же сказал, что приехал в редакцию специально из-за очерка о Маклае. Пожалуй, даже не сказал, а с этакой нахохленной непреклонностью проворчал, словно ждал от нас какого-то противления и заранее всем своим видом показывал, что готов идти в бой, чем вокругсветовцы, знавшие спокойный покладистый характер академика, были удивлены и вместе с тем заинтеригованы.

А дело оказалось вот в чём.

Ленинградский филиал Института этнографии АН СССР – центр советского миклуховедения, как отчасти и Государственное географическое общество (ГГО), штаб-квартира которого находится там же, в Ленинграде. Автором юбилейного очерка был сотрудник этого Института. По заведённому порядку, перед отправлением

материала в редакцию автору полагалось в таких случаях завизировать его у президента ГГО. Но ни этот автор, ни его более ответственные институтские коллеги с весьма существенными замечаниями Евгения Никаноровича не согласились. Потому, главным образом, как мы по наивности своей сначала полагали, что, хотя и прошло уже два года после XX съезда КПСС, на котором Н.С. Хрущёв выступил с докладом о культе личности Сталина и противозаконных репрессиях во время его почти тридцатилетней диктатуры, в действительную реабилитацию невинно погибшего в период бериевщины прежнего президента ГГО академика Николая Ивановича Вавилова ещё не совсем верили. Между тем, Е.Н. Павловский требовал обязательно учесть то, как оценивал значение Миклухо-Маклая в отечественной и мировой науке Н.И.Вавилов, на что он обращал внимание собирателей и популяризаторов его трудов и от чего предостерегал научных и литературных биографов. Миклуховеды, однако, упорствовали.

Вот почему в тот январский день 1958 года и приехал к нам в редакцию академик Е. Н.Павловский. Не соглашаясь с позицией миклуховедов, которые, как тогда, так и теперь все преимущественно этнографы и не в состоянии заниматься сложнейшим научным наследием Маклая, Евгений Никанорович зачитал на заседании редколлегии датированное 17 ноября 1937 года письмо Н.И.Вавилова (в сталинские времена, да и после, известное только единицам). Оно было послано его предшественнику на посту президента ГГО и тогда ещё остававшемуся почётным председателем Общества Юлию Михайловичу Шокальскому. Речь в нём шла о необходимости всенародно отметить 50-летие памяти Н.Н. Миклухо-Маклая – 14 апреля 1938 года. Но для этого требовалось разрешение Совнаркома, обращаться в который, не рискуя заведомо всё погубить, Николай Иванович тогда не мог, так как знал, что уже шестой год находится под негласным следствием сначала якобы как «замаскировавшаяся контра», потом как «враг народа». Поэтому он действовал через явно для всех безопасного, но всемирно известного (в области картографии и океанографии) профессора Ю.М.Шокальского, который ещё смутно помнил публичные петербургские лекции Маклая в октябре-ноябре 1882 года и его похороны на Волковом кладбище шесть лет спустя.

По словам Е.Н. Павловского, до самой смерти Ю.М.Шокальского (март 1940 года) письмо Н.И.Вавилова (Николай Иванович был арестован пятью месяцами позже), написанное, видимо, из вящей осторожности по-французски, хранилось в архиве профессора, затем кто-то из его близких друзей или родственников передал машинописную копию Евгению Никаноровичу (уже в дни работы XX съезда КПСС).

Это-то письмо, переводя на русский язык прямо с листа, и прочёл нам Е.Н.Павловский.

Я процитирую деловую его часть полностью с некоторыми своими примечаниями.

«У нас привыкли считать Н.Н.Миклухо-Маклая мужественным путешественником-романтиком, и против этого как будто не возражишь – отдельные проблески романтических настроений в его дневниках встречаются. Однако из тех же дорожных дневников перед нами встаёт натура высокоорганизованная, строгая к себе и окружающим и, что особенно важно, с логически сильным мышлением исследователя, о всяком предмете имеющего своё собственное суждение, выведенное не из чьих-то авторитетных умозаключений, а преимущественно из своих же опытов и наблюдений. Совершенно по-ломоносовски!

Поэтому, я думаю, представлять его и впредь в школьных программах и любозытствующей публике как интересного путешественника, не убоявшегося длительного время беззащитным жить среди первобытных племён папуасов, значит не отдавать ему должного как крупнейшему из учёных, совершившему в первую очередь, конечно, грандиозный переворот в науке о человеке, всю значимость которого нам предстоит в полной мере осознать, когда он скажется, а это произойдёт неизбежно, на судьбах народов мира. Скажется же он в особенности на до сих пор приниженных и угнетенных всеобщим взрывом сознания несправедливости унижения их человеческого достоинства, что как неотвратимое следствие повлечёт за собой радикальные социальные перемены во всех колониальных странах.

Поэтому не для лишней похвальбы России, а как рачительным охранителям своего духовного наследия, сущность которого в конечном счёте определяет авторитет всякого народа, нам надлежит озаботиться, чтобы мир знал, а вместе с ним мы уяснили и сами, что основы для пробуждения такого сознания заложил сын нашего Отечества, тем более сейчас на фоне теперешнего фашистского шабаша в Европе.

Учитывая европейские политические события, польза приобщения созданной Н.Н.Миклухо-Маклаем науки о человеке к нашей коммунистической пропаганде очевидна. Здесь она злободневна по высшему разряду.

Мне кажется, при обращении в Совнарком упираться нужно как раз на это. Иначе в создавшейся у нас обстановке торжественно отметить пятидесятилетие его памяти нам могут и не дозволить. Но сделать надо постараться так – на всю страну, чтобы привлечь к

нему максимальное внимание не только народа, но и правительства.

Я понимаю, российский патриотизм нынче «не в моде», исходящий же от меня – и подавно.

Ко всему прочему беспременно обвинят меня ещё и в шовинизме. Тем не менее, если вопрос с торжествами решится положительно и нам удастся дать Н.Н. Миклухо-Маклаю соответствующую научную, политическую и нравственную оценку, мы должны будем потом найти какую-то форму (не слишком бьющую в глаза) работы с его наследием и вокруг него в этом направлении. Нельзя идти на поводу у британских писак, для которых, а значит и для большинства мира, он, волею случая родившийся в России и будто отринутый ею, – полушотландец-полуиудей (подробнее об этом в тексте романа). Будучи в действительности по тогдашнему национальному определению природным малороссом, он предпочитал чаще называть себя обобщённо россиянином, не без основания имея в виду триединство народов, вышедших из лона Древней Руси. Россией же, если учесть, сколько она вложила только материальных средств в его путешествия, он вовсе отринут не был, кроме, может быть, какого-то щелкопёра Скальковского, да и то он, зарабатывая в России на опусах о русских же, русским никогда не симпатизировал.

С другой стороны, разве учение Н.Н. Миклухо-Маклая о человеке не насквозь интернационально? Ни один уважаемый нами политик всех времён, ни один из знаменитых гуманистов не сделал столько для предметного понимания естества человеческого братства, как это сделал Н.Н. Миклухо-Маклай. Да и гуманизм-то до него ассоциировался с несбыточными мечтаниями вроде «Утопии» Томаса Мора или «Города солнца» Томмазо Кампанеллы, либо с пафосно красивыми, но никакими убеждающими реалиями не подкреплёнными декларациями вроде утверждения Жан-Жака Руссо о том, что все люди рождаются голыми и потому уже, и только потому (других доводов у Руссо не нашлось), равными в правах, иными словами, до Н.Н. Миклухо-Маклая понятие гуманизма по сути было идеалистическими фантазиями или, если угодно, декларациями; он же, вооружённый редкостью человеколюбивой для белой расы народной философией Русичей (полагаю, вы меня знаете и не примете сию мою тираду за умиление патриота из квасных русофилов, но в мире я всё же кое-что повидал, а всё, как говорили древние, познаётся в сравнении), корни которой в глубокой древности где-то на берегах Днепра и Волхова (не эта ли философия давала силу Руси почти тысячелетие стеной стоять против натиска душепоработительного, потребного только верхушке власть имущих иудомессианства, вероятно, для отсечения неблагозвучной приставки «иудо-», именуемого по-гречески христианством, а у нас для компромисса с пре-

жним, славившим не столько мифических богов, сколько вольность и честь человеческую, язычеством – «славием», снабжённым приставкой «право-», будто бы самым верным?), идеями русских демократов (Герцен, Чернышевский, Писарев), а также научными работками, касающимися антропогенеза, биологии и психики человека таких отечественных учёных, как академик Карл Максимович Бэр и незабвенной памяти Иван Михайлович Сеченов, и собственным трудом добытыми энциклопедическими знаниями, помноженными на бесценный дар их синтезатора, способного из множества алгоритмов извлекать единственное искомое, наполнил идеалистические декларации, я бы сказал, грубо осязаемой фактурой, доказательно отвергающей правомочность всякого насилия во взаимоотношениях всех наций и рас.

Отчего же мы до сей поры не заявим об этом во всеуслышанье? Ведь одного этого достаточно для учёного, чтобы имя его стало бессмертным, а за страной, породившей его физически и духовно, навечно закрепилось первоколыбельное право зачинательницы благороднейшей из всех наук – научного гуманизма. Н.Н.Миклухо-Маклай же не значится в списках даже обыкновенных гуманистов-доброжелателей (см. философские словари). Невольно по аналогии думаешь о том, как Англия гордится своим Дарвиным, даром, что его теория естественного отбора и происхождения человека используется полигенистами (расистами) в прямо противоположных целях, хотя, конечно, и без его в том вины.

Ни высокоцивилизованная, однако же пропитанная разбойно-хищническим духом Великобритания, ни другие европейские государства того же порядка не могли и пока не могут дать питательную почву и нравственный заряд на всю жизнь для такого учёного, как Н.Н.Миклухо-Маклай. Не стал же он исповедовать германское нищезанство, несмотря на шестилетнюю учёбу в университетах Германии, отдалённое родство по материнской линии и личное знакомство с Фридрихом Ницше, который как выходец из рода польских графьёв Ниццих для гейдельбергской польской эмиграции, в кругах которой одно время вращался и Н.Н.Миклухо-Маклай, был кумиром. Не уклонился в английское мальтузианство, несмотря на дружбу с великим Томасом Гексли и такие же отношения со своим учителем Эрнстом Геккелем, почитавшим Мальтуса учёным весьма основательным.

Что же, как не народная российская нравственность, вопреки господствовавшим в Европе полигенизму, мальтузианству и нищезанству, подвигло Николая Николаевича Миклухо-Маклая на создание научного гуманизма?

Смешно думать в этой связи, будто мы – «некий народ-богоносец», как проповедовал Достоевский, подразумевая ту же россий-

скую нравственность, но вместе с тем бесспорно то, что человеколюбие, сострадательность, веротерпимость, или, я бы сказал, уважение к совести других, иноплемённых народов, - черты в характере Русичей, несмотря на их вечевое, а то и мятежное буйство и воинские доблести, которые отмечались множеством иноземных авторов, нередко с удивлением, ибо нравственная основа Русичей, предопределившая поступательное движение всего их жизненного уклада, всегда резко отличалась от коммерческой первоосновы, с библейских времён служившей рычагом развития в большей части остального мира.

Разумеется, кричать об этом везде и повсюду, колотя себя в грудь, мол, вот мы какие хорошие, было бы для нас постыдным чванством, однако и не показать миру сей нашей народной особенности хотя бы на примере учения Н.Н.Миклухо-Маклая о человеке граничило бы тоже с не менее непривлекательным национальным самоуничижением. Ужели ж скромность – обязательное ряжение в схиму? Целой нации! Оттого-то в Европах вся наша великая страна многими и поныне именуется не иначе, как «русским медведем».

...Нравственность, как всё происходящее от живой природы, не может не иметь основополагающих причин. Только понимание этого могло дать Н.Н.Миклухо-Маклаю уверенность, что он не тратит времени напрасно, поставив себе задачей найти ключ к открытию тайн исходного, из чего проистекало и постепенно складывалось то, что мы называем пусть неписаным, без юриспруденческих формулировок, но законоположением, в силу его очевидной разумности принятым и соблюдаемым народом. Равно нельзя зажаться такой задачей, не будучи воспитанным на идеалах нравственности и не столкнувшись с её антиподом, что ранит душу с болью пронзительной и побуждает человека, если у него достаёт ума и силы воли, к деятельной и непреклонной борьбе со злом, которое, под какой бы личиной оно ни выступало, никаких естественных, а следовательно, и убеждающих первопричин иметь в человеческом общезнании не может, хотя оно и существует столько же, сколько существует добро.

В войнах, то есть худшем из всех зол, Ницше видел могучий возбудитель творческих сил человечества и тем их оправдывал, считая международные человекоистребительные баталии необходимой предпосылкой для обновления и ещё более бурного расцвета цивилизаций. В противоположность этому в записных книжках Н.Н.Миклухо-Маклая мы находим замечательную аллегорю:

«Если смотреть на жизнь людей, абстрагируясь, она вся состоит из непрерывной гонки добра и зла. Бегут они, стараясь опередить друг друга, предположим, по одной садовой дорожке. И вот на их пути большая цветочная клумба, во всю ширину дорожки. Добро,

зная, что цветы – прекрасное и потому ломать их кощунственно, замедлит бег и найдёт способ клумбу обойти. Зла же, безнравственное по своей сути, прекрасное не остановит, оно помчится прямым через клумбу, круша цветы, и добро окажется позади, отстанет. Но только на какое-то время. Первенство зла в беге наперегонки иллюзорно, точнее скоротечно. Будь иначе, жизнь рано или поздно прекратилась бы. Однако ж она продолжается, всё совершенствуясь, уже многие-многие тысячелетия, и пределы её вряд ли можно предугадать, поскольку побеждает всегда изначально целесообразное, то есть, как свидетельствует вся история человечества, не разрушение, а созидание, любовь, олицетворяемая в прекрасном и лежащая в основе всего живого. Надолго утвердиться вместо добра зло не может потому, что у него нет естественного начала, нет той целесообразности, какой наполнены все законы движения во Вселенной»¹.

В этом мне представляется в сжатом виде главная философская концепция учения Н.Н.Микулухо-Маклая о человеке. Возвращаясь к тому, что подвигло Н.Н.Миклухо-Маклая на сознание его, достаточно обратиться опять-таки к его записным книжкам. Он не поленился выписать из Вельтмана (русский историк, филолог, а также писатель середины минувшего века) длинейший список старославянских имён с корневыми частицами: «свет», «мил», «радо», «мир», «драго», «добро», «зора», «живо», «благо», «слав», «крас» и т.д. Но если Вельтман ограничивается простым их перечислением, то Н.Н.Миклухо-Маклай даёт нашим древним именам философское осмысление, определяя по ним характер народа, и как бы в подтверждение своим суждениям приводит выдержку из речи профессора М.А.Максимовича² при вступлении последнего в должность ректора Киевского университета в 1834 году:

«Нелегко вздохнуть Русь вздохнуть разом и полной грудью, поелику миротворная по своей изначальной природе и умудрённая тысячелетиями накопленным опытом, она, исполинская, извечно сознавала, что заединный вздох её подобен всесокрушающему урагану, и потому привыкла дышать с осторожностью. Но в роковую ошибку впадут те, кто спокойное её дыхание примет за смиренность лишённого главнейшего жизненного инстинкта вола, чувствительного лишь к собственному желудку и бичу. Долго докучала Русичам иудейская Хазария, долго прощали терпеливые Русичи даже поругание своих святынь. Однако ж донаскучили хазарины. И тогда заедино крякнули досадливо, садясь на борзых коней, дружинники Светослава³ Хоробре... С той поры о Великой Хазарии и хазарах смутное предание осталось».

Да ведь на одной науке о человеке, как она у Н.Н.Миклухо-Маклая ни всеобъемлюща, его заслуги не кончатся. Мы знаем, что

вместе с Антоном Дорном (немецкий зоолог) он был одним из основателей морской биологии и первым указал на необходимость научного подхода к использованию пищевых ресурсов океана; без особой натяжки можно сказать, что он первым же занялся той неврологией, которая включила в себя изучение работы мозга как мыслительного аппарата, накопителя информации и регулятора психики человека; не будучи знаком с трудами Йоганна Менделя, сделал ряд блестящих предположений в генетике и, применительно к человеку закона о наследственности, доказал обоснованность ломброзианства («учение», созданное в середине XIX века Чезаре Ломброзо, сыном венецианского раввина, согласно которому, упрощённо выражаясь, дети преступников тоже непременно будут преступниками, как якобы особый тип людей с врождёнными порочными наклонностями); первым соединил антропологию со сравнительной анатомией; первым в мире начал в Батавии кампанию против торговли наркотическими зельями, предварительно испытав на самом себе, что это такое, и клинически правильно определив воздействие опиума на человеческий организм, а также против проституции как главного рассадника венерических заболеваний; по существу верно раскрыл механику образования плодородных почв, не говоря уже о значимости его вкладов в старые науки и о том, что при всём

1. Эта цитата, как и другие ссылки на записные книжки Маклая, говорит о том, что Н.И.Вавилову были известны философские тетради Н.Н. Миклухо-Маклая, о которых до сих пор советские миклуховеды умалчивают, словно их вообще не существует. Из всего этого становится понятной и главная причина трагедии самого Н.И. Вавилова.

2. Михаил Александрович Максимович (1804-1873) – один из основоположников отечественного естествознания, профессор Московского университета и первый директор университетского ботанического сада, крупный украинско-русский историк, филолог и фольклорист, собиратель украинских народных песен, 25 из которых аранжировал композитор А.А. Алябьев, в том числе переведённого на русский язык знаменитого «Соловья», по поводу чего А.С.Пушкин сказал Михаилу Александровичу: «Мы давно знаем вас, Максимович, и считаем литератором. Вы одарили нас малороссийскими песнями». Тогда ещё Максимович жил в Москве и больше был известен как ботаник. Потом он, совмещая в Киевском университете ректорство с заведованием кафедрой российской словесности, первым наиболее точно перевёл на русский и украинский языки Слово о полку Игореве и написал о нём историко-филологическое исследование, не утратившее своё значение и теперь.

3. Замечательный знаток Древней Руси М.А.Максимович не мог назвать киевского князя – язычника Святослава Игоревича Святославом, как у нас перекручивают его имя на христианский лад.

этом он был ещё известнейшим общественным деятелем, даровитым художником, писателем, публицистом и т. д.

Даже примерно обозначить весь круг его научных и других занятий пока затруднительно, так как по свидетельству тесно с ним общавшихся Габриэля Моно и Отто Финша (про обоих подробнее в романе), по отношению к своим делам, а порой и теоретическим построениям в той или иной области науки, имевших, как можно судить по тому, что мы знаем, ценность непреходящую, он был на редкость расточительным, зачастую подробно излагая их в письмах к друзьям и знакомым, но совсем не заботясь об их сохранении. Поэтому неведомо, сколько всего этого добра, которое по праву должно принадлежать нашему Отечеству и входить в сокровищницу того, что является предметами нашей общенациональной гордости, и по сей день рассеяно по всему свету и пылится где-то в архивах, государственных и частных.

Нет сомнения, что со временем то другое будут из архивов извлекать, и найдутся ловкачи, которые станут выдавать чужое за своё, а мы по привычному расейскому обычаю будем смотреть на будто бы заморское чудо, изумляться и ахать, не подозревая, что чудо сие наше, расейское.

Поэтому в ходе будущих торжеств, если провести их нам всё же позволят, надо приложить все усилия к тому, чтобы добиться организации экспедиции в места пребывания Н.Н.Миклухо-Маклая, особенно в те, которые более или менее длительное время служили ему центрами его деятельности (Ява, Австралия, Сингапур, не исключая и города Европы, в которых он учился и которые посещал с теми или иными целями, связанными с его научными интересами), выявить его бывших корреспондентов или их родственников, списаться с ними и таким образом собрать из его недостающего нам наследия всё, что только посчастливится разыскать и затем издать всё вместе как подобает... »

На том заседании редколлегии журнала «Вокруг света» мы решили опубликовать в связи с приближавшимся 70-летием памяти Н.Н. Миклухо-Маклая это письмо Н.И. Вавилова Ю.М.Шокольскому. Но уже с готовой к печати вёрстки письмо Николая Ивановича сняла цензура, как мы, повторяю, наивно полагали на этот раз, по вине нашего главного редактора Виктора Степановича Сапарина, широко образованного и отлично знавшего цену настоящим ценностям, но по мягкости характера абсолютно не умевшего спорить с околожурнальными, а тем более наджурнальными чиновниками, которые, по нашему глубокому убеждению, руководствовались никакими иными соображениями, кроме всё той же перестраховки: дескать, неиз-

вестно ещё, действительно ли реабилитирован Н.И. Вавилов. Увы, понадобилось ровно 30 лет, чтобы столь многозначительный документ, принадлежащий перу невинно погибшего великого сына России, увидел наконец свет в декабрьской книжке академического журнала «Советская педагогика» за 1988 год, теперь уже к 100-летию памяти Н.Н. Миклухо-Маклая, почти совпавшим с торжествами по случаю 100-летия со дня рождения Н.И. Вавилова. Но и теперь, при, казалось бы, умопомрачительной демократизации и гласности, «пробивать» публикацию через будто бы ликвидированную у нас цезуру пришлось с немалыми усилиями. Честь и хвала поэтому редколлегии журнала «Советская педагогика» и особенно заведующему в его редакции отделом истории педагогики Валентину Никандровичу Щербакову. В основном лично ему довелось всеми возможными средствами таранить бесчисленные преграды на пути, оказывается, и ныне крамольного письма Николая Ивановича Вавилова к печатному станку. С тех пор, как Россия была объявлена «тюрьмой народов» (вникните, без оговорок, вся оптом!) и до благополучного удушения мягкой пуховой подушкой «отца народов» в марте 1953 года, о чём речь впереди, быть россиянином и любить своё Отечество значило рисковать своей жизнью. Теперь же, когда мы дожили, как уверяет нас наша плюралистическая пресса и сам первый президент СССР М.С. Горбачёв, до вожделенной свободы, она же любовь, похоже, не дозволяется и мёртвым.

Тогда, однако, в январе 1958 года, не предвидя ещё, как сложится судьба письма Н.И. Вавилова о Миклухо-Маклае, я слушал его в чтении академика Евгения Никаноровича Павловского и мысленно снова был на памирской лесной поляне, на которой провёл знаменательную для меня ночь всего несколько месяцев назад.

Высоко в горах ночи тёмные, хотя до звёзд, кажется, рукой подать, и светятся они ещё более ярким голубым светом, чем алмазы в рентгеновских лучах, а по усеянному ими чёрному пространству с медлительной важностью плывёт полная Луна. Всё равно горные ели сокрыты тьмой.

Но перед большим полукругом из застеленных цветасто вытканными пеньково-льняными скатертями столов трескуче выстреливал в черноту неба огненные снопы искр пылавший конус костра. На столах по левую сторону курятся струйками пара старинные тульские самовары, справа – на овальных керамических подносах росисто запотевшие кувшины суры с приставленными к ним по два поливными кухлями.

Фаянсовая чайная посуда, хрустальные ладьницы с колотым сахаром; в овальных плетёнках-корзинках сладкий изюм, курага, в таких же плетёнках, но побольше – горками фрукты, фисташки, орехи

лещины и грецкие.

За столами бликуют отблесками костра мужские и женские лица – наши россичи. Стол Зорана немного выдвинут вперёд, и за ним он один, но сидит не по центру, а справа; у того края, по правую руку от него – я знаю – поставлен табурет для меня, ибо я виновник всего этого торжества и скоро должен буду занять место рядом с Зораном. А пока, если смотреть от столов, я стою с той стороны и немного сбоку костра, так, что меня все видят, а я – только столы, расплывчатые в темноте фигуры людей и бликующие лица.

Ожидание томительно, и, как я ни стараюсь держать себя в руках, волнуюсь всё больше.

Первые три месяца после Якутии я не выходил из большого рубленого дома Зорана, потом только он позволил мне съездить в Сталинабад (ныне Душамбе) в туберкулёзный диспансер. Чехотки не обнаружили, правое лёгкое лишь на рентгеновском снимке, будто из пулёмёта беспорядочно прострочили – все каверны закальцинировались.

Из Сталинабада махнул в Ташкент, надо было решать вопрос с работой. Сразу удалось устроиться собкором детского радиовещания Всесоюзного радио по Средней Азии (к тому времени у меня вышло в свет несколько детских книг). Работа самая подходящая, два с лишним года ещё я больше проводил время в горах у Зорана, чем разъезжал по своим собкоровским делам.

Мы много занимались, и по тому, как ко мне стали относиться в селении, я скоро понял, ЧТО мне назначено, хотя усилием воли и подавлял об этом всякую мысль. Но что творилось в моей душе, для Зорана тайной, конечно, не осталось. Уже с белыми, как молоко волосами, и бородой, старчески опущенными плечами и утратившими прежнюю голубизну глазами, однако вовсе не согбенный, он клал мне на затылок свою жестковатую ладонь, всё ещё не перестававшую излучать колкие и в то же время умиротворяющие токи. Произносить какие-то слова вслух при этом было излишним. Сейчас я слышал его мысли также, как он мои. Он знал это без моего признания. Мы могли беседовать даже на расстоянии, не видя друг друга глазами.

Но сегодня, передавая мне Высокую Зорю россичей, он обаян раньше, чем пригласить меня к своему столу, произнести положенную речь.

Через костёр до меня доносился его ставший глуховатым голос словно откуда-то издалека. Наверное, огонь костра раскалял идущую от него звуковую волну, и каждое его с неспешной чёткостью произнесённое слово входило в меня всё возбуждающим волнение множеством всепроникающих лучей, наполнявших жаром все клетки тела. Кажется, прошла вечность, когда тело моё поглотило

наконец слова последней фразы:

- Кровь твоя помнит, а разум повинен обязывать.

Я с трудом сдерживал слёзы и сам себя едва слышал:

- Да, Учитель, кровь моя помнит, а разум обязывает...

В горле застрял комок, и я не смог докончить. Надо было сказать ещё две фразы, но люди видели моё состояние и, должно быть, сделав скидку на мою молодость, зашумели:

- Садись, садись, Орсонис!

Потом, за столом рядом с Зораном, я почувствовал, будто на меня начала медленно опускаться непомерная тяжесть...

В ту звёздную ночь на Памире я был приобщён к хранителям знаний наших пращуров, и на меня легла великая ответственность передать их дальше. Это, однако, было очень непросто. Я не сомневался, что достойных учеников мне найдут, и я выберу из них своего преемника. Но не знаю, может ли кто представить себе, как унижительно и горько скрывать в подполье знания, когда они доступны лишь узкому кругу посвящённых вместо того, чтобы работать к практической пользе и духовному возвышению Отечества. Но совсем нетрудно понять, что было бы со мной ещё совсем недавно, если бы просто в кругу людей я повторил хотя бы вот эти слова моего Учителя:

- Попытка возвести в некий закон пресловутое единство (неизвестно чего и с чем) и борьбу противоположностей проистекает от поверхностного взгляда на смену социальных формаций без учёта всей сложной цепи взаимосвязей и взаимозависимостей в Природе. По сути своей она и ложна, и стара. Нечто в таком же роде бытовало ещё у древних греков, понимавших, что причудливый вымысел о прекрасной Елене, из-за которой якобы ахейцы вели войну с Троей, то же самое, что мифы о богах Олимпа, и потому для оправдания пращуров эллинов придумали будто бы научную сказку о борьбе двух противоположностей. Невежественные ахейцы и вправду были крайней противоположностью Трои, само имя которой есть символ, отражающий в себе познание основ мироздания. По вершине этого познания можно судить об уровне развития всего государства. Несомненно, Троя могла создавать удивительные по тем временам сокровища. На них-то и воззарилась орда ахейцев. Им казалось, что овладев сокровищами троянцев, они станут единственными обладателями всего, что тысячелетиями создавалось в Илионе, и тем возвыситься над всем миром. В конце концов плодами трудов троянцев они овладели, но им остались недоступными их познания, тот самый родник, из которого всё вытекало. Поэтому эллины ещё много веков лишь слепо подражали тому, что награбили в разрушенном ими Илионе, из-за суеверного страха перед постижением таинств Природы даже и не пытались познать их, пока слов"я-

ни, начиная с россича Всеслава, известного под греческим именем Анахарсис, не открыли им сущность соразмерности и важнейшие законы миропорядка, в котором мы живём. Вот ту хорошо забытую выдумку греков снова и вытащили на свет как новооткрытие, чтобы одну схоластику, теологическую, заменить другой, диалектическим материализмом, все словоблудия в котором как раз и кружат вокруг единства и борьбы противоположностей. Если бы было так, как проповедуют сторонники этой воскресшей догмы, не задумываясь, видимо, над её содержанием, тогда мужское и женское начала также вступали между собой, а не взаимодействовали ради своего продолжения, как оно есть на самом деле. И в электричестве положительны заряды не устремлялись бы к отрицательным, чтобы создать энергию действия. Взаимоотталкиваются не противоположности, а напротив, односторонности уходят одна от другой, поелику их слияние лишено смысла, оно было бы бесплодным. В Природе же, какую бы часть организованной материи мы ни взяли, она обязательно заключает в себе триединство, где две разнородные части взаимодействуют для создания третьей. Но непрерывность развития такого триединства не могла бы быть непрерывной, не будь она под постоянным охраняющим влиянием производной двух противоположных взаимодействующих начал более высокого порядка. И так бесконечно во всём мироздании, объять умом границы которого человек пока не в состоянии, да и вряд ли они существуют... С другой стороны, этот диалектически материализм везде предполагает два полюса, один плюс и один минус. А для какой надобности тогда, любопытно узнать, нашей планете географические полюса? Для движения вокруг Ярила её достаточно магнитных. А какая сила вращает Землю вокруг своей оси? И каким образом она сохраняет порядок движения в Коле Живота? В том-то и дело, что в организации всякой материи участвуют не два полюса, а не менее восьми. Восемь полюсов имеет и Земля: четыре экваториальных, которые мы называем точками равноденствия и солнцестояния, два полуночных и два полуденных. Взаимодействиями между всеми этими полюсами, между разнородными парами и одновременно между каждыми из четырёх пар, и обуславливаются все движения нашей планеты в пространстве. Не двумя полюсами, а восемью, согласно определяющему всякую соразмерность закону осьмавы, которая полатыни стала звучать как октава, и многие думают, что она – изобретение римлян; так наше понятие превратилось в гармонию, поскольку эллины имели обыкновение всё переводит на греческий язык и только на этом основании чужое выдавали за своё. Русичи же, открывшие законы осьмавы и многие другие, со стороны только посмеивались, щедрыми горстями рассыпали плоды своего ума кому ни попадя, нисколько не заботясь о своём первенстве, оттого и виноваты не-

мало, что та же Эллада, черпавшая из нашего Отечества больше всех, с тщеславным высокомерием его варварским называла, да с той поры так и повелось... Беда ныне, однако, наша не в этом. Несчастье в том, что двухцветная лженаука, для пущей важности названная диалектическим материализмом, возвысилась над всеми прочими науками, что неуклонно ведёт к их оскудению, либо торможению их развития, а это, в свою очередь, пагубой уже сказалось и неизбежно ещё более разрушительно скажется на всём нашем Отечестве, если на Руси, как при Владимире Мономахе, не восторжествует в конце концов здравый смысл. То же и в нравственном отношении. Нива, засеянная Мономахом, пусть и не сразу, ибо страшно сказать, как много разрушили предшественники Мономаха, но всё же вырастила таких людей, как Сергей Радонежский, Пересвет, Ослябя, неистовый Аввакум – хоть и заблуждался он, но по-своему за Отечество всё же радел. А кого ждать от этих, которые в академических чинах от всевозможных общественных лженаук? Ни подлинных знаний, ни боли за Отечество у большинства из них...

Повтори я прилюдно эти слова совсем ещё недавно, и в лучшем случае оказался бы в психушке.

Вот почему письмо Николая Ивановича Вавилова о Миклухо-Маклае тогда, в 1958 году, стало для меня как бы спасительным якорем. Оно было очень созвучно моему сердцу и, очевидно, вызвало во мне тот самый добровольно взятый на себя долг вернуть Маклая Отечеству. По крайней мере оно содержало в себе программу, достойную любых усилий. Интеллектуально же к пониманию того, чем занимался Маклай, к тому времени я практически был готов.

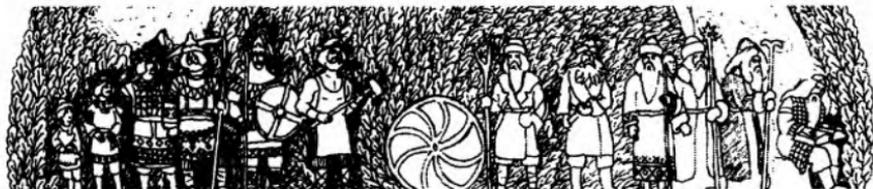
Здесь не место рассказывать о всех преградах на моём пути, их, как говорится, хватало, но все они теперь позади. В общей сложности двадцать два года продолжались мои путешествия по следам Миклухо-Маклая, всевозможные изыскания и работа над романом-исследованием «Путями великого россиянина» в двух книгах. К сожалению, из-за цензуры и по всякого рода иным причинам, в коих недостатка у нас и ныне не наблюдается, свет увидела только вторая книга, да и то искореженной местами до неузнаваемости.

Теперь почти год сидел, восстанавливал искореженное, но и многое написал заново, поскольку невозможно оставаться в стороне от происходящих вокруг тебя событий, тем более, что тема у меня не чисто историческая, минувшее тесно с сегодняшним днём переплетено.

В заключение хочу сказать ещё, дабы не вызвать возможных недоумений, что мой роман-исследование назван «Путями великого россиянина» не случайно. Под великим россиянином я разумею не только Миклухо-Маклая, для меня это образ также собирательный, и вся впервые предлагаемая читателю первая книга посвяще-

на не столько Маклаю, сколько возникновению и противоборству различных идеологий, в центре которых потом окажется Маклай и его учение о человеке. Придётся нам по ходу повествования, совершать путешествия и в куда более отдалённые времена, чем та эпоха, в которую жил Маклай, поскольку мировоззрение любого из народов выработывалось тысячелетиями, и надо знать причины, чтобы судить о следствиях.

17.III – 7. IV. 1990 г., Малеевка

КНИГА ВТОРАЯ

ТАЛИСМАН АНДИ

«Пройдёт время, и жертвы, приносимые г-ном Миклухо-Маклаем ради науки и человеколюбия, воссияют ещё одной звездой в созвездии гуманистических деяний России. Было бы поэтому непростительно и позорно оставить труды его без внимания и надлежащего содействия. Должно помнить, что слава, добытая для Отечества разумом и добротой, возвышает оное не меньше славы ратной, воздействием же своим на умы и сердца людей её превосходит.»

К.Н.ПОСЬЕТ, адмирал, 1882 г., Санкт-Петербург

«Богу было угодно, чтобы Миклухо-Маклай родился в России и в силу этого не зависевшего от него случая стал подданным русского царя. Но сам факт подданства или гражданства ещё не даёт достаточно оснований относить успехи какого-то учёного к достижениям науки данного государства или страны, хотя, как утверждают марксисты, страна и государство два разных понятия. Мы, однако, разницы здесь не видим. Знаем же достоверно: в экспедицию Миклухо-Маклая Россия как государство не вложила почти никаких материальных средств, поэтому претендовать на плоды его научной деятельности её право вряд ли бесспорно.»

С.Ф.О"КОННОР, 1960 г., Нью-Йорк

«В Индонезии вы услышите его имя в самых неожиданных местах и от самых простых людей. Каждый расскажет о нём что-то своё, часто фантастическое, и вы, может быть, посмеётесь, но не смеётесь слишком откровенно, — большинство индонезийцев верят легендам, как мы с вами верим историческим фактам. Многие обижаются, когда их рассказы не воспринимаются всерьёз, даже если повторяют вам слышанное из десятых уст.»

ДЖАЙЕТ СУРОТО, д-р естествозн. наук, 1962 г., Богор, о-в Ява

...Уже в пути, твёрдо зная маршрут самолёта, я всё ещё сомневался: вправду ли мы летим на Комодо?

Трудно было свыкнуться с мыслью, что затяжная антиколониальная индонезийско–голландская война за освобождение Западного Ириана – Западной Новой Гвинеи, в которой мне довелось участвовать на стороне Индонезии в составе советских военно–морских советников, наконец кончилась, и долгожданное, во что и верить было устал, пришло: я теперь не офицер по особым поручениям, который до сих пор выполнял только приказы командования, а принадлежу самому себе. И министр обороны Индонезии генерал Насутион держит слово: мой адъютант–переводчик лейтенант Анди Варисаджи остаётся со мной, пока я не побываю везде, куда мне было нужно и хотелось, но исполнить своё желание не представлялась возможность. До тех пор в моём распоряжении, как обещал министр, также самолёт «Дакота», подобный нашему «ЛИ–2».

Почти фантастика. Я увижу живых мезозойских ящеров. И не давно известных, а открытых всего несколько десятилетий назад, когда считалось, что все живые существа на планете уже достаточно изучены и нет больше среди них такого, которое могло бы представить собой если не сенсацию, то хотя бы сколько–нибудь серьёзную новость.

История открытия варанов Комодо связана с драматическим приключением голландского пилота Хендрика Артура Ван Боссе, решившего в 1911 году перелететь с Явы на остров Сумбава. То были первые попытки штурмовать атмосферу тропиков. Зное небо над менее жаркими южными морями таило для только зарождавшейся авиации много опасностей. Сильные воздушные течения, вызванные разностью температур, делали полёт маломощных машин весьма рискованным. Самолёт часто становился неуправляемым. Так случилось и на этот раз.

Воздушным потоком машину Ван Боссе бросило в пике, выйти из которого пилот не смог. К счастью, самолёт упал в воду вблизи острова, и лётчик сумел выбраться на берег.

Обессиленный ван Боссе долго лежал на песке, не имея понятия, куда его занесло. Карта в его планшете сохранилась, но что–нибудь определить по ней было так же трудно, как вычислить склонение небесного светила с помощью одного только секстанта. Малый Зондский архипелаг – великое множество крохотных островков, рассыпанных, как бисер, на огромном пространстве где–то у слияния Индийского и Тихого океанов. Все они нанесены на карту не были, и без чёткого ориентира, которым пилоту служила линия курса, выяснить, где ты находишься, было невозможно. Ван Боссе по-

мнил только, что от линии курса машину уносило к западу.

Вдруг перед ним откуда-то появилась омерзительная тварь в образе гигантского ящера. Он стоял совсем рядом, всего в двух-трёх метрах. В первый момент пилот подумал, что это галлюцинации или бредовый сон, но вскоре он заметил, как из ближайшего леса вышли, направляясь к нему ещё две такие же химеры. На смерть перепуганный, Ван Боссе вскочил, выхватил маузер.

Рука дрожала, и в ящера он, видимо, не попал, но страшный дракон все же нехотя отступил. Наверное, когда ван Боссе поднялся во весь рост, чудища просто смутил непривычный вид двуногого. Как потом оказалось, остров был необитаем.

В полном одиночестве и постоянном страхе (гигантские ящеры бродили по всему острову) ван Боссе прожил на Комодо почти год. По сравнению с Робинзоном Крузо ему было куда труднее. Такая уж закономерность: в реальной жизни всё часто гораздо сложнее, чем в самом, казалось бы, невероятном вымысле. Когда, покинув самолёт, ван Боссе плыл к берегу, спички в кармане размокли, и поэтому он остался без огня. Как он ни старался, вспомнив школьные уроки истории, добыть огонь с помощью двух трущихся палочек, у него ничего не вышло. Бесплезным оказалось и кресало. Воспитанный на техническом прогрессе авиатор, не представлял, как им пользоваться, вернее, не знал, какие для этого нужны камни и каким должен быть трут.

Складной нож и двенадцатизарядный пистолет фирмы «Маузер» с тремя запасными обоймами – вот всё, чем располагал наш герой, попав в общество химер мезозоя. Питался он зелёными кокосовыми орехами, лесными бананами и слегка привяленной на солнце олениной, разнообразия иногда стол яйцами сорных кур, которых на острове водилось в изобилии. Вообще всевозможной живности на маленьком Комодо было много: дикие олени, стаи обезьян, птицы. Но добывать пропитание приходилось нелегко. Едва удавалось подстрелить оленя, как к нему сразу устремлялись ящеры. Голодный охотник не всегда успевал отрезать кусок для себя. Естественные инкубаторы сорных кур ящеры тоже словно сторожили. Или они откуда-то постоянно следили за человеком. Как только он находил и начинал раскапывать похожий на термитник куриный инкубатор, драконы уже стояли рядом. На ван Боссе они не покушались, но привыкнуть к ним или не обращать на них внимания он не мог. При одном виде громадных ящеров несчастного авиатора бросало в холодный пот.

Ночевал ван Боссе на деревьях, но и там никогда не чувствовал себя в безопасности. Он не раз замечал, как молодые ящеры, несмотря на всю внешнюю неуклюжесть, взбирались, резвясь, на ветвистые смоковницы с ловкостью обыкновенных ящериц.

Когда кончились патроны, а вместе с ними и возможность добывать мясо, ван Боссе принялся строить плот. На его сооружение у него ушло несколько месяцев. Ведь всех инструментов – карманный нож, а сухие стволы бамбука, которым можно было доверить свою судьбу, – тверды, как железо. К тому же, для плота годились не поваленные ветром бамбучины, почти всегда подгнившие, а не тронутый порчей сухостой. Его нужно было срезать, обрезать, подогнать по размеру. И так обработать ни много, ни мало – четырёхста стволов. Как раз такое количество бамбука, по расчётам ван Боссе, требовалось для его плота – десять вязанок по сорок стволов в каждой.

Прочно скрепив лианами вязанки бамбука, авиатор сплёл из побегов того же бамбука что-то вроде полотниц для паруса и тента, выстрогал на всякий случай вёсла и, загрузив плот незрелыми кокосовыми орехами и дикими бананами, пустился в плавание – куда ветер дул и влекло течение.

Приходится только поражаться, как он выжил. Южные моря, такие чарующие с борта большого лайнера, в действительности полны коварства, особенно в тропической полосе к востоку от Индии. Именно здесь зарождаются тайфуны и чаще, чем в любой другой точке земного шара, свирепствуют всегда неожиданные, словно возникающие из ничего, но обладающие неизмеримой силой смерчи. Лёгкую посудину или небольшой плот эти грозные вихри способны буквально ввинтить в небо. И никогда не узнаешь, где и в какой момент их нужно остерегаться. Мореплавателю они угрожают повсюду и на открытом водном пространстве, и в, казалось бы, тихих проливах.

Но южные моря страшны не только этим. Опаснее всего солнце. На каждый квадратный сантиметр земной поверхности (конечно, и всякой другой) в тропиках оно посылает от 600 до 800 калорий тепла в день. Значит, человеческий организм ежедневно получает сотни тысяч калорий, и, если он сразу же не будет их отдавать, человек обречён. Он погибнет от перегрева, как выброшенный на берег дельфин. Единственное спасение – непрерывно потеть: каждый грамм пота уносит с собой 585 калорий. Но это значит, что человеческое тело должно очень интенсивно выделять влагу, до четырёх литров в сутки, и, если потери постоянно не восполнять, смерть наступает от обезвоживания организма.

Кроме редких случаев, когда в расставленные на плоту ореховые скорлупины удавалось собрать немного дождевой воды, ван Боссе приходилось пить только сок кокосовых орехов, по два ореха в день, утром и вечером. И за весь день съедать не более четырёх бананов. Он не знал, сколько продлится плавание, поэтому свои запасы старался расходовать экономно.

Даже если в одном орехе, допустим, 500 граммов сока, это ещё не чистая вода, в соке её не больше трёх четвертей. Значит, вместо необходимых четырёх литров ван Боссе выпивал в сутки воды меньше литра. При таком питьевом режиме под палящим солнцем тропиков у него, по всем проверенным и множество раз перепроверенным научным данным, на седьмые–восьмые сутки должен был помутиться разум, а ещё через три–четыре дня его ждала смерть.

Ван Боссе выдержал 57 дней! Когда его плот прибило наконец к большому острову Тимор, он сошёл на берег, конечно, измождённый, едва двигаясь. Он одичал и высох, как мумия, но рассудок у него оставался ясным, и здоровье в общем пострадало не очень. Он нуждался только в отдыхе и нормальном питании.

Я рассказываю об этом так подробно потому, что, не окажись ван Боссе «тропическим феноменом», как его потом назвали в газетах, о варанах Комодо, наверное, не знали бы ещё очень долго. Хотя он всех убеждал, что они существуют, ему никто не верил. Зато все восхищалось его одиночным плаванием, и это неожиданно принесло ему громкую славу. Но ван Боссе было обидно. Он никак не мог примириться с мыслью, что его, лейтенанта Королевских военно–воздушных сил Нидерландов, дворянина, считают просто фантазёром, а может быть, даже лгуном.

И вот тут пошла на пользу слава «феномена». С новоявленной знаменитостью пожелал познакомиться генерал–губернатор Нидерландской Ост–Индии. Ван Боссе пригласили в губернаторский дворец. «Ага, – подумал он, – этот момент я не упущу». И повёл дипломатическую игру. Ничего не рассказывая губернатору о гигантских ящерах, на все лады стал расхваливать «свой» необитаемый остров. Какой там замечательный климат, природа, возможности для земледелия, рыболовства, одно слово – земной рай. Вот только удивительно, что такое сокровище находится в самом центре одной из старейших колоний Нидерландов и о нём до сих пор никто ничего не знал.

– Что ж, – морща лоб, сказал губернатор, – если этот ваш остров и вправду так хорош, надобно бы его обследовать получше. Вы не против, если мы поручим вам возглавить экспедицию?

Ван Боссе, разумеется, на это и рассчитывал, однако продолжал играть. Ответил, как бы раздумывая:

– Если вы находите меня для этого дела пригодным... Я был бы рад, ваше превосходительство, но мой командир...

– Вздор! – с капризной сердитостью вельможи оборвал губернатор. Какой, мол, может быть ещё командир, перед тобой – генерал–губернатор! Его превосходительство явно вдохновлялся. – Якорная стоянка для фрегата у вашего острова найдётся?

– Да, ваше превосходительство, бухты там прекрасные!

– Хорошо, пойдёте на фрегате!

Экспедиция из изыскателей–аграрников была снаряжена по всем правилам. Понятно, их ждало разочарование. Но только не ван Боссе. На сей раз, покидая Комодо, он увозил с собой на Яву вещественное доказательство – десяток драконьих шкур и двух живых драконов.

Мир был потрясён.

Генерал–губернатор, однако, всеобщего восторга не разделил. Когда ему доложили о результатах экспедиции, он приказал разжаловать ван Боссе из лейтенантов в рядовые и уволить из авиации без выходного пособия. За беспардонный обман властей.

Весь остаток жизни неудавшийся авиатор посвятил изучению варанов Комодо. Он умер в 1938 году на острове Ява, в Богоре. На его могиле установлен большой базальтовый камень с любопытной надписью:

ХЕНДРИК АРТУР МАРИЯ

ван БОССЕ

(16.У. 1879 – 3.ХІ. 1938)

Авиатор – от неуёмной жажды познания;
мореплаватель–одиночка – по несчастью,
первооткрыватель маранов остр. Комодо –
тоже по несчастью;

лютеранин – по крещению;

бессребреник и холостяк – по убеждению;
ЗООЛОГ, ДОКТОР ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК –
в результате обмана,

чтобы не слыть обманщиком.

МИР ПРАХУ ТВОЕМУ!

Снижаясь, самолёт ложится в крутой вираж. Уцепившись за кольцо над скамейкой, я прильнул к иллюминатору. Вот ты какой, Комодо! Сразу весь как на ладони. Изрезанные ущельями плещивые горы, равнинные перелески... С высоты природа кажется чахлой, на сочную Яву Комодо совсем не похож. Как будто сюда, за экватор, забросили кусочек северного Марокко. На равнинных местах там и тут одинокие, с неяркой зеленью кусты, небольшие группы пальм. У подножий гор – заросли бамбука. Склоны то в чернеющих осыпях, то в мелкой кустарниковой поросли, как на горах Крыма. Нигде ни одной речушки. Но какие–то источники пресной воды где–то, конечно, есть, иначе здесь не было никакой живности и людей.

На восточной окраине острова к морю прижались хижины – деревня. Берег там пологий и зелёный, а за селением, со стороны

суши, пролегла широкая чёрная полоса – свежая гарь. Нарочно, наверное, выжигают растительность, чтобы к деревне не подходили вараны. Но для людей они, говорят, не опасны. Ящер, привезённый с Комодо в Лондонский зоопарк, настолько привык к своему зрителю, что бегал за ним, как собака. На Комодо, однако, были случаи, когда голодные вараны напали на людей и даже убили одного мальчика.

Две–три минуты, и самолёт, облетев остров, идёт на новый круг. Земля всё ближе. На одной из полян – стадо каких–то животных. Похоже, буйволы. Их завезли сюда ещё при ван Боссе, и они расплодилось тут во множестве. И, понятно, стали дикими.

Снова круг, ещё круг. «Дакота» проносится над самыми вершинами гор. Пилоты ищут, где приземлиться.

... Мы увидели его сразу. Едва самолёт коснулся земли. Первое впечатление трудно передать. Шагах в сорока от морской косы, на которой посадил «Дакоту» капитан Суводо, на песчаном берегу стояло с высоко поднятой змееподобной головой чудовище, как будто вынырнувшее из глубины тысячелетий. В длину оно было метра три, в поперечнике, по центру свисающего к земле брюха, – более метра. Грязно–бурая чешуйчатая кожа на спине, как плотная кольчуга. Казалось, она высечена из камня. На непропорционально маленькой голове, там, где должны быть уши и ноздри, зияли тёмные провалы. Чудовище стояло против солнца. Его крохотные глазки поблескивали в отражённых лучах, как две отполированные жёлтые пуговицы.

Мускулистая, в жёстких складках шея, широкая, как у амфибии, грудь и мощные, вгрузнувшие в песок короткие лапы.

Самолёт его несколько не испугал. Огромную, неистово ревущую серую птицу ящер рассматривал, казалось, с любопытством. Лениво повёл головой, только когда смолкли моторы. И снова застыл, как отвратительное каменное изваяние.

В моих руках плясал фотоаппарат. Бегая от иллюминатора к иллюминатору, я лихорадочно щёлкал.

За рукав меня дёргал Анди:

– Туан! Туан, Саша!

(«Туан» – господин.)

Я готов был залепить ему оплеуху.

– Но, туан, у вас закрыт объектив!

Проклятье! И, должно быть, давно кончилась плёнка.

Я не мог перезарядить аппарат спокойно. Пока я с ним возился, варану стоять надоело. Повернувшись, он неторопливо побрёл к прибрежным зарослям бамбука. Его толстый, треугольно заострённый на конце хвост волочился по земле и резал рыхлый песок, как соха.

Мне казалось, второй пилот открывал дверцу самолёта слишком медленно. Потом ему непременно нужно было опустить стремянку. Не дождавшись, пока он её закрепит, я прыгнул на землю. За мной – Анди.

– Хелло, мальчики! – крикнул из самолёта капитан Сувондо. Показавшись в дверях, он бросил нам два карабина. – Возьмите, не помешает.

Моя горячность вызывала у него сдержанную снисходительную улыбку.

Мы помчались догонять варана. Ящер не оглядывался и по-прежнему не торопился. На нас ему ровным счётом было наплевать. Когда до него оставалось метров двадцать, мы сбавили бег и пошли шагом, стороной. На ходу, наверное, в поисках чего-то съедобного, ящер обнюхивал песок. Из его полуоткрытой пасти то и дело выскальзывал огненно-красный язык. Он был похож на струйку пламени. Я подумал, что сказки об огнедышащих драконах не так уж далеки от истины.

Мы шли за ним минут пятнадцать. Я несколько раз щёлкнул фотоаппаратом, но уже без прежнего энтузиазма. Мне хотелось снять чудовище в той первой позе, во всё его жутком величии.

Подойдя к зарослям бамбука, он немного постоял и скрылся в чаще. Идти туда я не решился. Я знал, что ударом хвоста варан острова Комодо способен убить буйвола и может целиком проглотить средних размеров собаку.

Этот ящер – хитрая bestия. На Комодо основной пищей служат ему дикие олени и яванские кабаны, тоже завезённые сюда ещё при ван Боссе. Но он никогда не нападает на них открыто. Поэтому они его не боятся. Забравшись в стадо животных, варан ждёт, пока они перестанут обращать на него внимание. Затем, улучшив момент, сбивает с ног того оленя или кабана, который подойдёт к нему на расстояние прыжка. И делает это с молниеносной быстротой. Жертва не успевает заметить, когда её грозит опасность. Убив животное, ящер снова выжидает. Пировать начинает после того, как стадо уйдёт подальше. Вспоров клыками брюхо жертвы, хищник жадно пожирает внутренности.

Учёные, наблюдавшие варанов на Комодо, пришли к выводу, что у них сильно развито обоняние. Запах крови они чувствуют на сотни метров. Как только ящер распорет брюхо своей жертвы, из чащи к нему скоро выходят другие его сородичи. При этом заметили, что некоторые из них спешат на запах крови даже из соседних долин. От добычи им уже ничего не остаётся. Но они долго не могут успокоиться. Кружат на месте недавнего пиршества, алчно внюхиваясь в оставшееся на земле мокрое пятно.

И ещё одно коварное качество у этого хищника – сравнитель-

но слабых животных он словно гипнотизирует. Маленькая макака, обычно очень проворная, перед ним верещит и вся трясётся от ужаса, но бежать не может. Несчастную обезьянку варан заглатывает живьём, как удав.

– Ладно, Анди, – сказал я, – у нас ещё есть время...

Было сухо и нестерпимо знойно. Раскалённому воздуху море не давало ни влаги, ни прохлады. Всюду в Индонезии воздух насыщен парами, словно в бане, а тут – сушь. Может быть, поэтому здесь и живут вараны. Ведь они в общем – то обитатели жарких пустынь.

Обливаясь потом, мы поплелись к самолёту. Анди меня утешал:

– У меня есть талисман, всё будет хорошо, туан Саша.

– Какой талисман? – спросил я без интереса.

Он достал из нагрудного кармана гимнастёрки маленькую фигурку из сандалового дерева.

– Это Сламат Маклай, он нам поможет.

Ещё не успокоившись после встречи с вараном, я не сразу понял, что Сламат Маклай и есть наш Миклухо–Маклай. Мельком взглянув на талисман Анди, я только пожал плечами: вот уж действительно, несусеверного индонезийца не найдёшь. В магазинах Джакарты подобные фигурки–талисманы, якобы обладающие всевозможными магическими свойствами, – один из самых ходких товаров. Причём изображают они вовсе не божества и даже не каких–то святых. Мастера вырезают из сандалового дерева просто легендарных героев, прославивших себя в кто в чём горазд. Но насколько я мог заметить, в чудодейственность таких фигурок многие индонезийцы верят, пожалуй, не меньше чем в бога.

Мы вернулись к самолёту и под ехидные замечания старшего лейтенанта Рахмади, второго пилота, принялись строить планы, как лучше выманить из чащи ушедшего от нас варана. Анди предлагал пойти на охоту, застрелить оленя и в удобном для нас месте подвесить его тушу на дереве. Ящеров тогда соберётся целая стая. И все будут тянуться к оленю. Кадры получатся замечательные.

Капитан Сувордо молча усмехался. Вся эта затея с варанами ему, вероятно, казалась пустой забавой. Потом он сказал, как бы подводя итог:

– Да, мальчики, план гениальный, но пора обедать.

Хотя жара была нещадной, на отсутствие аппетита никто не пожаловался. Все знали, что из Джакарты Анди захватил ведёрный термос с отличным холодным пивом.

Расположились в тени крыла «Дакоты» – расстелили на песке брезент. Полулёжа запивали пивом сушёные креветки с солёными рисовыми лепёшками. О варанах на некоторое время забыли.

Я смотрел на плывущие по зеленовато–синему шёлку неба

ослепительно белые облака и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Пусть я больше не увижу варанов, зато надо мною небо острова Комодо... Комодо, Комодо, звонкое слово – Комодо!

Потом я вдруг вспомнил, что у талисмана Анди округлая борода. Все другие индонезийские фигурки–талисманы, какие мне приходилось видеть, обычно безбородые, а если с бородкой, то она, как правило, клином, продолговатая. Маклай... Это же Миклухо–Маклай!

– Анди, покажите свой талисман! – от внезапного волнения я даже вскочил.

Все обернулись ко мне. Поспешно протянув фигурку, Анди уставился на меня в недоумении. Нет, на Миклухо–Маклая она не похожа. А борода у него была такая, округлая.

– Вы сказали – Сламат Маклай?

– Да, Сламат Маклай.

– А кто он?

Анди неопределённо развёл руками:

– Человек был такой. Щедрый, наверное, раз Маклай. На языке западнояванских сунданцев это значит «мужчина, который кормит». По–русски можно сказать «хлебосольный». Сламат Маклай – Добрый Хлебосол.

В душе я засмеялся, но, чтобы не смущать Анди, открывать ему правду не спешил. Хотелось услышать, что он скажет ещё.

– Он был сунданцем?

– Одни говорят сунданец, другие – балиец. Разное о нём рассказывают. Сами знаете, как люди, у каждого всё по–своему.

– В каком смысле?

– Да в каком! Это же не я или кто, из меня талисмана не делают. Ну сунданцы хотят, чтобы он был сунданец, а балийцы своё доказывают. Говорят слово «макан» – «поесть», от которого частично образовалось «маклай», у них тоже существует. Но «мужчина» по–балийски, как у малайцев, «лелай», а сунданец скажет «лелай».

– И что же?

– У сунданца получается точно «мак–лай». Два основных корня составляют одно сложное слово.

– Значит, сунданцы правы?

– У них такая грамматика. Балийцы для сложных слов берут начальные слоги или слог и букву, а сунданцы – корни. Всё равно одинаково выходит.

– Так кто же он, балиец или сунданец?

Анди резко взмахнул рукой:

– Делать людям нечего! Он дал Индонезии имя, всей стране, а не какому–то отдельному острову.

– Вот как!

– Да, когда вернёмся на Яву, я вам покажу. Слово «Индонезия» он придумал в обыкновенной деревянной беседке, она стоит в Богорском ботаническом саду. В Джакарте только одна улица Сламат Маклай–рая, а в Богоре беседки, аллея, которую он сам посадил... Там есть что посмотреть...

Анди опять грешил против истины. Имя Индонезии Маклай не придумывал и вряд ли такую задачу перед собою ставил. Но возникло оно всё же при его участии.

Вся история Колумба, Магеллана и многих других мореплавателей средневековья связана с поисками путей в легендарную Индию – сказочно богатую южную страну, о которой рассказывали чудеса. Однако, где она находится, никто не знал, поэтому вновь открытые заморские страны, чем–то похожие на заветную мечту, называли Индиями: Вест–Индия, Ост–Индия, Островная Индия... Потом на общей карте Островной Индии, куда географически входила почти вся островная Юго–Восточная Азия, включая Филиппины, Британское Борнео, португальский Тимор и всю Новую Гвинею с прилегающими к ней островами, появилась ещё Нидерландская Индия, вобравшая в себя около десяти тысяч островов Малайского архипелага, Молукки и западную часть Новой Гвинеи (Западный Ириан, или теперь – Ириан Джая), то есть государственную территорию современной Индонезии.

За три с половиной века голландского господства Нидерландская Индия знала много народно–освободительных войн. Вспыхнув на одном острове, восстания обычно распространялись на другие острова. Но проходили они везде под одним флагом – знаменем порабощённой нации. Призывая народ на борьбу с чужеземными захватчиками, вожди восстаний провозглашали единство своей страны, какой она и была в XIII–XV веках, будучи объединённой в могущественную империю Маджапахит. (Кроме большей части современной Индонезии в состав империи Маджапахит входили также теперешняя Малайзия и южные районы Филиппин.) Очевидно, ещё тогда на здешних островах начался процесс формирования великой нации с единым государственным языком, управлением, во многом общей культурой и т.д.

Продолжить сплочение коренного населения страны в единую нацию – такую первоочередную цель ставили перед собой патриоты. Голландские колонизаторы, однако, прекрасно понимали, что это неизбежно повлечёт за собой и объединение всех народно–освободительных сил, против которых им не устоять. Поэтому, чтобы не допустить национального возрождения на покорённых островах,

они разделили всю страну на 282 «автономных» султаната и 16 колоний, каждая из которых официально считалась как бы отдельным государством лишь вассально зависимым от верховной власти генерал-губернатора Нидерландской Индии, наделённого полномочиями вице-короля. Кроме назначенных им коронных голландских губернаторов, районных резидентов и так называемых «советников», эти «государства» имели туземные «правительства», местную полицию и даже пограничные войска. Иными словами, было сделано всё, чтобы создать у отдельных групп коренного населения иллюзию самоопределения и навсегда закрепить в их сознании убеждение, будто между ними нет ничего общего, а потому не может быть никакого единства. Султанатам и «государствам» якобы для большего «охранения этнической самобытности и автономного саморазвития» не полагалось вступать друг с другом даже в дипломатические отношения, но воевать – сколько угодно.

На Яве, например, на территории бывших мелких княжеств Матарам Джокьякарта были созданы два султаната, которые голландцы милостиво взяли под свою умиротворяющую опеку, но, тем не менее, так же милостиво позволяли им воевать то за никогда не существовавшие между ними «исторические» границы, то чтобы выказать свои «национальные» амбиции. Особенно прославил себя ратными подвигами «владыка» Матарам Паку Бувоно II, объявленный голландским сусухуманом – султаном над султанами. Ему внушали, будто султан соседней Джокьякарты Хаменгку Бувоно I по сравнению с ним – плебей и должен поэтому находиться у него в вассальной зависимости. Того же, Хаменгку Бувоно, исподтишка убеждали в обратном, будто плебей – то как раз Паку Бувоно, он – де узурпатор, незаконно присвоивший себе титул, который по праву принадлежит ему, Хаменгку. И вот за престиж своих дутых сюзеренов, одинаково невежественных и нелепых в своих притязаниях на божественное величие, Матарам и Джокьякарта годами бились насмерть. Неукротимый Паку Бувоно довоевался до того, что вынужден был бежать из своей столицы Картасуры в глухую деревушку Соло (теперь город Суракарта – один из важных культурных центров Явы), да и так доживать там свой незадачливый век.

Понятно, подобные междоусобицы приносили народно-освободительному движению огромный вред, нередко делая организованные выступления против колонизаторов невозможными. Разжигая ничем не оправданную вражду между коренным населением островов, голландцы этого, естественно, и добивались. И тут им здорово помог известный английский учёный Альфред Уоллес, тот самый, который одновременно с Чарльзом Дарвиным и независимо от него открыл закон естественного отбора. Вернее, обширную статью о закономерностях выживания видов Уоллес написал рань-

ше, но Дарвин опередил его со своей публикацией и потому пожал лавры первооткрывателя. Однако если Дарвин, чьё учение породило полигенизм – расистскую теорию, разделившую человечество на низшие и высшие расы, сам полигенистов никогда не поддерживал, то Уоллес был и до последних дней своей жизни оставался убеждённым расистом, искавшим биологическую неравноценность между людьми всюду, где только мог. Именно он, Уоллес, восемь лет путешествовавший по островам Малайского архипелага, подал, как оказалось, голландцам идею о будто бы значительном биологическом превосходстве яванцев над жителями Суматры, а балийцев – над яванцами. Эту «идею» генерал–губернатор Нидерландской Индии ван Лансберге, мнивший себя жрецом этнографии, и взял потом за основу для своей собственной «теории» о «коренных этнических, исторических и структурно–общественных различиях между туземными племенами Малайского архипелага».

Публикуя в 1879 году в Батавии свои «учёные изыскания» отдельной брошюрой, ван Лансберге наукообразным языком утверждал в ней, ссылаясь на Уоллеса, будто все «противоречия и конфликты между чуждыми друг другу народцами и племенами архипелага вытекают из того положения, при котором биологически более развитые этнические группы сталкиваются с менее развитыми, в которых видят неправомочных конкурентов на жизненные блага, подлежащих если не истреблению, то подчинению». И это, мол, неизбежно, поскольку таков закон естественного отбора, якобы «одинаково управляющий растениями, животными и людьми». Поэтому – где «определить каждому из народцев подобающее ему место, оградив одних от уничтожения или порабощения другими», могут только голландцы как высокоцивилизованная нация, владеющая архипелагом и призванная благотворно опекать население страны, вверенной ей Проведением».

Судя по всему, с брошюрой ван Лансберге Миклухо–Маклай был знаком. 11 февраля 1883 года на борту русского корвета «Скобелев», стоявшего на рейде Батавии, он дал интервью корреспонденту батавской газеты «Ява боде» Э.К. Лиану, который спросил учёного, что он думает по поводу дискуссии вокруг вопроса о том, возможна или не возможна единая нация на островах Малайского архипелага.

«В колониях Нидерландской Индии, – сказал Маклай, – я нахожу две более или менее определённые антропологические расы, малайскую, тяготеющую к общему стволу монголоидов, и меланезийскую, или негроидную, в состав которой наряду с папуасами Новой Гвинеи входят, несомненно, также негритосы Филиппин и некоторые племена континентальной Малакки. Две расы, но учитывая общность социальных интересов практически всех туземцев от Явы

до Новой Гвинеи, а также повсеместное объединяющее влияние малайского элемента, я не решился бы назвать даже такое малое число наций. Уоллес и Лансберге, на мой взгляд, правы лишь в том, что население всего архипелага нельзя отнести к одной национальности. Но это не значит, что большое число разнообразных племён и народцев не могут составить единой нации. Я имею в виду, разумеется, то отличие, какое существует между понятиями «национальность» и «нация», но которого многие никак не желают признать. Однако ж вряд ли кто сейчас рискнул бы сказать, что в Северной Америке всякая страна, как Соединённые Штаты, в государственном отношении не являются единой нацией, хотя населяют её люди разных национальностей. Они различны с точки зрения этнолога, но как нераздельный общественный организм положительно представляют единую нацию в глазах правоведа, поскольку нация есть понятие не этнологическое–антропологическое, а всегда – социальное.

Национальности возникли путём объединения соседствующих племён, родственных по антропологическому типу, языку, культуре, верованиям. Это – этнос, или люди одного однородного народа, как греки, французы, итальянцы... У наций же механизм и причины их возникновения совсем иные. Вперёд всего здесь строится всё на общих социальных интересах, побуждающих людей, этнически и антропологически часто абсолютно различных, объединяться в единое сообщество для устройства исторически необходимой государственности. Этнически оно может быть однородным или неоднородным, но, как бы не различились отдельные этнические группы, внешние различия не могут помешать им составить единую нацию. Как сказал ещё в XIII веке яванский писатель Тантулар, нация – это «бхиннека тунггал ика» – «единство в многообразии».

В этом смысле для образования государства, а значит, и нации у туземного населения здешних голландских колоний, я думаю, есть все основания и достаточно причин».

Теперь, целое столетие спустя, маклаевское определение понятий «нация» и «национальность» уже не открывает нам ничего нового. Ну, конечно же, всё правильно. Да, но не так полагали сто лет назад, тем более колонизаторы, провозгласившие грабительский лозунг «Разделяй и властвуй!». Нациями имели право называться преимущественно народы Европы, да и то не все, а только составляющие основное население независимых государств. Румын, к примеру, признали румынами лишь во второй половине XIX века, когда они образовали свою монархию, объединившую несколько одноязычных придунайских княжеств. Что же касается колониальных стран, даже таких гигантов, как Индия, то всё их население непременно разделялось на племена и народцы, называть которые нациями считалось нелепостью, а с другой стороны было опасно,

так как тем самым они бы уравнивались с европейцами. Во всей Восточной Азии только японцы, не давшие подчинить себя чужеземцам, оставались народом и нацией. Китайцы же с тех пор, как попали в зависимость к англичанам, несмотря на свою великую многочисленность, именовались «китайско-маньчжурскими народцами».

Трудно сказать, как официальная правительственная газета «Ява боде» отважилась опубликовать интервью, направленное против политики собственного правительства. То ли редактора заворожила всемирная слава Маклая и он не очень вникал в смысл его слов, то ли в редакции никто кроме автора, это интервью перед публикацией не читал. Скорее всего, так оно и произошло.

На борту корвета «Скобелев» Э.К. Лиан был 11 февраля поздно вечером. Затем, чтобы успеть дать материал в завтрашний номер, ему нужно было ещё ехать 30 км из Танджунг-Приока (порт Батавии) в город. Значит, в редакцию он вернулся за полночь, когда газету в типографии уже заканчивали верстать. В таких случаях вновь поступивший срочный материал идёт, как говорят журналисты, «с колёс», часто без предварительной редакторской читки и правки. Обычно до крайности к тому времени уставший дежурный редактор, чтобы не задерживать печатников, вынужден доверять автору, тем более автором на сей раз был хотя и малоопытный начинающий репортёр, но сомневаться в его благонамеренности не приходилось: отец Э. К. Лиана – полковник К.Р. Лиан – исполнял тогда должность управляющего яванской колониальной полицией.

Словом, утром 12 февраля «Ява боде» появилась в продаже с интервью Маклая на первой полосе. И в тот же день его перепечатала в своём вечернем выпуске единственная легальная газета местной яванской буржуазии «Бинтанг Тимур», выходившая в Батавии на голландском языке.

Приведённые русским учёным слова Тантулара «бхиннека тунггал ика» («единство в многообразии») в «Бинтанг Тимур» аншлагом шли через всю полосу, тоже первую, а само интервью набрали таким шрифтом, что оно заняло три четверти полосы. Остальное место также отводилось перепечаткам из «Ява боде» – информация об усмирении очередного восстания на Суматре.

Дальше, на двух внутренних полосах, газета яванцев поместила семилетней давности статью «Н.Н. де Миклухо-Маклай и его взгляд на природу человечества», взятую из либерального батавского журнала «Де Стюв» и написанную его научным редактором Иоганном ван Реннефтом, который ещё в 1873 году, читая впервые опубликованные в журнале «*Natuurkundig Tijdschrift*» (и вообще обнародованные впервые) антропологические заметки Маклая о папуасах Новой Гвинеи, обратил внимание, что они полностью опровергали всё до сих пор известное о папуасах от полигенистов, и по-

том в течение многих лет был одним из самых ревностных популяризаторов маклаевского антирасизма. Это он, Иоганн ван Реннефт, любитель наук и автор язвительных фельетонов о нравах голландских колонизаторов, ещё при жизни Маклая стал первым в мире серьёзным миклуховедам, который гораздо раньше европейских светил понял истинный смысл и цели научной деятельности русского учёного и дал ей, может быть, несколько вольное, но в принципе верное толкование. Благодаря ван Реннефту почти со всеми трудами Миклухо–Маклая, опубликованными в Батавии в 1873–76 годах, в Нидерландской Индии смогли познакомиться не только люди образованные, но и просто грамотные, прежде всего грамотная часть коренного населения страны.

«В «Вартабхакти», подпольная типография которой кочевала по кампунгам вокруг Джокьякарты, я начал сотрудничать почти со дня её основания в 1893 году, – вспоминал в своих мемуарах классик индонезийской реалистической живописи Абдуллах Сурио Суброто. – Ван Реннефта на Яве тогда уже не было, его выслали из Нидерландской Индии десять лет назад, сразу после известного скандала с газетой «Бинтанг Тимур». Но его статьи и брошюры, переведённые на малайский, яванский и сунданезский языки и доступно разъяснявшие научные открытия Маклая в области человеческой природы, продолжали оставаться для нас важным источником идей и фактов, позволявших вести нашу борьбу за расовое равноправие не риторически, а подкрепляя национальный патриотизм высоким авторитетом науки. У народа, за триста лет рабства приученного видеть в каждом европейце, особенно голландце, чуть ли не сверхчеловека, но в силу своих вековых традиций ещё более почитающего учёность, только такая доказательная пропаганда равенства и могла иметь успех. И здесь помощь, оказанная нашему движению ван Реннефтом, заслуживает, несомненно, безоговорочного признания.

К сожалению, и самый благородный труд популяризатора не всегда получает должную оценку. Наши читатели, совершенно обоготворив Маклая, всеми возможными путями находили способы присылать ему в редакцию сотни писем, словно это был некий умудрённый ходжа, стоявший во главе газеты. Но ни разу, ни в одном письме не упоминался ван Реннефт.

Чем объяснить такое положение, не берусь судить. Быть может, в отличие от Маклая, которого читатели принимали, очевидно, за яванца, ван Реннефту не хотели простить его голландского имени...».

Хотя вечерний выпуск «Бинтанг Тимур» за 12 февраля 1883 года был сверстан в основном из материалов, взятых из правительственного официоза «Ява боде» и либерального, но пока не вызы-

вавшего у колониальных властей никаких претензий журнала «Де стюв», подбор перепечаток и то, как в газете яванцев они подавались читателю, говорили сами за себя. Это была уже открытая крамола, причём крамола, авторами которой выступали не туземные бунтари, а сами же господа голландцы, в том числе сын высокопоставленного полицейского полковника, осуществлявшего также цензурный надзор за всей яванской прессой.

На следующий день батавская газета «Ньювс ван ден Даг», принадлежавшая голландским торговцам и биржевикам, потребовала всю редакцию «Бинтанг Тимур» повесить, Иоганна ван Реннефта выдворить из Нидерландской Индии вон, Миклухо–Маклая на Яву больше не пускать, а редакторов «Ява боде» и «этого сопляка» Э.К.Лиана отправить в тюрьму кормить вшей. Полковника же К.Р.Лиана, по мнению «Ньювс ван ден Даг», следовало выгнать из полиции с позором.

Воинственный орган торговцев и биржевиков поддержали не менее непримиримые газеты «АИД де Преангербоде», «Сурабайсх хандельсблад» и даже обычные умеренные «Индисхе Гидс» и «Де локомотиф».

Шум был настолько велик, что о нём заговорили в Европе. При этом Миклухо–Маклай, в то самое время в третий раз шедший на русском корвете к северо–восточным берегам Новой Гвинеи, наверное, и не подозревал, с какими страстями обсуждалось в европейской печати и научных кругах его мимолётное батавское интервью...

– Ну да, я давно твержу, что Уоллес вместе с Лансберге поют чепуху, – сказал профессору Фридриху Мюллеру Адольф Бастиан – председатель Берлинского географического общества и друг Маклая. – Древняя империя – и вдруг какие–то народцы, разрозненные племена! Наш коллега Маклай, безусловно, прав, именно народ, имеющий все основания представлять собой единую нацию.

Тучный Мюллер хохотнул:

– Островоиндийцы!

– Действительно, – подумав, согласился Бастиан. – Бред какой–то – Островная Индия!

(«Островная Индия» переводится как «Островная Вода», что и правда звучит нелепо.)

– Ты предлагаешь что–то другое?

– Предлагаю? Почему предлагаю? Впрочем... Гм... У малайцев есть отличное слово «нусантара» «островная родина». Хорошо, а?

– Неплохо, но голландцы на это не пойдут. Если они переименуют свою часть островной Индии в Нусантару, тогда, избрав

для неё туземное название, будут вынуждены признать и туземную нацию. Можешь не сомневаться, не попасть в эту твою ловушку ума у них хватит.

Бастиан собрался было что-то возразить, но, как часто с ним случалось, с неожиданным восторгом воскликнул:

– Эврика! Индонезия!..

И, немного поостыв, засмеялся:

– Она учёный вариант того же словесного бреда, зато не придурятся. И всё равно лучше – Индонезия, индонезийцы! Красиво, а? Нет?

(Для словосочетания «Индонезия» Бастиан взял те же слова, что и в «Островной Индии»: санскритское «инд» – «вода» и греческое «несос» – «остров», что в буквальном переводе даёт лишь перестановку слов – «Водяные Острова».)

– Что ж, пожалуй, – с бюргерской рассудительностью одобрил Мюллер¹ и взял на себя все расходы по изданию новой географической карты Юго-Восточной Азии, на которой отныне (карта вышла в 1884 году) Нидерландская Индия будет именоваться Индонезией. И только внизу под этим словом ещё шесть десятилетий придётся писать: «Нидрл.», то есть колония Королевства Нидерландов.

Так родилось имя Индонезии, ставшее не только новым географическим термином, но и сыгравшее огромную роль в жизни и дальнейшей судьбе страны.

Теперь все 282 султаната и 16 «государств» голландских колоний не только географически, но и юридически превращались в одну страну, ибо за ней и голландцами, и всем просвещённым миром было признано одно общее название – Индонезия, что само собой подразумевало единую страну, а значит, и единый народ – индонезийскую нацию, каждый представитель которой с полным правом сейчас мог сказать: «Я – индонезиец».

Для сплочения всех сил народно-освободительного движения под одним общим знаменем это имело едва ли не самое важное значение. И спустя полвека голландцы в этом убедились. Когда в 1945 году, уже не способные сохранять свои колониальные владения в Юго-Восточной Азии, они попытались, применив прежний принцип раздела Нидерландской Индии, создать на территории

¹ Профессор Берлинского университета Фридрих Мюллер, близкий родственник знаменитого ботаника Фердинанда Мюллера, будучи крупным учёным-натуралистом и общественным деятелем либерального толка, в то же время являлся богатейшим колониальным плантатором, который только на голландской Яве имел более двух тысяч гектаров каучуконосов. Это, однако, не мешало ему постоянно против голландцев фрондировать.

Индонезии семь «автономных» штатов и девять марионеточных «государств», а также закрепить автономию султанатов, ничего у них не получилось.

17 августа 1945 года на многолюдном митинге в Джакарте индонезийский народ устами своего первого президента Ахмета Сукарно торжественно заявил:

«Мы, индонезийская нация, настоящим провозглашаем независимость Индонезии...» и, разумеется, неделимость и единство страны.

Одно, но великое слово объединило в единую нацию сотни разноязычных племён и десятки народов. Бхиннека тунггал ика – единство в многообразии!

Видимо, потому, что мой рассказ касался истории их страны, и Анди, и капитан Сувондо с лейтенантом Рахмади слушали меня с искренним интересом. Было видно, что почти всё в нём для них было если не откровение, то волнующая новость. Но та его часть, где речь шла о Бастиане, им явно не понравилась.

– Слово придумал! – не удержался обычно деликатный капитан Сувондо. – Дайте мне идею, докажите, что она верна, и я вам сотню слов придумую.

– Конечно, – подхватил Анди, – Маклай всё разжевал, осталось только мозгами немного пошевелить...

Он хотел добавить ещё что-то, но его оборвал лейтенант Рахмади. Вдруг зло:

– Всегда так, индонезиец сделает, а кому-то лавры.

Я даже растерялся.

– Вы не верите, что Маклай был русским?

– Маклай – русский! Почему же тогда он Мак-лай?

Значит, не поверил.

После неловкой паузы пришлось мне начинать новый рассказ.

Почему действительно Миклухо-Маклай был Маклаем, а не Миклухой-Сидоровым или Миклухой-Петровым, у нас тоже пока мало кому известно. Сам Маклай о происхождении своей фамилии, такой странной для русского человека, и дальней своей родословной, за исключением краткого перечисления ближайших родственников по отцовской и материнской линиям, ничего не писал, а его биографы, особенно зарубежные часто сочиняют ему родословные каждый на свой лад, представляя русского учёного то шотландцем, то евреем.

Австралийский журналист Франк Сидней Гриноп, шотландец по национальности, издал в 1944 году в Сиднее книгу «Who travels alone» («О том, кто странствовал в одиночку»), в которой, в частности, писал:

«Пётр Великий не только посылал молодых людей учиться за границу, но также приглашал в Россию искусных мастеров из Голландии и Германии, Франции и Англии, из Шотландии...

Русские историки до сих пор уделяют большое внимание шотландцам, которые в те далёкие времена осели в России. Их было тогда много, покинувших свою поистине несчастную родину, которая, несмотря на всё своё мужество и длительную борьбу за независимость, теряла все шансы на успех... Среди этих людей находился и архитектор, которому Пётр Великий поручил составить проект Царского Села. Для шотландца Камерона это была большая честь. Потом архитектор Камерон и другие шотландцы смешались с запорожскими казаками на Днепре, пережили и обрусели. Вот почему среди русских появились такие фамилии, как Стюарт, Лесли, Маклай... В имени Миклухо–Маклай нет ничего славянского, и легко представить, что «Миклухо» – «Маклуре», а «Маклай» – «Маклей»...».

Итак, по Гринопу, Маклай – шотландец. Но откуда у автора такая уверенность? На этот вопрос Гриноп прямо не отвечает, однако в своей книге не раз ссылается на дневники Маргариты Робертсон – жены учёного, которая его родословную наверняка знала очень хорошо. Да, но во всех дневниках М. Робертсон шотландцы упоминаются лишь в одной записи от 14 августа 1888 года: «Я нахожу. Что среди русских встречается много шотландских... фамилий... Есть Лесли, Стюарты, Маклинги и т.д. Очень любопытно...»

Как видите, разница велика. О шотландском происхождении своего мужа М.Робертсон не говорит ни слова. Кроме того, шотландские фамилии она встречала среди русских, а вовсе не среди запорожских казаков, смешаться с которыми шотландцы никак не могли, так как в Россию их пригласил не Пётр I, а Екатерина II в 1779 году. Запорожская же Сечь по её монаршему повелению была разрушена и полностью уничтожена осенью 1774 года.

Но, может быть, Гриноп пользовался какими-то другими источниками, нам неизвестными? Нет, они-то как раз и вся скрытая за ними подоплёка нам известны.

В конце марта 1888 года в Санкт–Петербург прибыл английский журналист Бенджамин Моррисон, бывший репортёр «Одесского вестника» Бенья Мирский, перекочевавший более десяти лет назад из солнечной Одессы в туманный Лондон, где переиначил свои

имя и фамилию на английский лад и на газетно-журнальном поприще весьма преуспел, удостоился даже специальной премии Ротшильда, полученной от могущественного банкира за нашумевшие в Европе очерки из жизни двух недавно умерших великих авантюристов: Карле Нессельроде – сына беспутной еврейки из Франкфурта-на-Майне, ставшего всесильным канцлером Российской империи, и графом при царе-юдофобе Николае I, и Бенджамина Дизраэли – внука мелкого еврейского спекулянта из Венеции, взлетевшего до высот премьер-министра Великобритании и получившего также титул графа от королевы-англomanки Виктории.

Биографические очерки, интервью и рассказы о разных выдающихся личностях для Бени Мирского, то есть теперь уже Бенджамина Моррисона, сделались основной его журналистской специальностью. Замечательный мастер излюбленного жанра, постоянно в Англии он нигде не работал, предпочитая заключать отдельные контракты на вольно предложенные темы. На сей раз с ним вошли в соглашение крупная лондонская газета «Дейли ньюс» и еженедельник «Санди таймс», которым он обязался привезти из России серию автобиографических интервью знаменитого учёного-путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая, чья личная жизнь, необыкновенные приключения и труды вызвали в Великобритании острый интерес как среди обывателей, так и в учёных, и в государственных кругах. Немалый интерес к нему проявляла и верхушка еврейской общины – раввинат.

Легче всего, конечно, понять любопытство обывателя. Что в Англии, что в России, да и в любой иной стране овеянные экзотической романтикой люди везде привлекают тех, кого мы называем публикой, одинаково. Другое дело учёные и государственные мужи, тем более раввины. Их интересами руководили мотивы, естественно, достаточно серьёзные.

Как мы помним, ещё в 1873 году в Батавии первым верно осмыслил и оценил значение работ Маклая о папуасах Новой Гвинеи голландец ван Реннефт. В последующие девять лет свои новогвинейские изыскания учёный значительно обогатил исследованиями и наблюдениями в других частях Океании и Австралии, по существу завершив создание целой науки о человеке, неопровержимо доказывающей биологическое равенство людей всех наций и рас. Но никакого обобщающего труда на эту тему к тому времени он издать не успел, как не сумел сделать этого и до конца своей жизни. Почти все его научные публикации носили преимущественно характер предварительных сообщений. Однако тем, кто в учёном мире за ним внимательно следил, они в совокупности давали возможность составить для себя ясную и в общем – то цельную картину из того

важнейшего, что он открыл. В Англии одним из таких учёных был ближайший сподвижник и неутомимый популяризатор трудов Чарльза Дарвина Томас Гексли, находившийся также в близких отношениях с профессором Иенского университета Эрнстом Геккелем, у которого учился Маклай и который имел огромное влияние на своего сначала студента, а потом ассистента. Геккель же познакомил Маклая с Гексли, и тот затем в 1870 году вместе с президентом Лондонского географического общества Родериком Мурчинсоном¹ оказали ему большую помощь в его подготовке к путешествию на Новую Гвинею.

1. Этот некогда широко известный, а ныне полузабытый у нас крупный английский учёный все же заслуживает нашей доброй памяти. В 1840–43 годах он со своим другом палеонтологом Вернейлем исколесил на лошадях и пешком всю европейскую часть России, Урал, Кавказ и Арало–Каспийскую низменность, в результате чего, два года спустя, при участии русского учёного графа Александра Андреевича Кейзерлинга издали в Лондоне, но для России капитальный труд по геологии этих районов нашей страны, с приложением созданных Мурчинсоном подробнейших геологических карт, которые и поныне являются основополагающими. Но не только этим ограничивались его связи с Россией. В то или иное время для многих учёных Европы она служила полем их научной деятельности, но далеко не все они проникались таким уважением и любовью к её народу, как Родерик Мурчинсон. Пользуясь своей популярностью и влиянием в обществе, в 1853 году он организовал в Англии мощное движение против вступления Великобритании в так называемую Восточную (Крымскую) войну, что задержало формирование антироссийской англо–французской коалиции с Турцией почти на год. В шестидесятых же годах ему удалось вообще не допустить военного вмешательства Англии в Средней Азии. Объясняя своё отношение к России, на многолюдном митинге в лондонском Гайд–парке он тогда сказал:

«Даже если Россия расширяет свои владения за счёт сопредельных колоний, в отличие от остальных колониальных держав она отдаёт этим своим новообретениям больше, чем берёт от них. И не потому, что ею движет некая филантропия или что–то в этом роде. Изначальные устремления всех империй мало разнятся, но там, где появляется русский человек, всё чудесным образом получает совсем иное направление. Выработанные у восточных славян ещё с дохристианских времён нравственные нормы не позволяют русскому человеку насиловать чужую совесть и посягать на имущество, ему по праву не принадлежащее. Чаше из корнящегося в нём неистребимого чувства сострадания он готов отдать с себя последнюю рубашку, чем у кого–то её отнять. Поэтому, каким бы ни было победоносным русское оружие, в чисто меркантильном плане Россия всегда остаётся в проигрыше. Победённые же ею или взятые под защиту в конечном итоге обычно выигрывают, сохраняя в неприкосновенности свой образ жизни и духовные институты, воп-

реки их явной недостаточности для прогресса, в чём легко убеждаешься, познакомившись с ними более—менее основательно, приумножая своё материальное достояние и существенно продвигаясь по пути цивилизации. Показательны примеры тому хотя бы Эстландия и Кавказ, в продолжение веков презираемые и насилуемые своими соседями, но занявшие почётное место среди народов и достигших несравнимого с прежним благосостояния под покровительством России, между тем как от приобретения Эстландии и Кавказа положение русского народа, то есть коренного населения метрополии, не улучшилось нисколько. Последнее нам кажется парадоксом, но такова реальность, первопричины которой кроются, несомненно, в особенностях русской морали».

Интересно отметить, что, публикуя эту речь Мурчисона, ни одна из английских газет не упрекнула его в необоснованном русофильстве. И никому не пришло в голову заподозрить его а англо— или еврофобии.

Думаю, нелишне в этой связи сказать ещё об одном факте, на который, сколько мне известно, тоже пока никто не обратил внимания. 3 марта 1871 года с борта корвета «Витязь», стоявшего на рейде Рио—де—Жанайро, Маклай написал в Санкт—Петербург академику К.С. Веселовскому: «Я успел, благодаря аппаратам и нескольким часам штиля, сделать интересное наблюдение температуры моря на глубине 6000 футов». То есть он измерил температуру воды на глубине почти в две тысячи метров. Такие глубоководные новейшие приборы, изготовленные в Гринвиче и для того времени самые точные, тогда имел только океанологический отдел английского Адмиралтейства. В ноябре 1870 года, когда Маклай последний раз встречался в Лондоне с Мурчинсоном, их вообще существовало в природе всего два экземпляра, и стоили они очень дорого. Тем не менее, Мурчинсон умудрился как—то один из них откупить у Адмиралтейства и преподнести в подарок Маклаю вместе с четырьмя тысячами метров необходимого к нему особо прочного тонкого сизалевого линя. Надо полагать, то и другое, кроме солидных денежных затрат, доставило Мурчинсону и немало хлопот. Ему же перевалило уже на восьмой десяток, и он недавно похоронил свою жену Шарлоту Гюгонин, смерть которой его так потрясла, что он никого не хотел ни видеть, ни слышать. Для Маклая, однако, как молодого собрата из России, пусть ещё и никакую не знаменитость, сделал исключение.

Через год сэр Родерик умер.

Словом, Гексли и Маклай были давними знакомцами и, можно сказать, несмотря на порядочную разницу в возрасте, даже друзьями, хотя Гексли, которого в Лондоне не без основания называли совестью английской науки, долгое время искренне придерживался взглядов прямо противоположных взглядам Маклая, то есть был убеждённым полигенистом. Но в том—то и заключается подлинное величие настоящего учёного, чтобы уметь беспристрастно проанализировать чужое мнение и, если того требует истина, признать его, хотя оно и противоречит твоим собственным теоретическим построениям, может быть, и выстраданным в муках. А с Гексли в данном

случае так и произошло.

Будучи горячим патриотом своего Отечества, гордясь и радуясь процветанием и могуществом Британской империи, он в то же время прекрасно сознавал, что это процветание и могущество владычицы морей обусловлено прежде всего её необъятными колониями. А там, естественно, рабство со всеми его, мягко говоря, неприглядными атрибутами, смириться с чем человеколюбивая, готовая на любые жертвы во имя справедливости натура Гексли просто так не могла. В молодости он яростно клеймил плантаторов Южной Америки за их бесчеловечное обращение с чернокожими рабами и всю жизнь не переставал громить христианскую церковь за её кровавые крестовые походы и смрадные костры инквизиции, выступая на диспутах с папистами и протестантами с одинаково гневными речами:

– Крестовые походы – для освобождения гроба господня! Но позвольте, ваши преосвященства, святейшества и блаженства, господь–то Йешуа из Назарета, именуемый вами Иисусом Христом, согласно всем вашим каноническим евангелиям, из могилы своей на небо вознёсся! О каком же гробе вы говорите, если по вашей же версии он пуст? Вы оправдываете конкистадоров, называете святой инквизицию, толкуя о спасении душ заблудших и еретиков. Но если допустить, что еретик враг Христа, то как же быть с евангельским «И возлюби врага своего»? А заблудший тёмный язычник, он–то и не враг вовсе Христу, да и церквям вашим. До появления Колумба американские индейцы ведь о каком–то Иисусе Христе понятия не имели. Однако ж конкистадоры поступали с ними нисколько не лучше, чем инквизиция – с еретиками. Вы отвергаете всякий здравый рассудок, требуя одного – веруй: сие есть благо, и руки свои, обогранные невинной кровью, узришь дланями с дарами целительными. Требуете слепой, бездумной веры, поскольку отлично знаете: никто из вашей рати быть извергом не желает, по крайней мере признавать себя таковым... Проповедуя добро, даёте ли себе труд спросить сначала кого–нибудь, что для него есть добро?..

Для такого человека, как Гексли, нужны были очень веские доводы, чтобы безоговорочно согласиться с главным теоретическим постулатом полигенизма, разделяющим человеческие расы на высшие и низшие и утверждающим якобы естественную необходимость подчинения низших рас высшим, и в первую очередь, конечно, поверить в полигенизм как науку. Он поверил, вопреки своему сердцу, ибо так же, как Эрнест Геккель, увидел в нём необходимое условие эволюции видов, будто бы само собой вытекающее из теории естественного отбора Дарвина. А Дарвин для него, воинствующего атеиста, был Богом.

И вот теперь Миклухо–Маклай всё это опроверг, разрушил

до основания.

Гексли, по его собственному признанию, плакал от радости великого просветления и в то же время переживал опустошающую душу нравственную трагедию. Он осознал всю меру злодеяний, какие из одного лишь своекорыстия совершила и продолжала совершать его страна. И для него это была трагедия личная, так как вдруг разлюбить свою Отчизну, а тем более отрешиться от неё или хотя бы от грехов её не принудила бы его никакая сила. То было бы предательство матери, а мать сыновнему суду не подлежит. Она дала ему высшую из земных ценностей – жизнь.

Объективно в ту эпоху созданная Маклаем наука о человеке не могла принести Великобритании ничего, кроме политического вреда. Она вкладывала в руки подневольных народов самое мощное оружие, направленное против всей колониальной системы. Но это была действительно наука, непреложность которой сокрушала всех столпов полигенизма. А уж здесь – то Томас Гексли внушаемым кумирами эмоциям не поддавался, частичку за частичкой воспринимал доказательства Маклая с величайшим сопротивлением всего своего могучего и трезвого ума, стократно всё взвешивал, сопоставляя все «против» и «за».

Истина всё же оказалась не в его пользу. И он перед ней склонился.

Как учёный он понимал, что однажды сделанное в науке большое открытие уже «закрывать» невозможно, ибо оно подготовлено всем предшествующим ходом прогресса, всей суммой накопленных к определённом этапу человеческих знаний. Отсюда и выражение «Идея носилась в воздухе». Если бы Дарвин замешкался с публикацией своей теории естественного отбора, его опередил бы Альфред Уоллес, сделавший то же самое одновременно с Дарвиным, но абсолютно независимо от него.

Подобных совпадений можно назвать сколько угодно. Но никого из первооткрывателей это не умаляет, а лишь свидетельствует: всему своя пора.

Поэтому философов, говорящих о конечности познания и чего-то вообще непознаваемого, не кто иной, а как раз Гексли, свято веривший в бесконечность эволюции и прогресса, с иронией окрестил метким латинским словом «агностики», из которого потом возник широко распространённый в науке термин «агностицизм».

Пытаться приостановить или изменить по-своему развитие цивилизации всё равно, что вздумать подменить существующие законы мироздания своими собственными. Однако от людей зависит, как скоро и насколько верно они поймут сущность того или иного научного открытия и сумеют ли вовремя предвидеть, к чему оно приведёт.

Надо отдать должное образованным британцам за их умение прислушиваться к мнению и советам своих авторитетов, таких, в частности, как Томас Гексли, который после смерти Дарвина пользовался у своих соотечественников не меньшим уважением, чем его великий покойный друг, причём не только как учёный, но и как прозорливый политик.

«В государственной политике, – говорил он, – нет ничего более пагубного, чем жить соображениями и выгодами настоящего момента, не имея в запасе козырной карты для парирования пусть и весьма отдалённого, но возможного на каком-то ходу преимущества противника. Очень часто то, что сегодня нам неприемлемо, а может, представляется во всех отношениях невыгодным, завтра обернётся во благо и сыграет роль той козырной карты, какую я имею в виду. Поэтому всегда нужно держать её в кармане».

В интересах будущего престижа Великобритании было куда важнее громко содействовать Маклаю, чем не замечать его или, что хуже всего, в чём-то чинить ему препятствия. Вот почему Гексли считал необходимым опубликовать труды Маклая сначала в Лондоне и обратился с этим предложением не в научное Королевское общество, а к английскому правительству, чтобы оно выделило столько денег, сколько потребуется. Потом, хотя в июле 1882 года Египет был охвачен антибританским вооружённым восстанием, отправился в Александрию, где из-за египетско-английской освободительной войны застрял русский крейсер «Азия», на котором, как сообщали газеты, после двенадцатилетних путешествий по Океании и Австралии возвращался в Россию Миклухо-Маклай.

Тут всё понятно. Гексли сам поехал в Александрию, конечно, потому, что с Маклаем их связывала давняя дружба. С другой стороны, кроме своего дружеского расположения, он вёз с собой кучу денег и наверняка был уверен, что Маклай перед ним не устоит.

Иначе говоря, с какой бы симпатией мы ни относились к сэру Томасу, действовал он сейчас, прямо скажем, не совсем по-джентельменски. Ну, разумеется, как говорят у нас, своя рубашка ближе к телу, никто не спорит. Но зачем же, будучи патриотом своего Отечества, ставить под сомнение патриотизм, а значит, и наиболее чувствительную сторону нравственности другого человека, тем более друга? Есть вещи, за которые предлагать деньги просто неприлично. Напрасно сэр Томас полагал, что Маклай, заботясь о благе всего человечества, мог при этом не принимать во внимание приоритеты Родины.

И всё же, разочаровавшись в Александрии, что, казалось бы, должно было дать ему хороший урок, Томас Гексли не успокоился. В марте 1888 года Бенджамин Моррисон прибыл в Санкт-Петербург не только с документами корреспондента «Дейли ньюс» и «Сан-

ди таймс», но и с рекомендательным письмом Гексли.

Интересы научных и государственных кругов Великобритании и раввината Англии, а скорее всего и раввината мирового, похоже, странным образом совпадали. Такое подозрение возникло потому, что Ротшильд вряд ли наградил бы Бенджамина Моррисона своей банкирской премией, не посоветовавшись с раввинами Старого и Нового света, а Моррисон, в свою очередь, судя по тематике его творчества и многим нюансам в его газетно-журналистских публикациях, был не из тех, кто заранее не учитывал бы того, что его будущий Санкт-Петербургский материал из «Дейли ньюс» и «Санди таймс» перепечатают, как обычно, непрестанно спорившие между собой по поводу реформаторства иудейства, но одинаково охотно предоставлявшие свои страницы интервью, очеркам и статьям Моррисона, английские «Jewish Chronicle» и «Jewish Tribune», а также орган «веротерпимых ортодоксов» Европы «Jewish World» и газета «еретиков» Нового света «American Hebrew».

Дело, однако, здесь посложнее, чем в случае с Томасом Гексли. Я думаю, давая рекомендательное письмо Бенджамину Моррисону, он просто не догадывался, с какой в действительности миссией он направляется в Санкт-Петербург. Письмо адресовалось лично Маклаю, значит, сэр Томас не знал, что в России его друг находится при смерти. Моррисону же это наверняка было известно.

Нет, начинать детективный сюжет я не собираюсь. Но чтобы читатель смог разобраться в дальнейших хитросплетениях, мне придётся немного коснуться истории вечного, как Рим, огромного, как мир, и болезненного, как осколок под коленной чашечкой у воина, который нельзя удалить, не лишив раненную ногу возможности сгибаться, «еврейского вопроса».

Первым в нашей стране взял в кавычки эти два слова, наверное, Фёдор Достоевский, вынеся их в заголовок статьи в мартовском выпуске своего «Дневника писателя» в 1877 году. Закавычил не случайно, он хорошо понимал, что ответить на него по всем пунктам не в состоянии и целая Академия наук, а может, и добрый десяток академий. Поэтому и начинал статью так:

«О, не думайте, что я действительно затеваю поднять «еврейский вопрос»! Я написал это заглавие в шутку. Поднять такой величины вопрос, как положение евреев в России, и положение России, имеющей в числе своих сынов три миллиона евреев, – я не в силах. Вопрос это не в моих размерах. Но некоторое суждение своё я всё же могу иметь...»

Так полагал высокий душой свою и мудростью сердца Фёдор Михайлович. Вершина такая, как Достоевский, для меня, благо-

говейно молвлю, — Эверест, только видно сверкание вершины в солнечных лучах, а об основании корней, прочно удерживающих Эверест этот над океаном людским, можно лишь размышлять. Поэтому, ни в коей мере не претендуя на соревнование с ним, я выскажу даже не малую толику суждений своих, а только дам читателю некоторую информацию, поскольку того требует тема моей книги, и то мне кажется не лишним будет упредительно сказать о мере своих познаний, дабы не вызвать той самой критики, от которой на поверку одно расстройство нервной системы. Правда, я крепко помню и крылатые изречения Орла синагоги Маймонида, объявленного ныне неким Моисеем Соломоновичем Беленьким едва ли не предтечей марксизма—ленинизма, слышу его, Маймонида, голосом вот это, например: «Когда видишь, что акум или гой прав и может выиграть спор с тобою, спеши облить его помоями, если нет под рукой смолы, чтобы отмывался подольше и мычал невразумительно». Знаю я точный смысл древнееврейских слов, кои ныне снова пошли в ход, «авде кохавим у мазолот», сокращённо — «акум», и развёрнутое содержание арамейской аббревиатуры «гои», но не стану переводить и расшифровывать, чтобы не возбуждать в человеческих душах смуту. Один мой друг еврей, который видел в еврейском журнале «Советиш Гемланд» мой рассказ и знает, что я украинец, на вопрос, известны ли ему эти определения и какая между ними разница, заключив, очевидно, что я, надо полагать, принадлежу к потаённым русофобам, но явно не зная правильного ответа сказал: «Да разницы никакой, акумы и гои — все русские». Печально, но и то, вздохнул бы христианин, слава Богу, пусть пребывает в своём заблуждении. Неразумного не научишь.

Добавлю ещё, что мне постранично, в четвёртую и восьмую долю листа, ведомы Тора (библейское Пятикнижие Моисея: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие и книги, дополняющие их), все 63 трактата Мишны и вся Гемара с её агадами и Галахами, о которых Талмуд учит: «Тора подобна воде: Мишна — вину, Гемара — вину, заправленному пряностями. Свет не может обойтись без воды, вина и вина, заправленного пряностями. Так же не может обойтись он без Торы, Мишны и Гемары... Читающие Тору совершают что-то, похожее на благо; читающие Мишну совершают подлинно благое дело и за это будут вознаграждены; те же, кто читает Гемару, совершают высшую благодать...» (Soph. 13,2; Babam. 33,1).

Кроме написанного в Каире «Путеводителя заблудших» («Mogen Nebochim») Орла синагоги Маймонида, мне не особенно трудно, закрыв глаза и сосредоточившись в стороне от земных забот, цитировать по памяти, как и любую книгу, которую я когда-либо держал в руках, сочинения иудейских учёных Шелома Ицхака Раши, Исаака Бен Иегуды дон Авраменая, именуемого чаще Абарбане-

лем или Арбабанелем, Иегуды Бен Гершона, очень почитаемого иудеями Менахема, а также не менее почитаемого Иосифа Флавия и ряда других и многое рассказать об их житейских судьбах, образе мыслей, чувствах, подробно описать их портреты, если их никто никогда и не рисовал. Всех, кто приходит ко мне в часы моего уединения из своих великих далей, я вижу и слышу, как и путаницу их мыслей, когда в муках они отбирали из них слова для своих книг и речей.

Сгусток боли переносится в меня из Души Уриэля Акости, именовавшегося до своего переезда из Португалии в Голландию Габриэлем да Костой, когда я вижу на площади перед большой хоральной синагогой Амстердама костёр из его книги «*Examen traditionum Pharisalicarum collatarum cum lege Scripta, ets.*» («Сравнительное исследование традиций фарисеев и писаного закона и т.д.»).

На таком же костре, но из поленьев и хвороста, и тоже за ересь сгорел, привязанный к столбу, в чёрно-белом полосатом колпаке с острым конусом, кто-то из его недалёких родственников. Но мысли у того при жизни были другие и ересь другая, не против иудейства, а – за. О том говорит и его синагогальных цветов колпак, хотя он был, пожалуй, саддукеем – вижу в нём неверие в загробный мир, и двоедушие. Стало быть, молился по-саддукейски сразу двум богам, небесному Неизреченному (Иегове) и земному – своему первосвященнику. Но страдал от натуги, принужденный молиться и третьему богу, которого считал псом.

С точки зрения всякого иудея, сравнимого с эпикурейцем саддукеем, стойка фарисея и даже безропотного, пифагорейски философствующего ессея, третьим мог быть только Иисус Христос – человек из Назарета, наделённый, вероятно, редкостно большой, а может, даже исключительной по своей силе биоэнергией и потому принятый людьми за сына божьего. Они не знали, что это такое, биоэнергия, и он сам, судя по всему, не знал, но чувствовал и ведал то, что не дано чувствовать и ведать другим.

Многозначна по своим свойствам биоэнергия, о которой и в наши дни мы мало что знаем. Поэтому тот, кто носит её в себе и осознал, какая она в нём хоть в одном из своих качеств, в мыслях и поступках должен быть осторожным. Она способна исцелять ближних и даровать владеющему ею прозрение, но может также приносить вред другим и внутреннее опустошение тому, кто ею злоупотребляет или берёт мзду за использование Природой ему дарованного. Я имел возможность удостовериться в этом, и потому, перечитывая Тору, мне кажется, отчасти сумел разглядеть некоторые зёрна, утонувшие в плевелах, рассыпанных щедро вокруг библейского Моисея. Ему, несомненно, были известны многие таинства египет-

ских жрецов и он умел читать опять—таки некоторые скрижали Природы. О том говорит его жезл, пробивающий в скале выток роднику. Кроме жезла в мощной деснице, в левой руке у него непременно был прутик лозы. Удивительное, наверное, для непосвящённых свойство ивовой лозы «чувствовать» воду было известно и нашим далёким пращурам...

Я не хую его, Моисея, он желал своему народу добра, но не соизмерил, не мог, должно быть, соизмерить, сколько семян его добра прорастут злом.

Родственник Уриэля, сгоревший на костре, был, что тоже несомненно, испанским марраном, крестившимся из страха перед католической инквизицией, но оставшимся верным иудейству, хотя равнином и богопротивным саддукеем.

Но напрасно страдал он сердцем, если и был саддукеем, ибо сказано: «... разрешается, чтобы человек (еврей) играл роль вежливого по отношению к неверному (гою) и уверял, что любит его; такое допускается, когда человек (еврей) в этом нуждается и боится гоя (нечеловека), иначе он согрешит», поскольку «обманывать неверных (акумов и гоев) дозволяется» (Kad. hak. f. 30,1; Tr. Lotu, f. 41,2). Сказано о еврейях, но никакого исключения не сделано для саддукеев.

Уриэль выступил в своей книге и против фарисейства раввинов и не миловал саддукеев, потому его, как Спинозу, и объявили «отпавшим евреем», что, согласно Талмуду, — тот же смертный приговор, ибо сказано: «Тот, кто пренебрегает словами раввинов, повинен смерти» (Tr. Eruvli, 21,2). Поэтому, спасая свою жизнь, они и были вынуждены постоянно скитаться и всюду жить затворниками.

От Уриэля отвернулась вся его ближайшая родня. Он не мог, как и Спиноза, жениться, не мог во всём мире найти пристанище, чтобы обрести хлеб насущный и покой. И, спустя пятнадцать лет, воля, которая казалась ему такой непреклонной, ему изменила. Рассеялась тень человека, носившего в себе гордость. Гордость — гордыню за душой он не держал.

Уриэль решился на страшное, сопряжённое с немислимим для людей любой иной расы и национальности испытанием: покаяние в синагоге. Пришёл сам, без принуждения. Произнёс во весь голос, как положено по ритуалу, составленные в чёткие фразы слова покаяния. Составил он его тоже сам. Добровольно принял все муки и позор.

Ошибка Уриэля в этом была велика. Должен был предвидеть, поскольку знал, но, вероятно, недоучёл.

Родня по-прежнему его не признавала и не возвращала ему его имущество, на улице ни один соплеменник с ним не здоровался,

натравленные отцами еврейские мальчишки его везде преследовали и оплёвывали.

Так продолжалось семь лет – о, эта способность сынов Израиля придавать заимствованным у кого–то определениям и даже цифрам, полученным при здоровом размышлении ума, смысл и значение совершенно иные, нередко мистические¹!

1. Первая библейская книга Бытие скомбинирована авторами Библии из отрывочных сведений, взятых из древнейшего восточного эпоса, как это видно теперь из глиняных «таблиц», на которых на четырёх древневосточных языках – шумерском, аккадском, хурритском и хеттском – записана клинописью «Песнь о Гильгамеше» – «Песнь о Всевидавшем», примерно на 1000 лет старше «Илиады», только имена в Библии заменены на израильские. Число дней, в течение которых бог якобы создал мир и лёг почивать, у шумеров не названо, нет их и в дошедших до нас наиболее древних отрывках Библии. Но когда иудеи переводили его на греческий язык и узнали от греков, какое большое значение те придают цифре семь (речь о семи цветах радуги, обозначающих семь существующих в Природе творческих принципов), они поделили деяния бога на семь дней. Так возникла будто бы библейская неделя. Смысл же этого слова греки, в свою очередь, заимствовали у скифов (современное украинское «неділя» – «воскресенье» от нашего дохристианского «ніділасмосіа» «не делаем», то есть отдыхаем, а украинский «тыждэнь» – «неделя» от «тужднемосуа» – «дни, когда тужимся», то есть работаем). У древних израильтян цифр вообще не было никаких, они обозначались буквами. Поэтому каждая буква у них имеет числовое значение, и потому четвертая библейская книга Торы носит странное для нас название – «Числа», как непонятна непосвящённому и составленная из отдельных слов частей фраз Торы средневековая еврейская книга «Симфония», для прочтения которой нужно сначала обозначить все буквы их числовым значением, тогда по сумме чисел в как будто бы бессмысленно составленных фразах откроется определённая логика, и мы получим то или иное понятие. Собственно, мы имеем тут дело с одним из элементов так называемой каббалы, само название которой, если перевести буквально, означает «полученное», но вообще это такая мудрость, которую нужно изучать специально. Не случайно это слово употребляется у нас в значении «поневолять – закабалить». Создателям каббалы, вероятно, казалось, что постигнуть их способ выражать свои мысли никто из простых смертных не сможет. Самомнение всегда ложно.

Через семь лет, день в день, совет раввинов Амстердама вынес приговор: Уриэля Акосту необходимо подвергнуть новому раскаянию, ибо сказано: «Грешить дозволено, если грех соверша-

ется тайно» (Kiddusch, 40,1). Следовательно, никакой нормальный человек (еврей) сам признаваться о тайных грехах своих не станет. Уриэль же при первом своём покаянии говорил о многом, о чём в его мерзкой книге нет ни слова. Но умом он не повреждён, иначе прочитать весь Талмуд и написать о нём свою поганую книгу не смог бы. Отсюда ясно, что он не каялся, а злостно лгал, издевался над всеми, кто его слушал. Поэтому раскаянию он подлежит вновь, принудительному.

В переполненном народом огромном зале Большой синагоги Уриэля взвели на хоральный помост, словно на эшафот, раздели до пояса, затем два служки синагоги начали медленно разворачивать перед его глазами исписанный крупным каллиграфическим почерком свиток, приказав читать написанное чётко и громко. То была речь о всех его прегрешениях, о многих из которых он для себя узнавал впервые, но читал, как велели...

Когда нижний конец свитка опустился до пола, Уриэль прочитал последнюю строку. Ему пришлось читать снизу вверх.

Служки не торопясь опять свернули длинный лист бумаги в трубку, отдали свиток стоявшему в ожидании третьему служке, вздохнули, расслабляя руки, как после тяжёлой работы или перед схваткой на ринге. Тот, третий, взявший у них свиток, поднёс ближе к ним стоявшее поодаль ведро с намокавшими в нём с вечера в солёной воде двумя сыромятными ремнями.

Вдруг весь зал грохнул:

— Малкус!

В едином порыве вскрик из сотен глоток и... тишина.

Заломав Уриэлю руки, служки низринули его ниц.

Размеренные, под единое многосотенное «х—га—ах!» всего зала 39 протяжных ударов по голой спине низринутого. Эти два служки синагоги умеют бить так, чтобы от каждого удара кожа на спине наказуемого треснула, но кровь цепочкой фонтанчиков, как при этом, казалось бы, должно быть, не брызнула, а сначала впитала соль их хорошо намочшего в рассоле сыромятного ремня и прожгла не только мышцы под кожей спины, но и чтобы соль вошла в кровеносные сосуды этих мышц и разнеслась с таким же жжением по всему телесному организму малкусуемого. Поэтому нужно, чтобы ремень при ударе в кожу как бы влип, а затем его по образовавшейся под ним трещине в коже надо точно рассчитанным движением, не отрывая от кожи, неспешно протянуть.

Конечно, правильно производить малкус — вот этот обряд земного наказания грешника, посмеявшего было возвысить свой голос против раввинов, — всякий не сможет. Этому необходимо долго и прилежно учиться, совмещая учёбу с постоянной практикой. Иначе всю мудрость «Малкуса» не постигнешь. Над этой наукой, кроме

Орла синагоги Маймонида и великого Менахема, трудились многие Господом Богом одарённые умы раввинов и до Маймонида и Менахема, и после них: рабби Бен Сыра, Абарбанель или Арбабенель, он же Авравенель, Раши, Бэхаи, Самуил, Мозз, Исмаил, Елизааф, Бехаил, Ялькун... Всех не перече́шь. Может, самому Иосифу, перед которым пал в прах гордый Египет, когда его земля перестала родить, а амбары Иосифа, сына Иакова, при безмозглom фараоне оказались полным—полны, первому открылась мудрость малкусования, чтобы так наказывать не провинившихся сынов Адама, Авели и Авраама, а нохримов (чужаков) египетских, ставших по слову Господа Бога и вразумлённого Господом Богом рабами евреев, что то же самое, как гои, ибо нохримы и вдобавок акумы, Хамово порождение от первочресл Ноевых. От них же, порождениях Хама и Иафета, да и большинства порождениях Сима, которые не от колена Фары, родившего Авраама, что означает «отец народов», равно как и жена его по первому имени Сара, ставшая по слову Господа Бога Сарой — матерью народов, сказано: «Если вол еврея пробил [рогами брюхо] вола нохрима, то еврей должен быть свободен от наказания и вознаграждения [нохриму]; если же вол нохрима пробы́ет [рогами брюхо] вола еврея, то нохрим должен вознагра́дить [еврея за понесённый им] убыток, ибо Святое писание говорит: «Восстал Господь Бог и мерил землю, и отдал сынам Израиля всех гоев; увидел, что 7 своих повелений детям Ноя, те не исполнили, и восстал, и отдал всё их имущество сынам Израиля» (Tr. Baba, 2), что рабби Альбо вместе с другими раввинами поясняют: «Бог даровал евреям власть над кровью и имуществом всех [иных] народов мира» (Tr. Megilla, f. 13; Schek, f. 7.1; Sotu, f. 36,2; Kad. Hak. 56,4 и т.д.). А почему? Об этом ясно говорится в Наике (Талмуде): «Евреи приятнее Богу, нежели ангелы... Иудей одно существо с Богом, подобно тому, как сын одного существа с отцом... Не будь евреев¹, не было бы ни блага на земле, ни солнца, ни дождя... и народы бы не населяли мир, ибо всё сущее на земле создано Господом Богом для евреев и отдано Им, евреям, на вечные времена, потому каждый еврей, по слову Господа Бога, должен иметь 2800 рабов... Насколько человек стоит выше животного, настолько евреи стоят выше всех остальных народов мира... Семья рогатого скота и семья нохрима — одно и то же...» (Tr. Ghollinn. f. 91,2; Tr. Sanh. 58,2; Tr. Sanh. Ibid; Tr. Jebam.f.63,1 и

1. Слово «еврей» произошло от древнеарамейского «гебер» — «по ту сторону», отсюда «хебраил» — «человек с той стороны [Ефрата]», принятого израильянами в библейские времена не как своё второе племенное самоназвание, а чтобы среди других народов подчёркивать свою обособленность от них. (E. Renan. Histoire general des langues semitiques. Paris, 1855. «История семитских языков»).

т.д., и т. п.). Поэтому Орёл синагоги Маймонд учит: «Жалеть [по-человечески] гоя запрещено и сожалеть о нём запрещено, хотя бы [ты] видел его погибающим – утопающим в реке или близким к [другой] смерти» (Liad. chas. 1,10, 1, f. 40,1). Абарбанель же уточняет: «Кто не признаёт хотя бы одного изречения веры евреев, тот есть минаенин (отступник) и эпикуриеец, которого ты должен ненавидеть и истреблять» (Abarb. Zosch. am., f. 9,1). Здесь Абарбанель различия между гоями и минаенинами из евреев не делает, ибо сказано: «Праведно убивать минаенина своими руками» (Tr. Aboda, f. 4,2, Tos.). И тут ясно имеются в виду минаенины из евреев.

Тот, низринутый на хоральном помосте Вольшой синагоги Амстердама, минаенин как будто из евреев, но его пощадили, дали возможность раскаяться, потому что из Португалии, вроде земляк Абарбанеля и бывший ДА Коста, ЕГО МИЛОСТЬ ГИДАЛЬГО. Абарбанель завещал сафардимов (испано-португальских евреев), хотя бы и минаенинов, смертью не карать. Абарбанель знал, что завещать, ибо он такой же великий, как Менахем, а оба они образами своими приближаются к образу Орла синагоги Маймонида.

Но дружно подбадривавший служков своими «х–га–ах!» зал Большой синагоги Амстердама бурно вознегодовал. Под ударами хорошо намокших в рассоле сыромятных ремней малкусуемый, закусив нижнюю губу, не издавал ни звука и даже не вздрагивал, хотя было видно: служки работали правильно и старались, после «протяжки» кровь из трещин на спине низринутого начинала сочиться. Но пока его готовили к прочтению покаянной речи, у всех в зале было достаточно времени, чтобы при множестве почти не коптящих толстых восковых свечей рассмотреть его внешность. Костлявый, невысокого роста. Понятно, без ермолки, простоволосый, ибо минаенин, пока не раскаялся и не прошёл через обряд малкуса. Лохмы чёрные, как шерсть на овце, ибо волнами, глаза выпуклые, карие, нос с горбинкой, как у сефарда, но рот слишком большой, губы, словно вздутые, слишком алые и зубы слишком белые. Кожа тоже слишком смуглая. Рот типичного мавра либо фалаша (эфиопского еврея). Последние, фалаша, если и воспитываются в иудействе, все равно остаются акумами и, собственно, теми же неграми. Рабби же Елизаафом сказано: «Так как негр отличается между всеми тварями...» (Pirke ер., 53), но не сказано «между людьми». Однако, когда фалаш подвергается малкусу, он вопит и трясётся, а этот – нет. Его отец, Педро да Коста, – известный многим евреям Европы португальский маран, принявший для виду католичество, чтобы заслужить у короля гоев титул его милости гидальго, а дядя, пронырливый Вальтасар, стал даже приором иезуитского ордена на Балабаре. Но Педро определённно преступил закон Наики, бросив семя в

утробу мавританской нохримки и взяв потом её порождение себе в сыновья. Не внял словам Орла синагоги Маймонида, который говорит: «Можно женщину во время её неверия посрамить через соединение» (Lod. Chos. 2,2, пун. 2,3). Сказано, конечно, деликатно, но рабби Абарбанель пояснил, что имел в виду Орёл синагоги Маймонид: «Женщина, не принадлежащая к дочерям Израиля, суть скотина» (Malk. h. p. tawo). Она не может родить человека хотя бы и от семени человека, ибо «суть скотина». Следовательно, этот на хоральном помосте молчит под ударами хорошо намокших в рассоле сыромятных ремней и даже не вздрагивает потому, что он гой, а гой боли не чувствуют, ибо «суть скоты», если же и визжат под ударами плети, то лишь для того, чтобы показать, будто у них тоже есть какие-то качества человека. А этот меньше сообразительный, нежели вол. Но, будучи гоем, он не только читал Наику, а посмел даже осуждать раввинов. В Наике же прямо сказано: «Если иноверец (акум или гой) читает Талмуд, он достоин смерти» (Tr. Sanh. f. 39,1). С этим же цацкаются, над говорящей скотиной, которая ничего не чувствует, устроили обряд малкуса. Срам! Убить его надо, четвертовать по-гойски здесь же, на хоральном помосте, а лучше всего медленно выпустить из него кровь, чтобы впиталась в доски помоста: гойская кровь – единственное у них, что сравнимо с благодатной росой. Как бы там ни было, но не может же гой выйти из синагоги, коль сюда его ввели!

Негодующий зал ревел.

Но служкам что? Так решил совет раввинов Амстердама. Тот же, кто пренебрегает словами раввинов...

Только это и могло образумить заполнившую все проходы между скамейками, плотную, разъярённую толпу в синагоге. Оно, видать, хлестнуло по неё, словно многохвостным бичём, ибо она также, как выдохнула разом: «Малкус!», разом вдруг и утихла, затаилась...

39 положенных по ритуалу ударов хорошо намокшими в рассоле сыромятными ремнями служки отсчитали.

Вытирают тыльными сторонами ладоней взмокшие лбы с низко надвинутыми ермолками из чёрного бархата. Узкие лица оттого особенно белокожие – настоящие Ашкенази (евреи – преимущественно выходцы из Хазарии, говорящие на идиш), а закатанные до локтей руки нежно розовые, в редких сивых волосинках. Туго обтянувшие икры ног голенища сапог отливают хромовым гляncем.

Бросив в ведро ремни, отдыхают, запрокинув кверху подбородки. Они знают, когда на спине этого, колодой лежащего, немного ещё проступающая из богрово-синих, но уже темнеющих полос, кровь сочтётся перестанет, тогда сволокут его с помоста, протянут ногами вперёд, как мертвяка, по расступившемуся людскому кори-

дору через весь зал и бросят на парадный порог синагоги, чтобы каждый, кто из неё будет выходить, не мог через него переступить; и служки проследят, чтобы каждый не забыл на него плюнуть.

... После всего, что с ним произошло, у него ещё хватило сил написать книгу «*Exemplor humanae vitalis*» («Пример одной человеческой жизни»). Держать её в руках мне не довелось, но сквозь великую даль времени я вижу склонившегося над рукописью Уриэля, и душа моя прочитала каждую строку этой второй его книги. И увидела, какая строка как легла на ворсистую нелинованную желтоватую бумагу, со всеми её неровностями и поскребными в лете завитками букв. Едва поспевал за мыслью, потому гусяное перо редко подтачивал... Последняя строка выделена отдельным абзацем:

«Нельзя соткать жизнь из гордыни, ненависти и зла».

Потом было ясное весеннее утро. Над Амстердамом между переустроенной человеком грешной Землёй и непорочно голубым Небом несли Добро людям кроткие в белизне своей облака.

Биографы Акосты дату не сообщают, но я точно знаю: это было 8 (21) марта, когда над Азиатско–Европейским материком Солнце входит в срединную полосу знаков Зодиака.

К Уриэлю в его убогое, в сыром подвале, убежище изгоя зашёл живший в Амстердаме итальянец Лоренцо Сельвиати – единственный человек, который, казалось, вопреки здравому рассудку всё же изредка продолжал его навещать. Он отдал ему рукопись, попросил устроить её к какому–нибудь их типографов, лучше всего в Риме. Но денег с типографа не брать, гонорар не нужен.

Посидели у сколоченного из грубых досок стола на табуретах их таких же досок. Уриэль с признательностью и любовью смотрел на Лоренцо, молча улыбался. В важном они научились понимать друг друга без слов. Так молча и беседовали, ибо что из сокровенного откроешь, если и желаешь, словами?

Вот Уриэль, пригасив улыбку мавра, хлопнул ладонями по коленям. Рывком встал. На минутку задумался.

Будто всем своим просветлённым лицом, а не только языком и губами, сказал:

– Можно было бы назвать эту книгу, – кивком указал на свёрток рукописи в руках Лоренцо, – «Моё «Я» – микрокосмос в макрокосмосе», но люди и так поймут...

Жестом велел Лоренцо остаться пока в его жилище. Сам устремился на скорый шаг к выходу. В дверях на полушаге приостановился, подмигнул Лоренцо, сверкнул глазами и улыбкой:

– Будь здоров!

... В тот же день ближе к вечеру его сняли с дерева в загород-

ной липовой роще. Кто-то случайно набрёл, гулял, наверное, по весенней роще.

До отпущенного ему часа он не дожил один год. Мог прожить четыре с половиной года по юпитерному календарю – 54 земных, было же ему – 53, как мне теперь.

Я слышу твой голос, Уриэль:

– Моё «Я» – микрокосмос в макрокосмосе...

И хор:

– Если иноверец, акум или гой, читает Науку, он достоин смерти.

Ничего, Уриэль, свою смерть я вижу – в распрю с ней мы не войдём. А мысли, высказанные в конце твоей второй книги, и вот это, что слышу, сознаю и принимаю.

В одном из писем Миклухо–Маклая с острова Ява своему добросердечному и умному другу баронессе Эдите Фёдоровне Роден читаю:

«Чем больше наблюдаешь за европейскими миссионерами и колонистами, тем больше изумляешься. Порядочных людей среди них немало, но редко кто (откровенно сказать, я пока таких не встречал, но, наверное, они должны всё-таки быть) даёт себе труд изучить сначала мировоззрение и понятия тех, кому они навязывают свои убеждения и порядок вещей. Поэтому даже там, где, кажется, нет языковых преград, враждебность с одной стороны и подозрительное недоверие – с другой только нарастают, и всё это рано или поздно неминуемо приведёт к взрыву. Всякий пришелец, если на каком-то куске земли утвердился и пра-пра-праотцы его, в своём хотении сохранить унаследованный от отцов индивидуум должен помнить, что здесь он всё же пришелец, и сохранить себя может до возможного в будущем разумного компромисса при единственно приемлемом условии: всё начинать надо, как говорят у нас на Руси, с азов, то есть с изучения мировоззрения хозяев земли, притом всей их эволюции, от первичных мифов до сегодняшнего повседневного житья-бытья. Чтобы вместо враждебности вызвать к себе интерес, своё желательное показывать, но не навязывать...»

Речь идёт о голландцах, которые за три с половиной века своего господства в Нидерландской Ост-Индии так и не поняли этого в общем-то простого условия для «возможного в будущем разумного компромисса». Вероятно, в самонадеянности своей и не подумали, что тем самым день за днём подрубают сук, на котором сидят.

В отличие от голландцев в Индонезии евреи ни в Древней Руси, ни в России колонистами в прямом смысле слова никогда не были. Не являются они и коренными или ставшими коренными жи-

телями нашей страны, как это можно подумать, читая стихотворение В. Халуповича из Ленинграда, которое попало мне на глаза в газете «Книжное обозрение» за 8 июля 1988 года.

Мои мать и отец в эту землю зарыты.
Мои бабушки с дедом на этой земле сожжены.
Казаками Хмельницкого здесь мои предки забиты.
И Владимиром пращуров на нет сведены.
Мне Татищев открыл в словаре своём, слогом старинным,
Как изгнали нас в Польшу, а после вернули опять.
Нам пахать лишь однажды дозволил указ «Катерины»,
Чтоб два века потом всё, что можно, пытаться отнять.
Слуги бога—еврея «анафему» в церкви трубили,
Онемеченный царь нас чертою оседлости гнул.
Балагуры, сапожники, мы эту землю любили,
За неё шли на смерть, если враг на неё посягнул...
Здесь, на этой земле, я евреем родился однажды.
За моею спиной здесь не меньше, чем десять веков.
Я на этой земле за неё и радею, и стражду,
За неё в нашем веке и горя хватил, и оков.
Как молитву, шепчу её схожее с росами имя.
Чтоб родила она! Чтоб метели над ней не мели!
Ну а те, что считают на этой земле нас чужими,
Может, сами лишь пасынки этой нежданной земли?

О В. Халуповиче из Ленинграда я не знаю ничего и вместе с тем стихотворением своим он поведал мне о себе многое. Мне стала понятна его грусть—кручина. О ней ясно говорят слова «СЛУГИ БОГА—ЕВРЕЯ...» и не прямо утверждающая мнение В. Халуповича о тех, «что считают на этой земле нас чужими», а в виде вопроса, но для него самого достаточно самопризнавательная последняя строка стихотворения: «Может, лишь сами пасынки этой НЕЖДАННОЙ земли?». Не будь этих трёх слов и приведённой полностью строки, я не утруждал бы разум свой ни анализом неправильной русской речи, как у ныне самых шумных поэтов, провозгласивших себя «прорабами духа» и «сторожевыми собаками перестройки» и на том пробившихся в «витии народные», не принадлежа к этому народу, ни анализом превратно истолкованных исторических фактов, как у некоторых наших современных многомиллионнотиражных прозаиков, проповедующих, к тому же, не всегда, правда, заметно для простака, нашу природную славянскую якобы неполноценность и помноженное на циничное отношение к «простонародью» вместе с преступными деяниями против него равнодушие к Родине.

Тем более, что В. Халупович из Ленинграда подарил мне и

миг приятной улыбки – «схожее с росами имя». Пусть у него это только поэтическая метафора, но в ней есть и доля правды. Имя Россия действительно частично связано со словом «роса», которым нарёк себя целый народ (далее я объясню почему он нарёк себя именно так), а не произошло от реки Рось, у берегов которой я не ОДНАЖДЫ, то есть не в силу каких–то случайных обстоятельств, а по вполне естественной причине родился, поскольку берега этой реки – одна из первоколыбелей моих пращуров, которые не без серьёзных на то оснований дали реке не какие–то другое по смыслу, а своё народное самоназвание, но не наоборот, как считают многие наши учёные, не задумываясь над тем, почему, например, у Шотландии и Палестины исконно слов`янские наименования. «Скотланд, Скотия» – так произносят шотландцы. На светском древнерусском языке, если судить хотя бы по лексике обширной поэмы поэта–«язычника» Славомысла «Песнь о побиении иудейской Хазарии Светославом Хоробре», написанной, вероятно, в XII–XIII веках русской докирилловской азбукой и литографически воспроизведённой в книге польского учёного Фаддея Воланского «Памятники письменности слов`ян до Рождества Христова» (Варшава, 1847 г.), правильно не «товар», как нам толкуют, а всё же «скот». Товаром он назывался лишь как одна из мер имущества – товару столько–то голов лошадей, коров или овец. «Лань» – «земля» в значении «страна» (не надо путать с поэтическим «трепетная лань» – мираж или что–то быстро–лётное и нежное); «ланы» – «пастбища, выпасы» или «нивы»; «лан» и «лад» – «устройство земли». Поэтому не на каком–то гипотетическом индоевропейском языке (это отдельная тема, и я обладаю обширнейшим, начиная с XVI века до н.э., материалом, чтобы, на мой взгляд, убедительно опровергнуть все умозаключения об индоевропейцах, никаких предметных следов которых археологи пока не нашли и вряд ли найдут, ибо рассказы о них исходят в основном из Западной Европы), а исконно древнеслов`янском: «Скотланд» – «Страна скотоводов», как оно и было в течение долгих веков. А «Палестина» – «Опалённое становище» – место, где знойно. Почти однородное с ним также современное «палеолит», которое нам толкуют как якобы от древнегреческого «палео» – «давний» и «литос» – «камень», что буквально значит «давний камень». У Славомысла же находим наше древнее «палелет» – «палить» и «лететь», то есть погребальное пламя, ибо покойников сжигали на костре, но сгорало тело, а душа отлетала к небесам. Однако в связи с этим в поэме говорится не о погребальных кострах, а о том, что на Земле когда–то, ещё до великих льдов, был «палелет», во время которого почти всё сгорело, как на Месаціасіе (Луне), но душа Земли к небесам не отлетела, а ушла в глубины, чтобы снова потом извергнуться на поверхность многими огнями, но огнями не истребительными, поскольку

ку это огни души, а рождающими воду, вода же – новую жизнь. И душа Месаціася от него тоже не отлетела, иначе он не смог бы отражать энергию Солнца, так как мёртвое вещество, без души, принимать в себя энергию и отдавать её в новом качестве не может, что в наш век космонавтики, когда на Луне побывали американские астронавты и советский луноход, как читателю известно, и доказано – ядро ближайшего спутника Земли действительно не угасло. А позже и советские, и американские астрономы зафиксировали на Луне вспышки гейзеров или вулканов.

Над этим же, вряд ли знакомый с поэмой Славомысла, так как польского языка он ещё не знал и потому прочитать книгу Ф. Воланского не мог, да и находилась она в единичных экземплярах под «крепким хранением» лишь в Санкт–Петербурге, Москве и Мюнхене, размышлял осенью 1864 года в Гейдельберге и восемнадцатилетний Маклай, по–своему, конечно:

«Теологи, говоря о сотворении мира, утверждают: «Сначала было слово и слово было у бога». Речь, разумеется, не о слове как таковом, а о мысли. Но разве мысль может возникнуть из ничего, без какого–то раздражителя? А раздражитель откуда? Несомненно, его возбудитель должен быть материальным. Выходит, первичную материю не отрицают и теологи, хотя первотворца, то есть бога, материальным не признают, несмотря на то, что, согласно им же, он создал человека по своему подобию, а материальность человека как биологического существа очевидна: притронься ко мне, я – реальность.

Бесспорно, «ибо прах ты, и в прах возвратишься», но и прах – материя. Тогда кто же я – подобие?

Новейшие материалисты о том же говорят формулой: «Материя не возникает и не исчезает, а только переходит из одного вида в другой». Охотно соглашаюсь, не исчезает, а по–разному себе эволюционирует, но почему же возникает? Откуда–то она взялась? И от чего такая «разумная»? Почему во Вселенной всё подчинено нерушимым и целесообразным законам?

Итак, откуда материя? Вопрос вопросов, на который одинаково не могут дать ясного ответа ни теологи, ни дуалисты, ни материалисты. А здесь–то, по–видимому, и скрыт ключ к высшему познанию Вселенной. Все остальные познания мироздания и нашей природы, как его естественного элемента, требует от учёных лишь кропотливо–долготерпеливых опытов, изысканий и искусства владения логикой мышления.

После христианизации Руси ни до Маклая, ни позже с такой обнажённостью поставленного перед собой вопроса я не нашёл, как ни старался, ни у кого другого. Однако, как вынужденно признают

учёные, в частности теоретики физики, для истинного познания Вселенной она действительно остаётся проблемой из проблем. И никакая теория Большого Взрыва, как бы она ни была аргументирована, из самых сложных, а потому, наверное, всячески избегаемых, но оттого не перестающих быть острейшими из вопросов науки, её не вычёркивают. Сказать же: мол, непознаваемо – агностика. Ну–ка потолкайтесь среди современных светил науки, признает ли кто себя нынче агностиком? Боже упаси, всё, абсолютно всё познаваемо. А материя откуда, а? Нет–нет, шучу, никого не смущайте, а то, упаси вас от злой участи, прославите человеком дурного тона...

Академик Пётр Леонидович Капица, который ни для моих современников, ни для будущих поколений, надеюсь, в особых рекомендациях не нуждается, когда он был директором Института физических проблем АН СССР, но пока ещё не лауреатом Нобелевской премии, и я консультировался у него по некоторым маклаевским материалам из области физики, как–то сказал: «Для учёного ясно сформулированный им же вопрос иногда уже содержит в себе некий пунктир дорожки к его решению, а то и рождает новые, казалось, неожиданные идеи». Возможно, так и случилось у юного Маклая: начатая было в одном ключе мысль вдруг повернулась другой своей стороной:

«Первичной материей Гераклит считал огонь или, как, сравнивая с кровью, называли его греки в отличие от обычного огня, плазму. Левкипп, Демокрит, Эпикур, затем следом за ними все другие материалисты (теперешние тоже) с Гераклитом не соглашались, предлагая свои теории построения Вселенной из атомов, то есть каких–то неделимых частиц. Но, попристальнее понаблюдав за Солнцем, Землёй и Луной и взяв на себя труд логически поразмыслить, невольно приходишь к выводу, что правы, по–видимому, не они, а всё–таки самый древний Гераклит. Направшивается мысль, что первичная плазма уплотнилась до твёрдой материи планет под воздействием невообразимо большой круговращательной центробежной силы, скорость которой постепенно уменьшалась до целесообразной (подчиняясь целесообразности всех без исключения естественных законов мироздания). На Земле такой целесообразностью, как можно думать, было создание условий для возникновения жизни, в первую очередь образования воды и атмосферы, исходным началом которых, несомненно, является сама Земля (солнечная энергия, химические реакции, физические процессы и т. д.)

Кора нашей планеты, кажется, уже остыла до оптимальной нормы, но и сейчас в её глубинных недрах под громадным давлением стремиться всплохотать магма, которая время от времени, «найдя» наиболее слабые места в этих толщах, вырывается вверх че-

рез жерла вулканов. Если, видя извержение вулканов, мы наблюдаем не завершающую фазу подземных взрывов метана, способного под давлением самовозгораться, то, можно предположить, что это выплески сгустившихся под давлением остатков первичной плазмы, загнанных той же центробежной силой ближе к ядру земного шара. Условия, чтобы остыть, там совсем другие (вакуум, давление), поэтому они до сих пор остаются горячими.

Разрешение вопроса о превращении первичной плазмы в последующие разновидности материи неизбежно приведёт к открытию источника энергии, достаточной для того, чтобы опять превратить эту твёрдую материю в плазму. И здесь возникает следующий вопрос: сумеет ли человечество распорядиться такой энергией разумно? Не сможет ли произойти случай, когда из кувшина вырвется джин, который снова превратит Землю в огненный шар и оплавит её, как Луну?».

По разным причинам Маклай не мог читать поэму Славомысла, а академик В.И.Вернадский – философские тетради Маклая. Но разве не такого джина, какой представлялся восемнадцатилетнему Маклаю, имел в виду Владимир Иванович, когда в 1922 году говорил о нравственной ответственности учёных:

«Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не могут сравняться все им раньше пережитые. Недалеко то время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетие. Но ясно, что это должно быть.

Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить её на добро, а не на самоуничтожение?»

Дорос ли он до умения использовать эту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?

Учёные не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за все последствия их открытий. Они должны связывать свою работу с лучшей организацией всего человечества» (Вернадский В.И. Очерки и речи. Петроград. Вып. I, с. 11).

Сравните рассказ о «палелете» Славомысла, слова юного Маклая об энергии, заключённой в твёрдой материи, и предостережение академика В.И.Вернадского учёным и задумайтесь, вспомнив Хиросиму, Нагасаки, Чернобыль.

Гераклит говорит о первичной плазме, не затрагивая вопроса о возникновении жизни на Земле, в V веке до н.э.; Славомысл – о жизнетворных возможностях огня, при которых создаётся вода, в XII–XIII веках н. э., но «палелет» из его рассказа, во время которого погибло всё живое на Земле, из чего можно заключить, что, по пред-

ставлениям наших пращуров, нынешняя жизнь на планете не первая, теоретически мог возникнуть не раньше шести–семи миллиардов лет тому назад; восемнадцатилетний Маклай «заглянул» в последующий за «палелетом» Славомысла или предшествующий ему период и сказал, как по его мнению, возникла жизнь на Земле, в 1864 году; академик В.И. Вернадский создавал свою всеми ныне признанную науку о Ноосфере, включающую в себя и «механизм» зарождения жизни на планете, в первой половине XX века.

Что необходимо для превращения неорганики в органику? Прежде всего углерод, то есть главное составное всякой биомассы, которое образуется в природе при взаимодействии воды и солнечной энергии.

Четыре–пять миллиардов лет назад, как полагал академик В.И. Вернадский и как теперь считают все компетентные учёные мира, первыми обитателями на нашей планете были так называемые прокариотные – не имевшие ещё клеточного ядра простейшие, одна часть которых вышеуказанным путём из неорганики вырабатывала первичную биомассу, делавшую возможным появление таких же мельчайших живых существ, а другая часть прокариотных разлагала остатки отмерших живых тел на составные элементы, служившие, в свою очередь, основой для зарождения новой жизни. И так по пути эволюции до появления всем нам известных синезелёных, распространившихся опять–таки миллиарды лет назад по всей земной поверхности, на суше и на воде, совокупность биомассы которых по своему количеству не уступала всей современной биомассе планеты (закон сохранения вещества).

Вот синезелёные и наполнили нашу атмосферу избытком кислорода (усваивая из углекислого газа один атом углерода, они выделяют взамен два атома кислорода), погубившего как яд первичную жизнь (её вещество сохранилось, например, в виде железистых руд), но зато создавшего условия для появления более сложных организмов, давших начало эволюции всей дальнейшей жизни.

Возможно, о таком «палелете», не более раннем, а более позднем, чем у академика В.И. Вернадского, и говорит Славомысл. Интересна сама ткань поэмы. Она вроде посвящена одному событию в жизни Древней Руси, настолько же важному, как для эллинов было уничтожение Трои, а для римлян – Карфагена, но в то же время это своеобразная энциклопедия всей жизни и мировоззрения русов, как «Илиада» – эллинов.

Поэтому в ней множество отступлений от основного сюжета, рассказывающих о событиях и явлениях, как будто не имеющих прямого касательства к войне Светослава Хоробрее с Великой Хазарией. Но это отнюдь не поэтическая вольность автора. Без его многочисленных отступлений, объединённых, на первый взгляд, лишь

личностью самого рассказчика и везде одинаковой восьмирядной формой стиха, которую римляне в поэзии и музыке называли октавой, ибо так («oktava» – «восьмая») слышали древнеслов'янское слово «осьмава», означавшее полный спектр солнечного света, определяющего гармонию на Земле во всём сущем¹, мы не смогли бы понять всей той грозной опасности для Руси, которая исходила от, казалось, уже агонизировавшего и слабого по сравнению с могущественной Киевской Русью Хазарского каганата. Как и любая «языческая» накаменная надпись слов'ян, «Песнь о побиении иудейской Хазарии Светославом Хоробре», кроме события, которому она посвящена, раскрывает также мировоззрение руссов, у которых не бытие определяло сознание, а наоборот, сознание – бытие, то есть у них была не коммерческая основа жизни, принесённая хазарам из Персии иудеями вместе с их идеологией, что и послужило главной причиной гибели Хазарского каганата, а нравственная, когда весь уклад жизни определялся, исходя из моральных норм и понятий. Поэтому последняя война с хазарами, которая в нашей летописи, писанной христианами, по понятной причине упоминается лишь как бы мимоходом, в действительности была продиктована мотивами серьёзными и носила характер прежде всего идеологический.

1. Когда я учился в горном техникуме, преподаватель физики для лучшего запоминания цветов радуги советовал нам запомнить поговорку «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Семь слов поговорки составлены по начальным буквам названий семи цветов радуги: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Но здесь отсутствует главный цвет солнечного спектра, вроде невидимый, но несущий в себе основную энергетическую нагрузку, – белый, как из русской азбуки в послереволюционную реформу нашей письменности изъяли «Ять», в противоположность «Аз» – «Я» духовному, означавшему «Я» телесное. Убрали всего лишь одну букву, как бы лишнюю, и тем самым доразрушили философский смысл, изначально заложенный как в общий лад русской дохристианской азбуки, так и в каждую её отдельную букву. Болгарский просветитель Кирилл, изменивший «языческую» форму слов'янских букв, как того требовала его христианская философия, всё же кое-что посчитал здравым и в логике «язычников» и сложившийся в течение долгих веков лад реформировал, но основу основ его, тем не менее, не разрушил. Это сделали наши реформаторы. Пропали не только «Ять», но и «Аз», ибо просто «А» ничего философского в себе не содержит. Таким образом исчезла из азбуки не только разница между духовным и вещественным, но и всё её духовное первоначальное значение. О философском же содержании русской азбуки ныне ни в школах, ни на филологическом факультете в университетах и не заикаются. Зато многозначное по смыслу существительное «бысть» наши учёные-филологи толкуют теперь как заурядный глагол «быть». А некая Луиза Сотникова, возмечтавшая, наверное, о славе Герострата, проповедует даже, что в ряду русской азбуки якобы для полной её гармонии над «Аз» необходимо ставить «Т» – тот самый иудейский знак обречённости «ТАУ», не объясняя, конечно, его значения.

Светослав Хоробре отчётливо сознавал, что, навязав хазарам противостественное им мировоззрение и тем взорвав их государство изнутри, иудеи затем неминуемо начнут идеологический поход на соседнюю Русь, где пока им удалось создать свою небольшую колонию только в Любече.

Вот для упреждения этого похода без бряцания оружием он и двинул на остатки Великой Хазарии свою рать оружную. И потому не поддавался на уговоры своей матери великой княгини Ольги принять христианство, ибо не усматривал, как можно понять из поэмы Славомысла, существенной разницы между иудаизмом и неоиудаизмом, то есть Греко–римским христианством.

Его монолог с матерью, когда она вернулась из Цареграда, где приняла христианство, в свободном, но верном по смыслу и с теми же доводами, какими пользовался Славомысл, переложении на современный русский язык звучит примерно так.

– Ты, братьев во Христе–совестливце, сребролюбцем
проданном, нашедшая,

забыла, что для руса праотцовско пепелище?

– Но изменить Отечеству тебя я не зову, оскверненью пепла
дедов не учу, опомнись, сын, не клеветчи!

– Меня ты, Ольга Мудрая, с греками сравняла.

Народ наш видел их немало, его десница в битвах
грека тоже познала.

Не потому ль они, на русов рукоять меча взмолясь,
на златоверхий храм её подняли?

Но римляне, суть креста слов“ян постигнув глубже,
раньше их смертников на перекрестье распинали.

Не клеветать, Ольга Мудрая, опомнись меня ты призываешь?
Иль я хмельной теперь, иль честью пренебрёг я,

что зываешь?

Иль сама ты грекам отдалась, их песней хитроумной восхитясь
эллиновым потомкам лъстящей?

Песня знатна, корысть волка, гордыню лиса,

Трой кровь упоенную,

воспели, будто страсть, воям бесстрашным взоры
помутившую, к женщине падшей.

Бесчестье и разбой, алчбу к роскошествам
и злату неусытную свою

воспели, будто доблестных мужей сердца
гневом воспылали мстящим.

И всё же грек для иудея – скот и я, великий русов князь,
во мнении иудея к скотам принадлежу.

Зачем же ты заветы иудеев, Ветхий и Новый, старый

продолжающий, мне вкупе подала?
 Чтоб я пучину зла, Неизреченным богом иудеев
 сотворённую, изведал,
 иль чтобы я, добро своё оставив, их зло, мне чуждое, принял,
 как римляне безумные, погибли империи своей искавшие,
 да лековерные хазары, в пучине той сконавшие?
 Иль в Цареграде ты народ наш и меня рабами грекам
 с иудеями уж продала?
 Скажи, открой мне правду, ты на реке перевозчицей
 была, тебя я не казню.
 Помню я и то, что матерью приходишься ты мне,
 на мать руки не наложу.
 Трепет неуместен твой, в жизни и её кончине,
 тебе назначенных, ты вольна.
 Отцу и матери своей, неверным иль продажным,
 ты ведаешь, русич – не судья...

Потом летопись сухо сообщает: «В ГОД 6475 [967]. Двинулся Святослав на Дунай на Болгар, и в битве одолел Святослав Болгар. И взял он восемьдесят городов по Дунаю, и сел, князюя тут в [городе] Переяславце, [и] беря дань с греков».

Академик Б.А.Рыбаков в своей книге «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.» (М., 1982) на стр. 380 комментирует это так:

«Очевидно, летописные свидетельства о битвах Святослава с болгарами в 967 г. относятся не к болгарскому царству Петра, не к Болгарии вообще, а к отдельным феодальным владетелям вроде тех, чьи дочери стали заложницами цесаря. К ним должны быть отнесены и владетели Переяславца на Дунае, враждебные Святославу. Здесь, на месте старого дворца хана Омортага (середина IX в.), могли сохраниться контингенты тюрко–болгарского всадничества, несколько обособленного от остального населения.

В свете данных о сторонниках Византии в среде болгарской знати мы должны крайне осторожно отнестись к преднамеренным высказываниям греческих хронистов о войне русских против болгар. Если результатом нижнедунайских военных действий Святослава была контрибуция, наложенная на Византию (летопись), то из этого становится ясным – кто именно был настоящим противником».

Пока всё в полном согласии с тем, что сообщает нам также Славомысл, который хотя и был пристрастным «язычником», как составитель «Повести временных лет» игумен Свято–Михайловского Выдубецкого монастыря Сильвестр – пристрастным христианином, но всё же лучше нас знали истинное положение дел в ту историческую обстановку, о какой писали, уже потому, что во време-

ни она не так была отдалена от них, как от нас. При всех своих пристрастиях и различных подходах к изложению тех или иных событий, они так или иначе не могли, будучи людьми, несомненно, искренними – мера искренности у каждого, разумеется, своя, – не зафиксировать каждый свою, но правду. При внимательном сопоставлении двух отечественных первоисточников мы и находим более–менее приближающееся к достоверности искомое.

Почему наша летопись говорит, что Светослав воевал якобы против болгар? Потому, очевидно, что летописец–христианин симпатизировал христианской же Византии, где сидел его святейший патриарх, а те, византийцы, в свою очередь, ещё в XII веке, как известно, когда по повелению Владимира Мономаха трудился над «Повестью временных лет» игумен Сильвестр, относились к болгарам не лучше, чем средневековые испанцы к еврейским марранам, то есть считали болгар двоеверцами, причём больше язычниками, чем христианами. Так думал, вероятно, и Сильвестр. Но вызванные чувствами христианина соображения, поскольку он был, повторяю, человеком по–своему искренним, смешались под его пером с объективной информацией: воевал против болгар, а контрибуцию в итоге наложил на греков!

От Славомысла же мы узнаём, что подозрения Сильвестра относительности твёрдости болгар в христианстве были не лишены оснований. Болгарский царь Пётр не только заключил со Светославом военный союз против Византии, но и сам предложил великому князю русов, чтобы Болгария вошла составной частью в Русь под общим верховенством Светослава и, поскольку Светослав по каким–то мотивам согласия сразу не дал, завещал это своему сыну и наследнику Борису. Престарелый Пётр понимал, что против Византии самой Болгарии не устоять. А та давно уже стремилась превратить Болгарию в одну из своих провинций, подчинив её себе в первую очередь через патриарха цареградского, как оно и произошло потом после гибели Светослава, в котором Византия видела своего самого могущественного и бескомпромиссного – даже мать не сумела склонить его к христианству! – врага. И, если бы византийцам руками печенегов не удалось от него, тридцатилетнего, избавиться, весь наш славянский мир наверняка получил бы совершенно иное развитие. Какое – гадать было бы легкомысленно. Но если учесть, что уже в XVI веке до н.э. наши пращуры в высокой степени владели письменным словом, принять во внимание такой же уровень их знаний в самых разных областях и посмотреть затем на современную Японию, отворившую к себе дверь только в середине минувшего века, поразмышлять о многом можно.

Уничтожив недружественный Хазарский каганат и исходившую от него опасность на востоке, потом найдя полное взаимопони-

мание с болгарами, чехами и уграми, дальновидный стратег Светослав решил создать на юго–западе для обороны от хищной Византии и её влияния на славян твердыню в устье Дуная на Острове Русов – в Переяславце, куда намеревался перенести из Киева свою главную резиденцию, что опять–таки подтверждает летопись, хотя по сравнению со Славомыслом чересчур упрощённо, но всё же:

«Не любо мне, – сказал Светослав матери, – жить в Киеве. Хочу жить в Переяславце на Дунае, ИБО ТО ЕСТЬ СЕРЕДИНА ЗЕМЛИ МОЕЙ (подчёркнуто мною, задержите своё внимание на этих словах, мы их ещё вспомним.– А.И.). Ведь там все добра сходятся: из Греков – паволоки, золото, вино и овощи разные, а из чехов и из угров – серебро и лошади, из Руси ж – меха и воск, и мёд, и челядь».

И вот тут лишний раз убеждаешься, что фразу академика Б.А. Рыбакова о необходимости осторожно относиться к византийским источникам одинаково следует отнести и к трём его чрезвычайно гроссбухным книгам: этой, что у меня на столе, и вышедшими годом раньше в том же издательстве «Наука» «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси» (М., 1987). Он либо сам себе, как обычно, противоречит, то ли намеренно утаивая, то ли не считая нужным называть при этом какие–то первоисточники или иные доказательства, либо целиком отдаваясь своей щедроданной фантазии, не вникая в подлинную суть предмета и зачастую толкуя всё в прямо противоположном смысле, а то и никак не толкуя, если чувствует, должно быть, что его тут же поймают на слове, просто публикует рисунок или фотографию без комментариев (один рисунок и фотографию мы всё же прокомментируем), либо вопреки собственным предостережениям уж слишком доверяется иностранным источникам, причём неточным их переводам на русский язык (когда белое в поразительной лёгкостью превращается в чёрное), а то и русское слово трактует неверно. Наше древнее «паволокы» (от «паулование» – «паукоткачество»), означающее «ткани тонкой работы» у него только «шёлк».

Из трёх названных книг можно привести сотни примеров, когда академик Б.А. Рыбаков, мягко говоря, не точен. Вот лишь один из наиболее характерных.

На стр. 14 «Киевской Руси...» пишет: «Выбранная нами начальная точка отсчёта СЛАВЯНСКОГО исторического процесса – середина II тысячелетия до н. э. – застаёт ПРАСЛАВЯНСКИЙ мир на уровне первобытного строя, но с ДОСТАТОЧНО БОГАТЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ПРОШЛЫМ: ПРЕДКИ СЛАВЯН (везде подчёркнуто мною. – А.И.) уже с Y–III тысячелетий до н.э. знали земледелие...». Ни на кого не ссылается, не приводит никаких доказательства и, хотя постепенно опускает по нисходящей славян до предков славян, то

есть вообще пока не славян (ибо выше «праславяне»), тем не менее, сказано верно: к середине II тысячелетия до н. э. славяне действительно имели богатое историческое прошлое и действительно уже в Y–III тысячелетиях до н.э. занимались земледелием. Об этом убедительно свидетельствуют ПИСЬМЕННЫЕ источники СЛОВ`ЯН как раз середины II тысячелетия до н.э., точнее, начиная с XVI века, собранные Фаддеем Воланским, книгу которого академик Б.А. Рыбаков ясно, что знает, ибо тут же не трактовка – даты, с потолка их не возьмёшь, а, кроме Ф. Воланского, как подтверждают компьютеры Русского Музея в Сан–Франциско, о земледелии слов`ян в Y–III тысячелетиях до н.э. не писал никто другой, только он, и вот теперь академик Б.А.Рыбаков, не утруждающий себя, как говорят учёные, никаким научным аппаратом. А не упоминает книгу Ф. Воланского, очевидно, потому, что тогда пришлось бы что–то сказать о письменности слов`ян середины II тысячелетия до н.э., а это как самое убедительное свидетельство высокоразвитой культуры помешало бы А.Б. Рыбакову продолжить тот же абзац уже в ином ключе:

«... пережили в эпоху энеолита ВРЕМЕННЫЙ ПОДЪЁМ, связанный с УСИЛЕНИЕМ ПАСТУШЕСКОГО СКОТОВОДСТВА, приняли участие в ЗАСЕЛЕНИИ огромных пространств и ко времени кристаллизации ПРАСЛАВЯНСКОГО ЭТНОСА они уже ДОСТИГЛИ ОПРЕДЕЛЁННОГО (?) УРОВНЯ КУЛЬТУРЫ...»

Почему «временный подъём» связан с «усилением пастушеского скотоводства» после трёх–полутора тысячелетий развития земледелия непонятно, как мерить «определённый уровень культуры» вверх или вниз, академик не разъясняет, но касательно «заселения огромных пространств» с Б.А. Рыбаковым можно согласиться. Как подтверждают новейшие археологические раскопки, немало географических названий на карте доримской Италии и множество топонимов славянского происхождения по всей Европе, а также сравнительный анализ фольклора и языка карпатских гуцулов, уж точно–таки славян, а не праславян, притом «гордо стойких» (значение слова «гуцулы»), не покидавших свою родину в течение тысячелетий, и языка, а также легенд, записанных в раннесанскритских летописях индийских брахманов, прямо говорящих, что их отцы в давние–давние времена пришли в Пенджаб, перевалив с севера Гималаи, а деды ещё раньше шли к Гималаям от Красной горки (праздник Красной горки, когда БРАМЫ ушли далеко на восток, в Карпатах отмечается и теперь), – как подтверждает детальный анализ всего этого, вместе взятого, славянский мир 4–5 тысячелетий тому назад и впрямь занимал пространства огромные.

Впрочем, не обольщайтесь, академик Б.А. Рыбаков сейчас всё это одним махом разрушит, не посчитавшись даже с тем, что

сам только что утверждал. На 14-й странице он пишет одно, а на 15-й помещает почти в точности скопированное с французской энциклопедии Larousse и английской Encyclopaedia Britannica сразу три географические карты, не оставляющих о «богатом историческом прошлом» наших пращуров никаких иллюзий. Все их «огромные пространства» обитания в V–XIII веках до н.э., по Б.А.Рыбакову с его французскими и английскими советчиками или авторитетами простирались узкой полоской по ширине Припятских болот от Днепра до Одера, затем это пространство «постепенно начинает нарушаться в результате сложных процессов, происходивших в первобытной Европе». И наконец ограничивается маленьким неровным квадратиком всё в тех же Припятских болотах, где, как вы сами понимаете, учитывая отсутствие в те времена нашего «славного» Минводхоза, не то что земледелие, никакое «пастушеское скотоводство» было невозможно, не говоря уже о какой-то культуре аборигенов болот.

«Греки изображают тогдашних славян настоящими дикарями – грязными, полуголыми, не имеющими даже прочных жилищ, а живущих в шалашах, употребляющими отравленные стрелы и чрезвычайно жестокими: напад на какой-нибудь греческий город, они истребляли всё население поголовно, пленных не брали. «Зато, – неожиданно добавляют греческие писатели, – славяне и сами не знают рабства, и если кто, случайно уцелев, попадает к ним в плен, он живёт так же, как и сами славяне». Греков это очень удивляло, потому что их собственное хозяйство держалось в то время на рабском труде, и они не могли понять, как это люди могли пренебрегать такой ценной вещью, как раб. У славян же в это время никакого правильного хозяйства (правильное, когда есть рабы, надо, очевидно, полагать. – А.И.) ещё не было, и рабского труда им негде было применить, оттого они и пленников не брали, и случайно попавшего в плен иностранца не делали рабом.»

Так предшественник академика Б.А.Рыбакова академик М.Н. Покровский перевёл с греческого на русский язык в своей вышедшей в Партиздате в 1933 году «Русской истории в самом сжатом очерке» возведённого во множественное число византийского историка VI века н.э. Прокопия Кесарийского, который, если перевести на русский язык его текст поточнее, в действительности писал:

«Эти племена, слов'яне и анты, не управляются одним человеком, а живут в народовластии. Поэтому у них счастье и несчастье считаются общим делом. И в остальном у этих народов вся жизнь и все законы одинаковы... Дома у них не каменные, а из дерева и глины, с островерхими соломенными крышами, напоминающими шалаша... Щиты у воинов из бычьей кожи, лёгкие, и всё оружие лёгкое – копья из крепкого дерева, которому они распариванием и гну-

тьём умеют придавать прямизну, луки обычные, а колчаны для стрел плетут из ремешков, которые не намокают, мечи длиной в локоть и короткие ножи, а также ножны для делают искусно... Железо звонкое и такое, что наш меч может рубить, но само не зазубрится... Против нападающих врагов в длинных закрытых колчанах, не плетёных из ремешков, а кожаных, они хранят стрелы, отравленные таким сильным ядом, что если стрела поранит и ухо, с жизнью не успеешь проститься... Самим нападать на других, чтобы завладеть их имуществом и людьми, законы им запрещают так же, как и торговать людьми. Поэтому рабов они не имеют, а работают все без различия должности и положения... Пленные, если захотят остаться у них и женятся, пользуются таким же равноправием, а других отпускают и обеспечивают всем на дорогу... Они (славяне и анты) не злы и не хитры, а откровенны и добродушны...»

Сопоставьте два этих текста, «перевод» академика М.Н. Покровского и перевод на русский язык буквальный и вы поймёте, каким способом М.Н. Покровский «ВЫКОРЧЕВАЛ» из русских людей чувства «ПАТРИОТИЧЕСКИЕ, то есть НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ» и учил людей других национальностей, как «НАДО ПРАВИЛЬНО СМОТРЕТЬ» на русских.

Нынче времена изменились, поэтому и схема у последователя М.Н. Покровского академика Б.А. Рыбакова несколько иная. Так же, как М.Н. Покровский, не всегда заботясь о точных ссылках, кроме самого себя, он, тем не менее, сообщает немножко правды, потому, если славяне или даже «праславяне» выглядят в её свете привлекательно, постепенно снижает уровень фона привлекательности и наконец, позаимствовав (анонимно) у во все времена недружественных России норманистов географическую карту или что-то в этом роде, наглядной демонстрацией оного, так сказать, документа, сокращает весь остаток упомянутого фона.

Либо указывает источник, скажем, «Историю» византийца льва Диакона, фамилию которого пишет почему-то через «ь» и «я» - «Дьякона», переводит на русский язык такие, например, его слова: «Выглядел он хмурым и суровым» как «Выглядел он угрюмым и диким». И картина уже совсем иная. Или у Льва Диакона написано, что одежда Светослава отличалась от одежд других воинов «ЗАМЕТНОЙ чистотой». Б.А. Рыбаков слово «заметной» пропускает, но отточия не ставит по причине нам не известной. А нос «прямой» делает «курносым», надо полагать, потому, что «дикарь». Как же дикарь может быть с «породистым» прямым носом?

Но продолжим дальше о Светославе вместе с академиком Б.А. Рыбаковым и летописью.

Б.А. Рыбаков: «Обстановка в 970 г. была такова: в столице Болгарии Великом Переславе в царском дворце жил, обладая все-

ми сокровищами, болгарский царь Борис (каждый человек мыслит своими категориями и в этом он весь проявляется; Б.А.Рыбаков обращает внимание читателя на то, что Борис «обладал всеми сокровищами», а о том, что, взяв под свою руку Болгарию, Светослав оставил Борису его царское достоинство и связанные с этим все полномочия, отнятые позже у Бориса вместе с его царским достоинством императором Византии Иоанном Цимисхием, не говорит ничего. — А.И.). В качестве воеводы при нём находился варяг русской службы Свенельд.

В Переяславце на Дунае, в середине «острова русов» (почему в кавычках и с малых букв, если для русов и болгар это стало официальным топонимом? — А.И.), княжил Святослав. В Киеве он оставил СТАРШЕГО СЫНА ЯРОПОЛКА; ДРУГОГО — ОЛЕГА — ПОСАДИЛ В МЯТЕЖНОЙ ЗЕМЛЕ ДРЕВЛЯН, А ТРЕТЬЕГО — ВЛАДИМИРА — НАПРАВИЛ В НОВГОРОД (Б.А.Рыбаков не замечает такую нелепицу: Светослав родился в 942 году, его внебрачный сын Владимир — в 956 году. Получается по Б.А.Рыбакову, что, когда Светославу исполнилось 14 лет, у него уже было три сына! В летописи сказано: «...заперлася Ольга с внуками своими — Ярополком и Олегом, и Владимиром — в городе Киеве». А дальше: «Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега в Древлянах». Но нигде и намёка не дано, что это его сыновья. Они названы в летописи внуками Ольги, но по какой причине — неизвестно. Во всяком случае в новейшем издании родословной русских князей, составленной по нашим летописям (Киев, 1989 г.), ни одна из законных жён Светослава не указана. Названа только ключница Ольги — дочь Малка, раввина из Любеча, прозванная на Руси по имени своего отца Малушей (см.: Дан Роттенберг. Путеводитель по еврейской генеологии. С. 282. Dan Rottenberg. Finding our fathers. A guide to Jewish genealogy. New York, 1977), с которой по случайной связи Светослав якобы прижил Владимира. Ясно, что та соблазнила тринадцатилетнего мальчика, в чём он и раскаивался всю свою дальнейшую жизнь. — А.И.). Сам Светослав был весьма доволен той новой землёй, куда он переместился в 967–969 гг. ЭТО НЕ БЫЛО ПЕРЕНОСОМ СТОЛИЦЫ, но являлось переносом резиденции и закреплением новой очень ВЫГОДНОЙ позиции на скрещивании разных путей...»

Снова в слове «выгодной», раскрывая критерии своих оценок, Б.А.Рыбаков дальше аргументирует подчёркнутое мною уже цитированным нами отрывком из летописи, вспомните: «ибо то есть середина земли моей», чтобы через одну страницу самого себя, как у него вошло в правило, опровергнуть: «...Святослав помогал отстаивать и свою столицу (Переяславец на Дунае. — А.И.), и СВОЕГО ЦАРЯ (речь идёт о болгарском царе Борисе, которому Светослав покровительствовал, но Б.А. Рыбаков даёт повод подумать наобо-

рот. – А.И.), и политическую самостоятельность от посягательств Византии». Последнее верно, но следующая фраза: «ПОРАЖЕНИЕ Светослава было концом суверенной Болгарии...»

Сейчас посмотрим на «поражение» Светослава, как его перед этим показывает академик Б.А.Рыбаков и что потом сказано в летописи, но сначала послушаем, что о своей столице говорит Светослав у Славомысла, жившего почти в то же время, когда трудился над «Повестью временных лет» христианский игумен Сильвестр:

Светослав–бо счїрсіа таждї рас–Бьєрїсю речмі:

– Бысть ті есмь расмїч родом, бутї ті таждї Расмїа,
Аз–бо стол своя од Києві прїнесю ко Прьєславїцю во Істрія,
Будї лепо жїямї, кіо братцїа во счїрсіа...

Царевичу Борису Светослав душевно также речет:

– Бытие твое царское родом и природою,
потому по праву и царём быть тебе.
Я же стол свой из Киева перенесу в Переяславец на Дунае,
Будем лепо жить мы, как братья в искренности...

Стол в данном случае и есть столица, и относительно этого о планах Светослава говорится вполне однозначно. Пока же в Переяславце действительно находилась его временная резиденция.

Итак, слово Б.А.Рыбакову:

«Светослав сделал своим опорным пунктом Доростол (Силистрию) на Дунае, где и проходила заключительная фаза войны с Византией. Здесь происходил ряд крупных сражений, после которых славяне устраивали погребальные костры для своих павших воинов (сюжет известной картины Семирадского), здесь Цимисхий более двух месяцев осаждал Боростол, безуспешно ожидая сдачи, здесь произошла личная встреча императора с прославленным киевским князем, описанная Львом Дьяконом. Свою последнюю решительную битву русские начали в ДЕНЬ ПЕРУНА, 20 ИЮЛЯ 971 Г., но...»

Прости, читатель, прерву академика, ибо невинная душа Светослава, проданного варягом Свенельдом византийцам, чтобы его, Светослава, убили жадные к грабёжам печенеги, как Иисуса из Назарета продал сребролюбец Иуда Искариот, чтобы того «язычники»–римляне непременно распяли на кресте, зовёт меня снять с неё незаслуженную хулу, возведённую на Светослава сим академиком, и разрешает откровение пред всем миром.

В моей «языческой» Мисайловке повивальная бабка, принимавшая меня из лона матери, чуткими руками своими поняла, что

восприняла Орсоноса. Если академик Б.А.Рыбаков понимает русское «язычество», он должен знать, что значит это имя, которым нарекли меня в час моего появления в мир сей. Вторым – Александр – мать назвала меня, чтобы оградить и себя, и дитя своё от ненужный распросов.

С малых лет душа моя и память впитывали то, что христианские миссионеры прозвали «языческим чернокнижием», ибо оно хранит тысячелетиями накопленные народом знания, а бог христиан проклял человека, вкусившего от плода познания. С детства я знал наизусть слово в слово и поэму Славомысла, не чая, что доведётся мне увидеть её напечатанной в книге польского католика нашей прадавней азбукой, не мнилось это и когда, возмужав, принимал Высокую Зорю россичей далеко от России в затерянной в горах русской деревушке. Но, должно быть, назначалось всё же мне увидеть начертанные пурпурной киноварью, цветом радости и жизни свежо-жёлтом пергаменте цвета урожая и любви, рукою Славомысла слова, в точности воспроизведённые гравёром и печатным станком. Это дарует мне счастливую возможность сослаться на не только мною признанный документ.

Мне не удивительно, когда за клеветы, кому-то удобные, или за фантазии, якобы наполненные знаниями, возводят в учёную степень академиков, но больно, когда неразумение, а пуще злонамеренность придают поруганию невинного.

Светослав скорее согласился бы, чтобы его живым бросили в костёр, чем поднять оружие, а тем более пролить кровь в день Перуна, и отрубил бы голову тому, кто назвал бы Перуна богом войны, то есть богом, надо понимать, жаждущим крови, как это написано в книге «Киевская Русь...» Б.А.Рыбакова на стр. 381 и 384.

Я бы, однако, руку Светослава с мечом остановил, ибо злонамеренности здесь не нашёл, а увидел лишь неразумение славянского и особенно русского «язычества», что-то вроде того, когда человек, не имеющий представления об энергетически активных точках Земли, весьма приблизительно сравнимых с аналогичными точками на человеческом теле (вспомните иглотерапию), сочиняет басни о священных дубравах и капищах, даже не догадываясь, что самого слова «святость» в русском «языческом» лексиконе никогда не существовало и не существует, как мало кто теперь подозревает, что первые важнейшие христианские храмы на Руси, как, например, Десятинная церковь или киевская София строились, и не случайно, на местах бывших «языческих» хран, и алтари их располагались именно на тех квадратиках, где полудужьями стояли в былых храмах скамьи носителей Зори россичей. Да и более поздние времена знаниями «чернокнижников» пользовались нередко. Я, геолог по одному из своих образований, с уверенностью могу сказать, что в

Москве место для Храма Христа Спасителя выбирал либо ведун, либо кто-то, обладавший частью его знаний, так как с инженерной точки зрения выдержать давление столь тяжеловесной громады та площадка по своей геологической структуре не способна, и те, кто этот храм разрушил, не знали или, наоборот, — знали, что снова возвести там же более-менее крупное сооружение уже невозможно, поскольку взрыв динамита вместе с храмом разрушит относительно тонкий, но энергоёмкий и потому прочный пяточок земли, и восходящий энергетический поток непременно вынесет на его поверхность воду, как оно потом и произошло. И эффект свечения креста над некоторыми храмами во время массового богослужения, как и эффект словно бы обновления икон тоже позаимствован у русских «язычников». Вообще русское православие в своей здоровой части отличается от всех прочих христианских направлений тем в первую очередь, что оно впитало долю здравого смысла прежнего русского «язычества» или, как говорил Владимир Солоухин, на русской почве ассимилировалось. Сюда входят также древняя русская иконопись, вернее обладающие особыми свойствами краски, которые использовались в иконописи лишь на Руси, и некоторые «чудотворные» элементы храмового зодчества, хотя, впрочем, не обязательно «чудотворные», но и такие, казалось бы, прозаические, как маломощные, на первый взгляд, ленточные фундаменты. Пусть современные специалисты по сопромату и геологии рассчитают и честно признаются, могут ли по их расчётам устоять, не давая осадки, на своих будто бы простеньких фундаментах киевская София или Троице-Сергиева лавра?

Не будем, однако, забывать, что и русское православие являлось прежде всего идеологией. А любая идеология меньше всего заинтересована в широком распространении объективных познаний и здравого смысла. Если бы египетские жрецы или пифии в Дельфах, знавшие многие тайны Природы, не окутывали свои знания туманом божественной мистики, они не смогли бы властвовать над умами и душами непосвящённых. Без слепой мистической веры непосвящённых в неприкасаемых для критики и якобы всеведующих кумиров, будь то господь Бог, пророк или вождь, никакая идеология стать господствующей не может. И Русская Православная Церковь, к которой я ещё вернусь, здесь не исключение.

То же самое можно сказать не только о каких-то чисто идеологических институтах. В равной степени это касается, например, и нашей химико-синтетической медицины, единственно в целях своего престижа до недавних пор с достойным лучшим применением рвением воевавшей с людьми, от Природы наделёнными повышенной силой биополем и способностью к врачеванию. Между тем, как нынешний, пусть пока и очень невысокий уровень науки позволяет

испытать всё экспериментально. Известно, допустим, что в батарейках, какие мы используем для своих транзисторных радиоприёмников, тепловая энергия химической реакции переходит в электрическую. Такие же в сущности «микробатарейки» представляют собой и живые биологические клетки, процесс жизнедеятельности которых есть ни что иное, как непрерывная цепь химических реакций. Следовательно, каждый человеческий организм вырабатывает не только тепловую энергию, но и электрическую, один больше, другой меньше. Это зависит от внутренней организации организма, содержимого клеточной плазмы и конструкции клеток, которые у всякого человека индивидуальны, отчего, в свою очередь, зависит качество вырабатываемой организмом электроэнергии или, как мы привыкли говорить, биоэнергии.

Электронщики и радиотехники сейчас вполне в состоянии сконструировать прибор, способный «улавливать» биоэнергию и фазировать её волны в луч, подобный лазерному, У так называемых экстрасенсов диапазон энергетических волн будет колебаться, вероятно, где-то между долями микрона и миллиметром. Если у субъекта больше энергии со знаком минус, луч, направленный на покрытую бесцветной светочувствительной эмульсией пластинку, образует на ней пятно по преимуществу красное – цвета разрушения, причём оно обязательно будет как бы в голубоватом ореоле – сочетание двух этих цветов свидетельствует об эгоистическо-агрессивном холодном характере. В народе таких людей зовут «дурным глазом». Но, если данного субъекта обучить искусству психотерапии, его с успехом можно использовать во время тяжёлых хирургических операций в качестве своеобразного анестезиатора. Он способен внушить оперируемому чувство, известное как махизм, когда боль приносит человеку не страдание, а, казалось бы, противостоит наслаждение и даже веселье. Собственно, на этом в основном построено всё направление в психиатрии, разработанное Зигмундом Фрейдом, который сам, наверное, обладал довольно сильным биополем со знаком минус. Кроме, конечно, его психоанализа, с помощью которого преследовались иные цели: о них я скажу дальше.

Луч плюсовой биоэнергии даст на светочувствительной пластинке пятно оранжевое, бледное или почти пунцовое, в зависимости от силы энергии. Оранжевое пятно получим также от животворящего солнечного луча. Значит, плюсовая биоэнергия целительная. Её носитель, сбрасывая накопленные в себе электроны на пациента, обильно при этом потеет. Человек же с минусовой энергией, делая то же самое, остаётся обычно сухим.

В современных условиях нетрудно проверить и меня, взяв пункцию в любой биологически активной точке моего тела, тибетс-

кие и китайские карты которых хорошо известны нашим иглотерапевтам. Часть моих клеток под микроскопом окажутся в форме вогнутых линз. Это своего рода микроскопические биолокаторы, способные принимать волны живой энергии в любом их диапазоне и преобразовывать принимаемые сигналы в звуки и видимые внутренним зрением предметы в цветах. Поэтому, закрыв глаза и сосредоточившись, я отчётливо слышу и вижу то, чего передо мной нет и чаще всего не может быть, но оно необходимо мне в эти минуты, и я усилием воли «вызываю» его на себя. И неважно, жив «вызываемый» мною человек или давно умер. Умерла его биомасса, но не биоэлектроны, которые вместе с заключённой в них информацией он всю свою жизнь излучал в пространство или, как я сейчас, на бумагу. Порой довольно запечатлённого на чём-нибудь одного слова или даже знака, но запечатлённого рукой, а не машиной, чтобы путём автофазировки, как назвал это известный кибернетик академик Виктор Михайлович Глушков, своих микробиолокаторов извлечь из них всё или почти всё о том, кто их оставил. Внешнее же биополе моё слабое, но его силы, видимо, достаточно, чтобы на меня не садилось ни одно вредное насекомое. А пчёлы, шмели, осы и муравьи ползают по мне, но никогда не жалят, ибо это, можно предположить, было бы несправедливо. Моё биополе, должно быть, снимает у них усталость, или они, как собаки, своим обострённым обонянием не улавливают исходящего от меня запаха страха и потому на меня не лают, не чувствуют во мне агрессивности.

Все тонкости этой «механики» знали наши далёкие предки и написали о них немало фундаментальных трудов, названных христианами «чёрной магией», с которой церковь боролась не на жизнь, а на смерть.

Поэтому наша медицина давно забыла даже искусство врачевания Гипократа и Авиценны. Научилась же лишь придушивать гнилостные бактерии и резать человеческое тело, чтобы временно приостановить разрушение его организма, но вернуть, а тем более дать человеку здоровье, как умели наши пращурь, не может. И не случайно безуспешно бьётся в поисках панацеи от злокачественных опухолей в химии и рентгеновских лучах, хотя ясно ведь, что рак или худшая из его разновидностей – саркома – аномальное развитие клетчатки. Следовательно, мы имеем здесь дело с генетикой, причём не наследственной, а МОЛЕКУЛЯРНОЙ. Нужно искать поддающийся управлению ген, чтобы он, грубо говоря, раскрутил обратно спирали ДНК и затем направил её свёртывание по нормальному пути. Где может быть искомый ген? Скорее всего, в плазме здоровой клетки, естественно, и по своим функциям он, вероятно, близок к тому, от которого зависит пигмент кожи.

Не думайте, что, говоря это, я считаю себя умнее всех. От-

нюдь. Над этим серьёзно размышляли наши пращурь, авторы книг по «чёрной магии», оперируя, разумеется, не современной, а своей терминологией. Но вот же наши учёные только собираются создать кадастровую карту Земли, а содержащая в себе не меньше, если не больше, аналогичной информации карта энергетически активных точек на территории Древней Руси существовала уже в VI веке до н. э. Создавалась же она, надо полагать, не одно столетие. Самолётов—то с чуткими физическими приборами не было. Всех инструментов — ивовый прутик да знание, как и на что реагирует твоя собственная энергия.

Конечно, наши пращурь пользовались иной системой познания и по-иному понимали сами знания. Даже теперешнее слово «знание» имело совсем другое значение. Оно происходит от сложной древнеслов'янской аббревиатуры «ЗНАМЕНІА»: «З» — «Зоря»; «Ни» — «они» или «их»; «Аз» — «душа» или «Я» духовное; «Ми» — «мы», но оно в ряду букв «НАМ», значит, «НАМІСІА» — «нашей совести» или «НАМІМА» — «нам»; «Есмь» не просто «есть», а «кто ты есть», то есть «суть твоя человеческая»; второе «Ни» — ясно, что «их» (других или другим) и снова «Аз». В итоге получаем: «Зорею они [те, что в Космосе] душ [своих] нашей сути, а также их совести [посылают]». Потом знатоки расшифровывали знамение, судя по его энергетическому характеру и сочетанию в нём тех или иных цветов. Как, например, сохранившиеся у наших моряков с «языческих» времён поговорки: «Солнце красно поутру — моряку не по нутру», то есть будет буря, или: «Солнце село в воду — жди хорошую погоду».

А в значении «знание» употреблялась аббревиатура «ПІСТІМОСІА» — «путь в совести твоей и моей совести и душах», которое позаимствовали у нас греки как «ЭПИСТЕМЭ» сначала в значении «система», затем — «знания».

У наших дохристианских пращуров не было заимствованной греками у финикийцев, как те, в свою очередь, позаимствовали у халдеев, хронологической истории, а была, как в «Индии» и ранних эллинов («Илиада») история, как мы бы теперь сказали, эволюция мысли (познаний) и важнейших событий в жизни народа и планеты, хронологическую последовательность которой можно установить только с помощью современной науки, хотя десятичную систему чисел, введённую для христианского мира папой римским Сильвестром II будто бы как арабскую, они создали задолго до появления на исторической арене арабов, по крайней мере, как свидетельствуют собранные Фаддеем Воланским на каменных слов'янских надписях, пользовались ею уже за полторы тысячи лет до новой эры. И Славомысл, говоря, что равная солнечной энергии заключена в октаэдре, никогда бы не обозначил число его граней цифрой 8, имея она хоть какое-то касательство к христианству. У него же написано: «8—

діматі». Цифра 8 в данном случае означает восьмизначный спектр солнечной системы; «ди» – от полного «дія» – «энергия»; «маті» – «иметь». Отсюда «диамант», которое нам толкуют как германское «Diamant» – «огранённый алмаз», но никто не задумается, почему, если это слово германское, у него чужеродная немецкому языку приставка «di». Ведь германский глагол «действовать» – «handeln», а «энергия» так и есть «Energie»; «mant» же значит «человек», а если «mant», то скорее от греческого «покрывало», а не германского «ein dreiter Damenmantel», как они переводят бытующее у нас «манто» – «женская шуба». Нелепо, неправда ли, если принять во внимание, что речь идёт всё о том же огранённом алмазе.

Оттого–то и «слов`яни», что словом действительно владели. Но не считали, что человек – некий венец Природы, почти Бог. Слово «человек» писалось так: «ЧЕЛОВЕЦІА» – «чело, ведомое в цепи совести душою». И после «С» через соединительное «І» поставлено «Аз» не случайно, ибо не разум, а душа ведущая, она раньше познаёт то, что затем постигает разум.

Человек состоит из материи высокоорганизованной, но если повнимательнее присмотреться к Природе, особого повода для гордыни у него нет, ибо многие живые существа обладают теми же качествами, а то и превосходят человека.

Всё живое, имеющее мозг, например, издаёт звуки, чтобы избыток энергии, который накапливается в мозгу от работы мысли или переработки впитанных глазами впечатлений, имел выход и таким образом наиболее энергоёмкий центр, то есть мозг, не перегревался.

У человека мозг поглощает так много энергии и работает настолько интенсивно, что для его периодического охлаждения наши голосовые связки приспособлены издавать целую гамму звуков – состоящую из восьми нот полную музыкальную октаву, из которой в общем и слагается наша речь. Но не будем, исходя из этого, спешить в венцы Природы. Мы помним, что всё познаётся в сравнении. Вот и послушаем для сравнения на рассвете пение маленькой пичужки – соловушки. В цикле его рулад мы не только услышим всю музыкальную октаву, но в конечных руладах цикла отчётливо различим такую октаву баса, дублирующего октавой ниже басовую партию в хоровом пении, то есть фактически в полном наборе звуков, которые издаёт соловей, не одна октава, как и у нас, а две.

Объясняется это просто. Сравнительно с объёмом мозга площадь глаз у соловья слишком велика. За день, особенно солнечный, они впитывают столько впечатлений, что его мозг работает вдвое интенсивнее, чем у человека. Поэтому, чтобы достаточно охладить своей естественный «компьютер» перед наступлением следующего дня, когда глаза начнут «вводить в него новую програм-

му», соловушке одной звуковой октавы мало, нужно две. Если бы он не пел, а заговорил, это была бы поэтическая речь, вдвое превосходящая по своему совершенству шестистопный ямб в восьмирядной октаве.

А может ли человек сказать, что он изведает все таинства Природы? Если бы это случилось, наша жизнь потеряла бы смысл, ибо, познав всю истину, человек оказался бы в положении, когда на Земле ему больше делать нечего, поскольку вся идея жизни заключена в познании, в непрерывном стремлении к истине. Однако в Природе нет ничего нецелесообразного. Она никогда не создала бы что-то «лишнее» или какое-то существо, обречённое в конечном итоге на существование бессмысленное. Иначе ей пришлось бы вступить с самой собой противоречие, чего в отличие от наших академиков она допустить не может, ибо разрушилась бы Соразмерность мироздания, и само оно оказалось бы бессмысленным.

Нашим пращурам было известно качество и сила энергии, заключённой в эмите (ураните), который, как и его планета Уран, бесплоден, способен возбуждать только нервные потрясения, ужас и разрушения. Потому с высвобождением энергии уранита они связывали происшедший на Земле «палелет», во время которого сдвинулись магнитные полюса планеты, из-за чего на Землю устремились холодные потоки от Сатурна, и наступил длительный ледниковый период, пока две существовавшие Луны, остаток второй из которых упал в 3800 году до н. э. на территории теперешней Аргентины, не исправили положение к лучшему.

Влияние Луны на Землю современная наука позволяет проверить экспериментально. Луч нашего ближайшего спутника на светочувствительной пластинке даёт зелёное пятно. Значит, её функции по отношению к Земле можно сравнить с зелёным листом. Но лист очищает воздух и наполняет его живительным для нас кислородом, а Луна поглощает земные эманации – радиоактивные излучения твёрдых веществ и, пройдя за один месяц все двенадцать полос Зодиака, вбирает в себя и передаёт Земле в виде магнитных волн коллективную сумму межзвёздной энергии, действие которой мы наиболее наглядно наблюдаем на примере морских отливов и приливов.

Казалось бы, обладая столь скверной энергией, уранит для Земли вреден и, следовательно, нецелесообразен. На первый взгляд, да. Однако такое заключение было бы поспешным.

Всё, что даёт на светочувствительной пластинке красное пятно, как и вообще красный цвет, несёт в себе разрушение. Но, тем не менее, это один из семи существующих в Природе творческих принципов. Без разрушительной, главным образом, но достаточно мощной энергии уранита человек не сможет высвободить ещё более

мощную, но созидательную в своей основе энергию, заключённую в октаэдре алмаза.

Уранит по своему удельному весу в периодической системе Менделеева стоит во 2-й группе химических элементов на 92-м месте. Удельный же вес углерода настолько мал, что Менделеев вполне оправданно отнёс его в 4-ю группу, где он занял всего 6-е место. Исходя из этого, нетрудно, наверное, понять, что для превращения такого маловесомого химического элемента в совершеннейший по форме, идеально чистый и самый твёрдый кристалл, нужно затратить энергии куда больше, чем при получении из тяжёлого газообразного вещества, а наша планета на первых ступенях своей эволюции, несомненно, находилась в газообразном состоянии, такого же тяжёлого, но аморфного по форме и не способного даже резать мягкое железо минерала.

Сколько энергии на создание вещества затрачено, столько по известному закону Природы оно в себе её и содержит. А не может быть смертоносной высвобожденная энергия алмаза потому, что, как мы помним, углерод есть основное составное биомассы. Поэтому время, когда человек овладеет энергией октаэдра алмаза, наши предки называли Эрой Белорады, то есть Эрой Светлого Разума, которая наступит после Покры – Эры Ошибок и Кривд, когда человек освободится от необходимости использовать энергию уранита и предоставит все его эманации только силам Луны, ибо своё назначение на Земле к тому времени он выполнит.

Эра Белорады, называемая браминами Индии Шамбалой, а последователями Заратуштры – Агартою, – не простое утешение, а серьёзный логический вывод, вытекающий из глубокого анализа естественных законов нашей Природы и Вселенной, в доказательство чему можно привести сколько угодно аргументов, но это заняло бы слишком много места, и мы всё равно в результате придём к тем же понятиям целесообразности. Могу сказать лишь, что в частности для Руси, по моим астрологическим выкладкам и с учётом того, что наши широты уже начинают испытывать благодатное для них и всех ариев влияние созвездия Водолея, переломным и во многом предопределяющим дальнейшее развитие нашего Отечества к лучшему должен стать год 1996.

Но это ещё не будет прямой путь к Белораде. В своём поступательном движении к ней и Русь, и всё человечество познают ещё немало разочарований и не раз впадут в заблуждения, как сейчас, например, возрождается бессмысленный и коварный по своей сути средневековый обычай покаяния. Что может быть безнравственнее искупления грехов, то есть отпущения их за ту или иную плату? Купил индульгенцию и продолжай в том же духе...

Потому в индуистском словаре Сензаря, в Зенд-Авесте и в

русском дохристианском лексиконе слова «покаяние» и «искупление» отсутствуют. Взамен их на путевом каменном столбе в Таврии слов'янской символикой и орфографией VI века н.э. выбита словесная осьмава:

«Затрудни голову. Кривду покрой правдой. Познай себя трудом».

Если бы ныне популярный академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв хотя бы бегло ознакомился с кругом интересов и уровнем познаний наших дохристианских «чернокнижников» и вник в смысл их путеводной осьмавы, он, несмотря на свои христианские убеждения, наверное, вряд ли отважился бы сказать:

«Я думаю, что с крещения Руси вообще можно начинать историю русской культуры... Из варварской державы на краю света вдруг появилась держава с мировой культурой... («Огонёк» №10, 1988).

Да и без того академику должно быть понятно, что культура вдруг не возникает, тем более в мировом масштабе. Не говоря уже о том, что сам термин «культура» исконно русский, прадавний и в X веке н. э., когда крестили Русь, не употреблявшийся нигде, кроме Руси.

Не торопи меня, читатель. Я знаю, твоё терпение не безгранично, и помню о нашем герое – Маклае, на путях которого нас ждёт немало приключений и довольно экзотики. Но есть вещи более важные, предварительно не сказать о которых мне в той их части, в коей я сведуц, было бы непростительно.

Не уродит тучно нива, если под ней нет плодоносного гумуса, который создавался Природой тысячелетиями. Народ тоже сродни ниве, только иной для него нужен гумус.

Первый советский нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский мыслил чересчур поверхностно, утверждая, что начало человека определяется тем, когда он появился на свет из чрева матери. Или лукавил, иными словами повторяя тезис другого из первых советских наркомов, Лейбы Давидовича Бронштейна, прозвавшего себя, как пишут его биографы, по фамилии своего тюремщика Троцким, что весьма символично, но символика эта никак не сочетается с присвоением новоиспечённым Троцким русской транскрипции греческого имени Лев, который, чтобы оправдать братоубийственную гражданскую войну и безумное «отречение от старого мира», провозгласил, будто «Мы – родом из Октября», то есть сплошь Ивановы, не помнящие родства. И то, уже наострил свои перья, поставил на стол чернильницу с желчью перековавшийся в ударном порядке из «левых коммунистов» в «стопроцентного» большевика в скором будущем академик М.Н.Покровский, уже запестрела

ущербной «правописью» бумага, вбирая в себя с желчью циничные клеветы на праотцов наших... Кончит этот, другой примется и желчью, и смолой густо мазать память нашу...

Наивные тщеславцы, вознамерились восстать против Природы! Впрочем, не такие уж наивные...

Одним из первых крупномасштабных актов Наркомпроса РСФСР была реформа нашей азбуки, названная реформой «правописания», о которой Иван Бунин в своих «Окаянных днях» сказал: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания». Сказал так, ибо понимал, что нарушить веками воссоздававшийся разрушенный при крещении Руси и принятия кириллицы лад азбуки, значит, разрушить потребовавшие столько же времени для своего совершенства логику и мудрость начертания слова и составления из слов фразы. Говорю «составления», а не «построения», так как древнеслов'янское слово «строить» означает «кастрировать», «укрощать», отсюда строй солдат – солдаты укрощённые. Потому ныне некоторые «энтузиасты» вместо лада русской азбуки навязывают нам так называемый «строй русской азбуки», то есть азбуку, как это грубо ни звучит, кастрированную.

Современные рукописи уже не дают возможности определить систему мышления писавшего, чтобы в случае необходимости по уцелевшему отрывку рукописи воспроизвести всю мысль автора в её законченном виде. Только по разрозненным клочкам рукописей таких людей, как академик Владимир Иванович Вернадский, до самой своей смерти в 1945 году, не принимавший, как и Бунин, «нового правописания», можно восстановить целые его статьи, даже если ты и не совсем сначала улавливаешь их содержание, но воспринял исходящую от клочка рукописи её биоэнергию, затем по начертанию слов и составлению из них фраз понял систему мышления этого человека и его логики применительно к данному отрывку материала.

Потом, как только умер В.И. Ленин, некий доктор от психиатрии Г.В. Сегалин, заведовавший психотехнической лабораторией Уральского политехнического института и там же работавший преподавателем, начал издавать массовый журнал «Клинический архив гениальности и одарённости», чтобы, взяв на вооружение будто бы научный психоанализ Зигмунда Фрейда, который тот в действительности позаимствовал из соответствующих умозаключений в Талмуде, снабдив их латинской терминологией из медицинского лексикона, «научно доказать», что все гении русского народа от Пушкина и Гоголя до Чехова и Леонида Андреева были психически ненормальными параноиками и либо сексуальными маньяками, либо сексуально обделёнными мастурбантами, свихнувшимися от неудов-

летворяемой таким образом похоти.

Надо полагать, русские гении, восстав из гробов, вели на сей счёт с д-ром Сегалиным и Ко доверительные беседы или объявившиеся на Руси выдающиеся психотехники поделились с ними результатами экспериментов на себе, из скромности утаив подвиги личной жертвенности во имя науки. Но, оказывается, цель преследовалась иная: чтобы завершить итоги трёхлетних размышлений по поводу эвропатологии русских гениев кратким резюме:

«...сущность жизни «русских людей»... — слишком обильная жестокостью тёмная жизнь «неумного племени».

На этом резюме, «вольно» скомбинированном из очерков живого ещё Максима Горького, которого один из сотрудников д-ра Сегалина д-р И.Б. Галанд также взялся заочно «психопрепарировать», в 1927 году крепко и обожглись. Свой-то своя познаша, но говорится ведь: «От своего запападливого дурака меньше проку, чем вреда». Пришлось поплатиться...

Неугомонные, однако, натуры. Не удалось возвести в степень объективного познания трюки с талмудическими наставлениями Зигмунда Фрейда, ударим по объективному познанию «классовым чутьём», объявив царевных Науки Генетику и Кибернетику «буржуазными лженауками». Казалось, на этот раз всё, победа, триумф! На волне всеобщего ликования простой юрист из Ленинграда Исай Израилевич Презент успел даже проскочить в академики по биологии и философии. И... чёрт возьми, снова осечка!

Но опять-таки не все пока резервы исчерпаны, в сусеках осталась ещё археология. Остатки-то материальной культуры немые, отчего же не истолковать их как заблаго рассудится? В желательном, разумеется, направлении. Поди, проверь, где они теперь возьмут людей, ведающих, что на так называемом Збручском «идоле» изображены просто четыре стороны света с их основными приметами в летнее время, а вовсе не что-то от культа богов-идолов, как это трактует наш корифей археологии академик Б.А. Рыбаков, с этакой пиитической вольностью перенося западноевропейский политеизм на российскую почву? Откуда им нынче, мол, знать, мыслит, наверное, Б.А. Рыбаков, что, кроме восьмилетнего принудительного идолопоклонства при Владимире I, никаких идолов уже по крайней мере три тысячи лет до того времени на Руси не было?

Чтобы не быть голословным, прокомментирую, как обещал, два примера из сотен, какие нетрудно набрать в сочинениях академика Б.А. Рыбакова по слов'янскому и особенно русскому «язычеству». Двух этих примеров достаточно, дабы уяснить, как нам подаётся вызывающий сейчас повышенный интерес предмет, долженствующий ответить на вопрос: кто мы, чьи мы дети?

На стр. 21 книги Б.А. Рыбакова «Киевская Русь...» опублико-

ван рисунок паляницы хлеба, какие пекли наши пращуры и пекла моя мать к 23 сентября, когда по календарю Кола Живота (зодиакальному) начинается Новый год. Вот этот рисунок.

Паляница круглая, ибо космические тела сферические, и мы видим их круглыми. На круге во всю его плоскость – восьмиконечная звезда с одинаково круглыми, за исключением одной эллипсовидной, точками в каждом её углу – восьмизначный знак солнечной энергии и планеты Солнечной системы: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, эллипсовидный, ибо не имеющий своей постоянной орбиты «небесный странник» Фаэтон и Нептун. Все восемь планет, оказывающих своё постоянное воздействие на Землю, которая здесь поэтому и не показана, так же, как не имеющий самостоятельного влияния на Землю Плутон, который, как вы помните, наши пращуры называли Чаклуном (Колдуном), – он всё «ворожит», через какую бы из планет передать на Землю свою слабую, но дурную силу. Чаще всего он попадает в квадратуру с Ураном, но иногда это удаётся ему и с другими планетами, однако сравнительно редко.

В Солнечной системе Меркурий (по-древнерусски Гарун) движется быстрее всех планет, его энергия сродни человеческому мышлению, поэтому на палянице по ходу часовой стрелки он занимает центральное место, там, где должна быть цифра 12. Следующая Венера или Вересница, определяющая плодородие Земли. Под Гаруном внутри восьмиконечной звезды полусфера видимого мира с пятью точками над ней – пятизначный символ человека, который я уже объяснял.

На новогодней палянице хлеба отображено миропонимание наших пращуров: вся Солнечная система с её творческими принципами, определяющие цикличность периодов на Земле (високосные годы) знаки Зодиака, значение солнечной и межзвёздной энергии, место Земли в космическом пространстве и место человека в Природе, а также его назначение – труд, что равнозначно познанию.

Академик Б.А.Рыбаков, однако, ничего об этом не говорит, ограничиваясь краткой подписью под правильно воспроизведённым рисунком: «Архаичное КУЛЬТОВОЕ (подчёркнуто мною. – А.И.) изображение рала на новогоднем хлебе...»

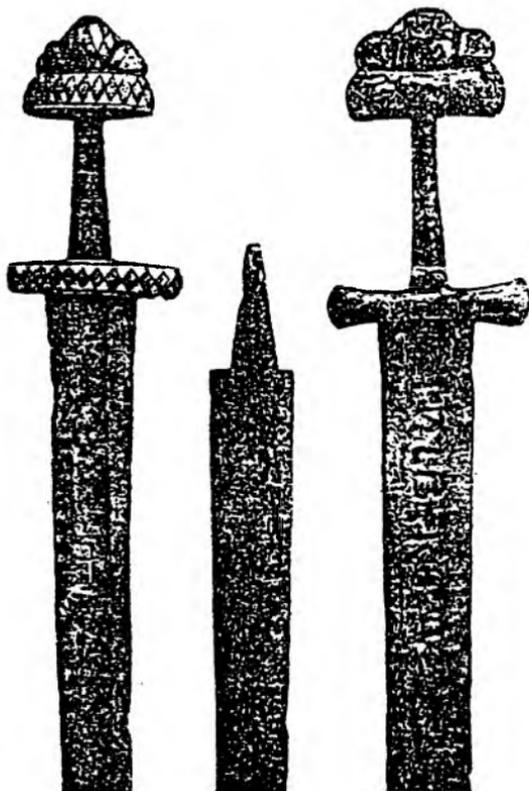
Но здесь я уже не могу подумать о его неразумении, ибо тут

опять повторяется тот же приём, что с Припятскими болотами.

Постоянно ссылаясь на нашу летопись, академик Б.А. Рыбаков не может не знать то, о чём я говорил выше, что идолопоклонство на Руси в течение восьми лет насильственно насаждалось только при Владимире I. И, тем не менее, пишет: «...культовое изображение...» Слово же «культ» от латинского «cultus» – поклонение, которого в нашем «языческом» лексиконе, как и слова «покаяние», не существовало, ибо пращурь наши в современном значении этого слова ничему и никому не поклонялись, а стремились к познанию мира и воздавали должную хвалу не какому-то идолу, а чисто условному Триглаву, которого и божеством-то можно назвать с большой натяжкой: Сварогу, сварганившему этот мир, и его порождениям – Перуну, управляющему порядком всей жизни на Земле, и Свентовиту, отвечающему за то, чтобы после ночной тьмы всеобязательно возрождался свет дня и даже в ночи светила Луна и зажигались звёзды; воздавали хвалу потому, что мир устроен разумно, но чело-

век, тоже обладающий разумом, должен быть достоин разумного, поэтому позорно для человека поклонение кому-то или чему-то, в чём он не удостоверился путём объективного познания. И ему не следует забывать об этом даже в пылу битвы. Вот почему наголовники рукоятей мечей, фотография которых помещена в книге Б.А. Рыбакова на стр.383, изображают трёхдольные шлемы, то есть разум Триглава. Имели эти наголовники и другое значение – служили у воинов одновременно символом их верности земле праотцов – Родине, понятие которой у русов означало также высшее счастье.

Позорным счита-

лось и что-то выпрашивать или вымалывать, хотя слово «молим» – наше исконное, но означало оно не «молить», как теперь, а «пожалуйста».

Академик Б.А. Рыбаков, повторяю, меня не удивляет. Он лишь в свою очередь свидетельствует о своей приверженности догме борьбы двух противоположностей, в данном случае слишком явной пропаганды и объективного познания, в котором тоже есть своя диалектика, но в главном, в поисках начал всего сущего, в том числе морали, существуют иные, более многозначачие принципы.

Как исторический путь народа измеряется веками и тысячелетиями, так и начало генетического возраста каждого его представителя теряется в трудно вообразимых даях. И совсем не случайно, не вдруг, а непременно в исторически обусловленные периоды появляются на свет гении, венчающие опыт и познания своего народа в той или иной области.

Колосс с идеями Маклая, ещё юношей, скорее всего, генетически почувствовавшего, что у гуманизма необходимо есть естественное начало, должен был вырасти на интеллектуально-нравственном гумусе Руси, и он вырос ни позже, ни раньше, а в исторически обусловленное ему время, хотя мало посвящённому, возможно, кажется, что куда ни кинь, всему вопреки. Нет, не вопреки, а всё же благодаря. Поэтому и нельзя рассматривать Маклая отдельно от всего, о чём я сейчас веду речь, то уходя в своих экскурсах в давние времена, то возвращаясь к дням вчерашним или к дню сегодняшнему. В этом суть разнородных начал и их следствий, которые в определённый час неизбежно должны были сомкнуться в борениях вокруг такого гения, какого мы знаем под именем Николая Николаевича Миклухо-Маклая.

Потерпи немного, читатель, и ты увидишь, как разрозненные, казалось бы, нити моего рассказа сойдутся в один узел.

Продолжим описание Б.А. Рыбакова последней битвы русов с византийцами, которая произошла, конечно же, не в день Перуна, 20 июля, а в день последующий, как правильно исправил составитель, переводчик и комментатор украинского издания нашей летописи Леонид Махновец (Літопис руський. Київ, 1989, с.43).

«...ни та, ни другая сторона не добилась победы. Начались переговоры о мире...»

Дальше Б.А. Рыбаков цитирует придворного византийского историка Льва Диакона, сославшись перед этим на перевод греческого текста М.М. Копыленко, но можно ли допустить, чтобы учёный с научной степенью академика не заглянул в оригинальный текст, если в нём говорится о важнейшем для всей дальнейшей истории Руси событии – встрече императора Византии Иоанна Цимисхия с вели-

ким киевским князем Светославом? Не потому ли академик берёт безответственный перевод греческого текста и никак его не комментирует, чтобы согласиться с переводчиком, мол, да, Светослав был «угрюмым и диким», а затем утвердительно сказать о его мнимом поражении?

Обратимся поэтому к оригинальному тексту Льва Диакона и попутно прокомментируем его, насколько позволяют нам знание происходивших исторических событий и значения многого, чего христианин Лев Диакон не понял в поведении Светослава и его отличительных знаках.

Встреча эта произошла у берега Дуная 23 июля 971 года, после того, как накануне Цимисхий запросил у Светослава мира и пригласил его к себе в ставку для переговоров, но тот ехать туда отказался по причине, которую вряд ли нужно объяснять. Пришлось Цимисхию, укротив свою гордыню, самому отправиться к Светославу. Однако, мысля по-ромейски, император Византии желал, если не удалось воинской силой, то хотя бы пышностью своего облачения и богатством нарядов сопровождавшей его свиты, состоявшей не только из императорских телохранителей, но также из лучших военачальников, которых в Византии за их подвиги называли «бессмертными», поразить могущественного князя «варваров», на что академик Б.А. Рыбаков, отдадим ему здесь должное, тоже обращает внимание.

Итак, Лев Диакон – очевидец встречи:

«Государь, покрытый парадными, золотой ковки, доспехами, подъехал верхом к берегу Истра; за ним следовали многочисленные сверкавшие золотом всадники. Скоро показался и Святослав (отсюда, возможно, и пошло христианское искажение имени СвЕтослава. – А.И.), переплывший реку в скифской лодке (это лишний раз подтверждает, что скифами греки называли русов, если и в конце X века продолжали именовать их так же. – А.И.). Он сидел на вёслах и грёб, как все, ничем среди других не выделяясь.

Внешность у него была такая: среднего роста, не очень большого и не очень малого, с густыми бровями, с голубыми глазами, с прямым носом, с бритой головой и с густыми длинными волосами, свисавшими с верхней губы (усами. – А.И.). Голова у него была совсем голая, и только с одной её стороны свисал клочок волос, что означало признак знатности рода (Лев Диакон, очевидно, не знал истинного значения этого клока волос: у русов он означал вольность мысли, а клинообразно, буквой «Аз», идущие от носа вниз длинные усы – вольность духа, поэтому такие же «оселедцы» на бритой голове и усы носили позже запорожцы; понятия же о знатности рода в аристократическом смысле в дохристианской Руси вообще не су-

ществовало, хотя это не значит, что знатных родов не было, но знатность рода определялась не по какому-то особому происхождению, а по делам. — А.И.); шея мощная, плечи широкие, а вся фигура довольно поджарая. Выглядел он хмурым и суровым. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином, вставленным между ними (золотая серьга с рубином и двумя жемчужинами, вдетая в мочку левого уха, где сосредоточены биологически активные точки, одинаково контролирующие работу сердца и мозга, как раз и служила у русов отличительным знаком князя, которому доверена кровь народа (рубин) и оба её начала, мужское и женское (две разнополюые жемчужины), то есть судьба будущих поколений; воеводы носили в левом ухе просто золотые серьги, а рядовые дружинники — серебряные, поскольку золото и серебро стимулируют работу биологически активных точек нашего тела, как иглы иглотерапевтов. — А.И.). Одежда на нём была белая, которая ничем другим, кроме заметной чистоты, не отличалась от одежд других.

Сидя в лодке на скамье гребцов (обратите внимание на эту не понятую Львом Диаконом деталь: сидел в лодке «на скамье гребцов», ибо не кичился никакой знатностью, а не поднялся и не вышел из лодки навстречу императору не из дикой невежливости варвара, а потому, что победителю вставать перед побеждённым негоже. — А.И.), он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал... Государь с радостью принял условия русов...»

А сейчас посмотрим, как подаются эти исторические события в «Повести временных лет», которая приписывается черноризцу Феоодосьевского Печёрского монастыря Нестору, хотя и не оспаривается, что составлялась она по указанию Владимира Мономаха игуменом Свято-Михайловского Выдубецкого монастыря Сильвестром.

Цитирую по уже упоминавшемуся новейшему киевскому изданию (стр. 42–43):

«И послал он (Светослав. — А.И.) послов к цесарю в [город] Дерестер, — ибо здесь был цесарь, — говоря так: «Хочу я иметь мир с тобою твёрдый и дружбу». И, это услышав, цесарь обрадовался и послал ему дары, превосходившие первые (не на этом ли основывается академик Б.А. Рыбаков, говоря о «поражении» Светослава? — А.И.).

Светослав же принял дары и начал советоваться с дружиной своей, говоря так: «Если мы не заключим мир с цесарем, а разведает цесарь, то, придя, обступят они нас в ГОРОДЕ (подчёркнуто мною, ибо вспомните лодку Светослава — его лагерь находился в то время на дунайском Острове Русов, где взять его в облогу, как город, было никак невозможно. — А.И.). А руська земля далеко есть и печенеги с нами враги, — то кто нам поможет? Учиним же мир с цесарем, ибо он

же согласился нам на дань, – и всего пусть будет довольно нам (вспомните у Льва Диакона: «Государь с радостью принял условия русов», следовательно, условия договора при встрече Цимисхия и Светослава были предreshены; у Светослава без союзных болгар оставалось 10 тысяч испытанного в боях войска, и он угрожал императору Византии походом на Цареград, поэтому тот поспешно и согласился на дань. – А.И.) Если же он станет не давать дани, то снова, собравши воев больше, чем в первый раз, придём из Руси к Цесареграду (вот оно и есть, снова придём к Цареграду. – А.И.)».

И понравилась речь эта дружине, и послали они лучших мужей к цесарю. И пришли в Дерестер, и сказали [о них] цесарю. А цесарь НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОЗВАЛ ИХ (обычно послов при византийском дворе томили ожиданием приёма у императора неделями и даже месяцами, а здесь сразу на второй день, ибо император Иоанн Цимисхий – данник Светослава Хоробрее. – А.И.), и МОЛВИЛ ЦЕСАРЬ: «Пусть говорят руськи» (тоже деталь многозначная, не синкелий – ближайший советник патриарха разрешил послам говорить, как полагалось по строжайшему этикету византийского двора, а сам император «молвил». – А.И.). Они же сказали: «Так говорит князь наш: «Хочу я иметь настоящую дружбу с цесарем греческим на все будующие времена».

Цесарь же, рад будучи, повелел писцу писать в хартии все речи Святославовы. И стали послы говорить все речи, – и стал писец писать, – говоря так: «Согласно с другим договором (Византия в 968 году уже спасалась от полного своего разгрома мирным договором, когда Светослав, освобождая от её владычества Болгарию, за одну летнюю кампанию взял приступом 80 городов по Дунаю, и ему оставалось всего 4 дня пути до Цареграда. – А.И.), что состоялся при Святославе, великом князе руськом, и при Свенельде, писано при Фиофиле–синкеле к Иоанну, прозванному Цимисхием, цесарю греческому, в Дерестеле, месяца июля, индикта 14, в год 6479 [971].

Я, Святослав, ВЕЛИКИЙ (подчёркнуто либо Сильвестром, либо другими переписчиками «Повести временных лет». – А.И.) князь руський, как клялся, [так] и утверждаю этим договором присягу свою, что хочу [вместе] с русами, которые подо мной, БОЯРАМИ (при Светославе на Руси были князья–вассалы и воеводы, а вовсе не аристократы бояре, как здесь имеется в виду. – А.И.) и прочими людьми, иметь мир и настоящую дружбу с каждым – и [с] великим цесарем греческим, и с Василием, и с Константином, и с [иными] БОГОВДОХНОВЕННЫМИ (обстоятельства заключения этого договора в летописи описываются по отчёту послов Светослава без ссылки на него, а договор цитируется по греческому тексту, который после его утверждения был наверняка подчищен и исправлен, так как ни при каких обстоятельствах не могли послы «язычников» русов, тем бо-

лее будучи послами победителей, употребить слова «боговдохновенным», ибо по их твёрдым убеждениям, власть над людьми давалась не от бога, а от людей же, как оно всегда было и есть в действительности. — А.И.) цесарями, и со всеми вашими до конца века...

Как и клялся я цесарям греческим, а со мною БОЯРЕ (? — А.И.) и Русь вся, будем мы придерживаться договора. Если же мы нарушим что из сего и [со] сказанного раньше, то я и [все, кто] со мной и подо мной, пусть будем прокляты БОГОМ, В КАКОГО ВЕРУЕМ, — в Перуна, и в ВОЛОСА, БОГА СКОТА (не могли послы русов употребить слово «бог» в единственном числе, как не могли скрепить печатью Светослава, которая публикуется в «Літописі руському» на стр. 42, и три слова с упоминанием бога Волоса, ибо на обеих сторонах печати двухвильный знак Перуна и Даждьбога, но нет, как и не было у князей Руси на печатях волохатого знака бога Влеса; грекам эта подделка понадобилась для того, чтобы показать русов всё ещё скотоводами, лишний раз подчеркнуть их варварство. — А.И.), — пусть будем мы золотые, как золото это (то есть из живых людей превратимся в такой же бездушный жёлтый металл, как золотая дощечка-подставка писца, что, кроме всего, ясно показывает отношение русов к подлинной цене золота. — А.И.), и своим оружием пусть будем мы посечены, и пусть мы умрём. Вы же имейте это за правду, что ныне сотворил я и написал на хартии этой, а мы своими печатями запечатали».

Понятно, почему летописец-христианин цитирует греческий текст договора, а не русский. Иначе ему пришлось бы опровергнуть Черноризца Храбра, который в X веке, то есть во времена Светослава, писал о русах—«язычниках»: «Словени погани суще чъртами и ръзами чътяху и гатаху». Говоря не об азбуке, а о каких-то чертах и резах «язычников», христиане тем самым хотели подчеркнуть, будто те имели письменность примитивную. На самом же деле у наших пращуров к тому времени уже по меньшей мере две с половиной тысячи лет была фонетическая азбука и не менее совершенная грамматика: 7 падежей, 3 рода, те же, что и теперь, только под другим названием части речи, необычайное, сравнительно с тем же греческим языком, богатство флексий и т.д. Словом, считать нашу дохристианскую письменность какой-то недоразвитой у нас нет никаких оснований. Другое дело, что русские «язычники» не хотели признавать принесённый христианами книжный язык, поскольку пользовались только живым народным языком и соответствовавшей ему прадавней азбукой.

Написанное христианином Слово о полку Игореве начинается:

Не лепо ли ны бяшетъ, братие,
начати старыми словесы трудных повѣстий
о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславича?

Русский «язычник» XII– XIII вв. те же строки написал бы:

Не лепо ль ні буді, брація,
словом старым поведку тежку почати
ожесті полка Игорія, Игорья Светославчья?

Согласно прежнему правописанию, в слове «братие» вместо «т» должно было стоять «ц», ибо речь о цепи родственной взаимосвязи; «ны» употреблялось как «ні» – «они»; «б্যাшетъ» – инородная форма русского «буді»; «начяти» «язычник» здесь не употребил бы потому, что в родительном падеже была близкая по звучанию форма существительного «начазі» – естественного начала чего-либо; «словесы» имело ироническую форму «словесія» – «плетёт слова»; труд почитался и никакой из его видов не считался тяжёлым, но рассказ о каких-то утратах – «поведка тежкія», но не «пов-сть», ибо тогда это почти соответствовало бы теперешнему «приключения»; «ожесті», поскольку речь о жизни и смерти полка, а Игорь остался жив, поэтому в конце его имени «Аз»; «свет» и «слава» ни в имени, ни в отчестве не разделялись как «свят» и «слава», имя-отчество в данном случае писалось бы в притяжательном падеже с «ь» и «я» в окончаниях слов.

Было бы, конечно, неразумно выхвалять достоинства того или иного стихосложения в ущерб одному из них, но, мне кажется, лучшие образцы как христианской, так и древней «языческой» поэзии равно имеют право на место в нашей унаследованной от праотцов духовной сокровищнице.

Но вернёмся ещё раз к летописи, чтобы завершить наш рассказ о Светославе.

«Учинив мир с Греками, Светослав двинулся на лодках к днепровским порогам. И сказал ему ВОЕВОДА ОТЦА ЕГО СВЕНЕЛЬД (обратите внимание на этого человека. – А.И.): «Обойди, княже, их на конях, ибо ПЕЧЕНЕГИ В ПОРОГАХ (подчёркнуто мною. – А.И.)». Но не послушался он его и двинулся на лодках.

Тем временем послали ПЕРЕСЛАВЦЫ (имеется в виду столица Болгарии Великий Переслав. – А.И.) К ПЕЧЕНЕГАМ [гонцов] (зачем же было переславцам посылать гонцов к печенегам, если, по словам Свенельда, они были уже в порогах? – А.И.), говоря: «Идет Святослав в Русь, ВЗЯВ ИМУЩЕСТВА У ГРЕКОВ И ПОЛОН БЕСЧИСЛЕННЫЙ (так, если верить Б.А. Рыбакову и примечанию Л. Махновца на стр. 43 украинского издания «Літопису руського», уносил бедняга Светослав ноги после своего «поражения» 21 июля 971 года; «полон» здесь не пленные византийцы, а освобождённые из византийского плена русичи. – А.И.), а с дружиной малой». УСЛЫШАВ ЖЕ ПЕЧЕНЕГИ ЭТО, ЗАСТУПИЛИ ПОРОГИ (вот когда только, ибо, как свидетельствуют наши «языческие» источники, не болгары из Великого Переслава, а сговорившийся с византийцами варяг Свенельд

известил печенегов. – А.И.). И пришёл Святослав к порогам, однако невозможно было пройти пороги, И СТАЛ ОН ЗИМОВАТЬ В БЕЛОБЕРЕЖЬЕ (отчего же не нападали на него печенеги в Белобережье – чистом поле, если он был «с дружиной малой», а они воевать в поле мастера? Потому что, кроме своей дружины, Светослав располагал также «полоном бесчисленным» из бывших воев русичей, которые вместе разгромили бы печенегов и в чистом поле. Поэтому они засели в порогах, зная от лазутчиков Свенельда, что у Светослава мало съестных припасов. – А.И.). И не было у них еды, и настал голод великий, так что по полгривны была голова лошадиная. И зимовал здесь Святослав. А когда приспела весна, пошёл Святослав в пороги.

В ГОД 6480 [972]. Пришёл Святослав в пороги, и напал на него Куря, князь печенежский. И убили они Святослава, и взяли голову его, и с черепа его сделали чашу, – оковав череп его золотом, пили из него. СВЕНЕЛЬД ЖЕ ПРИШЁЛ В КИЕВ К ЯРОПОЛКУ (не чудеса ли, князя убили, а его главный телохранитель цел–целёхонек? – А.И.). И было всех лет княжения Святославого двадцать и восемь».

Приведём ещё отрывок из поэмы Славомысла, продолжение того его монолога с матерью, когда Ольга уговаривает сына принять христианство.

– Помазанник иль по–гречески Христос,
Мессией его приверженцами прозванный,
Не мог, тебе то ведомо, воскреснуть,
распятый на кресте.
Душа его слететь во мрак глубин была обречена.
Ни князю, ни царю, ни богу из небытия изринуть тленное
сила не дана,
Как мне гор Киева не сдвинуть – камней с пещерами
громада велика,–
И Непру вспять не повернуть – морю Руському она верна.
Мне жаль тебя, в твоих сединах заблужденья –
печали горечь для меня.
Мы смертны все, быть может, и не только
на кресте распятые.
Лишь мысль бессмертна, что сказана иль на пергаменте
запечатлена,
Иль праведной душой и разумом высям звёздным отдана.
В ней энергия, Солнца восьмигранный луч и все цвета,
что радугой нам кажутся,
Ливнями когда умоется гроза, и ветер бурею насытится,
как кровью – зверь.
Не верь, что мысль, как тело наше, бренна.

В Сварожье не все ещё пергаменты исчертаны.
И письмена незримые, но живой энергией возлучены,
кому дано – прочтут.

Прости, но повторю твоё же: пагубой воздастся
в поколениях тех, кто имя отчее забудет
И землю, пращурами взорану, братьям ложным,
Как хлеб насущный от детей родных щенятам разломает,
Что ластанся к ногам за сытость и татям со злобою в очах.
Душой своей распорядись, как хочешь,
твоё – тебе и право.

Но за народ наш и пред внуками его в ответе я,
великий князь Руси.

Русь на утешенье грёзное в обмен на книг сожженье наших
Философы твои в ризах чёрных и золотых крестах
Лишь с головой моей, ты слышишь, Ольга Мудрая,
получат от меня!

...Признаюсь, мать, смутной тяжестью душа моя полна.
Дни служения великокняжеского с прискорбием считаю,
Неисполненью замыслы мои, трудами ратными зачатые,
тоскою сердца предрекая.

Предательство лукавых уж у порога ждёт меня,
но ближних не вини.

Тем и честь слов'янина чужда, химерны и его познания.
В други нам один из них набился,
другой же родичем моим предстанет.

Но пред мечом присягу дам: не чует в нём душа моя
кровного родства.

Вересница с Гаруном там блудила,
сына же Студенцу родила
Парсу¹ в утешенье.

В ночи я вижу полымя, пожаром Русь обагрена...

Славомысл говорит, что Светослав видел своё назначение в объединении славянского мира, чтобы общими усилиями противостоять впавшей в одну из форм иудаизма, как рассматривали на Руси греко–римское христианство, Византии. Но задача была непомерно велика, и о замыслах Светослава знали его враги, поэтому свою раннюю смерть он предвидел, почему и не сочетался законным браком, не хотел оставить на золотом столе в Киеве законного наследника, чтобы тот, родной ему по крови, не осквернил его заве-

¹ Вересница, Гарун, Студенец и Парс – древнерусские названия Венеры, Меркурия, Сатурна и Марса. Парс – гепард.

та, ибо кровь отца в сыне не созревает. Плодоносить, но зелено, она начинает во внуках, а зрелые плоды приносит только в правнуках. Однако при раскладке сил в той исторической обстановке надёжно позаботиться о правнуках Светослав практически не мог. Его преждевременная смерть была предreshена, и он это знал.

Конечно, Славомысл писал свою «Песнь» уже после гибели Светослава, и, можно сказать, что он в поэтической форме описал то, что произошло, произвольно придав образу Светослава черты волхва или, как позже у нас стали говорить, пророка. Но осталось и дошло до нас красноречивое свидетельство, в котором поэтическую вольность уж никак не заподозришь. Это опубликованная на стр. 42 «Літопису руського» печать Светослава, изготовленная по его собственным рисункам, когда он возмужал и вышел из-под опеки матери. Ему исполнилось тогда 18 лет.

Как и следовало ожидать, на лицевой стороне печати 12 знаков, ровно столько, сколько существует знаков Зодиака и важнейших органов в организме человека, обеспечивающих его жизнедеятельность. Поэтому наши пращурь считали, что двенадцатью словами или знаками можно объяснить любое явление в Природе, жизни человека или человеческого общества. А если взять лишь на одно слово больше половины от этого числа, мы получим цифру 7 – семь существующих в Природе творческих принципов, под постоянным влиянием которых находится наша Земля, а мы видим их в семи зримых цветах радуги. Значит, семью словами или знаками всё можно обосновать, как это делал живший в VII веке до н.э. скиф Анахарсис, у которого сначала греки, а у них – римлянин Гай Юлий Цезарь взял вынесенную на титульный лист этой книги формулу необходимости знаний (хочу подчеркнуть это, ибо нас приучили думать, будто мы у кого-то что-то обязательно позаимствовали, а не наоборот):

Аа пагапаум, поп
аа пробапаум.
Аа метогапаум.

«Чтобы рассказать, а
не доказать.

Для памяти.»

Для памяти, ибо Память – История, вся сумма накопленных человечеством знаний, без которых невозможно поступательное развитие. Поэтому гораздо важнее передать полученные знания по наследству, чем что-то доказывать, поскольку всё как будто совершенно доказанное сегодня, завтра неизбежно становится либо не-

достаточным, либо оказывается и вовсе ложным. И в этом не трагедия, а закономерность всякой эволюции: за горизонтом – горизонт...

Вот характерный пример, к тому же, связанный с Миклухо–Маклаем.

Известный закон всемирного тяготения Ньютона долгое время всем казался неколебимо верным, пока Маклай в Гейдельберге (опять–таки восемнадцатилетний), читая книгу Галилео Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира», не задумался над его принципом относительности и в результате не пришёл к выводу, что, формулируя свой закон, Ньютон мыслил по существу как идеалист.

То место из книги Галилея, которое особенно заинтересовало юного Маклая, мы находим в одной из его записных книжек:

«Уединитесь с кем–либо из друзей в просторное помещение под палубой какого–нибудь корабля, запаситесь мухами, бабочками и другими подобными мелкими летающими насекомыми; пусть будет у вас там также большой сосуд с водой и плавающими в нём маленькими рыбками; подвесьте далее наверху ведёрко, из которого вода будет капать капля за каплей в другой сосуд с узким горлышком, подставленный внизу. Пока корабль стоит неподвижно, наблюдайте прилежно, как мелкие летающие животные с одной и той же скоростью движутся во все стороны помещения; рыбы, как вы увидите, будут плавать безразлично во всех направлениях; все падающие капли попадут в подставленный сосуд, и вам, бросая какой–нибудь предмет, не придётся бросать его с большей силой в одну сторону, чем в другую, если расстояния будут одни и те же; и если вы будете прыгать сразу двумя ногами, то сделаете прыжок на одинаковое расстояние в любом направлении. Прилежно наблюдайте всё это, хотя у нас не возникает никакого сомнения в том, что пока корабль стоит неподвижно, всё должно происходить именно так. Заставьте теперь корабль двигаться с любой скоростью, и тогда (если только движение будет равномерным и без качки в ту и другую сторону) во всех названных явлениях вы не обнаружите ни малейшего изменения, и ни по одному из них вы не сможете установить, движется корабль или стоит неподвижно. Прыгая, вы переместитесь на полу на то же расстояние, что и раньше, и не будете делать больших прыжков в сторону кормы, чем в сторону носа, на том основании, что корабль быстро движется, хотя за то время, как вы будете в воздухе, пол под вами будет двигаться в сторону, противоположную вашему прыжку, и, бросая какую–нибудь вещь товарищу, вы не должны будете бросать её с большей силой, когда он будет находиться на носу, а вы на корме, чем когда ваше взаимное положение будет обратным; капли, как и ранее, будут падать в нижний сосуд, и ни

одна не упадёт ближе к корме, хотя, пока капля находится в воздухе, корабль пройдёт много пядей; рыбы в воде не с большим усилием будут плыть к передней, чем к задней части сосуда; настолько же проворно они бросятся к пище, положенной в какой угодно части сосуда; наконец, бабочки и мухи по-прежнему будут летать во всех направлениях, и никогда не случится того, чтобы они собрались у стенки, обращённой к корме, как если бы устали, следуя за быстрым движением корабля, от которого они были совершенно обособлены, держась долгое время в воздухе; и если от капли зажжённого ладана образуется немного дыма, то видно будет, как он восходит вверх и держится наподобие облачка, двигаясь безразлично в одну сторону не более, чем в другую...»

Этот отрывок из знаменитой книги Галилея, закончившего свой земной путь в 1642 году, математики и теоретики физики часто цитируют и теперь. Обычно для того, чтобы лишний раз повторить то, что давно было сказано великим итальянцем: «Никакие механические эксперименты, производимые внутри физической системы, не могут позволить обнаружить равномерное и прямолинейное движение этой системы». Называется это в науке ПРИНЦИПОМ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ или ПРЕОБРАЗОВАНИЯМИ Галилея, из которых вытекает, что все изучаемые механикой свойства тел сохраняют все свои качества при преобразованиях физической системы, если этой системе придана постоянная по величине и направлению скорость.

К счастью, один и тот же предмет у разных людей вызывает разные ассоциации. Зависит это, главным образом, от суммы познаний человека, её системы и работы так называемого подсознания, не ощущая которой, мы привыкли называть как бы неожиданные её подсказки интуицией – предчувствием. На самом же деле, наше подсознание в значительной мере есть закодированные в генах человека знания или, как теперь говорят, информация (это слишком упрощенно), полученные им по наследству от кого-то из его предков вместе с соответствующей им частью аппарата мышления, которое чаще всего срабатывает в нужный момент так, что мы его не успеваем даже почувствовать.

Не случайно в гимназии Маклай слыл учеником весьма посредственным. И вместе с тем уже в двенадцатилетнем возрасте он в совершенстве владел несколькими иностранными языками и обладал познаниями, которым могли позавидовать лучшие выпускники гимназии, а по нынешним временам – и люди с высшим образованием.

По сравнению с теперешней средней школой дореволюционная российская гимназия давала знаний гораздо больше, но как теперь преподавание всех без исключения гуманитарных предметов, знания которых составляют основу любого интеллекта, делает всё

возможное, чтобы разрушить заложенную в ребёнка природой способность к самостоятельному мышлению и самостоятельному же постижению того, что закодировано в его генах, так и система обучения в гимназии не особенно отличались по основным своим принципам. Как и теперешняя, она была придумана и внедрена в соответствии с определёнными идеологическими взглядами и чисто умозрительными представлениями о регулярности образования, а не взята из Природы, которая даёт нам все необходимые аналоги. Природа едина, всё в ней взаимосвязано, но ни одна травинка в точности не повторяет другой. Поэтому путь объективного познания есть постижение естественных закономерностей Природы во всём её многообразии, но непременно совокупно, а не по частям и, конечно, без насилия над разумом идеологического и всякого иного.

Очевидно, генетическая наследственность Маклая была достаточно сильна, чтобы, будучи обречённым на уставное и по преимуществу уже узко специализированное образование, с неизбежными для него ограничениями и отупляющей схоластикой, сохранить своё природное стремление к объективному познанию и полную независимость мышления. Идя на компромисс с современным миропониманием, можно сказать, что мозг его подсознательно выбирал для последующей переработки мышлением лишь необходимое, то есть наиболее важное, и он так же подсознательно не желал расчленять целостный мир на некие составные. Поэтому в восемнадцать лет, попав вместе с Галилеем в каюту равномерно и прямолинейно идущего корабля, увидел гораздо больше, чем сам Галилей и те математики и теоретики физики, которые его цитируют в наши дни.

Естественно, всего хода рассуждений Маклая мы не знаем. Как всегда, он записывал лишь свои конечные выводы. Но система его мышления нам в общем известна, поэтому с допущением некоторых погрешностей в ту или иную сторону мы можем их восстановить.

Прежде всего он обратил внимание на то, что в каюте ничего не меняется, а корабль тем временем идёт. Относительно чего определяется его движение? Если бы он шёл по реке, то, разумеется, относительно её берегов. А если в безбрежном океане? Тогда относительно каких—то координат. А как их измерить вместе с пространством каюты?

Существуют всего три измерения пространства, которые дают всевозможные производные: длина, ширина, высота. И все они необходимы для измерения каюты. Но нам нужно измерить пространство каюты, увязав его так же с пространством океана. Оказывается, однако, что одной единицы измерения нам не хватает.

И тут Маклай задаёт себе вопрос: а Земля действительно вер-

тится или нам удобно это предположить? Нет, доказанное Галилеем и Коперником он под сомнение не ставит. Но где точка отсчёта движения Земли? И снова одного измерения не хватает.

Выходит, для полного постижения пространства, в котором существует наша Земля и мы вместе с нею, трёх измерений мало. Необходимо ещё хотя бы одно, четвёртое. Какое же оно и где его искать?

В иллюминаторе каюты блеснула молния, а через некоторое время Маклай услышал гром. Это несколько его отвлекло. Он подумал, что да, скорость света значительно превосходит скорость звука. Потом опять блеснула молния, и в тот же момент Маклай нажал секундомер. Так он повторял много раз. А буря всё усиливалась, облака неслись над океаном всё быстрее. Но молния сверкала в одном и том же месте, и глаз фиксировал её тотчас же, что подтверждали и равные промежутки времени, когда до слуха доносились раскаты грома. Получилось, что скорость света от скорости облаков не зависит.

Вывод очень важный. Но всё же скорость света, не зависящая от скорости его источника, конечно, то есть её можно измерить. Иначе астроном не мог бы сказать, что сейчас он наблюдает свет звезды, которая погасла 50 лет тому назад.

Стоп! Сейчас и 50 лет тому назад... Стало быть, абсолютной одновременности, то есть абсолютного времени не бывает. А пространство, его всепроникающий эфир? Но почему же он всепроникающ, если луч света в нём изламывается? Значит, на него действует какая-то сила. Хотя какая, понятно, — электромагнитные волны, поскольку он сам является носителем электрической энергии. Даже если его источник — обыкновенный костёр, всё равно тепловая энергия в виде потоков света в пространстве преобразуется в электрическую. Принцип совершенно тот же, какой у энергии Солнца.

Следовательно, абсолютного пространства тоже нет. А Ньютон — то сформулировал свой закон всемирного тяготения, имея в виду и абсолютное время, и абсолютное пространство. И в добавок постоянную массу небесных тел. Но выпущенная из лука сравнительно лёгкая стрела пробивает насквозь относительно толстую и прочную доску, несомненно, потому, что масса тела возрастает пропорционально увеличению его скорости. Отсюда и кажущаяся нам удивительной сила удара. Значит, масса тела напрямую зависит от скорости его движения.

Вот почему Ньютон мыслил идеалистически. Впрочем, как отчасти и Галилей. Предлагая свой принцип относительности, абсолютным пространство он не называл, но время подразумевал абсолютное, а зависимости массы небесных тел от скорости их движения не касался.

Маклай понимал, что недостающую нам единицу четвёртого измерения должна дать качественно новая, то есть принципиально отличная от Евклидовой геометрия, и мы видим в его записной книжке попытку возвести в четвёртую степень куб, построить, иначе говоря, некий четвероугольник. В результате, производя математические действия от простейшего к более сложным, он получил умоглядную фигуру, имеющую 16 вершин, 32 ребра, 24 грани и ограниченную 8 кубами. Но все эти расчёты перечёркнуты, ибо, будь подобная неуклюжая фигура целесообразной, она имела бы свой аналог в Природе. Последняя же свою самую совершенную фигуру создала в виде октаэдра, имеющего 12 рёбер (по числу знаков Зодиака), 8 треугольных граней (7 постоянно действующих на Землю планет и отдающая свои эманации Луне восьмая Земля) и 6 вершин (по числу переходов Солнца в полосах Зодиака), у каждой из которых сходится по 4 ребра, что опять-таки совершенно согласно с Природой: число знаков Зодиака составляет три равновеликие группы, в каждой из которых объединены дополняющие друг друга по своим функциям созвездия: подвижные – Овен, Телец, Близнецы, Рак; постоянные – Лев, Дева, Весы, Скорпион; общие – Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы. Расстояние между каждой из них составляет 30° : 12 умноженное на 30 даёт 360, то есть сферу или круг – вторую самую совершенную фигуру, созданную Природой.

По числу градусов круг и октаэдр полностью совпадают. Кроме того, у октаэдра, представляющего собой как бы две соединённые основаниями пирамиды, два, как оно и есть в Природе, энергетических центра: космический и земной.

Если каждую из двух составляющих октаэдр пирамид разделить по высоте на три равные части, их энергетические центры мы найдём, в ту и другую сторону идя от основания, на стыках второй и третьей части, что соответствует также месту расположения так называемого солнечного сплетения в нашем теле.

Следовательно, построить третью, более совершенную, чем октаэдр и сфера или круг, геометрическую фигуру невозможно. Значит, необходимой нам четвёртой единицей измерения является само относительное (относительное) время – пространство, разделять которые по отдельности, чтобы не впасть в очередную ошибку, нельзя. Формулу же их измерения нужно искать в законах движения небесных тел, то есть в электродинамике, поскольку масса небесного тела зависит от скорости его движения, установив при этом, почему движение Меркурия в Солнечной системе словно бы аномально – эта планета движется быстрее всех других.

Здесь же, в этой записной книжке Маклая, мы находим ещё ряд прелюбопытных заметок, которые нужно расшифровывать так же, как и предыдущие, поскольку в них больше значков, чем слов.

Юный мыслитель задаёт себе вопрос: луч света непрерывен или квантовый, то есть состоящий из отдельных фотонов? И после «ф» уверенно ставит знак восклицания. Лучи же света не что иное, как потоки энергии, а энергия материальна. Следовательно, кажущаяся нам непрерывной материя тоже дискретна, то есть состоит из отдельных частиц, но атомы, о которых говорили древние, не могут быть неделимы. Иначе не существовало бы эманаций Земли, интенсивность которых, особенно уранита и радия, возрастает в периоды наивысшей солнечной активности настолько, что это заметно по изменениям спектра Луны. Между тем, законы сохранения вещества продолжают действовать для всех видов материи одинаково. Значит, атомы того же уранита, излучая какую-то из своих частиц, взамен принимают другую.

Дальнейшие размышления приводят Маклая к выводу, что внутреннее строение атома должно соответствовать общим законам построения Вселенной, в частности Солнечной системы, ибо мир един и всякая его часть повторяет в себе общие принципы. И единственным различием между структурой живой и неживой материи является то, что неживая материя ни при каких условиях не способна создать пятигранный кристалл.

Различие в своём роде действительно единственное, но достаточное для того, чтобы человек утешился. Оно свидетельствует о том, что ничто, созданное живым разумом, как бы оно ни казалось совершенным, никогда не превзойдёт сам этот разум, как мы, люди, никогда не превзойдём разум Космоса, ибо всеми своими совершенствами, в свою очередь, обязаны ему. Но, утешившись одним, огорчаться другим, было бы не в пользу homo sapiens.

Интересно, однако, сознавал ли Маклай, что, задумавшись над отрывком из книги Галилео Галилея, он, возможно, в один присест предвосхитил целый ряд величайших открытий, венчающих цивилизацию XX века? Откровенно говоря, безраздельно любя Маклая, я с радостью ответил бы на этот вопрос утвердительно, но поведение самого Маклая, главное назначение его жизни, предусматривавшее иные цели, и состояние науки в то время принуждают сомневаться.

Заканчивался 1864 год. Глобальный кризис в теоретической физике, механике и математике, который со всей очевидностью проявится лишь в самом конце XIX века, только назревал. Собственно, о нём пока не думали, и, будь Маклай даже физиком, он, обладая здравым умом, наверняка поступил бы, как Майкл Фарадей, который в 1832 году пришёл к выводу, что магнитные воздействия и электрическая индукция должны распространяться в пространстве с конечной, то есть поддающейся измерению скоростью в виде волн, изложил своё открытие как послание грядущим поколениям физи-

ков и направил его в Королевское общество в запечатанном конверте с надписью «Новые воззрения, подлежащие хранению в архивах Королевского общества», на который обратили внимание и открыли его через 106 лет, когда эти «Новые воззрения» оказались чрезвычайно актуальными. Современники же Фарадея его бы не поняли, а то и приняли бы его открытие как идею сумасшедшего.

Маклай не считал себя ни физиком, ни математиком, ни механиком. Ему важно было разобраться в существе возникших перед ним проблем по другим причинам. И, рождённый гением, он гениально их для себя решил. Да, но... Человек начертал свои раздумья, значит, пусть интуитивно, однако всё же предполагал, что они понадобятся ещё кому-то.

И сейчас мы увидим, как, казалось бы, второстепенные для одного гения познания переходят в нужное время к другому гению, для которого они являются смыслом его жизни.

Вот дневник французского доктора истории Габриэля Моно – зятя Александра Герцена и близкого друга Маклая, которого тот, как и многие его друзья в Европе, называл Николая. Обозначенный в дневнике инициалами А.П. – Анри Пуанкаре, начавший в 1881 году преподавать в Сорбонне математическую физику молодой учёный, будущий создатель теории относительности, в том числе специальной, и автор не менее гениальных работ в области философии науки, которые по широте охвата проблем и глубине мыслей можно сравнить разве что с аналогичными трудами академика В.И. Вернадского. За инициалами Э.Б. скрывается Эмиль Бутру – муж родной сестры Пуанкаре, с которым последний поддерживал трогательные родственные отношения, но в то же время был самым беспощадным его критиком, поскольку Эмиль Бутру как один из видных французских философов выступал в своих научных трудах с неприемлемых для Пуанкаре позиций идеализма.

Итак, дневниковая запись Габриэля Моно от 30 декабря 1882 года:

«Николай под впечатлением своей вчерашней встречи с Тургеневым рассказал много интересного. Он находит этого старого русского друга Флобера одним из самых пронизательных писателей нашего века. По его словам, Тургенев обладает даром, позволяющим ему в зародыше какого-либо важного явления в общественной жизни увидеть его дальнейшее развитие и правильно определить ему место в истории. Рекомендует с этой точки зрения перечитать роман «Отцы и дети», который мне показался скучным.

К обеду явились А.П. и Э.Б., нехоти для меня, но после того, как А.П. посетовал, что не может найти в Париже какого-то физического прибора, у Николая он вызвал неподдельный интерес. Не подозревал, что мой экзотический друг может найти тему для увле-

кательной беседы с этим скептиком. Разумеется, А.П. был сдержан, но, похоже, совершенно очарован. Николая отрицал и, насколько я могу судить, довольно обстоятельно, абсолютные время и пространство, утверждая также, что принятая у Ньютона за постоянную масса небесных тел меняется в зависимости от скорости их движения или просто зависит от скорости движения, боюсь выразиться неточно. По первым двум пунктам и третьему он находит формулировки Ньютона о законе всемирного тяготения неверной. Э.Б. по своему обыкновению готов был перейти на повышенные тона и таким образом захватить инициативу в беседе, но агрессивный прыжок А.П. решительно пресёк. Надо было видеть буравчики его маленьких карих глаз. Он ими словно высверливал из Николая одну дерзкую идею за другой, ещё более дерзкую. О степени их неординарности сужу по тому, как кипел Э.Б. Мнение Николая о том, что формулу измерения четырёхмерного пространства надо искать в законах электродинамики, его всё—таки взорвало до неприличия. Чтобы остановить поток слишком эмоциональных возражений, А.П. был вынужден употребить несколько резких слов. Как я понял, смешение электродинамики с пространством и его измерением для философии Э.Б. — какая—то жуткая ересь, и вообще всё ересь: неабсолюты пространства и времени, сравнение строения атома с Солнечной системой, кванты световой энергии и т.д. Но если А.П., назлектризовав пух на ушных раковинах, ловил ими каждое картавое слово Николая и с плохо скрытым негодованием двигал желваками в ответ на реплики Э.Б., можно с уверенностью сказать, что во всём этом Николая что—то смыслит изрядно...»

Пройдёт пять лет после этой встречи, и в 1887 году Анри Пуанкаре публикует одну из первых своих фундаментальных научных работ «Об основных гипотезах геометрии», в которой чётко укажет, что выбор геометрии для измерения движения тел в пространстве должен соответствовать, как и мыслил Маклай, самому их реальному движению в относительном пространстве. Такую геометрию, снова как предвидел Маклай, на основе преобразований в электродинамике создаст позже голландский физик и математик Хендрик Антон Лоренц, который в апреле 1904 года откроет также закон неограниченного возрастания массы электронов при приближении их скорости к скорости света, то есть то, что сорок лет назад увидел Маклай на простом примере выпущенной из лука сравнительно лёгкой стрелы, пробивающей прочную доску.

Я не буду отпугивать читателя сложностями теоретической физики, механики и геометрии. Хочу сказать только, что всё, о чём размышлял Маклай в 1864 году, поводом к чему послужил принцип относительности Галилея, и чем он, судя по дневниковой записи Габриэля Моно, поделился с Анри Пуанкаре в декабре 1882 года,

нашло затем своё конкретное, всесторонне аргументированное отражение в трудах великого французского физика. Это, однако, не должно бросать на него какую-то тень, тем более, что он был не только действительно гениальным учёным, который заслуженно пользовался высшим авторитетом во всём мире, но и благороднейшим рыцарем науки.

Пуанкаре никогда не забывал тех, у кого позаимствовал хоть что-то, и если в таких случаях упоминал и чьё-то малоизвестное имя, этого было достаточно, чтобы оно вошло в историю науки. Так произошло с Лоренцом. Он был на год старше Пуанкаре, обладал незаурядным талантом и сделал для науки немало, но никто из крупных учёных не признавал его как физика и математика, мыслящего самостоятельно, поскольку сам он не дал ни одной новой идеи. Все его открытия шли как бы следом за теоретическими трудами Пуанкаре. Француз сделает, скажем, теоретическую разработку измерения времени или точки отсчёта движения небесного тела, растолкует, что такое четвёртое измерение и вообще четырёхмерное пространство, а голландец найдёт способ решения предложенных задач или в указанном направлении откроет даже новый закон, вернее, математически его обчисляет, как в случае с увеличением массы электронов в зависимости от их скорости. То есть он всегда выполнял работу вторичную и сам долгое время это признавал, утверждая, что фактически специальную теорию относительности и просто относительности создал Пуанкаре, а он, Лоренц, лишь снабдил их, как говорят учёные, математическим аппаратом, что претендовать на равное с Пуанкаре соавторство оснований ему, конечно, не давало. Однако Пуанкаре упорно подчёркивал его заслуги, пока учёный мир Лоренца наконец не признал. Правда, не в такой степени, как хотелось Пуанкаре, ибо истинную меру его заслуг все понимали, к тому же никому тогда и в голову не пришло бы поставить кого бы то ни было на одну доску с самим Пуанкаре. В то время это казалось такой же ересью, как учение Галилея о небесных телах для римской инквизиции. Но Пуанкаре продолжал воспринимать отношение к Лоренцу, как ужасную несправедливость, он просто жаждал увенчать его собственным лавровым венком или уж никак не менее великолепным. А в искренности Пуанкаре сомневаться не приходится.

Увы, жизненный опыт многократно подтверждает, что благородство наказуемо. Тем не менее, вовремя сделать из этого необходимые выводы благородные натуры в силу своей непорочности не могут, как обычно гений не даёт себе отчёта в том, что, великодушно пытаясь кого-то возвысить до своего уровня, кто того не заслуживает, тем самым наживает себе врага. Дал Сальери Моцарту яд или нет, достоверно мы не знаем, но в своей драме «Моцарт и Салье-

ри» Пушкин нисколько не погрешил против правды трагической диалектики бытия.

Достаточно было банкирам Цюриха и Ротшильдам из Лондона и Парижа создать «Фонд Лоренца» якобы для финансирования научного прогресса, но в действительности больше для самого Лоренца, чтобы Хендрик Антон Лоренц предал Анри Пуанкаре, на которого ещё вчера привселюдно молился, и назвал будто бы истинным создателем теории относительности Альберта Эйнштейна, который, будучи до тех пор никому не известным юношей, служившим в швейцарском патентном бюро в Берне, куда стекались все новейшие научные открытия мира, свою первую статью в сентябрьском номере немецкого журнала «Анналы физики» за 1905 год скомбинировал из давно опубликованных трудов Пуанкаре и новейших достижений в математике того же Лоренца, но не сделал к ней ни единой ссылки и даже не посчитал нужным особенно отягощать статью необходимыми научными выкладками, только заменил везде фигурировавшее у Пуанкаре слово «время» на слово «часы» и там, где нужны выводы формул, поставил уверенное слово «ясно».

Сообразительный молодой человек из Берна знал, что для публикации статьи на подобную тему в солидном академическом журнале в Германии, где после смерти гениального немецкого физика Германа фон Гельмгольца очень болезненно следили за всё возрастающим на этой ниве авторитетом француза Анри Пуанкаре и никак не могли смириться с тем, что благодаря ему Мекка теоретической физики из Германии переместилась в парижскую Сорбонну, достаточно было назваться последователем немецкой школы математической физики.

Так появилось на свет в научном мире имя Альберта Эйнштейна и, несмотря на выросшие с той поры в Европе и Америке Монбланы разоблачительной литературы, оно по сей день всё ещё обрастает мифами о его мнимом первопроречии в области физики пространства и времени. Две серьёзные книги на эту тему каким-то образом сумели пробить издательские преграды также у нас: сборник «Принцип относительности», выпущенный Атомиздатом в 1973 году и, видимо, при удивительном стечении обстоятельств опубликованная в 1983 году издательством «Наука» книга «О науке» Анри Пуанкаре, порядочно, конечно, урезанная, но помещённая в ней статья «Анри Пуанкаре и наука начала XX века», принадлежащая перу трёх наших авторов М.И. Панова, А.А. Тяпкина и А.С. Шибанова, всё же показывает кто есть кто более-менее откровенно.

Нас, однако, больше интересует другое.

В европейской науке, которая всегда почему-то считалась самой передовой, между тем как многие научные труды Михайлы Ломоносова, написанные на целый век раньше «Новых воззрений»

Майкла Фарадея, всё ещё ждут своей распечатки, вероятно, потому, что в отличие от аристократа Фарадея Ломоносов был мужиком, в XIX веке господствовал так называемый логизм, утверждавший, что всякое познание, упрощённо говоря, только тогда может считаться истинным, если те или иные знания получены путём правильно построенных логических размышлений, началом которых является эксперимент или опять-таки правильно поставленные научные опыты.

Казалось бы, с этим трудно не согласиться. Но...

Миклухо–Маклай успешно закончил пять факультетов в трёх университетах Германии, которая в то время удерживала пальму первенства как центр научной мысли мира, и где зародился, а также достиг своего апогея и всеобщего признания логизм. Тем не менее, не отвергая силу логики как таковой, Маклай его не принял. В его трудах вы нигде не найдёте, чтобы он детально описывал какой-то свой научный опыт или эксперимент, хотя, скажем, изучением аппарата мозга от древнейших на Земле живых существ – акул и осетровых рыб до человека он скрупулёзно занимался большую половину всей своей жизни. И всё же всякий научный эксперимент вопреки установкам логизма он считал вторичным, только средством для доказательства того, что «подсказала» ему интуиция, которая для него была первичной, то есть собственно творцом.

И это не случайно, как не случайно открытия Галилео Галилея, описанные в его книге «О двух главнейших системах мира». Вопреки уже почти полторы тысячи лет насаждавшейся в Италии схоластической системе христианского мышления, мозг Галилея спустя 32 века «расшифровал» то, что было закодировано в его генах от колонизировавших доримскую Южную Италию троянцев. Они знали эти две главнейшие системы мира, как и ближайшие их родичи пеласги борисфенские (днепровские), традиционно изображавшие их схему на паляницах новогоднего хлеба, которую не понял и потому не расшифровал наш академик Б.А. Рыбаков, хотя ныне она общеизвестна, только излагают её теперь с другой терминологией. Мы, кстати, часто заново изобретаем колесо лишь по причине собственного высокомерия, думая о наших далёких пращурах в лучшем случае как о полудикарях. Скажи, что дохристианская Русь была страной сплошной грамотности, тебя немедленно затюкают.

Разумеется, Галилео Галилей не подозревал, что заново открыл давно забытое. Дело, однако, в том, что однажды добытые людьми знания, как бы ни старались придать их забвению, окончательно погибнуть не могут, ибо в Природе всё целесообразно: один вид материи переходит в другой, но энергия сохраняется постоянно, а знания суть производное энергии, однако, не вторичное, а нераздельно слитое с нею.

Из—за различных исторических катаклизмов, пережитых человечеством в его Эру Ошибок и Кривд, восходящие поколения тех пращуров, которых я имею в виду, постепенно настолько одичали, что мы и сегодня ещё не знаем всего, что закодировано в наших генах.

Полагаете, мне, как и многим, присуще идеализировать некий прадавний «Золотой век»? Ничуть. Я просто прилежно изучал книги наших пращуров, самой древней из которых 36 веков, и так же внимательно сравнивал их с раннесанскритскими летописями индийских браминов, которые перешли с севера на юг браму (перевал—ворота) Гималаев примерно в то же время. Кроме того, надо научиться отшелушивать привнесённое христианством и редакторской рукой от древнего русского фольклора.

Потому для меня и неприемлемо как—то отделять себя от Руси, хотя это не значит, что я противник того, чтобы в моём паспорте я назывался украинцем. Отчего же, я — украинец, коль так теперь именуется та часть моего народа, к которой я ближе всего принадлежу. Но я одинаково и россич, по крайней мере, как показали археологические раскопки моего земляка Бориса Левченко, открывшего у села Медвин на Богуславщине несколько женских погребений IV века до н.э., прах моих пращуров, растивших хлеб и варивших высокоуглеродистую, как у древних самурайских мечей в Японии, сталь, уже с тех времён покоится на берегах Роси, ибо их письменна, которые я в детстве познал в родном своём селе Мисайловка, те же, какими 800 или 700 лет тому назад писал свою поэму Славомысл. Но мне не нужны услуги толкователей, чтобы понять смысл знаков и прочитывать слова, выбитые в доримской Италии на надгробном камне Энея троянского, письменна начала II тысячелетия до н.э., найденные на берегах Енисея, и раннесанскритские летописи браминов. То наши высокоучёные лингвисты не ведают, что слово «брамины» — наше исконное, и значит оно «одолевшие ворота».

В Природе семь творческих принципов, у каждого из которых свои особые функции, и каждый из них у нас уже три с половиною тысячи лет тому назад имел своё обозначение, но три равнозначных и нераздельных созидательных начала, поэтому наши пращуры, мысля отнюдь не абстрактно, в ту же эпоху обозначили их одним понятием ЕСМЬ.

Я не знаю другого примера в человеческой природе, в котором бы это триединство воплотилось с такой поразительной наглядностью, как в понятии РУСЬ. Три ствола народного древа, но корень у древа один.

Народ Надежды Мандельштам не помнит своих корней, кроме некогда завоёванной им земли Ханаанской, которую неизбежно должен был утратить, поскольку насильственно отнятое чужое своим

не станет. Очевидно, это понимал мудрый хан пришедшей с Алтая на Балканы булгарской орды Аспарух. Своей силой они победили более слабых балканских слов'ян—иллирийцев, но растворились в них не для того, к чему, по—своему следуя примеру Иисуса Навина, истреблявшего мечом в Иерихоне всё, что дышит, призывал еврейский поэт Хаим—Нахам Бялик:

Из бездн Авадона взнесите песнь о Разгроме,
Что, как дух ваш, черна от пожара,
И рассыптесь в народах, и всё в проклятом их доме
Отравите удушьем пожара;
И каждый да сеет по нивам их семя распада,
Повсюду, где ступит и станет.
Если тенью коснётся чистойшей из лилий их сада —
Почернеет она и завянет;
И если ваш взор упадёт на мрамор их статуй —
Треснут, разбиты надвое;
И смех захватите с собою, горький, проклятый,
Чтоб умерщвлять всё живое...

Нет, болгары хана Аспаруха хотели найти среди балканских иллирийцев новую родину, и потому спустя два—три века сами стали слов'янами, сохранив своё прежнее наименование, но сменив в нём обозначавшее движение (кочевой народ) торское «У» на обозначающее осёдлость и покой слов'янское «О» — болгары.

Народ Надежды Мандельштам закономерности этой диалектики не понял и понять всё ещё не желает, поэтому она и недоумевает по поводу в общем—то странного для россияча вопроса:

«Для меня всегда было загадкой, почему этот (речь об украинцах. — А.И.) волевой, энергичный, во многом жестокий народ, вольнолюбивый, музыкальный, своеобразный и дружный, не создал своей государственности, в то время, как добрый, рассеянный по огромным просторам, по—своему антисоциальный русский народ выработал невероятные и действенные формы государственности, всегда по своей сути одинаковые — от Московской Руси до сегодняшнего дня...»

Как неразумного не научишь, так человеку, которому чужда твоя природа или тому, кто обуян гордыней, но все же взял себе в учителя ту же Надежду Мандельштам, в чуждом ему пытается обрести опору, не передашь свои глубинные познания и сознание. Жаль, конечно, но такова реальность бытия.

Имя троествольному древу нашему, проростки корневой системы которого мы находим сегодня на огромных просторах от Италии до Енисея и за Брамой Гималаев — Русь, и Русью оно пребудет

век. Только исходя из этого, можно приблизиться к пониманию нашего духовного мира и в какой-то мере постигнуть приложимое к нам понятие ЕСМЬ, расчленение которого на отдельные составные части противостоит естественно.

Маклай, как я уже говорил, вырос на интеллектуально-нравственном гумусе Руси и, сознавал он то или нет, но его человеческая природа противилась тому, что было ей не свойственно. Внутренне я убеждён, что Габриэль Моно, записывая разговор Маклая с Анри Пуанкаре, не придавал значения очень существенной части их беседы. Маклай наверняка высказал Пуанкаре свои взгляды на интуицию и логику, иначе с чего бы вдруг такой серьёзный учёный, как Анри Пуанкаре, никогда прежде не касавшийся темы логизма, через два месяца после своей встречи с Миклухо-Маклаем выступил в Сорбонне с неожиданной для всех лекцией, в которой впервые начал громить логизм и, понимая, насколько его критика звучит крамольно, сравнил её с борьбой Геракла против лорнейской гидры! Затем опубликовал на эту тему целую серию статей, и в конце концов казавшийся несокрушимым логизм всё-таки разрушил, завершив свою борьбу, как обычно, вроде бы примирительно, но при этом не сдав занятой позиции ни на йоту: «Логика и интуиция играют каждая свою необходимую роль. Обе они неизбежны. Логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства; интуиция есть орудие изобретательства». Иными словами, Пуанкаре, хотя и выразился деликатно, но интуицию всё же поставил на место творца.

Почему этого не сделал Маклай? По двум причинам. Во-первых, с этим убеждением он, можно сказать, родился, а доказательства необходимы тому, кто в чём-то не уверен. Во-вторых, он плотью и духом был россиянином, а в разрушении логизма Россия не нуждалась; она, как и сам Маклай, всегда отдавала логике лишь должное. Это Западная Европа, принявшая логизм как высшую ипостась в науке, вознамерилась снова повторять опыты своих алхимиков, почитавших эксперимент всему началом и концом. Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят. В Западной Европе для её монастырей науки тогда писал уставы француз Анри Пуанкаре, и было бы неразумным, если бы за эту работу взялся россиянин Миклухо-Маклай.

А теперь вернёмся к печати великого киевского князя Светослава и мысленно будем сравнивать систему познаний восемнадцатилетнего Маклая, когда он впервые задумался над принципом относительности Галилея, ему, если вспомните о родстве троянцев и пеласгов днепровских, не чуждым, и восемнадцатилетнего же Светослава, когда он сделал рисунки для отливщиков своей печати. Но сначала задержимся немного на ещё одном отрывке из поэмы Сла-

вомысла, пожалуй, по своему содержанию центральном. Продолжается монолог Светослава, обращённый к матери – великой княгине Ольге:

– Рим не пред воинской силой пал, как
финикийцев Карфаген, а братством во Христе,
Чем искусившись, гордый римлянин не смертника,
а душу, ему принадлежавшую, повесил на кресте
И, пыл неукротимый духа умиря,
перед распятием души своей кротко на колени стал,
В помрачении сознания отринув пращуров завет:
неримлянин у римлян лишь в гостях –
Гостя обогрей и накорми, разделив с ним кров и пищу,
но не права на землю и гражданина честь.
Я римлян чту, они родня нам, Энея помнят, как и мы,
Нелепый вымысел о нём отверг Вергилий,
рассудком здравым эллинов миф измерив.
Троянцев тоже не виню. Сварожия гармонию познавшие,
они из пепла Трои Рим возградили
И землю у этрусков не отняли: не возроптав,
те братьев по крови по–братски приняли.
Упрёк троянцам в утрате мужества – пустое:
доблесть человека лучам Эмита в тригоне с Парсом

– не ровня,

Эллады полисы они испепелили так же,
но возрождению эллинов порукой было то,
Что на руинах не рыдали – на пепелищах лира рокотала,
и дым костров курился на мнимо победительных пи-

рах.

Распорядилась так судьба: заблуждения эллинов на сей раз
спасением обернулись для них.

В помощники они позвали труд, а тот им
вдохновенье даровал,
Чтоб снова полисы, как Рим троянцы, созидать.

Но всё же в заблужденьях гибельно начало:
в сверкании снегов Олимпа

Себе подобных бражников вообразя,
эллины их богами нарекли,

Чтоб за труды свои и разума, светом озарённого, творенья
Жертвы и хвалу призракам воздать.

Погибель в том и римлянам незримо зарождалась...

Необходимым было разоренье Карфагена, но не покорение

Эллады.

Финикийцы, совестью пренебрегая, на торжищах обманом

процветали

И корысти заразу сеяли, как просо,
Семена которого на ниве эмитом уваженной,
Как проказы семя, возросли.
Эллада же тем временем, пуще прежнего взгордятся,
Вдохновеньем разума жила, но поклонялася богам,
А зиданья труды, в коих вдохновенья корень,
рабам презренным отдала.
Элладу повергнувший в отмщенье за Троию Рим
Прельстился тем, чему эллины поклонялись.
Не ведал ослеплённый наготою статуей
римлянин, что от богов Эллады
До души его распятыя на кресте дорога пролегла,
Где отравительные чаши для яда сладкого,
Братством во Христе окрещённого, уж ковались...

Наверное, теперь читателю понятно, почему Светослав так восставал против иудаизма и его видоизменённой модели, названной по-гречески христианством. Братство во Христе в его Греко-римском варианте отрицало то, что сегодня мы называем патриотизмом и национальным характером или сознанием, откуда вытекало соответствующее отношение к Отечеству и долгу гражданина, а с другой стороны, призывало к непротивлению злу, что, как все знают, обещало рай покорным и кротким и укрепляло власть предержавших.

В 63 году до н.э. римляне под командованием Помпея покорили Иудею, и вскоре на огромной территории Римской империи оказалось, как считают современные учёные, от 4 до 4,5 миллионов израильтян, которые по установившемуся с библейских времён своему обыкновению называли себя среди иных народов евреями – людьми с той стороны Евфрата. Одни из них проповедовали иудаизм, другие – христианство. Это в значительной мере предрешило развал и конец и без того уже не весьма прочной Римской империи, как на Волге – Великой Хазарии.

Уже упоминавшийся мною Моисей Соломонович Беленький, который в своей книге «Что такое Талмуд» (М., 1970 г.) об известном нам Орле синагоги Маймониде на стр. 129 говорит: «...Маймонид проявил высокое мужество, защищая разум и его право критически исследовать священное писание». «В эпоху разгула и насилия феодальной и мусульманской реакции передовые умы Средней Азии и Ирана, – подчёркивает советский исследователь истории философии этих стран С.Н. Григорян, – были светочами, рассеивавшими мрак религиозного мракобесия». «К этим светочам следует отнести и Маймониду», – дополняет своей фразой заключение С.Н. Григо-

ряна, который ничего не говорит о евреях и Египте, где жил Маймонид, М.С. Беленький, чтобы уверить нас, будто Орёл синагоги был таким же светочем науки, как лучшие умы Востока. Но в чём заключается на самом деле «свет науки» Маймонида, вы узнали, когда читали эпизод с Уриэлем Акостой.

В этой книге М.С.Беленького есть ещё одно любопытное место, которое достаточно ясно характеризует всю книгу, а подобных ей у нас издаётся великое множество. М.С.Беленький, говоря о большом и, как недвусмысленно надо понимать, благотворном влиянии иудеев на римлян, на стр.37 пишет: «Римский мыслитель I века Сенека ... говорил о миссионерской деятельности иудеев: «побеждённые диктуют победителям».

Эта ссылка на авторитет римского философа—стоика Луция Аннея Сенеки должна, как мыслит автор, создать у читателя впечатление, что иудеи, будучи и покорёнными, тем не менее способны диктовать свою волю победителям.

Но и впрямь ли писал так Сенека? Вот сравните:

«Обычаи этого проклятого народа настолько усилились, что стали распространяться во всех странах. Они, КАК ПОБЕДИТЕЛИ, НАВЯЗЫВАЮТ ПОБЕЖДЁННЫМ свои законы (Философ Сенека. Изд. «Випонт», т.4, стр.423).

Опустив фразу, в которой Сенека выражает своё отношение к данному народу, и взяв переставленные местами два слова из следующей, опять опустив сравнительное «как», М.С.Беленький вставляет между ними вместо слова «навязывают» куда более категоричное «диктуют» и таким образом совершенно меняет смысл сказанного римским философом, при этом снова со ссылкой на авторитет, но уже Ф.Энгельса с помощью такого же нехитрого приёма объявляет Сенеку «дядей христианства», причём в контексте «добротного дяди», который, как надо понимать, благословил христианство, чего Ф.Энгельс сказать, конечно, не мог.

Мы верно относим Сенеку к философам—стоикам, но нам до сей поры так же неверно толкуют римскую философскую школу стоиков, как это делает академик Б.А.Рыбаков, ставший у нас главным толкователем славянского «язычества» вообще и русского в частности. Между тем именно русское так называемое «язычество» и римская философская школа стоиков по своим основным принципиальным установкам во многом совпадали. Главная суть их общности в объективном познании мира как единого целого и человеческой природы как составной части всей Природы, любая отдельная часть которой повторяет в себе общие законы построения целого. А стоики потому, что они были стойкими в этих своих убеждениях, не принимая никакой идеологизации объективной системы познаний, будь то поклонение божествам или каким—то иным непре-

рекаемым кумирам, поскольку всякое поклонение или слепое следование чьим—то идеям неизбежно порождает туманящий разум фанатизм. «Встав на путь поисков истины, всё подвергай сомнению», — вот кредо римских стоиков и русских «язычников».

Поэтому как раз Сенека, обладавший огромной суммой не схоластических, а естественно—научных знаний и прекрасно разбиравшийся в политике, одним из первых среди крупных римских учёных того времени понял подлинный смысл и цели христианства как выработанный иудеями идеологии сначала для духовного возвращения, а затем и нравственного порабощения неиудеев. Сенеке было ясно, что фигура Иисуса Христа, которого с этой целью использовали как пропагандистское знамя, здесь каким—то особым исключением не являлась, но в той исторической обстановке она оказалась как нельзя более подходящей.

Люди, подобные Иешуа из Назарета, которого апостол Пётр нарёк Машиахом (Помазанником или Мессией), что в сочетании с греческой транскрипцией его личного имени и переводом на греческий язык древнееврейского слова «машиах» звучит как Иисус Христос, были во все времена и у всех народов. Есть они и теперь — сейчас их называют экстрасенсами, то есть людьми, от рождения наделёнными относительно сильной биоэнергетикой, либо со знаком плюс, либо со знаком минус. Первые, как я уже говорил, способны, если к тому обучены, исцелять, вторые для человеческого сообщества в общем—то чаще не весьма приятный подарок.

Так вот тех, у кого биоэнергия со знаком плюс, издревле почитали как врачевателей, волхвов, ясновидцев и т.д. Не случайно один из авторов Талмуда рабби Цельс пишет, что Иисус Христос с юных лет занимался «чародейством», но рабби Цельс умышленно говорит, будто пряха Мария из Назарета родила его от беглого римского солдата по имени Пантера. Откуда ему, рабби Цельсу, жившему два века спустя, вдруг стало известно имя римского солдата, с которым Мария якобы изменила своему мужу Йосифу? Кроме того, рабби Цельс упустил из вида одну немаловажную деталь: в отличие от иудеев римляне до принятия христианства не давали своим детям имена по названию зверей. Имя Лев (Лейба) у иудеев позаимствовали греки, а потом уже от них — римляне.

Ничуть не лучше и утверждение авторов всех канонических евангелий, будто Мария зачала, чудесным образом оставшись девственницей.

Сенека одинаково не мог благословить христианство, как и принять что—то на веру от талмудистов, так как знал, что, применив несложный арифметический расчёт, можно заранее сказать, у кого и когда должен родиться ребёнок с такой биоэнергией, какой, несомненно, был наделён Иисус Христос: как правило, в четвёртом коле-

не экстрасенса, особенно от седьмого зачатия, которое даёт наибольший эффект, ибо тогда в ребёнке сочетаются все семь творческих принципов, отчего его психика весьма уязвима, но на людей он потом воздействует очень сильно. Повинна же в рождении такого ребёнка не столько Мария, сколько Йосиф, иначе от седьмого зачатия родилась бы девочка. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что под бдительным наблюдением иудейских «жрецов» в данном случае находился отец будущего Иисуса Христа, а не мать. Но уже то, что возвеличена именно Мария, свидетельствует о чисто иудейской схеме, у которых в Талмуде, как вы помните, сказано: «Чей бы бычок не скочил, а телёнок наш». Здесь странный для нас парадокс: главным в иудейской семье считается отец, мать – практически на положении полурабыни, но, тем не менее, для детей важнее она. Потому и национальность иудеи определяют по матери.

Зная всю эту арифметику, нетрудно в нужное время выдвинуть на сцену Иоанна Предтечу. Причём с идеологических соображений он непременно должен быть Иоанном, что значит «милость Яхве», то есть дар иудейского бога. И с тех же соображений – Крестителем, чтобы символ умерщвления духа у языческих народов – крест – превратилась якобы в нечто противоположное. А ЯКОБЫ потому, что со стороны иудеев тут мы явно видим веру в то, будто крест действительно умертвляет душу. Иначе всё христианство с его обязательным крещением не имело бы никакого смысла, как и будто бы воскресение распятого на кресте: подыскать необходимых свидетелей среди народа, главным идолом для которого служит золотое тельце, – не бог весть какая проблема. Плащаница с несмываемым и невыцветающим силуэтом тела умершего экстрасенса – дело для посвящённых тоже давно известное. Для этого нужна обыкновенная льняная или конопляная ткань, пропитанная бесцветным дубильным раствором, и, пока она влажная, плотно спеленать ею доведённого до крайнего экстаза экстрасенса. Его биополе в таком состоянии и даст на полотне необходимый отпечаток.

Но, конечно, для большего успеха дела и Иоанну Крестителю, и Иисусу Христу нужно было создать ореол мучеников – казнить того и другого мученической смертью, а потом сочинить соответствующие легенды. Психологически на малопросвещённые умы это действует безотказно, ибо человек по своей природе не homo hominī lupus est (человек человеку волк), как психопрепарируя генеалогию Максима Горького, утверждал по латыни в русскоязычном советском журнале «Клинический архив гениальности и одарённости» доктор от психиатрии И.Б. Галант, имея в виду «характерную сущность» русского народа, а всё же существо больше склонное к состраданию и сочувствию.

Вполне возможно, что опыты с Иоаннами Крестителями и Иису-

сами Христами повторялись до тех пор, пока один из них не оказался самым удачным. И здесь в Евангелии от Матфея использован ещё один сильно действующий психологический момент (Глава 27; 23,24): «Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они ещё сильнее кричали: да будет распят! Пилат, видя, что ничего не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки пред народом, и сказал: неповинен я в крови Праведника Сего; смотрите вы».

Не римляне, окончательно сокрушившие Иудею, а фарисеи иудейские продемонстрировали жажду крови «Праведника Сего», как назвал перед казнью Иисуса Христа римский прокуратор Понтий Пилат, и это очень важно, ибо отсюда вытекает, что израильтянин Иешуа из Назарета пострадал за ту правду, которую признали правдой устами Понтия Пилата люди, не относящиеся к сынам Израиля. Следовательно, Иешуа из Назарета и есть Мессия для неизраильтян.

Тем не менее, и Талмуд, и Новый завет христиан базируется на одной и той же книге – Ветхом завете иудеев. И в Талмуде, и в Новом завете в качестве законоучителей также выступают исключительно иудеи, только под разными названиями: в первом – рабби, то есть раввины, во втором – апостолы, что по-гречески значит «посланцы». Имеются в виду, понятно, посланцы всё того же иудейского бога Яхве, имя которого в Библии, которую сами иудеи впервые переводили на греческий язык, дабы не раздражать неиудеев, везде заменено словом «господь». Но от перемен мест слагаемых сумма, как известно, не меняется. Причём и Талмуд, и Новый завет создавались практически одновременно. Первый, так сказать, для внутреннего потребления, второй – для внешнего, в том числе для агарян, то есть всех прочих семитских народов, которых израильтяне считают своими рабами как бы в первую очередь, ибо, согласно Библии, их прапаматерью была рабыня отца Израиля Авраама по имени Агарь, родившая от него сына Измаила, но, как мы уже знаем из Талмуда, лоно женщины, не принадлежащей к дочерям Израиля, не способно родить существо, достойное называться человеком, хотя бы оно и произошло от семени человека. Об Иакове же – сыне Авраама и его жены Сарры сказано устами Яхве: «...отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (Бытие, 32;28), то есть, как разъясняет Талмуд, не только агаряне, они же измаильтяне, но и все иные народы должны стать рабами сынов Израиля.

Однако заведомо можно было сказать, что основная масса семитских народов исходящий от иудеев Новый завет не примет, поскольку в отличие от «богоизбранных» израильтян они таковыми их не почитали, а, здраво рассуждая, ценили людей прежде всего по их отношению к труду и знаниям. Израильтяне же до своего появле-

ния в Египте вели пастушеский, то есть по существу потребительский образ жизни, и ни к каким познаниям Природы не стремились.

И вот эти пастухи, страдая от голода, вследствие нередкой для тех районов, где они обитали, засухи и падежа скота от бескормицы, нашли приют в Египте, но, назвав себя рабами фараона, трудиться тем не менее не собирались. Благодаря некоему библейскому Йосифу (большинство гебреистов, то есть еврееведов, считают его лицом историческим, даже если у него и было другое имя), сумевшему войти в доверие к фараону и стать при нём кем—то вроде премьер—министра, быстро заняли в стране господствующее положение. «И жил Израиль в земле Египетской, в земле Гесем, и владели они ею, и плодились, и весьма умножились» (Бытие, 47; 27). Иными словами, господами в стране, вся экономика которой держалась на очень непростом земледелии, оказались пастухи, ничего в земледелии не смыслившие. Если земля родит, значит, так должно быть бесконечно, и чем грандиознее какой—нибудь землеустроительный проект, тем больше от земли можно взять. Именно так они смотрели на чрезвычайно уязвимые плодородные земли Египта, поработив египтян и эксплуатируя их нивы всё более интенсивно и безоглядно, в результате чего, как и нужно было ожидать, Египет постигла экологическая катастрофа.

Причину всего, что произошло, понял, наконец, фараон Рамсес II и, отстранив вчерашних господ от руководства земледелием, принудил их строить пирамиды, не города, как пишут многие историки, а именно пирамиды.

Так повелители египтян превратились в их рабов.

Конечно, со стороны Рамсеса II это была мера радикальная, но если стать на точку зрения прославленного египетского фараона, его решение нельзя назвать ни несправедливым, ни бессмысленным. Только люди, не понимающие законов естественной энергетики, которой насыщена вся наша атмосфера, до сих пор считают гигантские египетские пирамиды просто гробницами фараонов и, мол, чем большими амбициями обладал владыка Египта, тем большую строил себе усыпальницу. Это такое же непонимание, как то, почему в построенных конусом из намного более тонких, чем обычная строительная доска, моржовых шкур ярангах чукчей и эскимосов при шестидесятиградусных морозах и слабеньких огоньках жирников всегда тепло.

Да, в пирамидах хоронили и фараонов. Но если бы каждый фараон в течение всей древнеегипетской цивилизации строил себе персональную пирамиду, то, во—первых, учитывая тогдашний уровень строительной техники, ему пришлось бы жить слишком долго, а во—вторых, весь Египет был бы сплошь покрыт пирамидами. С другой стороны, почему вряд ли что—либо знавшие в ту эпоху о егип-

тянах американские ацтеки, инки и майя воздвигали такие же сооружения?

Ответ на этот вопрос можно найти в древних папирусах египтян, в которых говорится, где они хранили скоропортящиеся продукты в то время, когда фреоновых холодильников ещё не существовало и не могло быть в тех широтах никаких ледников. В ПИРАМИДАХ.

Я уже обращал внимание читателя на энергетические центры октаэдра и фундаменты таких храмов, как киевская София и Троице—Сергиева лавра, грунты под которыми выдержать их тяжесть, если смотреть на эти земельные участки глазами современного геолога и специалиста по сопромату, не могут, однако, массивные сооружения храмов, тем не менее, стоят веками и практически не дают даже осадки.

«Секреты» того и другого были хорошо известны египтянам.

В энергетическом центре пирамиды, который находится там же, где и в каждой из половин октаэдра, фрукты, овощи или слегка заплесневевшие, но не посоленные окорока мяса просто висели в каких—нибудь, скажем, сетках, однако не подвергались никакой порче, так как в энергетически насыщенном воздушном пространстве они не дают испарений, а коль так, там невозможна жизнь гнилостных бактерий и, следовательно, образование плесени, ибо для этого необходима влага, а без испарений ей неоткуда появиться. К тому же пирамиды сооружались не где попало, а только на так называемых энергетически активных точках земли, как и та же киевская София. Грунт под ней, казалось бы, самый обыкновенный, ничем особенно не примечательный, однако из—за восходящего в этом месте из земных недр энергетического потока он обладает таким сопротивлением, с которым по его прочности не может сравниться никакой бетон (этим же объясняется и возникновение в самых вроде бы неподходящих местах целебных родников). Кроме того, подвалы, устроенные под такими сооружениями, — тоже идеальные хранилища для всевозможных продуктов. Но это не мешает восходящему энергетическому потоку, как своеобразному генератору, пополнять пирамиду или храм, крыша которого непременно должна быть более полусферической (луковицей), чем полусферой, всё новой и новой благотворной энергией, аккумулятором которой в храме служит подвешенная точно под центром купола металлическая люстра. Если соединить её хорошим электропроводником с крестом из энергоёмкого сплава на куполе, крест во время массового богослужения в храме будет излучать свечение, ибо восходящий из земли энергетический поток тогда значительно усиливается биоэнергией многочисленного скопления людей, объединённых в общем молитвенном экстазе, когда отдача людской биоэнергии достигает как бы своего апогея, а аккумуля-

мулятор той и другой энергии один и тот же – люстра.

В пирамиде таких энергетических выбросов, как в храме от люстры через крест, не происходит. Энергопоглотителями в ней являются подвешенные так же, как люстра в храме, скоропортящиеся продукты, которые сохраняются потому, что в данном случае действует закон сохранения энергии. Если же никаких энергопоглотителей в пирамиде не было бы, избыток накапливающейся в ней энергии выходил бы во вне через служащие электропроводниками её стены. Но если эти стены покрыть электроизоляторами, пирамида, будь она какой угодно величины, всё равно рано или поздно взорвалась бы.

Вот почему Рамсес II заставил израильтян, разоривших Египет, строить пирамиды. Загубленные по вине Йосифа и его последователей пашни Египта для восстановления их плодородия требовали длительного времени, а народ чем-то нужно кормить, если не хлебом, то фруктами, овощами и мясом, то есть тем, что ещё способна была давать оскудевшая земля Египта.

Как глава государства и верховный судья, фараон Рамсес II, проклятый сынами Израиля, рассудил всё же по-своему мудро: кто стал виновником народных бедствий, те пусть за них и расплачиваются – исправляют положение своим трудом.

Доверчивые египтяне, по-видимому, не предполагали, что, и превратившись в рабов, израильтяне найдут способ обобрать их, как говорится, дочиста. Попросили у них будто бы на время якобы необходимые им для каких-то иудейских ритуальных отправок сосуды из благородных металлов и всякие иные драгоценности. Раз так, дело, мол, святое, и египтяне отдали всё, что из просимого у них нашлось, хотя иудейство им и было чуждым, но, как большинство здравомыслящих людей, они отличались веротерпимостью и потому чужие верования привыкли уважать, освободили даже на несколько дней своих рабов от всех работ, дабы те имели возможность без посторонних глаз, как то будто бы требовал их закон, исполнить в пустыне предписанные им обряды. Разумеется, снабдили их также на указанное время необходимым запасом пищи и воды.

Между тем, пока сердобольные египтяне ждали возвращения «бедных» богомольцев, тех и след простыл, поскольку «обманывать акумов и гоев сынам Израиля дозволяется» и не сыны Израиля, а они, «акумы и гои, суть рабы, имущество и кровь которых по слову Господа Бога принадлежат сынам Израиля».

Произошло это, как считают гебреисты, где-то между 1340 и 1320 годами до н.э. Но спустя примерно семь с половиной веков печальный опыт Египта начнёт повторяться после вавилонского пленения иудеев в самом Вавилоне, Сирии и Персии, где пленники, испокон веков питавшие отвращение к земледелию, ничего в нём не

понимая, опять сумеют занять руководящее положение в земледелии и предложат грандиозные проекты оросительных систем, осуществление которых превратит в пустыню плодороднейшие земли Двуречья, множество оазисов Аравии и огромные пространства далее на восток и северо-восток, в Среднюю Азию. Именно здесь, в Средней Азии, некогда самый цветущий край, тысячелетиями орошаемый полноводным Узбоем, в результате строительства тех самых оросительных систем с течением времени сплошь покроеется песчаными барханами Каракумов, а река Узбой исчезнет совсем.

Естественно, столь гигантская экологическая катастрофа, захватившая весь Ближний Восток, Персию и часть Средней Азии, разразилась не сразу, как, впрочем, и в Египте. Там и здесь она назревала постепенно, однако и там, и здесь первопричина была одна – грандиозные гидропроекты, придуманные людьми, не умеющими пользоваться землёй. А если учесть, что на земледелии по-прежнему держалась почти вся экономика этих стран, можно себе представить, каким было смятение народов Востока, которые воочию убедились, в чём корень зла. Они прокляли великого вавилонского царя Навуходоносора за покорение Израильско-Иудейского государства, а не менее великого царя Персии Дария – за то, что увлечшись бесконечными войнами, передоверил управление экономической жизнью страны хлынувшему из Вавилона в Персию иудеям. Вместе с тем гонения начались на всех семитов без разбору, хотя сыны Израиля к тому времени свой изначальный семитский тип уже утратили, превратившись в некую чрезвычайно разноликую иудейскую секту, пусть и весьма многочисленную, но не имевшую теперь ни чётко выраженных расовых, ни тем более национальных признаков. Это абсолютная нелепица, как в наших энциклопедических словарях толкуется придуманное в середине минувшего века малограмотным прусским священником Штёккером слово «антисемитизм», которое не случайно так охотно подхватила Всемирная сионистская организация на своём первом съезде в 1897 году в Базеле. Всякую связь с действительно семитами, то есть, главным образом, арабами и абиссинцами, подавляющая масса иудеев потеряла ещё на заре нашей эры, почему они и приняли такое странное для народного имени самоназвание – евреи (люди с той стороны). Согласно Талмуду, евреем может считаться только иудей, независимо от его расовых и национальных признаков. Зато караимы, происходящие от того же колена Израиля и сохранившие чисто семитский антропологический тип, по мнению талмудистов, называться евреями не имеют права. Они себя так и не называют, поскольку не признают Талмуд. Но и евреи, то есть иудеи, согласно тому же Талмуду, делятся по цвету кожи на далеко не одинаковые в биологическом отношении группы. Только белокожие европейские евреи – ашкенази – признаются са-

мыми «полноценными», а в более древние времена, до покорения Иудеи римлянами, такая честь принадлежала евреям сефардим – тем, которые жили в Вавилоне и Персии, потом, когда уже в исходе VII века н.э. мусульмане объявили им на сто лет перемирие, чтобы они радикально пересмотрели свою идеологию, вместе с ними попали в Испанию и Португалию, где приняли участие в создании Кордовского халифата, но по-прежнему называли себя сефардим.

Однако до этого было ещё далеко. Безвинно испытан на себе гонения за экологические катастрофы в Вавилоне, Персии и Средней Азии, арабы не могли не отвергнуть исходивший от иудеев Новый завет. Поэтому они выработали собственную идеологию, которую в начале VII века н.э. окончательно сформулировал пророк Мухаммед в виде ислама, изложенного в книге с очень простым названием – Коран, что значит «чтение» – «аль-кур'ан». Понятно, в него вошли некоторые элементы, сходные с библейскими, поскольку в основе Библии, ещё не переделанной иудеями на свой лад, лежал вообще восточный фольклор, в том числе нравственные поучения шумеров.

С принятия арабами ислама, полностью отмежевавшего их от иудеев, и начинается стремительное социальное развитие арабского мира, положившее начало образованию могущественного халифата сначала со столицей в Дамаске, затем – в Багдаде. И с этого исторического момента начинаются дружеские отношения арабов с Русью. Из наших летописей мы все знаем о дочери новгородского князя Гостомысла Умиле, матери Рюрика, но мало кому известно, что старшая родная сестра Умилы Светозара была матерью арабского халифа Аль-Матуси.

Мне не хотелось бы, чтобы читатель принял меня за антиеврея. Ведь вряд ли я посвятил бы большую часть жизни изучению всего, что связано с именем Миклухо-Маклая, не принимая сердцем главное положение в его науке о человеке: все люди – люди.

Я говорю «антиеврея», а не «антисемита» потому, что, имея достаточные познания в антропологии, побывав в нескольких десятках стран, где проживают евреи, и дополнительно пользуясь обширной научной литературой на эту тему, с уверенностью могу утверждать, что среди всего мирового еврейства людей семитской расы едва ли наберётся 10–12 процентов, в основном в странах Азии и совсем немного на Пиренеях, и, как считают гебреисты, не более 5 процентов с примесью семитской крови. Причём тех и других меньше всего в Израиле, где мне довелось побывать дважды и убедиться в этом своими глазами. Что же касается нашей страны, то ни одного семита среди советских евреев я не встречал, что, впрочем, вполне объяснимо: на Руси они никогда и не жили.

Подавляющее большинство тех евреев, которые после поко-

рения Иудеи легионерами Помпеи в 63 году до н.э. оказались на территории Римской империи и преимущественно являлись семитами, были истреблены в длинной череде кровавых погромов. Вот далеко неполный их перечень, начиная с I века н.э. (цифры обозначают годы): 68 – Александрия, 387 – Рим, Милан, Венеция и Неаполь, 516 – Клермона, 519 – Реванна, 1013 – Кордова, 1096 – Вормс и Майнц, 1108 – Толедо, 1146 – в ряде городов немецких княжеств, 1171 – Блуа, 1189 – Лондон, 1212 – вновь Толедо, 1235– Фульд, 1236 – Анжу и Пуату, 1236 – опять Майнц, 1262 – снова Лондон, 1265 – Коблец, 1285 – Мюнхен, в 1287 г все евреи в Англии заключены в тюрьмы по обвинению в утоньшении золотой монеты, а многие, число которых точно не установлено, повешены; 1292 – Кольмар, 1301 – Магденбург, 1328 – Наварра, 1336 – Ротенбург, 1349 – Савоя, 1351 – Кёнигсберг и многие города Восточной Пруссии, 1355 – снова Толедо, 1380 – Париж, 1391 – Барселона и опять Толедо...

Список этот можно продолжать и продолжать. Скорбная летопись слишком велика, как велико и число жертв. По данным Ватикана, только католическая инквизиция за время своего существования сожгла в Европе более 5 миллионов иудеев.

Многие из них, подобно нашим старообрядцам, уходили из жизни также добровольно. Одну из таких сцен самоуничтожения современный еврейско-французский писатель Андре Шварц-Барт воссоздал в очень волнующей «Легенде о тридцати шести праведниках». Я приведу здесь из неё небольшой отрывок, написанный на документальной основе:

«Глаза наши улавливают свет угасших звёзд. Дела и дни моего друга Эрни вполне можно было бы отнести ко второй четверти XX века, но подлинная история жизни Эрни Леви началась давным-давно, сразу же после первого тысячелетия нашей эры, в маленьком городке Йорке. Точнее говоря, 11 марта 1185 года.

В тот день епископ Нордхауза произнёс проповедь, после которой толпа прихожан с криками «Такова воля Божья» высыпала на паперть, а ещё через несколько минут грешные души евреев предстали перед судом Всевышнего, который призвал их к себе устами епископа.

Однако в суматохе, поднявшейся во время грабежа, несколько семей укрылись в заброшенной башне на самом краю города. Осада длилась шесть дней. Каждое утро, лишь только начинал брезжить свет, ко рву, окружающему башню, подходил монах с распятием в руках и обещал сохранить жизнь тем евреям, которые признают страсти возлюбленного Господа нашего – Иисуса Христа. Но башня, по выражению очевидца, бенедиктинца Дома Брактонна, оставалась «глухой и немой».

На утро седьмого дня рабби Иом Тов Леви собрал осаждённых на площадке и сказал:

– Братья мои, Бог даровал нам жизнь. Отдадим же её своими собственными руками Ему, как сделали наши братья в Германии.

Мужчины, женщины, дети и старики – одни за другим подставляли голову под простёртую для благословения руку, а затем и горло под клинок, зажатый в другой руке, и, прежде чем принять смерть, старый раввин оказался в полном одиночестве.

Дом Брактон свидетельствует:

«И вырвалось тогда из уст его горестное стенание и докатилось до квартала Святого Джеймса...»

Далее следует благочестивые комментарии, и заканчивает монах свою хронику так:

«На площадке перед башней нашли двадцать шесть евреев, не считая женский пол и маленьких отродий. А по прошествии двух лет обнаружили останки ещё тринадцати евреев, погребённых в подземелье во время осады. Но эти тринадцать почти все были младенцами. Старый раввин всё ещё сжимал рукоятку кинжала, которым перерезал себе горло. Другого оружия в башне не нашли. Тело раввина было предано огню, а пепел, к прискорбию великому, рассеян по ветру. Так что суждено нам было сей пепел вдыхать, и, по закону соединения частиц, отравы ещё долго будет входить в нас».

История раввина Иом Тов Леви является прямым продолжением легенды о Ламеддавниках (на иврите буквы «ламед» и «вав», поскольку еврейский алфавит имеет не смысловую, а числовую символику, в сумме образуют число 36. – А.И.).

Событие это само по себе ничем не примечательно. В глазах евреев самопожертвование в башне – лишь незначительный эпизод в истории народа, изобилующей мучениками. В те времена неистовой веры целые общины, как известно, предавали себя огню, дабы не поддаваться соблазну Нового Завета. Так было в Шпейере, в Майнце, в Вормсе, в Кёльне, в Праге тем роковым летом 1096 года. Случалось такое и позже, когда эпидемия моровой язвы поразила весь христианский мир.

Но деянию раввина Иом Тов Леви уготована была особая участь. Возвысившись над общей трагедией, оно превратилось в легенду...

Конечно, этих людей искренне жаль. Кого не истребили во время массовых погромов и на кострах инквизиции, те предпочитали самим принять смерть, нежели отречься от своей теологической идеологии. В результате, несмотря на замечательную способность семитской расы к самовоспроизводству, от потомков тех первоначальных 4 – 4,5 миллионов евреев Иудеи, которые попали в Римскую империю в конце минувшей – начале новой эры, за последую-

щие полторы тысячи лет в Европе почти никого не осталось. Исключение составляли очень немногие глубоко законспирировавшиеся марраны на Пиренеях, ещё в меньшем числе французские тамплиеры и те, кто подобно дядюшке Уриэля Акосты Валтасару, впились в монашеский орден иезуитов, созданный в 1534 году католиком еврейского происхождения Лойолой и утверждённый папой римским Павлом III в 1540 году. Ну, и, разумеется, более–менее крупные финансисты, переходившие в лоно той христианской церкви, которая действовала как государственная в данной стране проживания.

Тем не менее, иудаизм в Европе уничтожен не был, и, хотя еврейские погромы и впредь спорадически продолжались, и ещё в начале XIX века пылали костры католической инквизиции, количество евреев в европейских странах неуклонно возрастало, и всё более набирал силу, а значит, и власть еврейский капитал. Теперь это были, главным образом, ашкенази, в подавляющем своём большинстве не имевшие даже примеси семитской крови, однако вопреки этому бесспорному для всякого антрополога факту называли себя сынами Израиля и жили такими же замкнутыми общинами, как те давние евреи из Иудеи, а часто их внутренняя организация носила характер и куда более жёсткий. Вспомните историю жизни и смерти Уриэля Акосты.

Я не знаю другого народа, кроме евреев, который был бы так обманут и притесняем теми, кого он благоговейно почитает своими мудрецами и в то же время страшится их же больше всего на свете. Потому неразумно считать всех евреев поголовно носителями зла. Кто так думает о них, меряя всех одной меркой, тот, к прискорбию, сильно заблуждается. Другое дело, всегда ненасытно алкавшие богатства и власти поводыри этого народа, о которых, предвосхищая грядущее, Иван Бунин писал, на мой взгляд, пророчески в 1918 году:

Возьмёт Господь у вас
Всю вашу мощь, отнимет трость и посох,
Питьё и хлеб, пророка и судью,
Вельможу и советника. Возьмёт
Господь у вас учёных и мудрейших,
Художников и искушённых в слове,
В начальники над городом поставит
Он отроков, и дети наши будут
Главенствовать над вами. И народы
Восстанут друг на друга, дабы каждый
Был нищ и угнетаем. И над старцем
Глумиться будет юноша, а смерд –
Над прежним царедворцем. И падёт
Сион во прах, за не язык его

И всякое деянье – срам и мерзость
Пред Господом, и выражение лиц
Свидетельствует против них, и смело,
Как некогда в Содоме, величают
Они свой грех. – Народ мой! На погибель
Вели тебя твои поводыри!

В этом смысле прав был также известный южноафриканский борец за расовое равноправие и один из первых лауреатов Нобелевской премии мира, когда в своей брошюре «Если быть объективным...», опубликованной в 1959 году с Йоганнесбурге, говоря о Миклухо–Маклае писал:

«Не будь древнего иудаизма, ставшего первоисточником античеловеческих расовых «теорий», не возникла бы и потребность создавать научный антирасизм, изначальные истоки которого не в знаменитом французском, а в скромном русском гуманизме. Не приходится, однако, сомневаться, что конечная победа будет за ним».

Понятно поэтому, что, изучая научное наследие Миклухо–Маклая и углубляясь в этой связи в далёкие исторические глубины Руси, я не мог в такой же мере не касаться идеологии иудаизма и вообще истории евреев. Однако, чтобы не впасть в субъективизм, в этой части своих изысканий я буду стараться пользоваться в основном либо еврейскими источниками, либо ссылаться на тех авторов, к которым евреи относятся с симпатией.

Самым авторитетным гебреистом мира, одинаково почитаемым как евреями, так и неевреями, до сих пор остаётся Жозеф–Эрнест Ренан (1823–1892) – автор семитомной «Истории происхождения христианства» и пятитомной «Истории израильского народа». По национальности он француз, сын обыкновенного моряка, но это не помешало ему стать крупным учёным, специалистом не только по еврейской истории, но и семитским языкам, одним из выдающихся востоковедов, а также прекрасным знатоком истории немецкой научной мысли и культуры Эллады, перед которыми он преклонялся, призывая Германию и всю Западную Европу объединиться для своего рода крестового похода против славян (за исключением юдолюбивых римско–католических поляков) и особенно против России, в «либеральном заигрывании» которой с входившими в состав Российской империи народами и её помощи болгарам и сербам в их освободительных войнах из «одного животного славянского фанатизма» он видел «тлетворную заразу» для европейских стран, правивших своими колониями «твёрдой цивилизованной рукою».

Вот ещё почему, избегая личных пристрастий, я выбрал тут в

проконсулы себе Эрнеста Ренана. К сожалению, как многие даровитые французы, он слишком многословен, и, если его цитировать без купюр в длиннейших абзацах, посвящённых описанию какой-нибудь одной мелкой детали, это заняло бы чересчур много места. Однако, взяв первый том его «Истории израильского народа» (E. Renan. Histoire du peuple d'Israel. Paris, 1888), читатель легко убедится, что я не следую примеру М.С. Беленького, который, цитируя Сенеку, изменял смысл написанного римским философом в необходимом, очевидно, ему направлении.

Но прежде одно маленькое замечание. Читатель, вероятно, обратил внимание, что я нигде до сих пор не употреблял слова «религия». Избегал его потому, что оно толкуется в наших словарях так же неверно, как слово «антисемитизм», вместо которого было бы правильно говорить и писать «юдофобия», поскольку многовековые связи Руси и России (россичи стали называть себя «Русью» в эпоху нового расширения границ их государства после падения империи Аттилы, простиравшейся от Енисея до Эльбы, то есть смена буквы «о» на «у» так же, как у торков, означала движение) с семитами, арабами и абиссинцами никогда и ничем не омрачались, и никаких причин для возникновения у нас антисемитизма поэтому не возникало, причин же для юдофобии в нашей истории имелось достаточно.

Так вот, передо мной «Словарь иностранных слов», изданный в 1979 году под редакцией члена-корреспондента АН СССР А.Г. Спиркина и двух докторов почему-то не филологических, а философских наук. Читаем: «РЕЛИГИЯ (лат. religio) – одна из форм отражения действительности в фантастических образах, представлениях, понятиях... Р. – исторически переходящая форма общественного сознания, её отмирание произойдёт в развитом коммунистическом обществе». Точного перевода латинского слова «religio» авторы Словаря не дают, но, связанное с ним их категоричное утверждение, меня, знакомого с латынью, мягко говоря, повергает в уныние. Выходит, наши отцы и деды совершили Октябрьскую революцию, чтобы построить «развитое коммунистическое общество», в котором отомрёт совесть. «Ничего себе, – думаю я, – было за что бороться!»

На всякий случай тоже даю ссылку: О. Петрученко. Латинско-русский словарь. Москва – Петроград – Харьков, 1918 г., стр. 546:

«Religio, onis, t – совестливое отношение к чему-л., вооб. – совестливость...»

Я сделал это замечание потому, что Э. Ренан, писавший некоторые свои труды на латинском языке и, следовательно, свободно владевший латынью, вероятно, из-за своего особого отношения к иудаизму называет его религией, в то время как христианство у него

чаще – «христианская теология», в чём, конечно, есть существенная разница. Но корректировать Ренана я, естественно, не буду, хочу лишь указать на этот, с моей точки зрения, научный казус.

Как обычно, приступая к какой-либо теме, Ренан сначала много страниц уделяет для последующих сравнений описанию природы и культуры Эллады, наследницей которой стала Греция. На этот раз ему это необходимо для проведения параллели между Грецией и древней Иудеей. Сделав пространные предварительные описания, потом он заключает:

«Наша наука, наше искусство, наша литература, наша философия, наша мораль, наша политика, наша стратегия, наша дипломатия, наше международное и морское право – всё это греческого происхождения. Картины человеческой культуры, созданной Грецией, могут быть беспредельно раздвигаемы и расширяемы, но основа их – совершенство. Прогресс везде будет состоять лишь в том, чтобы вечно разрабатывать всё то, что либо первоначально создано Грецией, либо зачато в её чреве; лишь превращать в живые образы уже намеченные ею очертания».

Дальше я вынужден ограничиться кратким изложением самой сути того, что Ренан изображает мастерски написанными грандиозными историко-художественными полотнами.

По мысли Ренана, каждая страна и каждый народ имеют в истории своё определённое назначение, причём есть страны и народы, несущие в себе потенциальное разрешение задач всемирной цивилизации, и есть страны и народы, которых подавляющее большинство, но все они лишь как бы потребители того, что создаётся первыми. В числе таких перворазрядных стран Э.Ренан выделяет особо Элладу и древнюю Иудею, говоря, что вся заслуга Рима и всей римской цивилизации лишь в том, что она создала «на муку и в утешение всем юристам римское право». Между тем, как Греции принадлежит несомненное первенство во всех науках и искусствах. У евреев же (здесь Э.Ренан употребляет именно слово «евреев») никакой науки никогда не было и не могло быть. Елогим или Иегова (иудейский бог Яхве – Неизречённый), по мнению древних евреев, едва ли даже позволил бы человеку «познать от древа добра и зла». Не в духе иудаизма было заниматься исследованием окружающей природы и изучением законов мироздания. Он ограничил поприще человеческого мышления только религией, и вне этой сферы ему всё было чуждо. Иудаизм знал одно – веру в Бога. Всего остального он не удостоил коснуться, как слишком низменного, утилитарного, недостойного. Поэтому, говорит Ренан, «с тех давних пор и до настоящего времени не было ни одного еврея с мировым значением ни в науке, ни, особенно, в искусстве, зато в религии не было ни одного равного евреям». В данном случае под религией евреев Ре-

нан подразумевает «высокую духовность иудаизма», по сравнению с чем, по его мнению, всё остальное ничтожно, даже науки и искусства. В этом отношении Вавилоно–Ассирию он называет «дикой», хотя по своему научному развитию она стояла «неизмеримо выше Иудеи». В самую отдалённую эпоху в Вавилоне уже были серьёзные учёные. Они создали свою арифметику, геометрию, изобрели календарь, создали астрономию. Она, то есть Ассирия, организовала жизнь человека, установив дни недели по семи планетам Солнечной системы. Её обширная мифо–научная литература старалась и ставила своей задачей изобразить такие чрезвычайно отдалённые от её повседневности явления, как начало мира и возникновение человека. Но только в Библии иудеев эти тщетные, по существу материалистические, искания ассирийцев и шумеров наполнились духовностью и, по слову Господа Бога, обрели некие реальные очертания.

Что касается культуры вообще, развивает далее свою мысль Ренан, то Иудея уступала в ней даже Финикии. Уже во времена иудейского царя Давида, когда средства позволили ему украсить свою столицу грандиозными сооружениями, он вынужден был обратиться к городу Тира – центру тогдашней культуры в Сирии. Искусство и особенно архитектура там были очень развиты. Сирия не имела ни своего мрамора, ни гранита, но зато ливанский кедр был лучшим деревом мира, и то, что сирийцы делали из него, вполне могло воплощаться также в мраморе и граните. Вот почему по зову Давида в Иерусалим из Тира нахлынули толпы каменотёсов, плотников, зодчих и всевозможных мастеров, которые привезли с собой также горы ливанского кедра. Эти артисты и художники построили Давиду великолепный дворец на удивление всему Ханаану, что без всяких усилий со стороны народа Иудеи, а всего лишь за деньги подняло престиж её царя на неизмеримую высоту. В этом, считает Э.Ренан, сказалось прежде всего величие его духа, а не величие духа зодчих Тира, которых Давид просто купил.

Дальше Ренан переходит к описанию географической среды Иудеи, которая изначально формирует образ жизни того или иного народа, как это полагают и многие иные учёные, в том числе так нелюбимые Ренаном славянские.

То, как он описывает центральную местность Иудеи, над которой господствует гора Синай, заслуживает того, чтобы привести этот кусочек из его книги дословно.

«Она похожа, – говорит он о местности вокруг Синая, – на пейзаж, лишённый воды, и походит на Луну или другое небесное светило, лишённое атмосферы. Нередко на вершине Синая громоздятся тучи и облака. Но если везде гроза благотворна, то здесь она приносит с собой лишь ужас. Нельзя сравнивать Синай с Олимпом,

покрытым лесами и изобилующим водами. Уж скорее это Исландия или Жак–Майен, но без снега. Из всех атрибутов, составляющих красу природы, как солнце, вода, деревья, зелень, тучи небесные, животные и человек, из всего этого там виден только камень, испещрённый металлом, камень, враждебный жизни и истребляющий её вокруг себя. Там никогда не зарождалась жизнь, потому что везде царит абсолютная сушь; в этом нечеловеческом крае нет ни одного плода, ни одного зерна хлеба, ни одной капли воды. Но в награду за все эти лишения, нигде свет и воздух так не прозрачны и снег так не ослепителен, как там».

В соответствии с этой географической средой Ренан приводит аналогию с характером и устремлениями израильского народа, для которого гора Синай стала священной. И здесь, вроде бы уклоняясь от своей главной мысли, снова говорит об аналогии: «Экзальтированные еврейские патриоты хотят всё или ничего и крайне обижаются, если историк не придаёт Израилю значения и роли, преисполненной возвышенной аналогии... Это этнографическое недоразумение, что современные евреи считают своими предками то племя, в недрах которого его незначительное меньшинство восприняло ту религию, которую они теперь исповедуют... В мире нет незапятнанной истории. История еврейского народа одна из прелестнейших, но сказать, что на ней нет пятен, не могу, мне чужды такие претензии. Это была бы история вне сферы человека...»

Ренан прав, конечно: ничем не запятнанной истории ни у какого народа нет, как и мнение современных евреев о том, будто выведенные Моисеем из Египта сыны Израиля, их прямые и единственные предки, – лишь «этнографическое недоразумение», хотя бы потому, что в их современных антропологических типах, как я уже говорил, очень трудно отыскать признаки изначальной семитской расы, чаще всего они вообще отсутствуют. Не претерпел существенных изменений только сам прадавний иудаизм, как опять–таки правильно пишет Ренан.

И вот здесь, избрав для себя исторический метод исследования немецкого историка и философа Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803), книгу которого «Идеи к философии истории человечества», изданную в Париже в 1828 году с предисловием Иоганна Вольфганга Гёте, считал главным учебником для любого серьёзного историка, сам, вероятно, не заметил, как подошёл к истокам того, о следствиях чего однозначно высказался Гердер: «Министерство, в котором еврей имеет силу, либо дом, хозяйство, в которых еврей носит ключи от гардероба или кассы, также и департамент или комиссариат, где командные посты заняты евреями, всегда представляют собой непросыхающие топкие болота. Согласно старой пословице: где падаль, там и стервятник, где навозная куча, там гнездит-

ся инфекция и копошатся черви».

За это высказывание, которое после падения Парижской коммуны и новой реставрации во Франции монархии вдруг широко начали цитировать в европейской прессе, Гердера в синагогах Европы объявили «отпавшим евреем», как в своё время Спинозу и Уриэля Акосту. Но Ренан—то прекрасно знал, что его любимый почивший в бозе учитель никаким евреем не был и быть не мог. Он родился в Восточной Пруссии в семье сельского учителя, среди которых ни в Пруссии, ни в Германии евреев никогда не было. Кроме того, свою карьеру Гердер начал домашним учителем в семье православного дьяка под Кёнигсбергом, у которого в то самое время квартировал русский полковой хирург (имя его нам, к сожалению, неизвестно, однако он фигурирует во всех научных биографиях Гердера), обративший внимание на одарённого, но бедного молодого человека. Хирург убедил парня поступить в Кёнигсбергский университет и заранее оплатил весь курс его обучения на медицинском факультете, чего русский военный врач, среди которых евреев также не было, для правоверного иудея не сделал бы, да и тот, в свою очередь, будь он евреем, никак не мог бы оказаться в роли учителя детей православного дьяка.

Дальше биография Гердера для нас не суть важна. Иное дело, как Ренан использовал случай с русским хирургом, чтобы защитить Гердера от проклятий в синагогах и еврейской прессе Западной Европы. Он выступил в Колледже де Франсе с лекцией, в которой утверждал, что Гердер имел в виду жалобы на евреев своего русского благодетеля, который будто бы говорил ему: «В Восточной Европе еврей подобен раку, медленно въедающемуся в тело других наций. Эксплуатация других людей — это его цель. Эгоизм и отсутствие личного мужества — его главная характеристика; самопожертвование и патриотизм, вместе взятые, ему чужды». Ну, а Гердер якобы пересказал это своими словами, но по присущей большому учёным рассеянности не уточнил, что речь шла о евреях не Западной, а Восточной Европы, то есть в основном Российской империи.

Ренан не подозревал, что, подчёркивая разницу между западно—европейскими и российскими евреями, этим только подольёт масла в огонь. «Рассеянным» показал себя именно он, а не Гердер. Прежде, чем сделать такое заявление, он «запамятовал» поинтересоваться историей российского еврейства. Если бы поинтересовался, он узнал бы, что позванные в Киевскую Русь родным дядей Владимира I рабби Добраном иудеи в 1113 году были изгнаны из её пределов Владимиром Мономахом (В.Н.Татищев. «История Российская». М.—Л., 1963, т. II; см. также «Повесть временных лет»), и официально проживать им запрещалось до самой смерти императрицы Елизаветы Петровны, хотя они и пытались проникать в Московскую

Русь и затем в Российскую империю под видом различных христианских протестантов и даже католиков. Но для них это всегда было связано с риском, особенно при Иоанне Грозном, который повелел «по опознанию таковых топить их в реках». Пётр Великий на предложение Нидерландов переселить в Россию часть голландских евреев ответил: «Я предпочитаю видеть в моей стране магометан и язычников, нежели евреев. Последние являются обманщиками и мошенниками. Несмотря на мои распоряжения, они стараются осуществить это подкупом моих чиновников». Словом, отказал. А Елизавета Петровна на прошении дозволить евреям в России торговать и пользоваться правами российских подданных наложила резолюцию: «Евреи проживают в различных частях России. От этих ненавистников Христа мы не можем ожидать ничего хорошего. В связи с этим я издаю следующий приказ: все евреи, мужчины и женщины, независимо от их положения и богатства, должны немедленно убраться за пределы границы. От этих врагов Христа я не хочу иметь никакой прибыли» («Полный сборник законов и положений, касающихся евреев». Составитель и издатель В.О. Леванда, СПб, 1874 г.).

Несвойственное российским самодержцам благоволение к евреям проявила только Екатерина II, которая, как я уже говорил, для того, чтобы сделать их подданными России, присоединила к Российской империи Царство Польское, в чём никакого резону, ни политического, ни экономического для России не было. Зато в результате за один век с небольшим, несмотря на то, что та же Екатерина II, дабы слишком не возмущать Россию, была вынуждена ввести так называемую «черту осёдлости», собственно в Россию, тем не менее, переселилось более трёх миллионов евреев, не считая около двух миллионов, оставшихся в Царстве Польском. В то время как в Западной Европе только в Австро–Венгрии к концу XIX и началу XX века их было два с половиной миллиона и 600 тысяч – в Германии. В Австро–Венгрии в четыре с лишним раза больше, чем в Германии потому, что при разделе бывших владений Речи Посполитой, которая долгое время принимала основную массу евреев, изгоняемых из других европейских стран, ей, то есть Австро–Венгрии, и кусок территории Польши достался значительно больший, чем Германии. В «юдолюбивой» же Франции их к тому времени насчитывалось всего 50 тысяч, в Англии – 46 тысяч, в Италии – 38 тысяч и лишь за океаном, в Северной Америке, – 150 тысяч (Большая Энциклопедия под ред. С.Н. Южакова, т.9).

Все мировое еврейство прекрасно знало, что российское иудейство образовалось за счёт польского и западноевропейского.

Поэтому проводить между ними какое–то различие, хуля одних и хваля других, как это сделал Ренан, защищая Гердера, было, по

меньшей мере, опрометчиво. Потому после его получившей широкую огласку лекции в Колледже де Франсе евреи Западной Европы и восстали против него вместе с его подзащитным Гердером с ещё большим негодованием. Пришлось Ренану, не ожидавшему такой реакции и действительно хорошо относившемуся к евреям, в спешном порядке исправлять свой промах другой лекцией – «Иудаизм как раса и как религия»; с которой он выступил в парижском юдофильском кружке «Сен–Симон» 27 января 1883 года и которая сразу же была опубликована во всей мировой европейской прессе, в том числе и в Санкт–петербургском еврейском журнале «Восход», выходившем на русском языке. Тем самым Ренан получил от евреев как бы помилование. Это и вдохновило его, а главное финансировало, на создание пятитомной «Истории израильского народа».

Беда, однако, хотя, впрочем, скорее напротив, очень хорошо, когда в пристрастном учёном времени от времени берёт верх художник. Тогда, анализируя что–то здравым умом и придя к выводам, которые его чем–то не устраивают, он вдруг в порыве вдохновения начинает заново исследовать то же самое, но уже как бы переплавляя сухую академичность в горниле возвышенного чувства. Происходит по–своему удивительная перепроверка одного метода исследования другим, благодаря чему в итоге и получается такое уникальное явление, как «История израильского народа» Ренана, которую он писал, подчиняясь и рассудку учёного и вдохновению художника. Вероятно, по этой причине она и заслужила репутацию наиболее объективной. Её автор преисполнен искренней добротой, и потому труд его лишён, быть может, самого важного недостатка – какой–либо предвзятости.

Тщательно исследовав географическую среду Ханаана и какой образ жизни в ней мог сложиться, Ренан находит объяснение тому, почему иудаизм стал «самой жестокой национальной религией», которая обесценила в первую очередь то, что у других народов всегда почиталось самым ценным – человеческую жизнь, ибо только «сверхъестественное чудо в условиях Ханаана могло обеспечить более–менее сносное существование, за что, по понятиям евреев, очевидно, окончательно сложившимся у этого пастушеского племени в Египте, где всё имело определённую цену, соответственно нужно было платить». Но кому и чем платить? Конечно, «сверхъестественному чуду» и, конечно же, если не самым ценным, но самым дорогим. Так, по мнению Ренана, «возникли страшные недоразумения», последствием которых «были человеческие жертвы в самых ужасных размерах». У евреев Терахиты, где выжить человеку особенно трудно, это практиковалось чаще всего: в минуты общественных бедствий верховные властители и вообще богачи ради народного суеверия приносили в жертву любимое существо или старших

сыновей». И здесь Ренан подчёркивает, что человеческие жертвоприношения и фанатическая вера в Бога утвердились более всего не в невежественное патриархальное время, а наоборот, в эпоху наивысшего расцвета национальной идеи, когда народ уже оселся и основался в Ханаане. И опять повторяет, что их «национальная религия самой кровавой» стала именно в это время, в период судей и первых царей, то есть целые века спустя после исхода из Египта, когда, завоевав Ханаан, сыны Израиля обрели свою государственность. Достаточно вспомнить библейский рассказ из Книги Судей, как Иеффай Галаадитянин принёс в жертву единственную дочь, позволив ей перед этим два месяца оплакивать свою горькую участь в горах, что наводит на мысль об особенном изуверстве.

Благодаря изворотливости библейского Йосифа, в Египте они, вчерашние пастухи, стали хозяевами целой страны и познали сладость власти, не познав прежде радость созидательного труда. Поэтому там же, в Египте, когда египтяне поняли, отчего погибли их плодородные нивы, и образумились, из господ превратились в рабов, и труд для них стал самым страшным проклятием. Однако легендарный Моисей сумел их оттуда вывести, причём с немалыми сокровищами. Затем им, благодаря чудовищной жестокости таких своих сынов, как Иисус Навин, удалось завоевать Ханаан. Этого, как пишет Ренан, было достаточно, чтобы жестокость и обман, с помощью которого они выманили сокровища у египтян, возвести в культ, а себя вообразить народом «богоизбранным» и не допускать впредь ни малейшего сомнения в том, будто среди всех народов мира они и впрямь самые богоугодные, стоят выше всех иных народов, достойных быть лишь их рабами. И, разумеется, единственно по слову Господа Бога, ибо задуматься над чем-то более реальным, что помогло им выйти из Египта и завладеть Ханааном, во-первых, грозило бы потерять столь льстящую самолюбию иллюзию, а во-вторых, что, видимо, вернее всего, никому попросту в голову не приходило.

Как и порождённые фанатизмом человеческие жертвоприношения, назвав это таким же «недоразумением», Ренан и ему находит объяснение, на сей раз обращаясь к сравнительному анализу древнегреческого и древнееврейского языков, поскольку язык наиболее полно отражает в себе духовную сущность всякого народа.

Вывод холодного аналитика – увы! – не в пользу древнееврейского: «На этом языке не выразишь ни одной философской мысли, ни одного научного вывода, ни одного сомнения и никакого чувства бесконечного».

Собственным заключением Ренан огорчён и в нём сразу же начинает говорить протестующий вдохновенный художник:

«Колчан, полный острых стальных стрел, канат, сплетённый из крепчайших прядей и узлов, бронзовый тромбон, рассекающий воздух двумя–тремя пронзительными нотами – таков еврейский коренной, древний еврейский язык... Слова в его книгах отчеканены счётным числом, но это огненные слова. Этот язык сказал и скажет многое, но все его сказания кованы молотом на наковальне. Язык этот изрыгает волны гнева, он издаёт неистовые крики против мирских зол, он направит все бури и ветры Вселенной, чтобы приступом взять и опрокинуть крепости человеческой несправедливости. Словно юбилейный рог святилища, язык этот не может служить для чего–то обыденного, пошлого, его нельзя употребить для выражения каких–то светлых сторон природы или душевной радости совести, но он не перестанет трубить, провозглашая святую войну против человеческой бессовестности...»

Ренан огорчён ещё больше. Ведь вдохновение художника привело к тому же, что уже сказал рассудок учёного, следовательно, где–то тут и нужно искать ответ на поставленный вопрос. И Ренан с изумлением открывает для себя то, что в общем пока кажется ему не совсем научным, но скорее всё же является суровой правдой, чем случайной прихотью мысли. Оказывается, язык народа может определять всю его судьбу.

Однако сказать только это, значит, сказать очень мало или почти ничего. Во всём должна быть своя закономерность, свои изначальные причины и затем – следствия.

Как большинство европейских учёных, Ренан наукой России не интересовался, полагая, подобно своим коллегам в Западной Европе, что эта «варварская страна» на краю света, где «превосходно чувствуют себя лишь медведи», в принципе ничего толкового в области научной мысли сказать не может. Между тем, познакомься он с научными трудами Ивана Михайловича Сеченова о рефлексах головного мозга и антропологическими исследованиями академика Карла Максимовича Бэра, который в сущности и был родоначальником антропологии как науки, а вовсе не германцы Т. Вайтц и Р. Вирхов, как это принято думать, разрешение возникшей перед ним, Ренаном, проблемы значительно бы облегчилось. Потому, главным образом, что как труды Сеченова составляют подлинно научные основы психологии, так антропология Бэра вышла далеко за свои теперешние рамки, во многом предвосхитив открытие законов о генетической наследственности и даже объяснив их суть, как Анри Пуанкаре растолковал Лоренцу, что такое четырёхмерное пространство и где нужно искать не достававшую четвёртую единицу измерения. Однако Пуанкаре был одним из очень немногих крупных европейских учёных, который не питал заведомого предубеждения против русской научной мысли и потому не скрывал, что критически

проанализировать сформулированный Ньютоном закон всемирного тяготения его, в свою очередь, побудил Миклухо–Маклай.

Верный, однако, исследовательской методологии Йоганна Готфрида Гердера и, не подозревая, что она представляет собою давно пройденный славянами этап, но по–своему развитый дальше в Кёнигсберге Эммануилом Кантом, а потом Гердером, Ренан становится хотя и на более сложный, но всё же правильный путь поисков. И здесь ему неплохим подспорьем служит собственный опыт, полученный им во время его работы над книгой «О происхождении языка» (Париж, 1848 г.), в которой он обобщил изыскания в этой области того же Канта и его последователей, а также немало дельных выводов сделал сам.

Конечно, он снова идёт от изначальной географической среды обитания.

Долгие века не имея никакого постоянного пристанища, сыны Израиля вели бродячий пастушеский образ жизни по самым захудалым, не занятым другими, более цивилизованными народами местам Передней Азии. Это было одно из наиболее отсталых в своём развитии азиатских племён, которого все остальные по этой причине чурались, и потому ему пришлось скитаться по тем землям, какие никого больше ничем не соблазняли. Остановиться где–нибудь для более–менее осёдлой жизни у них не было возможности, поскольку нигде эти скудные земли не могли долго прокормить их стада. С другой стороны, ни высокоразвитые по тем временам египтяне, ни шумеры, ни какие–то ещё народы Северной Африки или Передней Азии подолгу терпеть их соседство не желали. Поэтому где–то что–то созидать у племени не возникало потребности, а следовательно, не возникала и потребность познавать тайны природы, за исключением разве что умения находить источники воды. Да и природа в течение этих долгих веков окружала их слишком однообразная и угрюмая, чтобы остановить на себе очарованный взгляд человека и пробудить в нём какой–то творческий интерес, как, скажем, у эллина, попытавшегося найти средство воспроизводить всю гамму птичьих голосов и в результате создавшего семиструнную лиру, совершенно соответствующую семи творческим принципам Природы. У израильского племени вообще не было и не могло появиться никаких музыкальных инструментов, кроме трубного рога, ибо оно–то и пения птиц не слышало. Откуда им было взяться в тех полупустынях?

Там же, где изначальное нет музыки, не могут возникнуть и никакие иные виды искусств, ибо в основе любого искусства лежит гармония, а гармония есть музыка. С искусств же начинаются науки.

При этом не надо забывать, что хотя это племя и вело кочевни-

ный, то есть кочевой образ жизни, оно оставалось в полной изоляции от других народов, «ибо Египтяне не могут есть с Евреями; потому что это мерзость для Египтян» (Бытие, 43; 32).

Среда обитания определяет образ жизни, образ жизни – систему и уровень мышления, а язык есть зеркало мышления: «...его нельзя употребить для выражения каких-то светлых сторон природы», но «он направит все бури и ветры Вселенной, чтобы приступом взять и опрокинуть крепости человеческой несправедливости». Им невозможно выразить «душевной радости совести, но он не перестанет трубить, провозглашая святую войну против человеческой бессовестности». Иными словами, в нём есть всё для выражения протеста и гнева, но нет слов для какого-то позитивного предложения или с помощью которых можно было бы выразить, казалось бы, самое естественное – «душевную радость совести».

В этом отражается трагедия духовной сущности народа, который такой язык создал и для которого он оказался достаточным.

И вот тут Ренан опять возвращается, как говорится, на круги своя, в который раз подходит к тому, что не столько определило, сколько искалечило судьбу израильского народа. С неподдельным сожалением и болью он снова вынужден сказать, что никто и ничто не могло принести ему большего зла, чем библейский Йосиф и тот легкомысленный египетский фараон или фараоны, которые позволили бродячим пастухам, не знавшим душевной радости совести, поскольку им неведома была радость созидательного труда, стать господами в цивилизованной стране, как бы перепрыгнув через самый важный этап в человеческом развитии. Сами предвидеть трагические последствия подобного прыжка они были просто не в состоянии, как со своим уровнем мышления не могли и осмыслить противоестественность своего нежданного положения.

Но много ли нужно, чтобы растлить невинного ребёнка? Эллины на это отвечали: «Однажды познавшего вкус сладострастия уже не излечишь, если и озарят его когда-нибудь боги мыслью, что для него оно губительно».

Никакая сила отныне не могла заставить также племя израильтян отречься от того, что однажды возвысило их прежде всего в собственных глазах. Не имея никаких реальных заслуг в развитии цивилизации и потому не способные чем-то более-менее конкретным подкрепить свою репутацию, взамен всему они предпочтут не требующий доказательств мистический фанатизм – исступленно будут верить в то, будто они «богоизбранны». Но не только для самоутешения. Эскимосы Гренландии тоже считают себя людьми исключительными, отчего и приняли такое самоназвание – эскимосы, то есть люди. Однако они никогда ни над кем не властвовали, у них нет и своего понятия о власти. Свою исключительность они не-

престанно доказывают лишь самим себе борьбой за выживание во льдах Севера и ни на что другое не претендуют. Племя же израильтян, будучи ничем не лучше эскимосов Гренландии, а в смысле организации жизни в суровых природных условиях и понимании самой Природы, что составляет основу всяких знаний, несомненно, и уступая им, волею ли случайного стечения обстоятельств, благодаря ли необычайной изворотливости Йосифа, либо по недомыслию фараона – таковой не рассудишь, но так или иначе вдруг оказалась в роли надсмотрщиков и повелителей над высоко цивилизованными по тем временам гордыми египтянами. А коль так, здесь уже самоутешением, как эскимосы, они не удовольствуются. Их главным смыслом жизни, маниакальной страстью станет неистребимое желание не престанно доказывать, что они не просто «богоизбранны», а «богоизбранны» среди всех прочих народов. И, конечно же, единственно по слову Господа Бога, поскольку никаких иных аргументов в их положении найти было невозможно.

Причём и с Господом Богом произойдёт удивительная метаморфоза. Раньше в представлении сынов Израиля он был всепожирающим огнём, требовавшим жертв от начатков всех плодов и первенцев людей. Он казался настолько ужасным, что даже произнести его имя означало обречь себя на гибель. Поэтому он и назван Яхве или Иегова – Неизречённый, то есть произносить его имя нельзя. Теперь же они согласились с шумерским мифом, что он создал человека по своему подобию. Почему? Да потому что в Египте они узнали цену деньгам, за которые всё можно купить. Следовательно, если Бог создал человека по своему подобию, то и от него можно как-то откупиться. По крайней мере, это куда более приемлемо, чем отдавать ему в жертву своих первенцев.

Так возникла идея храма Яхве, куда следовало отдавать десятую часть всего своего имущества и отдельно – «деньги за жизнь» вместо человеческих жертв. А именно десятую долю потому, что в Египте уже существовала десятичная мера чисел, и жрецам храмов за их службу полагалась как раз такая десятая доля. Сверх этого вводились только «деньги за жизнь», так как пренебречь той исключительной платой первенцами людей было всё же страшно.

Вот почему наряду с Яхве иудеи с такой же исступлённостью стали поклоняться золотому тельцу и всё, созданное умом и руками зодчих и мастеров из Тира в Иерусалиме, воспринимали только как величие их царя Давида, у которого хватило денег за всё уплатить.

Сирийцы построили дворец Давида в виде шестиконечной звезды и окрасили его в голубой цвет. Это значило, что они выбрали для него форму расположения на небосводе шести положительных знаков Зодиака: Овна, Льва, Стрельца, Близнецов, Весов и Водолея. А окрасили в голубой цвет Сатурна – цвет холода. Тем самым зодчие

хотели, чтобы хозяин дворца жил в нём благополучно и, поскольку он царь, никогда не терял здравого рассудка. Давид же понял это как некий магический фетиш и учредил Моген Довид – голубую шестиконечную звезду Давида, которая и по сию пору не потеряла для многих евреев значения фетиша, а Сатурн стал чем-то вроде их священной планеты. Сын же Давида и его наследник Соломон, узнав, что у арийских народов символом человека является пятиконечная звезда, а цвет разрушения – красный, приказал своим подданным распространять её по всему миру именно красной, а не пурпурной, какой её обычно изображали арийцы.

И то, и другое говорит само за себя. Поэтический дар Соломона – автора прекрасной библейской «Песни песней» и вошедшая в историю его мудрость тем не менее сочетались у него с суеверной агрессивностью, как у Давида вера в единого Яхве сопутствовала такой же вере в терафима – домашнего идола. Вообще, став как будто монотеистами, иудеи ещё очень долго оставались также идолопоклонниками. Своего терафима – грубо обтёсанную деревянную куклу в челоуический рост бережно хранила каждая семья. Когда Саул, тесть Давида, подослал к нему убийц, а дочь Саула Микал, жена Давида, об этом как-то проведала, она, чтобы спасти мужа и обмануть убийц, уложила в постель Давида их терафима, наряженного в ночное одеяние царя. Убийцы же, уверенные, что задушили Давида подушкой, на следующий день, увидев его живым и невредимым, в ужасе сами пали перед ним ниц и молили о прощении, хотя выдавать их, слуг родного отца, Микал вовсе не собиралась.

Из всего этого Ренан с грустью делает вывод, что и в эпоху своих самых прославленных царей израильский народ в интеллектуальном развитии во многом всё ещё оставался на первобытном патриархальном уровне. О законах генетической наследственности французский учёный тогда ещё ничего не знал. Развенчавший Иисуса Христа, он во всех бедах израильтян обвиняет злой Рок, навсегда лишивший их интереса к Природе и потому не позволивший им создать язык, пригодный для выработки мышления, необходимого для познания. Но здесь уже Ренан, как видите, противоречит самому себе, ставя на первое место не мышление, а язык, который сам же называл зеркалом мышления.

Однако в нашем экскурсе в историю израильского народа мы слишком задержались. Вернёмся к истории Руси и не будем забывать, что впереди нас ждут Светослав с его печатью и Миклухо-Маклай как прямой последователь той интеллектуально-нравственной школы, основные черты которой особенно ярко проявились в Светославе. Девять веков, разделявших последнего великого киевского князя – «язычника» и Маклая, мы, естественно, тоже учтём.

Помню, мой сын, сейчас тридцатилетний авиаконструктор, будучи ещё восьмиклассником, пришёл как-то из школы домой не то что сумрачным, а каким-то вроде не по возрасту больно серьёзно озадаченным. Было видно, что ему хочется поговорить со мной, так сказать, по душам, но откровенничать с отцом мальчиш, в общем, как мне казалось, не робкий, не спешил, а я, в свою очередь, боялся неосторожным словом усложнить для себя и без того трудный путь к его доверию.

Накануне одного из моих океанических рейсов жена показала мне его завернутого в байковые пелёнки в окно родильного дома, а когда я вернулся в Севастополь, он уже бегал и стал забавным «почемучкой». С такими примерно промежутками времени мы и встречались с ним все эти годы на месяц-два, а то и на пару недель. Поэтому после того, как я наконец осел на берегу, нам ещё только предстояло найти взаимопонимание, а потом уже и взаимодоверие.

Сам я в пятнадцать лет был человеком вполне самостоятельным, но это несколько не предохранило меня от господствующего у нас стереотипа родительского мышления. С поразительной лёгкостью забывая, какими недавно были сами, мы позволяем себе, любя своих детей, смотреть на них с унижающим юную душу и разум высокомерием, не давая, конечно, в том себе отчёта.

Думаю, на моём месте всякий был бы так же искренне изумлён, если бы, ожидая от сына откровений в неких «мужских делах», услышал от него нечто неизмеримо более высокого порядка.

—Папа, — в полглаза наблюдая, очевидно, за моей мимикой, сказал Вася с явным вызовом, — а почему Россия всё равно стала великой державой, большей, чем Америка?

Нет надобности живописать всю ту сцену. А вот то, что вызвало резкое неприятие у пятнадцатилетнего ученика одной из московских так называемых спецшкол, на мой взгляд, заслуживает внимания, ибо стало в нашем Отечестве такой заразой, против которой далеко не у каждого выработался соответствующий иммунитет и которая не только изначально калечит души, но и губительно сказывается на всём интеллектуальном потенциале народа.

«За десятки тысяч лет, протекшие с тех пор, население Восточно-европейской равнины сменилось тоже, может быть, не один десяток раз. После дикарей каменного века мы встречаем здесь ещё остатки людей медного и бронзового века, не знавших железа; потом остатки людей железного века, но и это, быть может, не были ещё предки теперешнего населения. В V столетии до начала нашего летоисчисления, т.е. за две с половиной тысячи лет до нас, мы имеем уже письменные рассказы о южной части теперешней Украины. Там тогда жили скифы, кочевой народ, занимавшийся скотоводством; остатком его являются теперешние осетины в Кавказ-

ких горах. Что было дальше к северу, греки, рассказавшие нам о скифах, хорошенько и сами не знали. Лет 800 спустя после этих рассказов мы встречаем первые известия о славянах; тут уже начинается непрерывная связь с новейшими временами, потому что на славянских языках говорит подавляющее большинство населения нашей страны.

Сходство языка, конечно, ещё не может служить доказательством происхождения теперешнего населения Восточно-европейской равнины от одних славян. Теперешние французы говорят на «романском» языке, на одном из языков, происшедших от латинского языка древних римлян, но происходят они не от римлян, а главным образом от кельтов, которые были когда-то покорены римлянами и усвоили их культуру и язык... Таким образом славянский язык ещё не доказывает, что в наших жилах течёт непременно славянская кровь: русский народ образовался из очень различных племён, живших на восточно-европейской равнине, но славянское племя оказалось из всех самым сильным, — оно навязало всем другим свой язык. Первое время славяне занимали только небольшой юго-западный угол этой равнины, нынешнюю Западную Украину. Несколько позже они заняли среднее течение Днепра и Полесье (белорусы являются, по всей вероятности, остатком древнейших славянских поселенцев), ещё позже пробрались на север, к Финскому заливу и Ладожскому озеру и, наконец, позднее всего заняли теперешнюю Великороссию — Московскую и смежные области...

Что касается первых трёх-четырёх столетий славянского расселения, мы о них прямых сведений не имеем и можем судить о славянской культуре того времени отчасти по рассказам иностранцев, которые видали славян того времени (преимущественно греков и арабов), главным образом, по языку.

Человек называет предметы своего обихода, орудия, которыми он пользовался. Орудия меняются, но названия часто остаются: люди к ним привыкли, им не хочется изобретать новых слов. Прежде через уличную грязь набрасывали брёвна, это было нечто вроде моста и правильно называлось «мостовой»; остатки такой деревянной мостовой нашли в московском Кремле... Так, по старым словам мы можем восстановить старую культуру.

Славянский язык очень наглядно показывает нам все ступени развития техники... Прежде всего, изобрести такие на взгляд простые орудия, как соха или борона, не так просто было. Вместо бороны ещё лет 80 назад на окраинах России можно было видеть большой сосновый сук: его отдельные ветки и заменяли собою зубья бороны. А в более древнее время такой же сук, только ещё более толстый и крепкий и без веток, заменял соху. Такую пахоту изогнутым суком или палкой мы ещё и теперь встречаем у различ-

ных диких народов Африки, а что так же было у славян, показывает первоначальное значение слова «соха»: сначала это слово значило именно «палка», «жердь».

Ещё труднее было добывать живую силу, которая тащила бы плуг или соху. Если уж убить крупную дичину дикарю каменного века было не под силу, тем меньше мог он подчинить себе, заставить себе служить животное, как лошадь или бык, сила которого гораздо больше силы человеческой. Наблюдения над теперь живущими дикарями показывают, что скотоводство развивается у людей всего позднее, – гораздо позже, чем они начинают заниматься земледелием...

Но, ковыряя землю изогнутым суком, первобытный славянин питался всё же главным образом от земледельческого труда. Это видно по тому, что он слово «хлеб» – «жито» по-славянски – производил от того же корня, как «жизнь». Хлеб был главным средством к жизни, главным видом пищи. На охоту славянин полагался гораздо менее: когда-то ещё в тенета зверь попадётся. Зато был мелкий зверёк, которым если и нелегко было завладеть, – да и не стоило, – то у которого легко было отнять вкусные и питательные плоды его труда. Этим зверьком была пчела. Добывание мёда диких пчёл, бортничество – одно из древнейших занятий не только славян, а всех без исключения обитателей Восточно-европейской равнины. «Мёд» не только одно из древнейших славянских слов, но оно общее у славян и у финских племён, населяющих или населявших когда-то нашу страну. А бортные ужожаи, места, где водились дикие пчёлы, считались великою ценностью опять-таки уже во вполне исторические времена, когда славянин давно уже имел железный топор и давно выучился пахать на лошади.

Язык таким образом рисует нам древнейших славян народом очень первобытным...»

Прошу у читателя прощения за чересчур длинную скучную цитату. Я привёл её здесь потому, что она как бы сфокусировала в себе главные особенности всей советской исторической науки, основное идеологическое направление которой в 1918 году определил ставший первым наркомом просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский, выступивший тогда перед учителями Петрограда со своей знаменитой программной лекцией «О преподавании истории в коммунистической школе». Лекция эта, хотя с тех пор прошло более семидесяти лет, для большинства наших официальных учёных историков и теперь всё ещё остаётся своего рода компасом. В Советском Союзе она множество раз издавалась и продолжает издаваться на всех языках народов СССР. А в 1976 г. вошла даже в академическое издание сборника А.В. Луначарского «О воспитании

и образовании», выпущенного в свет издательством Академии педагогических наук СССР «Педагогика».

Вот что в ней говорится:

«... надо ли вообще преподавать историю в правильно поставленной школе. На первый взгляд кажется диким самое сомнение относительно необходимости преподавания истории, потому что мы привыкли к тому, что уже издавна этот предмет является включённым в программу школ; в течение столетий считали мы, что знакомство с прошлым человеческого рода естественно входит в курс образовательных наук.

Однако, тем не менее, весьма авторитетные и талантливые мыслители выступили против этой идеи. Между ними мы видим и Ф. Ницше, который в целом ряде пламенных страниц доказывал, что одной из губительных особенностей нашей культуры является её историчность. Он считал, что современный человек чересчур обременен всякого рода воспоминаниями, связывающими его примерами, традициями, – словом, старое, мёртвое захватило живого и не пускает его. Ницше доказывал, что человек, который рассматривал себя как некоторое передаточное звено от совершенно определённого прошлого к неопределённому будущему, склонен к детерминизму...»

«Детерминизм» да ещё «эволюционные тенденции» для А.В. Луначарского были самыми бранными словами. Ну, что такое эволюция, теперь все знают со школьной скамьи. Для тех же, кому, может быть, смысл научного термина «детерминизм» не совсем знаком, на всякий случай кратко его поясню. Это учение в противоположность идеализму и агностицизму (проповедь случайности всего сущего и конечной непознаваемости мира) объясняет всеобщую причинную связь, обусловленность всех явлений в жизни, природе и во всём мироздании, закономерность чего была открыта ещё Гераклитом, затем Галилеем, Коперником и прочая, прочая, включая Н.Н. Миклухо–Маклая, Анри Пуанкаре, академика В.И. Вернадского и Николая Константиновича Рериха, и к чему, в который раз заново изобретая колесо, пришла наконец современная серьёзная наука.

Такова, однако, была особенность интеллекта нашего нарком просвещения, которому «После Великой Октябрьской социалистической революции открылись широчайшие возможности для осуществления его давних обширных планов исследовательской работы в области культуры и особенно искусствознания и литературоведения. Он писал по самым разнообразным вопросам литературы, живописи, архитектуры, скульптуры, театра, музыки, педагогики, истории, философии, религии, этики, эстетики и т.д.» (БСЭ, 1938 г., т.37, стр. 493). Словом, энциклопедист всеохватного масштаба. Поэтому, наверное, то ли его дочь, то ли какая–то родственница И. Луначарская сильно обижается, когда кто–нибудь из русских людей упо-

минает при случае Анатолия Васильевича с недостаточно лестной стороны только потому, мол, что «Все остальные ... басурмане» – так она назвала свою статью–реплику в журнале «Вопросы литературы» (1987 г., №3, стр.224–229).

Известно, что Фридрих Ницше был особенно мил сердцу А.В. Луначарского по той, главным образом, причине, что тот, нигилировав из поляков в немцы, «в целом ряде пламенных страниц», кроме всего прочего, яростно отрицал всякое чувство Родины, признавая лишь «страны проживания», вернее, «территории проживания». Относительно же самого ницшеанства, послужившего позднее как бы фундаментом для «теорий» германского нацизма и фашизма, то комментировать его, пожалуй, излишне. Впрочем, об отношении А.В. Луначарского к этому предмету можно судить по его книге «Силуэты» (М., 1965 г.).

Очерк «Яков Михайлович Свердлов» (обратите внимание: в большинстве случаев употребляя подлинные имена и фамилии, здесь А.В. Луначарский и после революции почему–то считает необходимым соблюдать конспирацию, называя Свердлова Яковом Михайловичем вместо его настоящего имени–отчества Ешуа–Соломон Мовшович – А.И.), стр.94:

«Этот чёрный костюм, блестящий, как отполированный лабратор, придавал маленькой, спокойной фигуре Свердлова ещё больше монументальности, солидности очертания. Действительно, этот человек казался алмазом, который должен быть исключительно твёрд, потому что в него упирается ось какого–то тонкого и постоянного вращающегося механизма».

Надо полагать, сравнивая твёрдость характера Свердлова с алмазом, А.В. Луначарский имел в виду его директиву от 29 января 1919 г. о поголовном истреблении более чем двух миллионов донских казаков («Москва», 1989, №2, стр.149–150).

Очерк «Моисей Соломонович Урицкий», стр.97:

«И тут Урицкий опять оказался добрым гением...» Стр.100: «... сколько в нём было великодушия и как умел он необходимой жестокость и силу сочетать с подлинной добротой...»

Здесь, коль скоро сочетание «необходимой жестокости и силы» с «подлинной добротой», подразумевается, вероятно, главное кочегарство Урицкого в кровавой петроградской бане, устроенной по приказу Овсея–Герши Ароновича Апфельбаума–Радомысльского–Зиновьева тысячам бывшим русским офицерам, которым, поскольку они добровольно сложили оружие, было велено стать на учёт для получения хлебных карточек и т.п., а затем... Далее – известно, «необходимой жестокостью и силой» Моисей Соломонович обладал в полной мере.

Очерк «В.Г. Короленко», стр.222: «Короленко был этически хри-

стианином, и, повторяю, тут ещё нет большой беды. Беда лишь в том, что все эти псевдохристиане (Толстой, Короленко и им подобные) принимают норму любви за нечто, могущее быть установленным сейчас же и зависящим только от доброй воли...»

Должно быть, потому, что в этом вопросе они с Короленко «резко разошлись», как говорит А.В. Луначарский, он и оставлял без ответа кричащие душевной болью письма Владимира Галактионовича («Новый мир», 1988, №10, стр.198–218) о зверствах в Полтаве «совдеповцев», о которых восторженно писал некий М. Коган в харьковской газете «Коммунист» за 12 апреля 1919 г.:

«Еврейский народ есть истинный пролетариат, истинный интернационалист, не имеющей родины. Без преувеличения можно сказать, что великая социалистическая революция сделана именно руками евреев. Разве тёмные, забытые русские крестьяне и рабочие массы могли бы сами сбросить с себя оковы буржуазии? Нет, именно евреи вели русский пролетариат к заре интернационализма. Не только вели, но и сейчас советское дело находится в их надёжных руках. Мы можем быть спокойны, пока верховное руководство Красной Армии принадлежит товарищу Льву Троцкому. Правда, евреев нет в рядах Красной Армии в качестве рядовых, зато в комитетах и совдепах в качестве комиссаров евреи смело и бесстрашно ведут к победе массы русского пролетариата...»

Какой там Короленко, что он со своей этикой христианина понимает, когда в Полтаве, как и везде, «советское дело находится в надёжных руках»!

Владимир Галактионович, отсылая наркому просвещения письмо за письмом, всё более и более взывая к его милосердию, конечно, не мог себе представить, что его земляк, казавшийся таким блестящим интеллигентом и эстетом, в христианское богостроительство просто играл, когда оно ему, очевидно, было необходимым из каких-то соображений. Не мог представить прежде всего потому, что действительно являлся не столько «этически христианином» (здесь Луначарский по-своему прав, называя такие великие умы России, как Лев Толстой и Короленко, «псевдохристианами»), сколько во всей своей жизни неукоснительно руководствовался нормами исконной российской нравственности, не писанный, но обязательный даже для мало-мальски просвещённого русского человека кодекс которой Луначарскому, если судить по его многочисленным сочинениям и поступкам, был чужд и непонятен. Владимиру же Галактионовичу, как опять-таки верно отмечает Луначарский, «чуждо было фарисейство», то есть как раз то, чем сам Анатолий Васильевич, если внимательно проанализировать его творчество и биографию, руководствовался всегда и во всём в первую очередь. Примеров тому можно привести сколько угодно. Вот один из наиболее ха-

рактерных.

В 1921 году А.В. Луначарский вместе с будущим академиком М.Н. Покровским начали издавать журнал «Печать и революция», первый номер которого открывался статьёй Анатолия Васильевича «Свобода книги и революция».

Человек, «в ряде пламенных страниц» до сих пор отвергавший все и всяческие оковы, ратовавший за безусловную и ничем не ограниченную свободу, теперь пишет:

«Идея революции в большинстве умов прочно связана с идеей свободы ... революция обыкновенно соединяется с классической формулой XVIII века: торжество свободы, равенства и братства. Свобода на самом первом плане. Между тем, на самом деле ни одна революция не создаёт режима свободы и не может его создать. Революция есть гражданская война, неизменно сопровождаемая войною внешней. Латинская поговорка не даром говорит: «под звон оружия молчат законы», и под звон оружия молчит искусство...»

Как мы знаем, в 1921 году гражданская война в нашей стране уже закончилась. Покончено было также с интервенцией. Однако А.В. Луначарский вспоминает о них, чтобы, рассуждая дальше совершенно в духе полемики фарисеев с Понтием Пилатом, доказать вредность всякого свободомыслия.

Неискушённый читатель может придти в изумление. Но, повторяю, для Луначарского это очень характерно. Таков у него на этот раз социальный заказ. Сколько бы вы ни копались в его сочинениях, вы не найдёте в них ни одного вполне самостоятельного суждения, ни одной оригинальной самостоятельной мысли. Он везде и всюду всенепременно ссылается на авторитеты: сегодня на швейцарского философа Рихарда Авенариуса, одного из основоположников махизма, завтра – на Г.В. Плеханова, послезавтра – на меньшевиков П.Б. Аксельрода и В.И. Засулич, ещё послезавтра – на Карла Маркса и В.И. Ленина в одном ряду с Фридрихом Ницше. Причём это вовсе не присуще молодости искания. Отнюдь, муж давно зрелый, опубликовавший в промежутках между этими шараханьями из крайности в крайность немало сочинений, претендующих на название учёных трудов, в том числе построенные на махизме Р. Авенариуса и «элитарных воззрениях» Ф. Ницше «Основы позитивной эстетики».

Однако каких-то собственных идей как не было, так и нет и, казалось бы, нет никакой логически оправданной последовательности в прыжках с одной идеологической платформы на другую. Но так лишь кажется. Своя логика у Луначарского есть, и с учётом развития политической жизни в Европе и России она прослеживается в его сочинениях достаточно чётко. Видны также его особые пристрастия и определённое постоянство.

Я не взялся бы писать его духовный портрет и судить об уровне его интеллекта. В своих статьях, публичных лекциях и книгах он сделал это сам не хуже, а может быть, и лучше Жан-Жака Руссо в его «Исповеди».

Сначала Луначарский – вдохновенный или, выражаясь его термином, пламенный толкователь тех идей, которые в данный исторический момент волнуют умы, либо попросту модны, затем выбор идёт между теми, чьи идеи сегодня более перспективны и могут оказать решающее влияние на ход исторических событий. В первом манит популярность, во втором... О, второе куда соблазнительнее! Тут же за туманом между настоящим и грядущим власть предрешения проглядывает, важно только не ошибиться, вовремя сориентироваться и на всякий случай подремонтировать за собой мосты.

Вреднее всего здесь иметь, а более того высказывать собственные убеждения, но вместе с тем вести себя надо так, как бы они у тебя есть и ты смело их провозглашаешь, то есть быть «в русле» и в то же время всё подавать как бы от себя, как бы своё.

Не берусь дать определение людям, подобным Луначарскому, для этого пришлось бы написать отдельное исследование, поскольку они составляют собою целый класс людей, притом весьма и весьма многоликий. Они всё и вся на свете знают, обо всём с завидной непринуждённостью, либо пламенно ораторствуя, толкуют, с лёгкостью необыкновенной меняют свои взгляды, ибо при любых обстоятельствах не могут не быть «на гребне волны» или не числиться в «соратниках». Очевидно, поэтому они всегда категоричны, всегда непререкаемы, всегда всех и вся поучают, не имея глубоких познаний в общем – то ни в чём. Но всё это не значит, что они действительно лишены каких-либо твёрдых взглядов. Напротив, при всей своей переменчивости и многоликости они не меняют ни своих подлинных кумиров, ни своего истинного отношения к людям, ни избранных целей в том или ином их варианте. И в 1921 году, клянясь в своей верности марксизму и лично В.И. Ленину, написанную ещё в 1918 году работу Ильича «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Луначарский совершенно игнорирует. Книга Каутского «На другой день после социальной революции» для него «и теперь замечательная и поучительная». Не перестанет он пропагандировать и Фридриха Ницше в самых восторженных тонах. Но ни единого доброго слова ни разу не скажет о России и русском народе. Показательный в этом отношении в тех же его «Силуэтах» очерк «Георгий Валентинович Плеханов».

Стр. 110: «Всё же я чрезвычайно многим обязан Аксельроду в моём социалистическом образовании, и, как ни далеко мы потом разошлись с ним, я с благодарностью числю его среди наиболее

повлиявших на меня учителей».

Это в то время, когда Аксельрод, познакомивший Луначарского с Плехановым, ходил, как и его протеже, у Георгия Валентиновича в учениках, но потом перекинулся в лагерь самых махровых реакционеров.

О том, что сначала особенно привлекло в Плеханове. Стр.111: «... в самой наружности Плеханова, в его произношении, голосе и во всей его конструкции было что-то коренным образом барское – барин с ног до головы. Это, разумеется, могло бы раздражить пролетарские инстинкты (надо полагать, Луначарский, хотя и крестили его в православную веру, причисляет себя к пролетариям в том смысле, как это сказано в уже цитированной мною статье М. Когана из харьковской газеты «Коммунист», ибо не мог до революции чиновник-пролетарий из Полтавы устроить своего сына в самую престижную по тем временам на Украине Киевскую гимназию, это требовало больших денег, даже очень больших. – А.И.), но если принять во внимание, что этот барин был крайним революционером, другом и пионером рабочего движения, то, наоборот, аристократичность Плеханова казалась трогательной и импонирующей...»

Дальше по сравнению с «блестящей студенткой Цюрихского университета Розой Люксембург», чья речь «острая, как бритва, и блестящая, как серебро», и после «похожего на Авраама» (библейского праотца) «старика Грейлиха» (к тому времени, когда писался очерк, крайне правого оппортуниста) Плеханов при всей своей аристократичности, всеевропейской известности и прекрасных ораторских способностях выглядит, конечно, никчёмным.

И вот на стр.121 главная причина разрыва с ним:

«После отпадения Плеханова от революции, то есть уклонения его в «социал- патриотизм, я с ним ни разу не встречался».

Видимо, здесь по аналогии с Ф. Ницше, который изобрёл термин «социал-элитаризм», Луначарский приписывает Плеханову какой-то «социал-патриотизм», о чём Георгий Валентинович скорее всего и понятия не имел, иначе где-нибудь хоть что-то похожее, наверное, упомянул бы. Напрасно, однако, потеряете время, нигде в сочинениях Плеханова ничего подобного вы не найдёте. А вот о русском патриотизме в своей книге «Наши разногласия», опубликованной в 1884 г., он говорит много.

Насмотревшись в разных городах Европы на революционеров из России, Плеханов пророчески писал, что если этой кучке революционеров удастся захватить власть в России, им придётся ввести социализм в порядке издания соответствующих декретов, после чего «совершившаяся революция может привести в политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи, т.е. к обновлённому царскому деспотизму на коммунистической под-

кладке», так как декреты повлекут за собой насильственное разрушение веками сложившегося жизненного уклада русского народа, и его ответную реакцию начнёт обуздывать свирепый деспотизм. Поэтому, прекрасно зная свою Родину и желая предотвратить неизбежную кровавую бойню и разорение страны, Плеханов считал, что исконно русская община должна послужить «исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах». Однако никаким «аграрником» при этом он никогда не был, будущее России, как и В.И. Ленин, связывал с ведущей ролью её растущего рабочего класса. Но пока она оставалась страной преимущественно крестьянской, Георгий Валентинович видел чрезвычайную опасность в том, если её станут переделывать на социалистический лад революционеры, знающие русскую жизнь лишь в теории и не принимающие во внимание русский патриотизм. О последнем Плеханов предупреждал особенно, но совсем не потому, что сам был коренной русак и свой народ ставил выше других. Российская империя веками держалась собственно на России и за счёт России, русский мужик нигде не вёл себя так, как англичанин в Индии или голландец в Индонезии. При этом по своей численности русские всегда составляли в Российской империи подавляющее большинство, никого, однако, не подавляя.

В силу объективных исторических причин, о которых современный славянин вряд ли подозревает так же, как о своём прадавнем кровном родстве с браминами далёкой Индии или таджиками Средней Азии, он не может по самой своей природе быть угнетателем других народов и, с другой стороны, по тем же причинам не может долго терпеть притеснения ни от кого, кроме как со стороны своих же славян.

Иное дело, если в его жизнь вторгается со своим уставом монгол или немец. Горе тогда и немцу, и монголу. Все свои внутренние свары славянин тогда забудет и либо костями ляжет, либо проявит подобные подвигам Пересвета и Осляби чудеса отваги, пока непрощенных гостей не изгонит. Славянину не нужна никакая выгода, если она не согласуется с его пониманием добра и меняет порядок в его доме. А дом для славянина в таких случаях не «мой дом – моя крепость», а прежде всего Отечество.

К сожалению, у нас теперь редко кто знает хотя бы некоторые главные особенности древнейшего слов'янского мировоззрения, а в нём – то и вся суть, и оно неистребимо, ибо неистребимо то, что закодировано в человеческих генах, жизнь которых измеряется тысячелетиями. Даже если ты и не даёшь себе отчёта в своих произвольных поступках или чувствах – они не случайны, в них есть свои изначальные истоки и своё причинно обусловленное развитие.

Я не знаю, задумывался над этим Александр Сергеевич Пуш-

кин или нет, но в порыве вдохновения психологический портрет славянской души он создал очень верный. В этом стихотворении нет никаких теоретических рассуждений, но по своему философскому смыслу оно точно передаёт как бы сгусток именно того, идущего из глубины веков слов'янского мировоззрения.

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бесмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...

.....
От потрясённого Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в России,
Среди нечуждых им гробов.

Плеханов, судя по всему, это понимал. Потому и заклинал, совершая в России социальную революцию, не посягать на русский патриотизм. Но Луначарский, став после Октябрьской революции наркомом просвещения, начал как раз с этого, с искоренения русского патриотизма. Ницше учил, что для достижения социал– элитарных идеалов прежде всего нужно «очистить память людей от исторического хлама традиций и всевозможных примеров из про-

шлого, побуждающих к подражательству и вызывающих гордость, связанную с эфемерным понятием, которое обыкновенно выражают словом «отечество». Что же касается народных масс тех или иных стран, то их назначение Ницше определял одной краткой, но ёмкой фразой: «Свинья должна знать своё корыто». Ну, а Ницше, как мы помним, для Луначарского был «авторитетным и талантливым мыслителем». Не удивительно поэтому, что в своей лекции «О преподавании истории в коммунистической школе», которая в действительности преследовала куда более широкие цели, он настойчиво внушал учителям:

«В школе с подходом методически–историческим тоже была своя тенденция. Вы знаете, что идея революции постоянно противопоставляется идее эволюции. Самое это противопоставление совершенно нелепо, ибо как можно отрицать тот факт, что в природе имеют место катастрофы? В июле прошлого года мы присутствовали при гигантской катастрофе – горела в течение 12 дней звезда первой величины, которая потом погасла. Это был, конечно, необъятный мировой пожар. Так что научная теория эволюции несколько катастроф не отрицает. Взрывают динамит, а он в одну секунду разносит громадные скалы. Это не противоречит закону природы, это только значит, что сила потенциальная, сила скрытая, мгновенно превращается в силу действующую. Эти силы были в скрытой форме, имелось предрасположение к тому процессу, который потом выразился во взрыве. Но, тем не менее, эволюционная тенденция, отрицающая революционный принцип, так постоянна, так прочна, что на недавнем совещании с профессорами по вопросу о реформе высшей школы господа учёные даже в этом 1918 году щеголяли перед нами заявлениями о том, что они, как учёные геологи и биологи, не могут согласиться на слишком революционную реформу.

Всё в природе, согласно этой теории, происходит путём медленного процесса; это свойственно–де и истории. Никто больше, чем историки, не старался закреплять это антитворческое представление о неперменной медлительности и постепенности общественного развития... Но помимо этого история в старой школе преследовала и другие определённые цели, из которых можно выделить две главные. Прежде всего, это было обучение любви к родине, любви к отечеству. И в настоящее время ещё Всероссийский союз учителей на последнем своём съезде, идя по стопам учителей буржуазной Западной Европы, стал говорить о том, что необходимо придать изучению истории национальный характер и воспитывать в учениках «здоровую любовь к родине.

Я не знаю, что разумеется под здоровой любовью к родине...»

Нетрудно себе представить, каково было учителям, не говоря уже о профессорах, слушать такие речи из уст наркома, от которого

теперь зависела судьба и науки, и всей культуры, и всего образования. И каково было, спустя пять лет, то есть в 1923 году, прочитать примечание к очередному переизданию этой лекции, сделанное рукою Луначарского:

«Вопросы преподавания истории были позднее разработаны Институтом гуманитарных наук при Наркомпросе под руководством ТАКОГО МАСТЕРА, КАК М. Н. ПОКРОВСКИЙ (выделено мною – А. И.). Всё же я думаю, что предлагаемая лекция может оказаться и сейчас полезной.»

Воистину неразумного не научишь. Отсюда, наверное, и столь изумляющая самоуверенность. Здесь ведь не только с лобовой прямолинейностью сформулирована задача, но и полное саморазоблачение вместе с публичной демонстрацией своего невежества и абсолютного непонимания тех, кому твоё сочинение адресовано. Как своеобразный Журден в «Мещанине во дворянстве» Мольера, хотя, конечно, Журден зловецкий.

Но легче всего свалить всю вину на отдельно взятого человека, как у нас теперь во всех пережитых страной послереволюционных несчастьях обвиняют Сталина, не желая действительно объективно разобраться в причинах этого феномена, а то и намеренно скрывая их, ибо сразу обнаружится, что Сталин – лишь выученик и плод той тесно спаянной касты серебро-властолюбцев, которая со времён библейского Иосифа всегда ставила своей конечной целью господство над всем миром, не брезгуя для этого никакими средствами, но, непременно создавая для своего прикрытия тех или иных кумиров, обязательно невежественных и столь же обязательно падких на лесть, а потому, имея за плечами всего какую-то с горем пополам законченную семинарию, готовые поверить, что они рождены гениями и даже «корифеями всех наук», не имея при этом и смутного представления о том, что такое вообще наука.

Что такое Сталин и так называемый сталинизм? Кровавый террор, веком раньше отрететированный во Франции, после Октябрьского переворота начал отнюдь не усатый кавказец Иосиф Джугашвили, а Апфельбаум – Радомысльский – Зиновьев и его подручный палач Урицкий, за убийство которого в августе 1918 года своим же соплеменником Апфельбаум – Зиновьев приказал расстрелять в Петрограде 10 тысяч русских, ни в чём не повинных, но всё же с определённым подбором – у кого было что «экспроприировать». Отпечатанные на машинке их списки для устрашения петроградцев долго висели, расклеенные на заборах и стенах здания местного ЧК по улице Гороховой, 2.

Затем в сотни раз превосходящие по числу жертв истребление донских казаков, начатое по директиве Свердлова и осуществляемое под непосредственным руководством Бронштейна – Троцкого.

Потом 1920 год, Крым. Десятки тысяч русских солдат и офицеров добровольно сложили оружие и не пожелали покинуть родную землю вместе с Врангелем потому, что у легендарного красного командарма Михаила Васильевича Фрунзе хватило мужества безоружным обратиться к ним с речью, в которой он, чтобы избежать лишнего кровопролития, обещал им взамен жизнь и свободу. Подлинное мужество, а по отношению к Фрунзе это ни у кого не вызывало сомнения, несовместимо с бесчестием. И люди чести поверили человеку чести. Ни они, ни он не могли себе представить, что в обозе Южного фронта окажутся комиссары, скупаемые жаждой славы библейских Иисуса Навина, истребившего всё живое в Иерихоне и его окрестностях, и Эсфирь, из рабыни ставшей женой персидского царя Артаксеркса и в знак такого своего сказочного возвеличения повелевшей своим соплеменникам в один день истребить 75 тысяч персов, что и было исполнено под руководством её дяди Мардохея.

Именно так, воспользовавшись отсутствием Фрунзе, поступили с бывшими русскими солдатами и офицерами Бела Кун и Розалия Самойловна Залкинд–Землячка, после чего Фрунзе, узнав о случившемся, решил застрелиться, и только осечка пистолета да вбежавший в кабинет командующего ординарец предотвратили самоубийство. А Бела Кун и Розалия Залкинд–Землячка в результате, конечно, стали «героями» гражданской войны.

Не Гитлер и его подручные изобрели концлагеря, а великомудрый Лейба Бронштейн–Троцкий вместе с его друзьями Менделем Берманом, Яковом Рапопортом, Лазарем Когеном, Семёном Фириным и Хаимом Апетером, которые потом, правда, отреклись от него.

Так что почва для «сталинизма» была унавожена задолго до тридцатых годов. И ведь не Сталин со своим семинарским полуобразованием придумал, что он «корифей всех наук». Лазарь Каганович, наверняка сперва хорошенько присмотревшись к повадкам усатого кавказца, провозгласил вдруг, что Сталин, мол, это Ленин сегодня, а Апфльбаум–Зиновьев и Розенфельд–Каменев Лазаря с его неожиданным лозунгом охотно поддержали, ибо сочли, что Лёва Бронштейн хоть и свой, но поделиться властью не захочет, больше много о себе возомнил, а этот рябой кавказец казался туповатым простачком, вертеть которым так и сяк, казалось, не составит труда. Но тут уж ничего не поделаешь, дали маху, перехитрил кавказец.

Вообще сюжет этот в разных вариациях то там, то здесь повторяется вот уже по меньшей мере четыре тысячи лет. У нас, видимо, не случайно не издают на русском языке «Историю израильского народа» Эрнеста Ренана, иначе у нашего читателя открылись бы глаза на вещи весьма и весьма любопытные, особенно если бы дополнительно к ней ему представилась возможность прочитать пусть не весь Талмуд, составляющий 14 огромных томов, а хотя бы один

из его трактатов «Абода зара», что буквально можно перевести как «Чужое служение». Это своеобразная обширнейшая инструкция, выработанная в течение многих веков и дающая иудеям рекомендации о том, как нужно проникать в ту или иную страну (в этом смысле один из типичных примеров представляет собою то, почему и с какой в действительности целью Екатерина II присоединила к России Польшу) и в какой форме предлагать чужакам своё услужение, но служить потом так, чтобы в конечном счёте занять в стране господствующее положение. Способов для этого предусмотрено великое множество, но один из важнейших – смешанные браки: чтобы как можно больше наиболее влиятельных людей «страны проживания» или их сыновья женились на иудейках, либо чтобы иудейки становились их любовницами, но не наоборот, ибо считается, что дочь Израиля никогда не забудет, что она «богоизбранна», а гой – человек не полноценный, он обязательно подпадёт под её влияние. Кроме того, вспомните, какая по Талмуду разница между дочерьми Израиля и женщинами, не принадлежащими к ним. В редких случаях исключение допускается лишь для дочерей особо могущественных правителей «страны проживания» – оба первых мужа Светланы Аллилуевой, дочери Сталина, вовсе не случайно были евреями, и Сталин, бывший семинарист, не мог не знать, что это значит, потому и не допускал к себе ни того, ни другого.

На этот счёт в «Абода заре» тоже даны такие подробные инструкции, что ничто подобное никому, кроме талмудистов, наверное, и в голову не придёт. Однако, и заняв в «стране проживания» господствующее положение, иудеи, согласно «Абода заре», на этом успокаиваться не должны, поскольку задача у них иная. Так сказать, миссию их очень ярко и красочно описал в своей поэме «Свиток из Пламени» еврейский поэт Хаим–Нахам Бялик, главный идейный смысл которой выражен в том отрывке из неё, который я уже цитировал:

Из бездн Аваддона взнесите песнь о Разгроме,
Что, как дух ваш, черна от пожара,
И рассыптесь в народах, и все в проклятом их доме
Отравите удушьем угара;
И каждый да сеет по нивам их семя распада,
Повсюду, где ступит и станет...

Прочитавшему «Историю израильского народа» Эрнеста Ренана и трактат из Талмуда «Абода зара» станут понятны не только причины экологических катастроф в Египте, Двуречье, Персии и Средней Азии, но и то, как один за другим образовывались и непременно гибли иудейские каганаты. Это Аварский, просуществовавший дольше всех, 220 лет; тюркские: Западный – 159 лет, Восточ-

ный – 164 года и наконец Хазарский – 213 лет. Поймёт читатель также, есть ли основания у В. Халуповича из Ленинграда сетовать на украинских казаков, если прочитает вышедшую в 1878 году в Одессе книгу «Богдан Хмельницкий» еврея, современника Натана Ганновера, а затем о том же – «Літопис Григорія Грабянки» в книге «Українська література XVIII ст.» (Київ, 1983).

Н. Ганновер пишет:

«В 5345 году по сотворении мира (1585 г. по Р.Х.) на польский престол взошёл король шведский Зигмунд, а в 5352 г (1592) он вступил в брак... Был же он государь милостивый, благочестивый, правосудный и юдофил. В его время усилилась папская религия (католицизм) в польском королевстве, потому что до него большинство магнатов и знатных чиновников не было враждебно греческой вере (православию) и смотрело на обе эти религии безразлично; он же всячески старался возвышать магнатов и сановников, исповедовавших католичество, и унижал тех, которые держались греческой веры. Вследствие этого ... православный народ стал беднеть всё более и более и превратился в рабов польских панов...»

И вот почему, по мнению Н. Ганновера, началась на Украине народно-освободительная война под руководством Богдана Хмельницкого. Речь идёт о Чигирине, принадлежавшем пану Конецпольскому, вернее, магнату:

«Город был ВО ВЛАДЕНИИ (подчёркнуто автором – А.И.) одного еврея, Захарии Собиленки, который арендовал его от этого пана, подобно другим евреям в России (имеется в виду Украина – А.И.), бывавшими владетелями во всех русских поместьях, что и было причиною впоследствии их бедствия; ибо все завидовали их почётному положению...»

А вот что о том же говорит Григорий Грабянка:

«Літописецъ же польский Веспесіан Коховський написа, яко ляхи великій тяжесті людем українським і козакам налагаху насилія, і обиди церквам божіім творяху, от'емлюще нуждою от благочестивих імінія і самих смерті предаяху, от честі і власті ізгоняху, суду не даяху, козаків всячески озлобляху, от всякого бидла і пчел десятое взимаху. Імет ли кто звіра – кожу дай пану; імет ли рибу – дай урочную дань отгуду на пана; от военных користей татарських конь іли оружіе в козака буде – дай, хлопе, на пана.

А что горше, жиди всегда смишляху новії дані і вся імінія козацькая не свободна бяху, кроме кому жени вольной в дому і то не вовсе. Аще же когда случится на козака вина і малая, то таковими муками їх казняху, яко ниже погане такових смишляху мученій, і тако, в казнях сих проливающе ізлиш міру, невірних превосхождаху мучительством...»

Я нарочно не стал переводить этот отрывок на современ-

ный русский язык по двум причинам: чтобы не нарушить стиль автора и читатель увидел, насколько он сдержан, говоря о пережитых народом великих муках, и почувствовал, как прав Н. Ганновер, называя Украину Русью, один у нас корень, единый. Ну, а содержание того и другого говорит само за себя: каково действие, таково и противодействие. Потому, кстати, и Великая Французская революция завершилась монархией Наполеона Бонапарта, как перед этим английская — диктатурой Кромуэля. Первопричина везде всё та же. И поражение с возмездием раньше или позже везде неизбежно. Но не хотят, никак не желают люди жить в мире и согласии. Изобретают потрясения всё новые и новые: социальные, экономические, экологические...

Теперь, когда появилась возможность взвешенно проанализировать нашу новейшую историю, но не с точки зрения современных темпераментных «прогрессистов», не понимающих, что они в сущности уже агонизируют и поэтому эмоции туманят у них здравый рассудок, а спокойно, не впадая в какие-либо страсти, то можно почти наверняка сказать, что революция в России вряд ли стала бы возможной или она приняла бы совершенно иной характер, если бы Петру Аркадьевичу Столыпину удалось провести в жизнь свои реформы, суть которых он сформулировал достаточно ясно: «Поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощённую землю. Земля — это залог нашей силы в будущем. Земля — это Россия!»

За это Мордка Богров, купленный, как потом поведал в американской газете «Новое русское слово» Григорий Арансон, на деньги петербургского миллионера Митьки Рубинштейна, и убил его в Киеве 1 сентября 1911 года. А затем, чтобы никто не вспоминал мудрого государственного деятеля России и притом близкого родственника Михаила Юрьевича Лермонтова добрым словом, приклеили ему ярлык «вешателя». Ведь, кроме всего прочего, Столыпин ввёл обязательную воинскую повинность для евреев, от которой до тех пор они откупались деньгами. Теперь же за такой откуп грозил суд, а за покупку рекрута—нееврея из малоимущей семьи, в которой нет другого кормильца, — смертная казнь. И вполне заслуженно, поскольку это ничто иное, как та же работорговля.

Однако ни одного повешенного по указу Столыпина история не знает. В его бытность премьер—министром даже суд в Одессе над иудейскими «купцами», продавшими в гаремы Турции 5 тысяч украинских девочек, никому не вынес смертного приговора. Наоборот, чтобы не вызвать погромов, Столыпин дал указание цензуре не пропускать в прессе об этом суде ни единой строчки.

Наши до умопомрачения заидеологизированные псевдотеоретики уверяют нас, что, мол, в силу таких—то и таких законов об-

ществленного развития в России в 1917 году СОЗДАЛАСЬ революционная ситуация, и при нашем лжематериалистическом образовании, ибо наш так называемый диалектический материализм, рассматривающий человека и человеческое общество в отрыве от естественных законов эволюции, повторяю, есть та же теологическая схоластика, но на другой подкладке, без Бога—творца, этому легко верят, вернее, привыкли верить, поскольку эти псевдотеории вдалбливали в голову не одному поколению.

В действительности наш государственный корабль целенаправленно начали разрушать могущественные силы ещё после того, как император Павел I посетил на царской яхте Мальту, куда главы государств приглашаются только для посвящения их в высшую степень рыцарей всемирного масонского Мальтийского ордена, его так называемой Золотой Круг, о чём у нас ещё будет разговор особый, а затем после неудачной репетиции 1905 года, убийства В.К. Плеве и П.А. Столыпина революционная ситуация была умело и тщательно продуманно СОЗДАНА ИСКУССТВЕННО. Это был решающий этап гигантского по своим масштабам антигосударственного заговора, в течение 12 лет одним из важнейших звеньев в котором являлись служивший при царском дворе тибетским врачом Жамсаран Бадмаев (из попавших в 1945 году в Австралию секретных японских документов выяснилось, что он был в то же время полковником японской разведки, обладавшим исключительными, как теперь говорят, экстрасенсорными способностями и грамотно умевший ими управлять) и Гришка Распутин, не случайно появившийся при царском дворе именно в 1905 году. Появился он в Петербурге, будучи сибиряком, через Киев тоже не случайно. Я читал много лет назад в Сиднее и снова перечитал недавно опубликованные у нас в журнале «Слово» воспоминания личного секретаря Распутина, бывшего киевского ювелира Арона Симановича, в предисловии к которым А. Северова говорится, что книга А. Симоновича «содержит налёт субъективизма, некоторой предвзятости, стремления к раздуванию своей роли в описываемых событиях». Да, непосвящённым читателям записки А. Симановича воспринимаются, наверное, именно так.

Фактически, однако, Симанович действительно раздувает одно, но нигде ни словом не обмолвился о другом, а оно—то и есть главное.

В наше время люди у нас настолько невежественны (не по своей, конечно, вине) в области биоэнергетики, что просто не могут представить себе, какую страшную разрушительную силу несут им, скажем, телесеансы одного из ныне модных и широко рекламируемых психотерапевтов. Я не собираюсь предъявлять ему какие—то обвинения, но для меня, имевшего возможность получить некоторые познания в этой области, ясно (и тому уже появилось множе-

ство подтверждений), что у него сильнейшее отрицательное биополе, причём не с двумя полюсами, как мы привыкли мыслить обязательно двухполярностью (пол: мужской – женский, электричество: плюс – минус, электрохимия: катод – анод, магнит: север – юг). Это такое же заблуждение, как сформулированный Ньютоном закон всемирного тяготения при условии абсолютных пространства и времени, которых в абсолют не бывает.

Я уже говорил, что у нашей планеты восемь полюсов, как восемь постоянно воздействующих на Землю планет Солнечной системы и восемь миров на Земле: мир минералов, мир растений, мир птиц, мир земноводных и четыре разумно организованных сообщества, представляющих собою также особые миры: китообразные, муравьи, пчёлы, люди.

Везде и во всём действует открытый ещё нашими древними пращурами закон осьмавы или, как теперь более привычно звучит, октавы, и всё малое в точности повторяет в себе большое, но ничто не бывает само по себе, всё космическое и земное, живое и неживое взаимосвязано и взаимозависимо. Нельзя рассматривать что-то отдельно, вне всяких взаимозависимостей и взаимосвязей, в том числе законы общественного развития.

Если существующая в Природе взаимосвязь и взаимозависимость по тем или иным причинам нарушаются, возникают аномалии как в космосе, так и на Земле. Потому и люди рождаются с аномальной биоэнергией, чаще всего зависящей от рецепторов генетической наследственности, в которой когда-то где-то что-то было нарушено. Но может такое произойти и с человеком, пережившим какую-то чрезвычайную стрессовую ситуацию.

У одних аномалов преобладают плюсовые полюса, у других – минусовые. Последние, как я уже говорил, хороши в роли анестезиаторов, но в принципе такой человек, выходя по телевизионным каналам на сотни миллионов здоровых, а тем более с нарушенной психикой людей, действует на них крайне негативно. И не только на тех, кто сидит у телевизора.

Диапазон волн биоэнергии колеблется от долей микрона до миллиметра, поэтому никакие иные электромагнитные волны, диапазон которых всегда значительно шире, служить им помехой не могут. Земной шар они обходят восемь раз (тот же принцип октавы), возбуждая на своём пути пульсирующее электрическое поле с открытой В. В. Докучаевым так называемой продольной компонентой. Она создаёт отрицательную проводимость среды, и волны биоэнергии подпитываются за счёт энергии этой среды, пока не исчерпают свой электродинамический ресурс. Если это положительная биоэнергия, её волны, совершив восемь витков вокруг Земли, остаются в пространстве с закодированной информацией об их источнике, в

том слое пространства, которые наши пращуры, а также тибетцы, хорошо знавшие этот феномен, называли небесным обиталищем знаний, а академик В.И. Вернадский называл одной из составных частей Ноосферы.

Надеюсь, читателю излишне объяснять в этой связи закон сохранения энергии и то, что плюс в электричестве не может действовать отрицательно. Наоборот, создаваемая им отрицательная проводимость среды подтверждает то, что она его как бы охотно принимает.

Совершенно иначе ведут себя волны отрицательной биоэнергии. В них преобладает количество отрицательных полюсов, поэтому они очень «агрессивны», стремятся разрушить одинаковые по своему диапазону биоволны, чтобы по закону электромагнитного поля соединиться с их плюсовыми полюсами. Однако в окружающем земной шар пространстве, где октавная гармония достаточно устойчивая, это невозможно, разрушительные отрицательные волны пространство не принимает. Поэтому, чтобы обрести необходимую устойчивость, они, как нейтрино, пронизывают более слабую среду – всё живое. Выражаясь языком электротехников, носителя положительной биоэнергии они просто обесточивают.

Чувство боли вызывается сопротивлением биоэнергии организма к возникающим в нём разного рода аномалиям. Если же организм обесточить, человек ничего не будет чувствовать и безвольно поддаваться любым внушениям. Это неплохо при разовых тяжёлых операциях, но если воздействовать на человека отрицательной биоэнергией постоянно, тогда он становится как бы наркоманом, уже не может жить, постоянно не сбрасывая, то есть не отдавая свою положительную энергию. Сначала это ведёт к абсолютному безволию, когда человеком можно управлять как угодно, потом он неизбежно обречён, если раньше времени не сойдёт с ума.

Безграмотный Гришка Распутин вряд ли что-нибудь ведал об особенностях своей биоэнергии, но их прекрасно понял в совершенстве владевший искусством тибетской медицины Бадмаев и, будучи тем, кого экстрасенсы называют «приёмником-передатчиком», легко мог Гришкой управлять. Несомненно, знал это и Арон Симанович, хотя сам экстрасенсом не являлся, но, вероятно, вполне разобрался в основных положениях парапсихологии Зигмунда Фрейда и, увидев Гришку Распутина в Киеве, смекнул, как его можно использовать. О «чудесах» же Бадмаева в то время знала вся читающая Россия. С ним Арон Симанович и вступил в сговор прежде, чем Гришка появился в Петрограде. Это было нетрудно, поскольку их интересы в общем – то совпадали. Хотя Бадмаев на словах и ратовал за мирное присоединение к России Китая, Тибета и Монголии, Япония, как показали события в Порт-Артуре, вовсе не была

заинтересована в усилении России вообще и на Дальнем Востоке в частности.

Истинную же роль, какую играл в этих событиях Бадмаев, показывает то, как вёл себя в Дальнем его секретарь и особо доверенное лицо Трифонтей.

Я сознано, как неприятно будет читать всё это Борису Гусеву, опубликовавшему в одиннадцатой книжке «Нового мира» за 1989 год замечательную повесть «Мой дед Жамсаран Бадмаев». В ней всё верно, но у Жамсарана Бадмаева, как свидетельствуют документы, была и вторая сторона жизни, вероятно, а то и, скорее всего, Борису Гусеву неизвестная.

И здесь нет никакого противоречия с тем, что пишет в своих примечаниях к роману Александра Степанова «Порт–Артур» Л.И. Полосина, говоря, что с Распутиным Бадмаев сблизился лишь в 1916–1917 годах. Для того чтобы управлять действиями ничего не смыслящего в биоэнергетике носителя отрицательной биоэнергии, грамотному экстрасенсу совсем не обязательно иметь с ним прямые контакты. Экстрасенс, обладающий способностью «приёмника–передатчика», легко может управлять его мыслями и поступками, лишь однажды пожав, допустим, руку тому, кто через третьих или даже десятых лиц общается с нужным ему «объектом», причём на любом расстоянии. Достаточно, например, проживающему в Москве экстрасенсу взять в руку соответствующим образом обработанный тигровый камень и усилием воли направить свою биоэнергию на своего респондента, скажем, в Маниле, у которого имеется такой же камень, и москвич «внутренним зрением» увидит манильца, как на киноэкране, а дальше всё зависит от намерений инициатора дистанционной связи.

В изданной в Париже книге своих воспоминаний великий князь Александр Михайлович пишет об одном очень важном факте. Накануне Февральской революции император Николай II, осведомлённый о готовящихся событиях и уже вышедший из–под влияния с великим трудом убиенного Гришки Распутина (в кинофильме Э. Климова «Агония» это показано с большой достоверностью, убить такого человека, как Распутин, действительно было нелегко), приказал перебросить с фронта в Петроград 13 гвардейских кавалерийских полков, но как раз те люди, которые, безусловно, по совету Арона Симановича были расставлены Гришкой Распутиным, пока он был жив, на ключевых постах в армии и государственном аппарате, сделали всё, чтобы приказ императора остался невыполненным.

Вот почему Временное правительство и сумело захватить власть без особых усилий. Благодатную почву для него через Арона Симановича и Бадмаева подготовил Гришка Распутин, сам того не сознавая. И наивно полагать, что Симанович в своей книге стал бы

об этом рассказывать.

Счастье России, что в распоряжении Распутина не было современной телевизионной камеры.

Так мне представляется вся эта картина, и, думаю, я вряд ли здесь ошибаюсь. Ни при каких иных обстоятельствах не мог бы неотёсанный сибирский мужик вознестись на вершину власти в гигантской империи и развалить её за каких-то десять с небольшим лет. В своих «Письмах издалека» В.И. Ленин абсолютно оправданно клеймил «цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе её...». Да, именно Гришка Распутин, способный подчинять своей воле любого человека и целые массы людей, сделал её такой. Сын запойного отца, Николай II нарушением психики в определённой мере, конечно, страдал, но до встречи с Распутиным он отнюдь не был таким дегенератом, каким его изображают послереволюционные то раппевские, то пролеткультовские, то перекатившиеся на рельсы соцреализма беллетристы. В этом смысле наиболее тенденциозна книга даже не писателя, а вроде бы учёного историка М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», в которой он уж так постарался обмарать несчастного Николашку и оправдать палачей его семьи вместе с ним, что дальше некуда.

Не мог квёлый недоумок в бытность свою цесаревичем, по существу ещё мальчишка, в одиночку отбиться саблей от шайки японских бандитов, вооружённых самурайскими мечами. А потом внимательно прочитайте его дневники, которые он вёл под арестом после Октябрьской революции. Круг его интеллектуальных интересов, оценки прочитанных книг и потребность в ежедневных занятиях тяжёлым физическим трудом и прогулках на свежем воздухе никак не подтверждает того, что у нас о нём написано и как его показывают в кинофильмах. Это такая же гипертрофированная ложь, как о Столыпине и бароне Врангеле.

Но и после разрухи, причинённой России гражданской войной, последовавшей за Октябрьской революцией, мы не пришли бы теперь к тем плачевным результатам в нашей экономике с надвигающейся экологической катастрофой, не окажись с самого начала во главе советской науки, всей культуры и всего образования А.В. Луначарский и «такой мастер, как М.Н. Покровский», который, как говорится в его официальной партиздатовской биографии, был «инициатором, организатором и руководителем ряда крупнейших научных учреждений и учебных заведений ... бессменным руководителем Комакадемии, Института истории и Общества историков-марксистов, Центрархива СССР и РСФСР, Государственного учёного совета ... ответственным редактором и членом редакций ряда важнейших журналов...»

У нас мало ещё кто задумывается над тем, что два этих че-

ловека, выполнявшие, конечно же, определённые установки, принесли нашей стране ничуть не меньше вреда, чем все досталинские и сталинские репрессии, вместе взятые. Оправдать массовые человеческие жертвы ничем нельзя, спору нет, но, поскольку одной из моих профессий в своё время было определение социально-политического и экономического положения в той или иной стране, я прекрасно вижу, как в последние годы развиваются события в Советском Союзе, почему «ура-прогрессистская» пресса делает такой упор на разоблачение, с обязательной полуправдой, а то и прямой фальсификацией, как, например, поток публикаций о троцкисте Фёдоре Раскольникове и компьютерной памяти старухи А.М. Лурье-Лариной, якобы до последней точки с запятой сохранившей «политическое завещание» её мужа Николая Бухарина, если чем-то и прославившегося, то больше всего своим русофобством, и какие подлинные цели ставят перед собой наши новоявленные «лево-праворадикалы». Одного из таких я хорошо знал ещё в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов, мы были даже друзьями.

Речь о небезизвестном Анатолии Кузнецове, бывшем советском писателе и члене идеологической комиссии ЦК КПСС, который, воспользовавшись своим общественным положением, довольно комфортабельно через Париж переместился в Лондон. Там он, каким-то образом узнав, что я нахожусь в Великобритании, уговорил меня выступить с ним по телевидению Би-би-си.

Английским телезрителям я был представлен в самых лестных тонах. А я, пока он говорил, лихорадочно соображал (передача шла в открытый эфир, таким было моё неременное условие), как же мне отвечать, когда наступит мой черёд. Всё, что я заранее продумал, по ходу передачи явно не дало бы того эффекта, на какой я рассчитывал. Но, видно, такая уж закономерность нашей психики – в критический момент приходит на ум самое важное, и я на все похвалы в мой адрес ответил Анатолию стихами, внимательно следя, чтобы сидевший рядом со мной переводчик передавал на английском языке их смысл точно. Конечно, от экспромта нельзя ожидать поэтического совершенства, но в данном случае важна суть.

Выл океан,
Третьи сутки подряд
Штормом кляня свою тоску.
У чуждого берега стал фрегат
С дырой в деревянном борту.
И ахнул,
Видавший виды моряк,
Когда,

В предчувствии близкой беды,
Трюмов покинув привычный мрак,
По палубе крысы пошли.
Отъевшись в пути на матросских харчах,
Серую массой,
Хвосты волоча,
Спешили они к земле.
Когда ж
Океанище отрокотал
И ясные звёзды зажглись,
Люди,
Пробоину залатав,
Дальше ушли.
Без крыс.
... Не раз
Вспоминал я старинный рассказ
В суровые будни
От дома вдали...
Слава тем,
Кто в тревожный час
Не бросил свои корабли!

Тут и откланялся в телекамеру: «Сенкью, вери матч!», не вдаваясь ни в какие рассуждения, но телезрители, как после рассказы-вали мои английские друзья, поняли меня правильно.

Вспомнился этот давний эпизод потому, что, на мой взгляд, это как раз то, что ждёт наш прохудившийся корабль и наших «лево-праворадикалов». Третьего, как они говорят, не дано. А пока, коль вода в трюмы ещё не хлынула, и смачно пахнет покуда матросски-ми харчишками, они всю громят сталинизм, благо на палубе плю-рализм, «запамятовав», что прежде начался другой, не менее, а может быть, и более страшный геноцид – уничтожение интеллекту-ального и духовного потенциала всего народа, а значит, его даль-нейшего развития по пути прогресса. Вот этот вид тотального гено-цида в нашей стране и возглавили, с одной стороны, А.В. Луначарс-кий и М.Н. Покровский, а с другой – Миней Израилевич Губельман – Коген, известный у нас как Емельян Михайлович Ярославский, со-здавший «Союз воинствующих безбожников», который занимался не столько атеистической пропагандой, сколько разорением и гра-бежом церквей, имущество которых представляло собою не только огромные материальные ценности, но и не поддающиеся никакой оценке шедевры искусства, то есть высшее духовное достояние народа, которое создавалось его гением, накапливалось и бережно сохранялось веками. Но далеко не всё оно варварски уничтожалось

или шло под пресс, чтобы потом на вес продаваться в Тегеране. Самое ценное, то есть бесценное, по разным каналам уплывало прежде всего за океан, в Америку, в результате чего там появлялись такие миллиардеры, как ныне широко известный Арманд Хаммер.

Миней Израилевич тоже, разумеется, под шумок делал свой гешефт. Не случайно же его имя попало в списки «меценатов» Русского Музея в Сан-Франциско. Довелось мне кое-что слышать о нём и от человека, знавшего его лично. В 1954 году у меня в геологической партии в Якутии работал проводником старик-эвен Прокопий Спиридонов. Частенько, бывало, «баял», поскольку мы искали алмазы, как «Емелька – большой, большой ревалиценер шибко любил, чтобы ему вот такие камушки приносили да ленское золотишко, которое покрупнее». Интерес понятен. А мы ему, Емельке, – памятник в Якутске и целый музей отгрохали. Посмотришь экспонаты, вроде и впрямь за святую – тьфу ты меня, атеистическую! – идею тяжело страдал в стылой Якутии человек. Мастера у нас по части монтажа экспонатов отменные.

Знаю, как болезненно воспринимаются некоторыми читателями подлинные имена подобных людей, которые предпочитают скрывать их за русскими псевдонимами. Оно, конечно, подлецов среди всякого народа хватает, а в большом народе их пропорционально и побольше. Но зачем же к тому или иному народу приклеивать чужих негодяев. Пусть уж за своих отвечает, справедливее так по крайней мере. Кроме того, хоть на расстрел веди меня, не соглашусь я, что откаться от своего роду–племени пристойно.

...Надо сказать, что к концу XIX– началу XX века российская научная мысль, особенно в области естествознания и натурфилософии, не только была на уровне высочайших мировых достижений, но по некоторым направлениям ушла далеко вперёд. Многие идеи Д.И. Менделеева, кроме его периодической таблицы химических элементов, В.В. Докучаева, К.Э. Циолковского, кроме его работ, связанных с полётом в космос, А.И. Краснова, Ф.Н. Чернышёва, А.П. Павлова, В.М. Бехтерева, не говоря уже о таком гиганте, как академик В.И. Вернадский, только теперь становятся понятным учёным, лидирующим в мировой науке, а для реализации этих идей нам понадобятся ещё многие и многие годы, если мы, конечно, будем прилежно трудиться, каждый делая своё дело, а не, очумев от плюрализма, митинговать вместе с «лево–праворадикалами» да в нашей вечевой славянской горячке рвать друг другу глотки. Словно не в 1845 году, а сегодня написал Тарас Григорьевич Шевченко:

Доборолась Україна
До самого краю.

Гіршэ ляха своі дiты
Їi розпынаюць.
Замiсть пыва правэдую
Кров iз рэбэр точаць.
Просвiтыты, кажуць, хочуць
Матэрыні очі
Соврэмэннымы огнями.
Повэсты за віком,
За німцямы, нэдоріку,
Сліпую каліку.
Добрэ, вэдiць, показуйтэ.
Нэхай стара маты
Навчаецься, як дiтэй тых
Новых доглядаты.
Показуйтэ!... за науку,
Нэ турбуйтэсь, будэ
Матэрына плата.
Розпадэцься луда
На очах вашых нэсытых...

Банально повторять, что гений всегда современен. Банальны становимся мы сами, не извлекая уроков из, казалось бы, простых, но в том и великих откровений. «Банальны» – от древнерусского слова «баніло» – «бытие, не освещённое светом разума и любви», чему аналогичное по смыслу слово в современном языке трудно даже подобрать. Под светом любви здесь имеется в виду тоже разум, но в соединении с нашими чувствами и подсознанием, управляющим мышлением и словно бы произвольными, но всегда чем-то обусловленными поступками человека, ибо всё в мире взаимосвязано и взаимозависимо, во всём есть своя определённая последовательность, и всё малое непременно является неотъемлемой частью большого, повторяющим в себе основные закономерности большого. Нельзя познать самоё себя, не познав Вселенную.

К сожалению, как раз этого мы часто не понимаем или понять не в состоянии, как бы того ни желали. Причин тому множество, но главная из них – разорванность у наших людей знаний на те или иные направления, а не в их взаимосвязи. Даже профессиональный лингвист, но специалист, допустим, по санскриту редко может понять общую для всех арийских народов философию символов и потому не в состоянии без дополнительной подготовки прочитать, например, древние тибетские письмена, хотя в основе и там, и здесь такой же принцип, как у нашей дохристианской азбуки, сложившейся по меньшей мере три с половиною–четыре тысячи лет тому назад, и с тех пор сама аббревиатура «азбука» так и дошла до нас без изменений. Но после введения в славянскую письменность христи-

анской буквенной символики болгарским просветителем Кириллом, а затем варварской по своей сути реформы нашей письменности сразу после Октябрьской революции, большинство людей теперь и не подозревают, какой смысл заложен в эту аббревиатуру, а в нём – то как раз и есть начало и особенность материалистических знаний всех ариев, за исключением греков, хотя они также арии и во многом следуют арийским традициям, но в то же время многое взяли от семитов, в частности эгоцентризм и мистику, что и предопределило гибель Эллады, поскольку два этих понятия с арийским мышлением несовместимы, они разрушают здоровый смысл и целостность миропонимания.

Так, греческое «алфавит» состоит из двух слов: «альфа» – начало и «вита» – жизнь. Судя только по этому, можно и без исторических изысканий сказать, что письменность они приняли от финикийцев, пусть сначала вместо «виты» у них и была «бета», но смысл у них всё равно носила тот же, что римляне метко определили словом «эго» – преувеличенное мнение о собственной личности. В точности как у финикийцев, а затем – у иудеев.

Ничего подобного в аббревиатуре «азбука» вообще нет. Здесь на первом месте стоит даже не человек, символ которого пятиконечная звезда, а только её верхний луч – голова, то естьместилище разума. Рождаясь, ребёнок издаёт первый звук: «а–а–а...» Но от этого момента, пока он овладеет речью, мозг его должен увеличиться в своём объёме, как подсчитали биологи и генетики, в девять раз. Поэтому на втором месте азбучного ряда девятая буква «З» – Зоря, символизирующая свет. Потом идёт вторая буква «Б» – бысть, означающая, как вы помните, «бытие в совести». Затем двадцать первая «У», означающая движение семи творческих начал в их триединстве: Кола Молока, Кола Суры и Кола Ярила. Буква «У» изображалась как обращённый вниз верхний луч пятиконечной звезды, ибо все творческие начала нашей части Сварожья направлены к Земле, на которой есть жизнь.

Далее идёт двенадцатая буква «К», поскольку Земля находится под постоянным влиянием двенадцати знаков Зодиака, и это даёт корень всему сущему. Затем снова «А», не освещённое светом Зори, то есть всё предыдущее для разума последующего, которому ещё предстоит принять свет Зори.

Древнее начертание аббревиатуры «Азбука» такое:

Λ Ζ Η Β Ο Κ Α

Каждая буква тоже имеет свой смысл. «А» представляет собою одновременно и луч звезды, и срез пирамиды, энергетический центр которой, если не забыли, находится между двумя равными нижними долями и третьей верхней. Будь в этом месте между стен-

ками пирамиды какой-либо электропроводник, вся энергия из неё по нему пойдёт во вне. Но ведь мышление без энергии невозможно. Поэтому энергетический центр свободен, горизонтальная чёрточка отсутствует. Справедливости ради должен сказать, что наложил её не Кирилл, это дело рук каких-то других, более поздних «мудрецов». Хотя, впрочем, я зря взял это слово в кавычки, значение символов в жизни человека эти люди понимали глубоко.

«З» – зигзаг молнии, чтобы подчеркнуть, что «Зоря» имеется в виду именно как свет. «Б» – вертикаль зримого бытия с примкнутой к ней обращённой вправо нижней частью буквы «С».

Полное представляет собой направленное влево, к сердцу человека, соединение двух разумов: земного и космического, согласное единение которых и есть совесть, её высшая ипостась.

Пока же, в начале пути, человек должен слева направо, то есть по закону движения естественной спирали (наглядный пример тому движение часовой стрелки), а не наоборот, как письмо справа налево, словно бы раскручивающее естественные витки спирали в обратном направлении, двигаться сам, со своей частью разума навстречу разуму космическому. Поэтому угол примкнутой к вертикали зримого бытия нижней половины буквы «С» и поднят вверх: „ 1 „

Следующее «У» я уже объяснил. За ним идёт – «Корень». На вертикали зримого бытия как бы две буквы «А», одна обращена вверх, другая – вниз, но углы их удалены друг от друга на некоторое расстояние. Это, как я уже говорил, символы знаков Зодиака, шести южных (нижних) и шести северных (верхних). Влияние их на Землю при посредничестве Луны одинаково, но между ними такой же экватор, как и на Земле, разделяющий нашу планету на два полушария, Южное и Северное, которые хотя и составляют собою единую сферу, но у каждого полушария знаки Зодиака свои. Поэтому между их обобщёнными символами у буквы и остаётся как бы экваториальная полоса, соответствующая тропику Рака и Козерога.

Между энергетическими характеристиками северных и южных знаков Зодиака есть некоторое различие, как и между их широтными полосами. Излучаемая Луной, которая за один месяц проходит все полосы Зодиака, на наши широты общая сумма межзвёздной энергии во взаимодействии с биоэнергией человека может дать «Хор» через полтора и одну четверть периода или цикла Юпитера.

Полтора периода – 18 лет, когда человек созревает для брачных уз. Через год родится ребёнок, ещё через два года он овладеет речью, а через три года уже будет всё понимать. Тогда и получится Хор – Семья. Поэтому буква "К" – «Х» стояла на двадцать втором месте. «Е» тоже было, но отдельной буквой оно не считалось, а лишь как флексия «Е» – иное произношение одной и той же буквы.

Простое сравнение смысла двух слов, вернее, словосочетания «алфавит» и аббревиатуры «азбука» говорит само за себя, особенностями и направленностью мышления, а значит, и широту, и уровни познаний греков и русичей трудно даже сопоставить.

Здесь – то и ответ академику М.Н. Покровскому, чью «Русскую историю в самом сжатом очерке» спустя тридцать с лишним лет снова ввели в качестве учебника в восьмом классе одной из самых, как тогда говорили, элитарных московских школ, куда попал и мой сын в силу обстоятельств, о которых рассказывать сейчас уже не суть важно.

Переставив местами исторические периоды развития человечества, то есть, нисколько не заботясь о здоровой логике, назвав скотоводческий образ жизни более прогрессивным, чем земледельческий, и, очевидно, по методу Эрнеста Ренана обратившись к анализу русского языка, М.Н. Покровский таким образом пытался доказать, какими якобы примитивными были восточные славяне ещё 8–10 веков тому назад. Для этого, то ли будучи сам дремучим невеждой, то ли с поразительной самоуверенностью рассчитывая на невежество своих читателей (второе вероятнее всего), он взялся толковать четыре древнерусских слова: нож, жито, жизнь и соха. Первое перевёл как «кремень», два других отождествил со словом «хлеб» и произвёл от одного корня, а четвёртое у него обозначает «палка» или «жердь». На этом основании, как вы помните, он и уверяет, будто «ещё лет 80 назад на окраинах России», которые по его географии составляют собственно центральные области теперешней России, жизнь русского крестьянина ничем не отличалась от жизни «диких народов Африки».

Оставим на его совести определение «дикие», тут комментарии излишни. Но на примере тех же четырёх слов посмотрим, какие «гуманитарные» знания ещё пятнадцать лет назад давали нашей подрастающей «элите» и какое отношение воспитывали у неё к своему народу. Не случайно ведь опять вернулись к М.Н. Покровскому, а чуть позже и к А.В. Луначарскому, возврата к которым, казалось, уже не может быть. И не где-нибудь, а, снова хочу подчеркнуть, в самых «элитарных» школах, где проходили соответствующую подготовку как раз те сегодня тридцатилетние «лево-праворадикалы», которые завтра, если рабочий люд и крестьянство вове-

мя не скажут своё веское слово, будут вершить судьбы страны. Главное, есть ли хоть крупица правды в том, на основании чего, по М.Н. Покровскому, русские, а следовательно, также украинцы и белорусы, ещё каких-то полтора века назад изображаются «дикарями».

Здесь, однако, чтобы у читателя не возникало недоумений, мне необходимо оговориться. Подобно М.Н. Покровскому, наши новоявленные идеологи, оперируя новейшими «достижениями» современных «гуманитарных» и «общественных наук», самоуверенно полагают, что все знания, которыми владела дохристианская Русь, за 133 года от Владимира I до Владимира Мономаха, были окончательно уничтожены. Это глубокое заблуждение. Потому, прежде всего, оказалось и «тяжела шапка Мономаха», что ему в труднейших условиях пришлось коренным образом реформировать, дабы приостановить деградацию Руси, ту бесовски-разрушительную форму христианства, которую насаждал Владимир I и продолжали насаждать его отпрыски вплоть до Святополка Изаславовича, который ко всему прочему, как пишет В.Н. Татищев, «жидам много вольностей супротив христиан дал и через што много христиан торгу и ремесла лишено было». Из-за чего и произошло то, почему В. Халупович из Ленинграда сетует на Владимира Мономаха так же, как на Богдана Хмельницкого.

«... Киевляне же, не хотя иметь Святославичей, возмутились и разграбили дома тех, которые о Святославичах старались: первое дом Путяты тысяцкого, потом жидов многих побили и дома их разграбили за то, что сии многие обиды в торговых делах христианам чинили. Множество же их, собрався к их синагоге, огородясь, оборонялись, елико могли прося времени до прихода Владимирова. Вельможи же киевские видя такое великое смятение и большего опасаясь, едва уговоря народ, послали второе ко Владимиру, прося, чтобы немедля пришёл и народ мятусчейся успокоил объявляя, если не ускорит пришествием, то «опасно, чтобы невестку твою великую княгиню, бояр, церкви и монастыри не разграбили, и ежели то учинится, то никто кроме тебя, ответа пред Богом дать не должен». Владимир, слышав сие, вельми ужасаясь и вскоре послал о всём возвестить Святославичам, сам пошёл в Киев, и когда приближался в неделю апреля 20, встретил его за градом народ многочисленный, потом бояре тоже у врат града; митрополит Никифор со епископы и притчем церковным приняли его с честью и радостью великою и проводили до дому княжеского.

Тако прият Владимир престол со удовольствием всего народа, мятеж же преста. Однако ж просили его всенародно, о управе на жидов, что отняли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть, через что многие купцы и ремесленники разорилися; они же многих прельстили в их закон и поселились до-

мами между христианами, чего прежде не бывало, за что хотели всех побить и дома их разграбить. Владимир же отвечал им: «Понеже их всюду и в разных княжениях вошло и населилось много и мне не пристойно без совета князей, паче же против правости, что они допущены прежними князьями, ныне на убивство и грабление их позволить, где могут многие невинные погибнуть. Для того немедленно созову князей на совет».

И вскоре послал всех звать ко Киеву. Когда же князи съехались на совет у Выдобыча, по долгом разсуждении установили закон таков:

– Ныне из всея Руския земли всех жидов со всех их имением выслать и впредь не впускать; – и если тайно войдут, – вольно их грабить и убивать». – И послали по всем градам о том грамоты, по которым пеаде их немедленно выслали, но многих по градам и на путях своевольные побили и разграбили. С сего времени жидов в Руси нет, и когда который придет, народ грабит и убивает...» (Татищев В.Н.. История Российская. М.–Л., 1963, т.2, с.129).

Так что и про Богдана Хмельницкого, и про Владимира Мономаха В.Халупович из Ленинграда верно сказал, но при этом логика размышлений у него точно такая же, как у его далёкого предшественника Натана Ганновера, для которого польский король Зигмунд был «милостив, благочестив, правосудный», ибо юдофил, в результате чего, надо полагать, вполне оправданно «православный народ стал беднеть всё более и более и превратился в рабов польских панов». И опять—таки, по Н. Ганноверу, «это совершенно справедливо, ибо попавшим в рабскую зависимость к польским панам православным народом те управляли не сами, а через своих арендаторов, таких, как Захария Собиленко, который арендовал его (город Чигирин) от этого пана (Конецпольского), подобно другим евреям в России (Правобережной Украине), бывшими владельцами во всех русских поместьях...» Для Н. Ганновера это и есть «милостиво, благочестиво, правосудно», что единственное и послужило, как уверяет он нас, «причиною постигшего их (евреев) страшного бедствия; ибо все завидовали их почётному положению...». Лишь «почётное положение», а не то, о чём говорит современник Ганновера польский летописец Веспенсиан Коховский, которого, как вы помните, цитирует, чтобы не быть субъективным, Григорий Грабянка:

«А что горше, жида всегда смышляху новіі дані і вся імінія козацькая не свободна бяху, кромі жены вольной в дому і то не вове. Аще же когда случится на козака вина і малая, то таковыми муками іх казняху, яко ниже погане таковых смышляху мучений... Дітей в котлах варяху, женам сосци дрэвіем ізгнітаху і іные неісповедимыя творяху біды...».

Не желает этого знать и В.Халупович из Ленинграда, повто-

ряющий вслед за Н.Ганновером только своё:

«Казакими Хмельницкого здесь мои предки забыты.

И Владимиром пращурю на нет сведены...»

Но повторяет не бездумно и знать не желает тоже не без причины. В действительности, как свидетельствует его стихотворение, историю он знает очень хорошо, но излагает исторические факты в лучших, так сказать, традициях фарисейства, которое в нашей стране переживает сейчас свой небывалый ренессанс или, если по-русски, возрождение.

Начиная с порабощения Египта во времена библейского Йосифа, иудеям не раз ещё удавалось навязать различным народам и захватить господствующее положение в той или иной стране, упорно действуя при этом под двумя неизменными лозунгами: «Цель оправдывает средства» и «Всё, что выгодно, то нравственно». Именно поэтому они всегда и были заведомо обречены, ибо нет на свете иного народа, который мог бы принять жестокость как средство, оправдывающее цель, а выгоду, то есть корысть, – как нечто, соответствующее общечеловеческим нормам морали.

Господство иудеев в Египте закончилось экологической катастрофой и закономерным обращением вчерашних господ в рабов. Истребление Иисусом Навином всего живого в Иерихоне и завоевание таким способом всего Ханаана в конечном итоге привело иудеев к вавилонскому пленению. Аварский и Хазарский каганаты, несмотря на богатейшие природные ресурсы на Дунае и Волге, просуществовали, как я уже говорил, первый – 220 лет, второй – 213, тюркские каганаты, Западный и Восточный, едва продержались каждый по полтора века. Дольше всех продлился союз иудеев с маврами, завоевавшими Пиренеи и образовавшие там в 756 году Кордовский халифат, – 275 лет. Конец его, однако, был таким же, как у польско-еврейского союза на Украине.

Во все времена и повсюду раньше или позже, но с неумолимой последовательностью всё завершалось тем, к чему призывали сами же иудеи, сначала в своей Торе, а потом и в Библии: око за око, зуб за зуб, то есть по грехам и воздаяние.

Но грехи свои по отношению к иноверцам иудеи никогда не признавали, ибо в Талмуде сказано: «Только вы, сыны Израиля, – люди, а все прочие народы мира – не люди, потому что происходят от нечистот Евы» (Emelchamelin, 67). Поэтому даже «праздники учреждены для евреев, но не для чужих, поскольку все чужие – собаки» (Тг. Megilla, 7,2) и потому, когда царь Навуходоносор предложил в жены свою дочь – принцессу рабби бен Сыру, тот гордо ответил: «Я – сын человеческий, а не животного» (Lira, t.8,2).

Не может быть греха у человека перед животным. Но эти «животные» тоже способны рассуждать и, к несчастью, думают ина-

че, правило «По грехам и воздаяние», которым должны руководствоваться иудеи только в своей среде, также берут на вооружение и направляют его против иудеев. Поэтому, чтобы снова там или здесь добиться господствующего положения, всякий раз приходится опять прибегать к тактике «бедного, гонимого еврея», дабы вызвать сначала сочувствие, а затем... Дальше история повторяется в том же духе.

Сейчас эту тактику фарисеев мы наблюдаем в нашей стране на примерах шумной кампании по разоблачению «сталинизма». Я намеренно взял это слово в кавычки, ибо вы помните, кто и с каким размахом начал у нас кровавый террор сразу после Октябрьской революции: Апфельбаум—Радомысльский—Зиновьев и Урицкий — в Петрограде, Свердлов и Бронштейн—Троцкий — на Дону, Бела Кун и Залкинд—Землячка — в Крыму. Потом тотальный террор по всей стране возглавил женатый на племяннице Свердлова Иде Иегуда—Ягода, прозванный энквэдэшниками «железным Генрихом», выше которого в ЦК ВКПб и ЦКК (Центральной контрольной комиссии) стояли только «ближайший соратник» Джугашвили—Сталина Лазарь Каганович и «правая рука» последнего Арон Сольц, а ниже — их имена вы тоже помните: Мендель Берман, Яков Рапопорт, Лазарь Коген, Семён Фирин, Хаим Апетер и далее по нисходящей на многих ключевых постах в НКВД и ГПУ в основном люди в ту же «масть», пока место Иегуды—Ягоды не занял Ежов, вполне воспринявший опыт и методы «работы» своего предшественника.

Вот с него—то, Ежова, у нас нынче и начинаются, главным образом, разоблачения сталинизма по всем направлениям, как то и предписывает в подобных ситуациях тактика фарисеев, согласно которой о своих палачах необходимо либо умалчивать, либо, если представляется возможным, изображать их невинными жертвами, но лучше всего — героями.

Талмудический трактат «Абода зара» и целый ряд других трактатов Мишны и Гемары предусматривают в этой связи множество различных вариантов, в том числе и тот, которым воспользовался В. Халупович из Ленинграда. Поэтому я и обратил внимание на его стихотворение, хотя и убогое по своим художественным достоинствам, но, с точки зрения фарисеев, заслуживающее самой высокой похвалы, ибо такой пропагандистский приём требует глобального осмысления исторических фактов, отсева всего «лишнего», а затем предельно сжатого, но эмоционального изложения переосмысленного в нужном ключе. В этом смысле малоизвестный В. Халупович заметно выделяется среди всех своих единомышленников и соратников с куда более громкими именами. На десять веков нашей истории ему понадобилось всего 20 стихотворных строк.

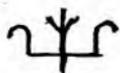
Чтобы понять сей историко—поэтический «шедевр», снова

вернёмся к великому киевскому князю Светославу Игоревичу и расшифруем, наконец, знаки и письмена на его печати, лицевую и обратную стороны которых вы видите здесь на фотографиях вместе с печаткой—перстнем княжеской династии Рюриковичей.

Строго говоря, изготовленный из серебра в начале XII века этот перстень можно назвать принадлежностью дома Рюриковичей лишь как предмет. Символ же, который на нём изображён, встречается во многих слов'янских накаменных надписях, собранных Фаддеем Воланским, начиная с середины 2 тысячелетия до н.э. Он красноречиво свидетельствует об уровне познаний наших пращуров той далёкой поры. Уже три с половиною тысячи лет тому назад они определяли сущность земной Природы как слияние двух триединств.

У большого тривильника две вертикали со спиральными завитками наверху символизируют постоянно эволюционирующие мир минералов и атмосферу. Между ними – вода. Происхождение у неё такое же земное, но по своему составу она не меняется, ибо как постоянство планеты (горизонтальная линия) составляет первое триединство, так постоянство воды во взаимодействии с другими минералами, атмосферой и солнечной энергией даёт начало второму триединству – жизни. Поэтому её вертикаль завершает не завиток спирали, а дохристианская буква «Ж» – которая, в свою очередь, символизирует слияние мужского и женского начал, из которого вырастает их продолжение. А не- ↓ - раздельная связь двух этих триединств, постоянно взаимодействующих с энергией Земли (продолжение вертикали воды вниз) и энергией Солнца и вообще Космоса (средняя линия буквы «Ж» продолжает вертикаль воды вверх), и есть тот мир, в котором мы живём.

До Рюрика этот символ был центральным знаком на государственной печати у новгородского князя Буриvoja, затем у его сына Гостомысла, а уже от Гостомысла перешёл к Рюриковичам. Однако, поскольку великая княгиня Ольга ещё в 960 году,

когда Светославу исполнилось 18 лет, а вовсе не перед своей смертью в июле 969 года, как сказано в «Повести временных лет», решила отдать на княжение в Новгород тогда пока только четырёхлетнего Владимира, которого признавать своим сыном Светослав не желал, он, Светослав, принимая от матери «золотой стол» в Киеве, заказал себе по собственным рисункам княжескую печать совершенно иного содержания. Вряд ли другой подобный документ можно отыскать во всей нашей истории.

Прежде, однако, чем расшифровать письма и знаки на печати Светослава, я должен объяснить читателю, что в действительности скрывается за такими, казалось бы, ясными для нас понятиями, как «ПЕРУН», «ДАЖДЬБОГ», «МЕЧ», «ЧЕСТЬ» и «ЛЮБОВЬ». Слова эти в русском языке очень древние, и раскрыть их подлинный смысл можно, лишь увидев их первоначальное начертание, ибо докирилловская русская азбука представляла собой не просто буквенное обозначение звуков, а, как я показал на примере той же аббревиатуры «АЗБУКА», определённую систему символов, каждый из которых имел не только звуковое, но и своё самостоятельное смысловое значение, кроме таких служебных грамматических знаков, как апостроф, мягкий и твёрдый знаки и т.д., букв-флексий, союзов и тех случаев, когда гласная буква употреблялась в одном своём значении – звуковом.

Итак, первое : П Е Р У Н - П Е Д V O N .

Все буквы читаются как символы: " П " - "ПУТЬ"; " Е " - "ЕСМЬ" в значении "СУЩНОСТЬ"; " Д " - "РОД", но тут во множественном числе, на что указывает черточка над последней буквой "Н" - " N " - "НАШИХ"; " V O " - движение.

В общем контексте получаем: «путь движения сущности родов наших».

Как видите, ничего сверхъестественного или божественного в его общепринятом понимании. ПЕРУН – это совокупность физических законов, определяющих гармонию движения материи или её круговорота, как неорганики, так и органики, ибо всякая органика, в том числе и наша плоть (сущность), состоит из элементов неорганики, и любая форма жизни есть соответствующая форма организации материи, способная воспринимать энергию из вне и с её помощью вырабатывать свою. Что изначально послужило причиной об-

разования великого множества этих форм, наши пращуры, как и современная наука, не знали, но им хорошо была известна небесная механика и влияние гелиоэнергии на различные виды материи на Земле.

Суммарно наибольшее количество необходимой живым организмам той гелиоэнергии, которую знаменитый русский учёный Александр Леонидович Чижевский назвал Z-излучениями, в наших широтах Земля получает в течение семи равных по времени и самых продолжительных в году дней – по 17 часов 37 минут: с 20-го по 26-ое июня. Первый из этой седмицы день и отмечался на Руси как День Перуна – праздник торжества жизнетворной энергии, во время которого поднять оружие, а тем более пролить кровь считалось кощунством. Поэтому – то начать битву с византийцами в День Перуна, как пишет академик Б.А.Рыбаков, Светослав не мог никак. Иначе он и его войско покрыли бы себя позором. Ну, а то, что Перун не был никаким богом войны, читателю, надеюсь, теперь ясно.

Второе: Д А Ж Д Ь Б О Г - RΛ↓Δ'Н.V.↑

"R" – одно из двух начертаний буквы "Д", символизирующее "ДОБРО"; "Λ" – "ВВЕСТИЛИЩЕ РАЗУМА"; "↓" – "ЖИЗНЬ"; "Δ" – "ДОМ"; "Н" – "БЫТИЕ В СОВЕСТИ"; "V." – постоянно; "↑" – "ГЛАС" /речь/.

Контекст: "постоянное добро в мыслях, в делах, в доме, в речах есть бытие в совести". Называя Дадьбога своим дедом, древние русичи имели в виду этот завет прародителей. Двухвильный же знак Перуна и Дадьбога

символизировал уважение к созидательной энергии и верность Отечеству.

Третье: М Е Ч - WFF

"W" – "МОЯ"; "F" – "СУЩНОСТЬ"; "F" – "ЧЕСТЬ",

Контекст: "честь моей сущности".

Четвертое: Ч Е С Т Ь - [Ɔ Ǝ Ǝ ↑]

"Ɔ" - "Ч" в значении "ЧЕТИ" /согласие/; "Ǝ" - "СУЩНОСТЬ"; "Ǝ" - "СОВЕСТЬ"; "↑" - "ТЕБЕ".

Контекст: "согласие сущности и совести к тебе". То есть наши пращурь понимали ЧЕСТЬ как отношение к другому человеку без лукавства в поступках и мыслях.

И наконец пятое: Л Ю Б О В Ь - [∨ ∨ ∨ ∨ ∨ ∨]

"∨" - две вертикали зримого бытия, у первой из которых лишь одно начало, мужское или женское - пока неизвестно, инициатива в любви одинаково может принадлежать и мужчине, и женщине, поэтому на второй вертикали начало вообще не обозначено, оно появится после того, как две эти вертикали сольются в одну и вместе дадут "↓" - "ЖИЗНЬ"; "∨" - "Ю" - "ВЛЕЧЕНИЕ" /так и писалось, одной буквой/; "∨" и "∨" вам уже знакомы; "∨" - "ВЕДИ" /изведать, познать/.

Контекст: "влечения друг к другу для постоянного бытия в совести и познания".

Как символ полная буква "∨" тоже обозначала "ЛЮБОВЬ", а только первая ее часть - "ЛОЖНУЮ ЛЮБОВЬ", обратите на это внимание.

Теперь ещё раз внимательно посмотрим на лицевую сторону печати Светослава.

Весь её центр занимает двухвильник Перуна и Дажьбога. Над ним сверху - рукоять меча: печать воина. Нижним клином двухвильник почти касается буквы «Р». По сравнению с остальными знаками она слишком мала и одна - «сам себе род». Светослав говорит, что брачными узами он не связан и своей семьи у него никогда не будет, а следовательно, не может быть и кровных наследников.

Вспомним, что рисунок этот он делал в 960 году, когда ему исполнилось 18 лет, а Владимиру - четыре. Сыном его Светослав,

как мы уже знаем, не признавал; более старших, Ярополка и Олега древлянского, – тоже. Иначе на великокняжеской печати он не объявил бы себя «сам себе род», тем более с клятвой под мечом. Я думаю, по смыслу тех пяти слов, которые мы только что расшифровали, читатель понял, что легкомыслием Светослав не страдал. Слова – то эти я взял с его государственной печати.

Ко многому обязывали на Руси еще два слова: имя человека, а также имя его народа. Светослав – человек светлой славы. А вот первоначальное начертание слова «РОССИЧИ»:

"Р" – "РОДЫ" в значении "народ"; "V." – постоянно;
 "С" – "СОВЕСТЬ"; "I." – союз "и"; "F" – "ЧЕСТЬ"; второе
 "I." – гласная-звук в конце слова во множественном числе.

Получаем: "роды совести и чести постоянно". При этом слово "совесть" имело двойное значение: как согласное слияние разума человека и разума Природы и как символ чистоты. Отсюда слова "роса" и "Рось".

В этом самоназвании народа меньше всего самоумиления или самохвальства. Нет, если мы вспомним, что у россичей не бытие определяло сознание, а наоборот, сознание – бытие, тогда поймём, что здесь выражена как бы квинтэссенция их главных мировоззренческих идеалов и те важнейшие жизненные правила, которые человек, чтобы быть достойным имени своего народа, обязан выполнять. И в двойном «С» тоже заключено правило: чистоте духа и разума должна соответствовать чистота тела. Поэтому в моей «языческой» Мисайловке меня, малого, и принуждали принимать водные процедуры пять раз в день: сразу после сна обливаться холодной водой, перед сном – тёплой, а перед завтраком, обедом и ужином – умываться с мылом. Почему именно пять раз? Да всё потому же – человек пятизначный: две ноги, две руки и голова, то есть та самая пятиконечная звезда.

Вот в чём подлинный смысл слова «РОССИЧИ».

И Эрнест Ренан тут, конечно, прав, говоря, что прежде всего

в языке, который вырабатывался тысячелетиями, но главные законы семантики (образования смыслового значения слов) которого не меняются, отражается духовная суть, особенности мышления и уровень миропонимания народа. Потому – то смысловое значение, которое мы сейчас вкладываем в слово «народ», на Руси издревле определялось словом «языче», то есть слово «языче» является синонимом слова «народ». Понятие «язычник» существовало и в дохристианские времена, означая отступника рода, изменившего заветам своих пращуров, изгнанника. «Язычник» – это «ЯЗЫЧЕ НИКакой». Христианизаторы же «язычниками» стали называть всех тех, кто остался верен Ведическому мировосприятию.

Посмотрим, однако, ещё те четыре слова, какие выбрал для доказательства «первобытной дикости» наших пращуров 8–10 века академик М.Н. Покровский. Напомню, «нож» он переводит как «кремень», «жито» и «жизнь» производит от одного корня, означающего «существование», а «соха» у него значит «палка, жердь». Так ли? Как вы убедились, проверить очень легко.

НОЖ - $\sqrt{V} \downarrow$; ЖИТО - $\downarrow \uparrow V$;
 ЖИЗНЬ - $\downarrow \uparrow Z \uparrow \downarrow$; СОХА - $\xi V \cdot K \Lambda$.

Первая буква в слове «нож» читалась как «нами» – «нам», вторая «О» – символ постоянства, у третьей «Ж» справа апостроф хвостиком вверх – «живот», то есть «существование». Буквально: «нам для существования». Понятно, что орудие.

«ЖИТЬ» – «живот тебе постоянно». Наши пращуры знали, что из всех хлебных злаков зерна ржи содержат в себе наибольшее количество элементов, необходимых для существования человека. Потому и более позднее словообразование «рожь» произошло от «роженица» – «рождающая жизнь».

«ЖИЗНЬ» – «живот, зоря, нам, вместилище разума». Получаем: «наше существование в соединении с разумом, освещенным светом», то есть, иначе говоря, разумное существование, а не просто существование.

«СОХА» – «совесть, постоянство, хор, вместилище разума». Вспомним, что древнерусское понятие «совесть» состоит из согласного единения двух разумов: человека и Природы. В итоге получим: «постоянный разум человека и Природы для хора (семьи или сообщества) и разума последующего».

Вот подлинный смысл четырёх слов, значение которых академик М.Н. Покровский извратил, надеясь, наверное, что после реформы русской письменности в 1918 году мы вообще перестанем

понимать свой собственный язык и все тотально отречёмся от «диких» пращуров своих. Для чего такая установка, объяснять, полагаю, не требуется. Хочу только, чтобы читатель задумался над словом «СОХА». Ведь когда Русь начала заниматься земледелием; её население по своему количеству в сравнении с теперешним было ничтожно, а пространства такие же громадные. Но можно ли, не кривя душой, сравнить современное отношение к природе и труду с тем, какое изначально сформулировано нашими пращурами в слове «СОХА»? Задумайся, читатель, и ответь самому себе.

Вернёмся, однако, к великокняжеской печати Светослава.

Как нетрудно заметить, в ранних списках «Повести временных лет» Ярополк, Олег и Владимир его сыновьями не называются. Сказано, что они внуки Ольги, но от кого — неизвестно. Можно поэтому не сомневаться, что в отличие от более поздних переписков летописи и многих наших современных историков и Нестор, и его первый редактор-переписчик игумен Сильвестр прекрасно понимали, насколько было бы нелепым приписывать их Светославу, а говорить ещё о каких-то детях Ольги, кроме единственного их с Игорем сына, значило бы порочить княгиню, канонизированную в христианские святые. Поэтому о её внуках и сказано уклончиво. Для святой все дети — внуки во Христе.

Кроме двухвильника Перуна и Дажьбога, по ободку печати идут 12 знаков, а также одна пунктирная и две сплошные линии, маленькая — в правом нижнем углу и большая — в левой верхней части печати. Это карта судьбы. Видно, что замыслы свои Светослав сверял по знакам Кола Живота, которые мы знаем в буквальном переводе на греческий как Круг Животных — знаки Зодиака. Но календарём пользовался юпитерным, в котором число земных лет в годичном цикле этой планеты совпадает с числом знаков Зодиака — 12. Поэтому астрологи, составляя долгосрочные гороскопы, часто предпочитают обращаться именно к юпитерному календарю, поскольку он позволяет сохранить на круге гороскопа положенные между знаками Зодиака 30 градусов и рассчитать при этом расположение звёзд на небосводе на двенадцать лет вперёд.

О том, как на Руси владели искусством астрологии, а следовательно, и знали астрономию, можно судить по тому, какое значение придавали русичи перекрестью рукояти меча. Оно символизирует, как и вообще крест, который наверняка арийского происхождения, если не нашего отечественного, что, пожалуй, ближе к истине, пересечение эклиптики (годового пути Солнца в созвездиях Зодиака) с небесным экватором в дни весеннего и осеннего равноденствия — 21 марта и 23 сентября, когда координаты Солнца составляют 0° и 180°. В первом случае Солнце из Южного полушария пере-

ходит в Северное, и здесь начинается пробуждение жизнотворных сил Природы, а ко второму периоду все земные плоды созревают, и Солнце, «выполнив свои обязанности», уходит в Южное полушарие. Поэтому и Новый год – Новое коло на Руси отмечали 23 сентября по новому стилю.

От положения Солнца на небесной сфере зависело плодородие земли – сущность бытия, но при том непреходящем условии, если человек прилежно трудится. Отсюда и такие три слова в аббревиатуре «МЕЧ»: «честь моей сущности», ибо труд на Руси почитался как высшая добродетель. Меч – оружие не для агрессии, а для защиты труда.

Кстати, Гай Юлий Цезарь не без основания считал, что тот Нума Помпилий, которого Тит Ливий в своей «Истории Рима от основания города» называет сабинцем, скорее всего был скифом, либо у скифа учился, так как, став в конце VIII века до н.э. царём Рима, он дал римлянам лунный календарь в точности такой, каким пользовались наши пращурь уже в XVI веке до н.э. наряду с календарями солнечным и юпитерным, а Птолемей сделал свои расчёты движения Солнца, Луны, Юпитера и Сатурна лишь 14 веков спустя.

Читать рисунок лицевой стороны печати Светослава нужно от заглавного знака меча вправо по часовой стрелке. Следующий знак – полусфера видимого мироздания: знак Отечества. Дальше – знак собирания воинских сил, потом – примкнутые углами друг к другу и как бы поднятые на палочке две буквы «Р»: готовые к походу полки. Четвёртый знак – подчёркнутая сплошной линией буква «С»: не корысть подняла полки, а совесть Отечества, то есть его духовные интересы. Этот мотив повторяет и пятый знак – у сдвоенной буквы «А» отсечён верхний угол: уничтожен враждебный дух. Печать рисовалась в 960 г., но здесь на календаре 965 г., когда потом и был в действительности уничтожен Хазарский каганат. Причём для раннего средневековья эта война Светослава казалась довольно странной. Пришёл, побил, разгромил, ничего не взял и ушёл. Ничего не взял потому, что шёл не грабить хазаров, а поднял на них оружие, чтобы уничтожить опасный для Руси источник идеологии иудаизма.

Следующие примерно три с половиной года обозначены идущим с востока на запад пунктиром. Вдоль него только «сам себе род» и две буквы «А». Перед Светославом возникнет какая-то трудная духовная дилемма, которую после похода на восток, вернувшись в Отечество, он будет решать три с лишним года. Но вот решение принято: цифра 10 означает десятичную меру войска (как мы знаем, в 969 г. Светослав повёл на Дунай 10 тысяч дружинников или 10 полков), а сплошная линия – ясность цели, поставленной перед собой Светославом во имя Отечества по здравому размышлению: за знаком войска буква «З» – «Зоря», то есть светлый разум. Пре-

пятствий к осуществлению замысла, кажется, нет, сплошная линия достаточно чёткая, она устремлена к знаку Отечества, но немного к нему не доходит. На двенадцатом году княжения Светослава ждёт знак улитки – символ предательства и смерти.

Так оно и случилось. Возвращаясь из Болгарии в Киев, Светослав погиб в днепровских порогах весной 972 года.

Теперь пришло время сказать, почему я столько внимания уделяю Светославу. Дело в том, что Миклухо–Маклай находил свой долгосрочный гороскоп в общих чертах весьма сходным с гороскопом этого великого киевского князя, с той лишь разницей, что ему, Маклаю, отпущено жизни на один юпитерный год больше, чем Светославу, – 42 земных года, но умрут они в один день – 2 апреля примерно в 17 часов по Гринвичу, то есть в 20 часов по московскому времени.

Мой молодой друг Валерий Анатольевич Сульженко, инженер с очень хорошими способностями математика и неплохо разбирающийся в астрономии, и я пересчитывали независимо один от другого оба гороскопа много раз и во всех вариантах и у Валерия, и у меня самое неблагоприятное время для обоих всякий раз тоже выпадало на 2 апреля по старому стилю в високосные годы 972 и 1888 годы между 16 и 18 часами по Гринвичу: у Светослава зловещий тригон Урана с Сатурном и Марсом, а Маклай – под полуквадратурой Урана с Сатурном. У первого смерть насильственная (Уран с Марсом), у второго – естественная (Уран при спокойном расположении Луны в координатах по долготе 20 град. с минутами), но там и здесь присутствует Сатурн. Значит, смертью того и другого одинаково воспользуются те, кому благоприятствует эта планета, сфазированный луч света которой на светочувствительной пластинке даёт голубое пятно: цвет холода, бесплодия, эгоизма и бесполезного нервного упорства.

Разумеется, можно по–разному относиться к подобного рода расчётам. О крупнейшем русском учёном, писателе и революционере Николае Александровиче Морозове в Большой советской энциклопедии, например, сказано: «Его теории выведены гл. обр. из астрономических явлений, к–рым он придавал чрезмерное значение, находятся в противоречии с истор. фактами». В таком случае авторы БСЭ могли бы сказать нечто в том же духе и о Миклухо–Маклае, который, взяв за основу звёздный цикл в 2666 лет, пытался установить закономерности всемирной эволюции во всех её взаимосвязях и взаимозависимостях, начиная с 5772 года до н.э. и кончая таким же годом нашей эры. Причём, по примеру Светослава, он разложил круги в 2666 лет на синусоиды и каждую вписал в горизонтально лежащий октаэдр, ибо по октаэдру, сумма углов которого соответствует кругу, удобнее всего судить о количестве гелиоэнергии на

любом отрезке синусоиды.

Все свои расчёты по минувшим эпохам Маклай сопоставлял с хроникой важнейших мировых событий. И вот здесь—то уж никак не скажешь, что астрономо—астрологические данные «находятся в противоречии с историческими фактами». Напротив, всё совпадает.

А сейчас видно, что и нашу часть временной синусоиды, скажем, от 1800 года до 1980 года Маклай рассчитал достаточно верно. Она находится в правой половине октаэдра, в третьей её части. Предыдущие 180 лет, то есть начиная с 1620 года, — период нарастания количества гелиоэнергии с преимущественным влиянием в созвездии Рыб Меркурия и Юпитера — расцвет эпохи Возрождения. В тригоне с Меркурием и Юпитером находится Марс, но его разрушительную энергию значительно нейтрализует Венера. Господствующее положение в том же тригоне он занимает в 1800 году. В октаэдре это третий энергетический пик. Но последующие 90 лет влияние Меркурия и Юпитера на Землю по—прежнему сильно. Потом место Юпитера в тригоне занимает Сатурн, и творческая энергия Меркурия становится иной, астрологи назвали бы её, пожалуй, даже агрессивной. Две трети периода в 90 лет она почти полностью подчинена Марсу. Но в 1950 году сначала Марс, а затем и Меркурий из созвездия Рыб уходят. На сближение с Сатурном идёт Уран. В 1980 году они образуют астрологическую квадратуру, то есть их влияние на Землю уравнивается. На общепринятом языке для Земли в наших широтах это мёртвый сезон, как если бы материя в момент своего распада вдруг от сильнейшего холода застыла.

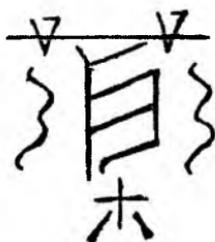
Маклай, повторяю, сделал прогноз эволюции нашей цивилизации в астрологических понятиях до 5772 года. Но, хотя это всего три чертёжных листа, чтобы всё детально объяснить, мне пришлось бы написать ещё одну книгу с добавлением к ней полного курса по астрономии, астрологии, методике астрономо—астрологических расчётов и хроники важнейших исторических событий до 5752 года. Возможно, сравнительно молодой пока Валерий Сульженко, если у него хватит усердия, когда—нибудь такой труд и осилит..

Непонимание закономерностей социальных явлений, объясняемых астрологическими данными, связано с непознанностью свойств особо тонких видов материи. И только. Николай Рерих писал в «Живой этике», что современный человек мало что может сказать «... об изменении весомости, о посылках мысли через пространство, о явлении цементирования пространства, о чувстве центров, о понимании слова «материя». И далее добавляет: «Надо заменить идеальные слюни твёрдым разумом... Друзья, материя не навоз, но вещество, сияющее возможностями. Настроены храмы, где востребована помощь для обмана и убийства, но не воспеты гимны Зна-

нию».

Я не могу, конечно, утверждать, что Рерих избрал индийские Гималаи местом своего жительства потому, что после крещения Руси туда, к родственным браминам, ушли лучшие умы русичей, как отчасти также на Тибет и Памир. Но вижу в «Живой этике» прямое продолжение и дальнейшее развитие тех материалистических знаний, изначальными основами которых владела Русь во времена Светослава Игоревича. Ведь не волшебство же какое-то помогает мне вроде бы без особой на то подготовки в общем-то понимать ранний санскрит или древние письмена тибетцев. Чтобы разобраться в том либо ином тексте или надписи, я просто исхожу из философских принципов нашей дохристианской символики, в том числе буквенной. Вот наглядный пример: древняя тибетская надпись, которую некоторые наши «знатоки» принимают за некий магический знак вечной жизни.

Никакой магии здесь нет. Принятыми у многих арийских народов с древнейших времён символами в этом знаке показано, собственно, то же самое, о чём словами говорит в «Живой этике» Рерих или академик В.И. Вернадский в своих трудах о Ноосфере.

Вверху прямая горизонтальная линия означает космическое пространство. Пересекающие её острыми углами вниз два незамкнутых треугольника – Галактика и туманность Андромеды. Ниже словно бы большая современная буква «Б» – мир, в котором живёт человек и который он должен познать. Левая вертикальная линия вверху разделяется как бы на две антенны: меньшая левая указывает на Галактику, правая большая – на туманность Андромеды. К этой вертикали двумя наклонными горизонтальными линиями примыкает немного скошенный квадрат, нижняя внешняя горизонталь которого к левой вертикали не доходит, она закругляется концом вниз: два сомкнутые «ЕСМЬ», настоящего и будущего, а под ними пересекающая земной экватор плоскость видимого годового пути Солнца среди созвездий – крест и два полушария Земли, показанные косыми линиями. Завиток нижней горизонтальной линии скошенного квадрата и указывает на эту фигуру.левой же вертикали он не касается потому, что какого-то отдельного замкнутого мира не существует. А две волнистые линии по обе стороны сдвоенного «ЕСМЬ» – два «ВЕДИ»: познай сам, чтобы твои познания, не повторяя твоих ошибок, продолжили последующие.

Полагаю, читатель сам может судить, каким было просвещение в дохристианской Руси, если первая учебная книга – «Азбука» начиналась с изучения системы мироздания и включала в себя 39 ступеней – 39 начальных курсов различных областей знаний, от

букваря и грамматики до высшей математики и физики пространства и времени, но, как я уже говорил, с отличной от современной терминологией.

В этой связи примечательно признание Екатерины II, которое она сделала в своих «Записках касательно русской истории» (Санкт-Петербург, 1787 г., ч. I).

«Славяне, — писала она, — задолго до Рождества Христова письмо имели. Они своим соседям известны были под своим именем, иногда же под другими именами. Распространением и умножением славянского языка доказывается распространение славянского народа. До времени Рюрика почти вся Россия славянским языком уже говорила. Многие народы в свете завоеваниями теряли свой язык, но славянский язык перенимали побеждённые славянами народы...»

В устах бывшей немецкой принцессы Софьи Фредерики Августы, сумевшей стать единодержавной российской императрицей, но отнюдь не славянофилкой, такое утверждение много значит, хотя она и пишет, что свою дохристианскую письменность славяне утратили или она пока не найдена. Не могла Екатерина II, чьё женское самолюбие было задето насмешками Вольтера, что, мол, не такое уж великое дело воцариться над полудиким народом варварской страны, делать подобные публичные заявления, не имея на то соответствующих подтверждений. Во всяком случае она наверняка позаботилась о них прежде, чем писать Вольтеру, что, создавая «Российскую грамматику», Михайло Ломоносов, несомненно, хорошо знал «более ранние грамматические наставления, бывшие до Кирилла у россиян общеупотребительными, но «не отважился открыть сие из опасений гонений Синода, подобно тому, как Василий Татищев при написании «Истории Российской», того же боясь, сокрыл осведомленность свою в летописаниях, слогом и воззрениями иными, нежели те, начало коим положил Нестор, однако ж при чтении «Истории» сего Татищева в том скоро убеждаешься...»

Екатерина, повторяю, вовсе не из любви к русскому народу стремилась поднять его престиж сначала в глазах Вольтера, а затем и Дидро. Желая доказать им, что правит народом с куда более древней цивилизацией, чем у французов и даже греков, она тем самым подчёркивала в первую очередь собственное величие. Кроме того, только она, могущественная императрица, не оглядываясь на Святейший Синод, могла в то время говорить открыто о таких вещах. И здесь уже мотивы её полемики с Вольтером и Дидро значения не имеют, важно, что она писала им правду и, конечно, наверняка располагала документами, подтверждающими её правоту.

Но к Екатерине мы ещё вернёмся (лично она имеет самое непосредственное отношение к судьбе рода Миклух и даже к тому,

почему почти век спустя после её смерти стало возможным сделать Миклухо–Маклая евреем), а сейчас закончим расшифровку печати Светослава Игоревича – её оборотной стороны. Присмотритесь снова к ней повнимательней.

Этот уникальный документ говорит очень о многом и позволяет чётко определить, что в наших летописях, связанное с именем Светослава, является домыслом, главным образом в тех вставках, которые привнесены в них более поздними переписчиками. Например, в Ипатьевском списке то место, где после ряда уклончивых формулировок, касающихся внуков великой княгини Ольги, Светослав вдруг прямо назван отцом Ярополка, – очевидное самовольство переписчика. Либо он просто не подумал над тем, что дописывал, вознамерившись, наверное, уточнить текст Сильвестра и не обращая при этом внимания на великокняжескую печать Светослава. Между тем и на оборотной её стороне ни малейшего намёка о возможных своих законных наследниках он не даёт. Да и откуда им было взяться? Даже если предположить, что последнего из них, Владимира, он прижил с блудницей Малкой–Малушей в тринадцатилетнем возрасте, то получается, что отцом Ярополка он стал десяти–одинадцатилетним ребёнком, поскольку после Ярополка был ещё Олег.

Нужно уж совсем не считаться со здоровой логикой, чтобы принять такую арифметику за исторический факт, как и совершенно не знать идеологию дохристианской Руси и древнерусский (не принесённую нам болгарами вместе с христианской книжностью смесь иллирийского и болгарского наречий, а именно древнерусский) светский язык, чтобы слово «рабич» читать как «сын рабыни». Не было такого слова в древнерусском лексиконе, ибо не существовало и рабства. Какую бы вы ни открыли книгу о Древней Руси, написанную иностранцем–очевидцем, все авторы обязательно это отмечают, удивляясь, что закон русичей запрещает торговлю людьми и применение рабского труда. Это только наши историки, непременно исходя из притянутых за уши классовых позиций, приравнивают русскую челядь либо к рабам, либо к феодальным крепостным, хотя феодальное крепостничество у нас далеко не вполне утвердилось ещё даже при Иоанне Грозном.

Вот как писалось слово "ЧЕЛЯДЬ":

СЧЛЛ-Д'

"ЧЕТИ" /согласие/, "СУЩНОСТЬ", после "Л" стоит "Я" телесное, значит, "ЛЮДИ" и "ДОМ". То есть люди, которые по соглашению находятся в доме. По соглашению, а не по крепостной или какой-то иной зависимости.

А вот слово "РАБИЧ":

Д'ЛНН.Ф'

Сразу видно, что оно чужое, ибо ни одна буква в нем не имеет смыслового значения, все - только звуки и "Б" двойное, с черточкой наверху. Причем угол у него не острый и поднятый вверх, что означало бы "бытие в совести" - "И", а прямой - "Н", что опять-таки означает только передачу звука. Ясно также, что это слово производное от известного на Руси иудейского "РАВВИН":

Д'ЛНН. - РАББИ.

Потому полоцкий князь Рогволод и отказал Владимиру I в руке своей дочери, что он был раббич, а вовсе не «сын рабыни», как нам его представляют вот уже тысячу лет. Со стороны матери и дед его, и дядя Добран, который его воспитывал, - оба раввины, а отец неизвестен, ибо очень сомнительно, чтобы Малка-Малуша Любчанка зачала от тринадцатилетнего Светослава.

Я сделал это отступление прежде, чем расшифровать оборотную сторону печати потому, что дальше оно с ней связано.

Кроме двухвильника Перуна и Дажьбога на рисунке - 13 знаков и двух не хватает. Значит, счёт времени на сей раз идёт по годам Юпитера: на каждый из знаков приходится 12 земных лет.

Первое, что бросается в глаза, над двухвильником исчез знак меча: после смерти Светослава род его прекратится. И будут поправны заветы пращуров - на правой Дажьбоговой стороне двухвильника трещина, и вся она как бы деформирована. Большая часть одним концом прилепившегося к её углу знака Отечества черна.

Сплошная линия по ободку печати начинается там, где на лицевой стороне стоял знак улитки - предательство и смерть. Сначала она едва намечена, потом постепенно утолщается и по пустому пространству тянется до знака Отечества: на Руси безвременье и

неопределённость, но скоро ею завладеют чуждые ей корыстолюбцы. Их знак – вздутый, как пузырь, живот без головы и с жирным хвостиком внизу, обозначающим нижние конечности, которых человек, имеющий такой живот, не видит, а головы нет у туловища потому, что корысть не от разума.

Светослав считал, что под этим знаком целых 11 юпитерных лет, то есть 132 земных года, на Руси будет продолжаться крушение всего её жизненного уклада. Затем появится человек, которому суждено очистить Русь от всех тех, кто властвовал над ней после Светослава. По ходу часовой стрелки знак этого человека стоит одиннадцатым – крупная буква «А», начертанная двойными линиями: русич в согласии с Русью.

Если не забывать, что эти астрологические расчёты Светослав делал в 960 году, то его предсказаниям можно только удивляться. После его гибели в 972 года безвременье и неопределённость на Руси длились восемь лет, шесть из которых в Киеве княжил не имевший на то законного права Ярополк, по предательству своего воеводы варяга Блуда убитый варягами Владимира 11 июня 978 года. Но, чтобы укрепить свою великокняжескую власть над всей Русью, Владимиру понадобилось ещё два года, после чего он и его наследники правили Русью 133 года, всего на один год больше, чем определено на печати Светослава.

20 июня 1113 года золотой стол в Киеве занял призванный киевлянами Владимир Мономах. Это и был действительно тот «русич в согласии с Русью». Срок его княжения на печати – 12 лет. И снова верно: Мономах умер 19 мая 1125 года.

О его главных реформах в области идеологии, о которых в нашей исторической литературе до сих пор практически ничего не сказано, дальше мы ещё поговорим, а пока обратим внимание на нижний угол двухвильника Перуна и Дажьбога.

Он отсечён и под ним два знака, поставленные Светославом один над другим. Верхний напоминает сечение обоюдовыпуклой линзы с острыми углами слева и справа – знак варяга, одинаково готового служить кому угодно, лишь бы полными были живот и сума. Но тут он показан предателем, ибо откололся от двухвильника Перуна и Дажьбога, которым раньше, следовательно, присягал.

Вспомните воеводу Свенельда, не о нём ли речь? Ведь это он выдал Светослава печенегам, зная, что у того нет законных наследников и потому надеясь после его смерти посадить на золотой стол в Киеве своего старшего сына Люта вместо слабохарактерного Ярополка, который на время отсутствия великого князя выполнял в Киеве всего лишь обязанности его посадника и, возможно, был таким же варягом, как Лют.

Но престарелый интриган Свенельд тешился надеждами напрасно. В самом низу под двухвильником – половина буквы «Л»: ложная любовь. Верхушка этой половинки косо срезана и помещена под знаком варяга. Это порождение ложной любви, с которым, как показано на печати, и будут связаны все потрясения на Руси в течение одиннадцати юпитерных лет. Она – первопричина всех бед. Но участь её печальна. Сына у неё рано отберут, и тот о ней никогда не вспомнит. Женщина закончит свою жизнь в полном одиночестве, как оно потом и было в действительности. Ни в Новгороде, ни затем на Рюгене Малка–Малуша не появлялась. Куда её упрятал братец Добран, взявший под личную опеку драгоценного племянника, неизвестно.

Конечно, знаки и письма на печати Светослава я расшифровал очень бегло. Она охватывает период примерно в 170 лет и несёт в себе столько информации, что заслуживает специального исследования. Но сейчас у нас другая задача.

Впрочем, я не ответил ещё на один вопрос, который у читателя здесь наверняка возникнет. Почему Светослав, если он предвидел свою гибель и заранее знал, что предаст его если не Свенельд, то кто-то из других приближённых варягов, не предпринял никаких мер для своей безопасности? Скорее всего он подозревал всё же Свенельда. Вспомните те три летописные фразы: «И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, княже, [их] на конях, ибо стоят печенеги в порогах». Но не послушал его он и двинулся на лодках». Потому-то и не послушал Светослав старого варяга, что не доверял ему. И, видимо, отношения между ними были уже такие, что Свенельд на то и рассчитывал и заведомо придумал способ, как задержать Светослава в Белобережье. Лодки со съестными припасами, которые следовали на некотором расстоянии позади княжеской дружины, куда-то бесследно исчезли. А вели их люди Свенельда, из чего нетрудно заключить, что «исчезли» они не иначе, как по приказу Свенельда же. Из-за этого Светослав и вынужден был остановиться на зимовку в Белобережье. Ну, а дальше читателю известно...

Обо всех этих перипетиях умалчивают все наши христианские летописи, но о них достаточно подробно говорится в летописях «языческих», откуда, кстати, без указания источника взят и этот стихотворный отрывок:

Уже нам некамо ся дети –
волею и неволею стати противу.
Да не посраим земле Руськие,
но лязем костию ту!
Мъртви бо срама не имам;

аще ли побегнем, то срам имам.

И не имам убежати,

но станем крепько!

Аз же пред вами поиду;

аще моя глава ляжетъ —

то промыслите о себе».

И реша вои:

«Идеже глава твоя,

ту и главы наша съложим!

Обычно в нашей исторической литературе это подаётся как обращение Светослава к своим дружинникам перед битвой с многократно превосходящими силами византийцев. Так оно и есть, но это лишь незначительная часть того, что безымянный летописец—«язычник» (сравните язык этого стихотворения с языком автора—христианина Слова о полку Игореве, и вы увидите, какая между ними разница) вложил в уста Светослава.

К сожалению, наши академики, присвоившие себе монопольное право толковать русскую историю, не только русскоязычные, но и как будто русские, весь многовековой период дохристианской Руси непременно стараются представить эпохой варварства. Особенно поражают умозаключения академика Д. С. Лихачёва. Когда он, ничуть не смущаясь, на полном серьёзе говорит, что с «крещения Руси можно начинать историю русской культуры», мне всякий раз хочется спросить его, что он имеет в виду под словом «культура» и почему вслед за известными своей кичливостью греками, а затем и норманистами всех мастей называет Русь времён Светослава Игоревича «варварской державой на краю света»? Какой край света? На Дунае, Днепре, Волге или Волхове? И какое варварство? Насильственно насаждённое Владимиром I и его дядюшкой рабби Добраном идолопоклонство с человеческими жертвоприношениями, чего Русь никогда прежде не знала? Тогда, конечно, тут ничего не скажешь. И Владимир, и дядюшка его Добран действительно были варварами. У Владимира сотни жён, наложниц да его хмельные пиры в алых дымах невинной человеческой крови: «Питие есть веселие на Руси». Оно и понятно, что ещё можно было ждать от вожака разбойных варяжских шаек, не гнушавшегося насилловать даже беременных женщин, жену Ярополка, гречанку, к примеру? Но отчего же потом вдруг святой да ещё равноапостольный, вроде новоявленного апостола Павла? Дмитрий—то Сергеевич Лихачёв, насколько мне известно, человек набожный, из старообрядцев. Стало быть, Библию не может не знать. А там ясно сказано: «Сын блудницы не может войти в общество Господне, и десятое поколение его не может войти в общество Господне» (Второзаконие, XXIII, 2). Малка—то, Малуша

блудницей была. Или для дочери раввина полагается какое-то исключение особенное? Тогда, рассуждая о крещении Руси, академик Д. С. Лихачёв так бы и сказал, разъяснил нам, сирым.

Попутно и другой вопрос не худо бы прояснить. Можно ли считать, так сказать, культурным мероприятием те костры из книг, которые пылали на Руси при Владимире I и после него в общей сложности 133 года? Или Дмитрий Сергеевич полагает, что всё то давно уже быльём поросло? Напрасно полагает. В своих «Записках касательно русской истории» Екатерина II просто по-женски лукавила, говоря, что русская дохристианская письменность пока не найдена. Знала она прекрасно, что и в её время велись летописи докирилловской азбукой и с той самой грамматикой, не ссылаясь на которую по понятной причине, но которой всё же отважился дать «права гражданства» Михайло Ломоносов. Чуждой была русским людям та смесь иллирийского и болгарского наречий, которую принесли нам вместе с христианской книжностью болгары.

Сам собой напрашивается и третий вопрос к Дмитрию Сергеевичу. Что он понимает под «варварской державой»? До сих пор под словом «державка» у нас разумелось могучее централизованное государство. Но могут ли создать его варвары, то есть дикари? И есть ли хоть какая-то логика в том, что утверждает академик: «Из варварской державы на краю света вдруг появилась державка с мировой культурой...»?

По Д. С. Лихачёву выходит, что вчера ещё дикарская Русь вдруг стала державкой с мировой культурой только потому, что Византия, не однажды битая Русью, в одночасье передала ей все достижения своей цивилизации, и вчерашние варвары моментально достигли вершин мировой культуры. Но что в действительности, кроме церкви и всего, что связано с ней, могла перенять великая Русь у ничтожной по сравнению с ней Византии, жившей главным образом за счёт грабежа более слабых соседних стран? Да и грабила-то она руками всевозможных наёмников, расплачивалась с которыми ими же, простакими, награбленным. Объективно говоря, это было не более как государство-паразит с повадками афериста. Не случайно и вклад Византии в мировую культуру на поверку оказывается равен нулю. Не пышность ведь императорского двора да храмов Цареграда, а наука – вот что прежде всего определяет культуру. Ни одного учёного с мировым именем Византия, однако, за все одиннадцать веков своего существования не дала. Нельзя же в самом деле считать серьёзными учёными таких византийцев, как хронисты Приск Панийский, Прокопий Кесарийский, Михаил Пселл или Лев Диакон. Тогда уж в учёные надо производить и автора трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного.

Став наследницей Эллады и Римской империи, вместе взятых,

Византия ту и другую цивилизации перемолола в жерновах доведённого до фанатизма христианства, фактически поставив церковь над государством и тем самым заведомо предопределив свою неизбежную гибель, ибо там, где господствует та или иная теология, невозможно нормальное развитие научной мысли, от которой одной только и зависит главным образом жизнеспособность любого государства. И в то же время Византия вполне унаследовала многое из того эллинского, о чём очень хорошо, на мой взгляд, сказал Славомысл:

Средь прочих варваров жрец Клио греческой
персам изумлялся:
Отчего у тех сын отца иль мать свою зарезать
не дерзнёт,
Коль оттого выгода ему прямая:
хитона пурпур и подвластных сладкозвучна леть?
Да отчего персы столь глупы,
что смертью только за обман карают,
И презирают тех, кто долг отдать не может,
но злато в долг берёт?
Мы реку нашу Непрой нарекли,
чтоб на её берегах на прю никто не стал,
Погибелью не осквернив лазурь,
что нивам хлебным жизнь дала.
Но Непру грек по-своему назвал,
в его понятия Борисфен она –
Река борьбы. Парсу поклоняясь, он вожделением томим,
Чтоб Непра кровью налилась и нивы слов'янина
запылали кровавым сполохом огня.
Для грека скифы мы–
так наше «Честь тебе!» он начертал,
Иль смысл слов'янского привета не поняв,
иль в Слове имя не признав.
Вернее же всего, в чём нет сомненья, здесь
грека суть видна и что его влечёт.
Не может поделиться честью тот,
кому она чужда,
Иль в толк ему не взять,
отчего пред путником душа щедра,
Коль он тебе незнанный и саква скарба у него,
А слов'янин, не зарясь, – честь тебе
и в сердце радость!
Притом оружный сам и грива у коня дугой.
Греку диво то, иная гложет его страсть.

Природою своей он плут и жаден,
но правде должное отдам: в битвах лют,
И если друг ему ты, другу не откажет,
добро и зло разделит пополам.
Однако пифий имена из Дельфий борисфенские,
смерть за лучшее приняв, не изречёт.
Не дочери россияч, гексаметра стихом играючи, –
Олимпа жрицы Оракула сужденья возвещают.
Загадка та сложнее мирозданья,
в сокрытом не понять, где чёт, а где нечёт.
Скифы – варвары, но девы скифов, затворенные в храмах,
к стопам, омытых Непрой, Элладу повергают.
В постиженьи таинств прорицанья эллину мнится
бездна роковая –
Ужасна пропасть и где-то там в бездонье –
темень гробовая.
Не ведающий страха пред острием меча, эллин, рассудок
потеряв,
от края бездны той отпрянет.
Но волхвов с Непры призовут и уж в эллинов рядят:
Всеслава вещего Анахарсисом прозвали,
Любомудр же, россич из Голуни, – эфесский Гераклит...
Слов'янская порода плодovitа,
Любомудры, Светозары да Всеславы – не редкость на Руси
И матери рожать не перестанут на Непре и Роси.
Соседям утешенье, что ж, – русам не потеря.
Но зачем Сократа, своего природного эллина,
испить цикуту обрекли?
Познавший семь начал, он в Слове
всех семерых открыл начало.
Ему ж за то – не потому ль, что свой? – цикуту!
Сравнить со зверями эллинов в сём нельзя,
напраслиной было бы то на зверя.
Многочуден лик эллина, как басни Геродотовы о скифах...

В том интервью журналу «Огонёк», которое я уже цитировал, академик Д.С. Лихачёв, кроме всего прочего, сказал: «Тогда Василий II (император Византии. – А.И.) отдал свою сестру за Владимира I, и в династическом плане Русь поднялась на невиданную высоту. И Владимир Мономах был потомком византийских императоров...»

Мне не хотелось бы и дальше продолжать полемику с нашим академиком, но уж больно его утверждения противоречат исторической правде, хотя обычно часть правды в них есть, но, к сожалению,

нию, лишь часть, а не правда и только правда. Это вдвойне огорчительно, что, будучи в отличие от академика Б.А. Рыбакова действительно специалистом по истории и литературе Древней Руси, Дмитрий Сергеевич, конечно же, знает, что ставить в один ряд Владимира I и Владимира Мономаха никак невозможно, поскольку по своему отношению к Руси эти личности прямо противоположные. Как и то, что династические связи с Византией были важны для Владимира I, но вовсе не для Мономаха.

Женившись на византийской царевне Анне и крестившись в крымском Корсуне в христианскую веру, Владимир I тем самым хотел, скорее всего, показать свою приверженность великой княгине Ольге и хоть этим как-то оправдать свой захват золотого стола в Киеве, так как за сына Светослава Игоревича на Руси его никто, естественно, не принимал. С другой стороны, он, сын иудейской блудницы, воспитанный среди разбойных варяжских шаек, понятное дело, нуждался в укреплении своего авторитета. Что же касается самой Руси, то никакого престижа ей этот брак не прибавлял. Имей Светослав Игоревич относительно Византии такие же намерения, как против Великой Хазарии, он без особых усилий уничтожил бы эту кичливую империю ещё во время своего первого похода на Дунай: четыре дня пути оставалось ему до Цареграда, когда синкель Феофил, ближайший советник византийского патриарха, пал перед ним на колени, запросив мира на любых условиях. И действительно Цареград платил потом дань Руси огромную.

Стало быть, не Византия, а Русь была самой могущественной державой мира. Причём нужно знать всю внутреннюю иерархию Византии, чтобы понять, в какое унижительное положение была поставлена эта империя, если перед Светославом пал на колени не простой посол, а второе лицо в государстве после патриарха. Императоры в Византии менялись, как перчатки, нередко будучи самого низкого происхождения. От патриарха зависела судьба претендентов на императорский престол, и потому он, патриарх, был самым могущественным человеком в государстве, а после него – синкель, в руках которого император был лишь послушным орудием.

А зная это, можно ли говорить, что какой-то там династический брак с византийской царевной поднял Русь «на невиданную высоту»? Кто она по сравнению с валявшимся в ногах великого князя Руси синкелем? Это только подтверждает, что с помощью одних варягов Владимир I не мог удержаться на золотом столе в Киеве. Поэтому, кроме личного престижа ему нужна была также поддержка Византии.

И ещё один важный момент, который тоже говорит очень о многом.

И в первом, и во втором походах на Дунай Светослав доволь-

ствовался всего десятью тысячами дружинников против сотысячной армии Византии. И побеждал.

Да, конечно, он был гениальным полководцем. Но, хоть мало-мальски разбираясь в военном деле, можно ли себе вообразить, чтобы десять тысяч варваров, то есть полудикарей, будь у них и сверхчеловеческий предводитель, побеждали вдесятеро превосходящую их по численности цивилизованную армию? Никакой гений не в состоянии вести в подобной ситуации победоносную войну, если его войско не превосходит во столько же раз противника силой оружия и умения им владеть. Вот здесь и к месту припомнить фразу Прокопия Кесарийского: «Железо звонкое и такое, что наш меч может рубить, но само не зазубрится». Написано же это было за четыреста лет до Светослава. Византия знала тогда только железо, а россияне варили уже высокоуглеродистую сталь. Византиец по уровню своего интеллекта ни в VI веке, ни в X веке и понять не мог, что это такое, как наш академик Б.А. Рыбаков, публикуя в своей книге «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков» фотографию мечей русов, ограничился лишь краткой подписью: «Мечи середины X в., найденные в днепровских порогах на месте гибели князя Светослава и его дружины». Очевидно, и ему, современному академику, не пришло в голову подумать, почему мечи эти пролежали в речном иле тысячу лет и не тронуты коррозией, а найденные там же сделанные из лучшей в мире, как теперь считается, рурской легированной стали штыки гитлеровцев съела ржавчина.

Вопрос между тем не пустяшный. Качество стали, которую невозможно варить кустарным способом, говорит об уровне металлургии, а уровень металлургии, в свою очередь, если иметь в виду развитие материальной культуры, более всего свидетельствует о достижениях науки, ставшей производительной силой. Там же, где наука стала производительной силой, фундаментальные познания, как нам известно, непременно должны опережать прикладные, то есть то, что уже применяется на практике. Таков непреложный закон эволюции любой цивилизации.

Академики Б.А. Рыбаков и Д.С. Лихачёв могут игнорировать наши «языческие» летописи или не знать их вообще, но что в нынешних условиях мешает сделать химический анализ стали русских мечей середины X века? Ведь это как раз предметно и покажет нам, какими знаниями владела дохристианская Русь хотя бы в одной из этих областей. Но мы — то понимаем, что значит, скажем, создать и запустить на Луну один космический корабль, какая для этого нужна интеллектуальная и материальная база.

Разумеется, космический корабль и высокоуглеродистая сталь — вещи не совсем сопоставимые, но не будем забывать и тысячу лет, отделяющих во времени одно от другого.

Примечательна и выкованная на одном из мечей надпись, говорящая о его назначении: **ДЛЯ ЗАЩИТЫ СВОБОДНЫХ ОТ СУЕВЕРИЙ ЖИЗНИ И ПОЗНАНИЙ ОТЕЧЕСТВА И ЕГО ГРЯДУЩЕГО.** Очень сомнительно, чтобы во всей мировой археологии сыскалось ещё что-нибудь подобное. В этой надписи, между прочим, заключён и ответ на вопрос, почему Светослав внял мольбам синкеля Феофила. Обильная всеми жизненными ресурсами и почитавшая выше всего труд и познания Русь в отличие от своих соседей не стремилась ни к захвату чужих территорий, ни к порабощению других народов. Увы, за своё благородство ей и приходилось нередко расплачиваться слишком дорого. Роковую ошибку допустил Светослав в тот день, когда в лице синкеля Феофила проявил милость к его хищной и коварной империи. И, будучи ясновидцем, предвидя грозящие Руси многие беды, он всё же не мог поступить вопреки благородству своей души. Должно быть, такова уж особенность подлинно благородных натур: не способны они переступить черту, за которой начинается безнравственность...

На этом можно было бы и закончить наш разговор о «варварской державе на краю света», как определил дохристианскую Русь академик Д.С. Лихачёв, если бы не то действительное варварство, в которое она была ввергнута при Владимире I.

Долгие годы, копаясь во множестве различных исторических источников, ещё и ещё раз внимательно вчитываясь в наши «языческие» и христианские летописи, я мучительно искал объективные причины той катастрофы, которую пережила Русь после гибели величайшего из своих сынов – Светослава Игоревича. На целых сто тридцать три года, не считая шестилетнего княжения неизвестных кровей Ярополка и двухлетнего междувластия, словно какая-то вязкая, мутная пучина поглотила самую могущественную, самую высокоинтеллектуальную державу мира. Менее чем за полтора века была уничтожена целая цивилизация, для созидания коей понадобились тысячелетия. Как, кем и с какой целью она уничтожалась, в «языческих» летописях описано с беспощадной правдивостью, но ответа на свой вопрос я и в них не нашёл.

Впрочем, причины глобального характера, погибельно сказавшиеся на Руси, мне ясны, как ясно видел ожидавшие Европу и в том числе нашу страну потрясения Миклухо-Маклай, составлявший прогноз развития нашей цивилизации в 1866 году и уже тогда безошибочно определивший, что нам суждено было пережить в 1980 году. Но прогноз Маклая подтвердила последовавшая затем хроника событий. Я же могу говорить лишь о том, что современная наука может проверить экспериментальным путём или на что есть возможность сослаться, ибо не существует пока такой машины, которая

показала бы на каком-то экране всю сумму познаний человека, а верить в его добросовестность и самоответственность перед Отечеством мы давно разучились. Поэтому даже один из моих друзей, знающий меня более тридцати лет, прочитав эту ещё не законченную рукопись, высказал своё мнение о ней в том плане, что она нуждается в соответствующей экспертизе. Хотел бы я, однако, знать, кто из нынешних официальных учёных способен в данном случае выступить в роли более-менее квалифицированного эксперта, если самыми авторитетными специалистами по истории Древней Руси у нас почитаются сейчас такие академики, как Б.А. Рыбаков и Д.С. Лихачёв, а двухполярный, схоластический в самой своей основе диалектический материализм считается серьёзной наукой?

В 1939 году в Нью-Йорке проходил Международный конгресс по биологической физике и биологической космологии, который избрал своим президентом Александра Леонидовича Чижевского и принял в этой связи специальный документ – «Меморандум о научных трудах профессора доктора А.Л. Чижевского», в котором в частности говорилось: «Профессору А.Л. Чижевскому принадлежит приоритет ряда капитальных открытий в биофизике, электрофизиологии, медицине и других областях естествознания. Эти открытия имеют для человечества первостепенное практическое значение и развёртывают широкие горизонты в науках о жизни. Профессор Чижевский смело перебрасывает мосты между явлениями природы и вскрывает закономерности, мимо которых проходили тысячи естествоиспытателей...»

А ведь одно из главных прозрений А.Л. Чижевского как раз в том и заключалось, что он ясно осознал несостоятельность диалектического материализма и так называемых законов общественного развития, что недвусмысленно можно понять, внимательно прочитав переведённую на многие языки мира его докторскую диссертацию «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса» (Москва, 1918 г.). Но самой ужасной его крамоллой считали ревностные последователи академика М.Н. Покровского то, что он попытался установить закономерную связь между вспышками на Солнце и социальными потрясениями на Земле, войнами и революциями, а затем, казалось бы, ничем не объяснимой общественной апатией.

Собственно, А.Л. Чижевский заново открыл то, что хорошо было известно нашим пращурам во времена Светослава Игоревича и что положил в основу своих расчётов развития нашей цивилизации Миклухо-Маклай. Именно за это Александра Леонидовича и постигла такая же участь, как академика Н.И. Вавилова. А разве не страшной ересью ещё совсем недавно считалось учение академика В.И. Вернадского о Ноосфере? Похоже, однако, клеймо спецхра-

на снято с него только для того, чтобы, прикрываясь авторитетом Вернадского, досужими, а чаще просто абсурдными рассуждениями о Ноосфере оправдать такие явления, как шаман–психотерапевт с выпученными глазами на телеэкране, который со страниц тридцатимиллионнотиражной газеты, ничуть не смущаясь, заявляет, что он–де «досконально изучил психологию толпы» и, пользуясь телевидением, а также другими массовыми аудиториями, даёт ей свои «установки», то есть управляет поведением населения всей нашей громадной страны, будто бы не калечит психику доверчивых людей, а снимает с них, так сказать, эмоциональные перегрузки. В ответ же ему вместо смиренной рубашки – оvation. Полагают, очевидно, что прежде, чем вперить глаза в телекамеру, сей последователь Зигмунда Фрейда прошёл соответствующую экспертизу, и шаманство его получило одобрение никак не меньшей научной инстанции, как Высшая аттестационная комиссия. Не приходится поэтому удивляться, что и последователь Хаима–Нахама Бялика протрубил уже шабашную «РАПСОДИЮ РАСПАДА».

Я вышел из сада. Из сада
плыла в окна фасада
рапсодия распада,
в деревьях полуночных,
в незыблемых громадах
наращивала мощность
рапсодия распада...

Сыграй мне, Растропович, рапсодию распада,
виолончель влеченья!

Сыграй без исключенья Растроповичиаду
художника и черни.

Ты, как мулатку в зале, к себе поставишь задом
виолончель влеченья...

Молчала за оградой
критическая масса,
распутица расплаты.

Меж основоположников
толпа искала ложников,
шла рабская топтада...

(См. журнал «Юность» 1989, №11, стр. 30)

Этому экспертиза не требуется: он сам себе эксперт, поскольку именует себя «прорабом духа» и опять же таки взгляд на события у него в нашей стране для нас с некоторых пор, можно сказать, ставший привычным – «рабская топтада»...

Хотя о чём я тужу, неразумный! Выходит, заведомо подозре-

ваю в некомпетентности всех наших историков. Каюсь, я имел в виду лишь официальных столпов от истории. Да и то очень сомнительно, чтобы они ничего не ведали о том, что ведомо мне и многая—многая со мной вкупе. Не опровергли ведь ни Б.А. Рыбаков, ни Д.С. Лихачёв «Летопись Аскольда», опубликованную во втором номере журнала «Київ» за 1988 год. Сочли, вероятно, за лучшее промолчать, дабы не осрамиться и тем самым не поручить текучий песок зыбкого фундамента собственных сочинений. Летописание—то при Аскольде велось нашей дохристианской азбукой, как и летописи Раскопальницкая и Хрущёвская, о которых говорится у Н.В. Татищева, ибо не пользовались на Руси в те поры ещё кириллицей, а коль так, тут снова сокрушительный удар по тезису о «варварской державе на краю света».

Напрасно тешатся упомянутые столпы от истории мыслью, будто такие документы, как Раскопальницкая и Хрущёвская летописи, не дошли до нас. Если бы в бесовских кострах, пылавших на Руси с 980 года по 1113 год, сгорела вся наша дохристианская литература и не были продолжены её традиции в последующие века, не смог бы Николай Константинович Рерих создать свою могучую материалистическую школу в Гималаях, как невозможно было бы и Владимиру Ивановичу Вернадскому восстановить и развить далее учение о Ноосфере. И без того преследуемый, слишком большой опасности подвергнул бы он себя, сославшись на первоисточники. Для него это наверняка стало очевидным уже в то время, когда он работал над собранием сочинений Михайла Ломоносова. 1 июня 1928 года пишет в Президиум АН СССР:

«На основании постановления ОС от 1 октября 1927 г. продолжение издания сочинений М.В. Ломоносова поручено Комиссии по истории знаний и Археографической комиссии. В виду этого было произведено несколько работ, так как тома шестой и седьмой печатались одновременно, предстояло прежде всего выяснить, что необходимо сделать для окончания каждого из них. Беглое ознакомление с шестым и седьмым томами сочинений Ломоносова довольно скоро выявило необходимость отыскания тех рукописей, которые были положены в основу издания, снимков, которые должны быть приложены, примечаний к общим томам. Несмотря на принятые меры, отыскать упомянутые материалы не удалось...» (Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М., 1988 г., стр.348).

Так и сгинули те рукописи М.В. Ломоносова, публикация снимков которых, как это можно понять из пока не обнародованной переписки В.И. Вернадского за 1928 год, не оставила бы камня на камне от книги тогда ещё без пяти минут академика М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке». Именно он являлся в то время главным цензором всех важнейших научных изданий в СССР, и

только по его личному распоряжению могли «пропасть» рукописи М.В. Ломоносова.

Всё дело в том, что М.В. Ломоносов, хотя из опасений Синода открыто и не ссылался на какие-либо дохристианские русские источники, но в черновых рукописях своих при выведении тех или иных формул часто пользовался не латинской символикой иксов и игреков, а нашей дохристианской, так как весь арсенал понятий по точным наукам в ней был гораздо богаче, чем латинский или греческий, и работать поэтому с ней Ломоносову было значительно удобней. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на чудом уцелевшие обрывки его формул химии цветного стекла.

Дальше я скажу, как «распорядился» М.Н. Покровский научным наследием Миклухо-Маклая, а сейчас хочу обратить внимание читателя на то, до какой степени цинизма доходил сей извратитель русской истории и его издатели.

В начале десятого издания «Русской истории в самом сжатом очерке» (1933 г.) опубликовано адресованное её автору письмо В.И. Ленина, ссылаясь на которое, М.Н. Покровский, уже академик, в своём предисловии пишет:

«Ещё менее возможно менять что-либо в общем плане и схеме книги. Первоначальный план и первоначальная схема были одобрены В.И. Лениным. Ревизия ленинизма в каком бы то ни было, хотя бы в своём частном, вопросе – дело для меня совершенно непривычное, и я охотно предоставляю его другим...»

Как сказано в редакционном примечании к письму В.И. Ленина, Владимир Ильич читал первые две части «Русской истории в самом сжатом очерке», изданные Госиздатом в 1920 году. И в том же году 5 декабря направил коротенькое, из трёх абзацев, письмо М.Н. Покровскому. В первом абзаце он действительно писал, что «чрезвычайно понравилась мне Ваша книга... Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом...»

Всё это верно, но лишь в том отношении, что М.Н. Покровский умел сочинять увлекательно, даже лихо. Но чтиво в качестве истории России Владимира Ильича удовлетворить, естественно, не могло. Поэтому он, хотя и деликатно, но вполне однозначно требовал от М.Н. Покровского коренным образом переработать всю книгу.

«Позволю себе, – писал В.И. Ленин, – одно маленькое замечание. Чтобы она (книга. – А.И.) была учебником (а она должна им стать), надо дополнить её хронологи[ческим] указателем. Поясню свою мысль примерно так: 1. столбец хронологии; 2. столбец оценки буржуазной (кратко); 3. столбец оценки Вашей, марксистской; с указан[ием] страниц Вашей книги.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу, и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую...»

В том же своём примечании издательство уверяет читателей: «Совет Ленина был выполнен М.Н. Покровским, приложившим к книге синхронистические таблицы». Из этого можно только заключить, что и сам автор, и работники Партиздата, выпустившие в свет это десятое издание его сочинения, считали читателей по меньшей мере недоумками. В письме В.И. Ленина ясно сказано не только о необходимости дать указатель использованных М.Н. Покровским источников, но также о кратком изложении этой литературы параллельно с текстом самого М.Н. Покровского, «чтобы не было верхоглядства, чтобы (учащиеся. — А.И.) знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую».

Вот как ставил вопрос Владимир Ильич, конечно же, видевший, насколько страдает книга М.Н. Покровского именно верхоглядством и отсутствием каких-либо ссылок на то, откуда и что конкретно он взял. Однако ни единого замечания В.И. Ленина М.Н. Покровский не учёл. Вместо этого, абсолютно ничего не изменив в книге, он приложил к ней несколько страниц голый цифири, названной то ли им самим, то ли издательством какими-то «синхронистическими таблицами», по которым невозможно установить ни хронологическую последовательность тех исторических событий, которых касается автор, ни тем более узнать имена тех буржуазных историков, которых он яростно обвиняет в «ПАТРИОТИЧЕСКИХ, т.е. НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ» чувствах. Появись в книге М.Н. Покровского хотя бы такая хронология да имена русских дореволюционных и иностранных историков, все его залихватские умопостроения рассыпались бы в прах, ибо, обратившись к первоисточникам, читатель сразу бы понял, что ему подсунули не труд серьёзного историка, а пасквиль шулера от истории, поставившего своей главной задачей облить Россию грязью и ради этого пустившегося во все тяжкие, с поразительной наглостью прикрываясь авторитетом В.И. Ленина. Но и тут сам себя сажает в лужу. Замечания—то Владимира Ильича и школьнику понятны. Зачем же было предварять его письмом свою пасквеляду? Воистину не иначе, как был уверен, что его читатели недоумки.

Так сейчас, ссылаясь на авторитет академика В.И. Вернадского, доводят до абсурда его учение о Ноосфере, чтобы, уповая на невежество «критической массы», которая «рабская топтада», превратить нашу страну в грандиозный сумасшедший дом. С телеэкрана прямо—таки ливнем хлынула мистика, да если бы только мистика...

На Украине есть пословица: «Не говори гоп, пока не пере-

скочишь». До перескока, как погляжу вокруг, далековатенько пока, однако новоявленные наши «прорабы духа» уже мнят себя по ту сторону барьера, уже трубят шабаш, то бишь «Рапсодию распада».

Хаим–Нахам Бялик – тот поучал:

И рассыптесь в народах, и всё в проклятом их доме
Отравите удушьем угара;
И каждый да сеет по нивам их семья распада,
Повсюду, где ступит и станет.
Если тенью коснётся чистойшей из лилий их сада –
Почернеет она и завянет...

А здесь сатанинский замысел уже как бы свершился:

Я вышел из сада. Из сада
плыла в окна фасада
рапсодия распада...

Раненько затрубили, любезные, ой, раненько. История, как известно, имеет свойство повторяться. Тут–то и в самый раз вернуться к Владимиру Мономаху – «русичу в согласии с Русью».

Но здесь нам опять не обойтись без очередного отступления.

В 1944 году – решающем для Второй мировой войны и судеб мира – шестидесятилетний и уже тяжело и опасно больной Николай Константинович Рерих из далёкой горной долины Кулу в Индии обратился с посланием к народам нашей страны, в котором в частности говорилось:

«Повелительно скажем: любите Родину! Скажем словами великого Гоголя. Они были произнесены ровно сто лет назад. Не устала мысль Гоголя. Не устарел его полнозвучный язык. Народ чтит Гоголя, и нет такого угла в русских просторах, где бы молодое сердце не внимало заветам любимого мыслителя. Слушаем: «Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России... Но прямой любви ещё не слышно ни в ком, – её нет также у вас. Вы ещё не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всём дурном, что в ней ни делается, в вас всё это производит только одну чёрствую досаду да уныние. Нет, это ещё не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком ещё отдалённое её предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадёт тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже ум-

ных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России, и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно всё сделать. Нет, если вы действительно любите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдёте, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмёте, предпочитая одну крупную деятельность на нём всей вашей нынешней бездейственной и праздной жизни. Нет, вы ещё не любите России. А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев...». «Русь, куда ж несёшься ты, даёт ответ? Не даёт ответа. Чудным звоном заливаётся колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, постараниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

И через сто лет Русь дала ответ: «Вперёд, вперёд, вперёд! Во благо человечеству!»

Ещё раз повторяю, я не могу утверждать, что Николай Константинович и его мужественная и столь же мудрая супруга Елена Ивановна в годы, когда в России бушевала революция, отважились на невообразимо трудное, с риском для жизни путешествие в индийские Гималаи потому, что после крещения Руси, спасая от инквизиторских костров крестителей свои книги, туда ушли многие из лучших умов русичей, зная, что среди родственных нам браминов они найдут взаимопонимание и с братской их помощью не дадут угаснуть светильнику тех познаний Природы, который освещал жизнь наших пращуров по меньшей мере три предшествующих тысячелетия. Говорю, не могу утверждать, поскольку никогда не встречался с Рерихами и не знаю, что они сказали бы в ответ на мой вопрос. Но когда я читаю рассуждения о том, будто Рерих задался целью найти «тот ГИПОТЕТИЧЕСКИЙ источник, из которого когда-то, тысячи лет назад, возникли индийская и славянская культуры», слово «гипотетический», то есть предположительный и вообще маловероятный, вынуждает меня ещё и ещё раз зримо воспроизводить в памяти и сравнивать важнейшие тексты раннесанскритских летописей браминов и наших древнейших дохристианских (те и другие вернее было бы назвать сводами мировоззренческих понятий) и, несмотря на постепенно изменявшуюся у браминов графику письменности, я не вижу разницы в философии смысловой символики и не нахожу существенных отличий в системе мышления и в самом содержании большинства понятий. Источник определённо один, тот, на который указывают сами брамины: «Отцы наши пришли из Зелёного Края, от горы Ирийской, где семь рек, одолев с севера великую браму гор этих». Ясно, что Зелёный Край, где семь рек, — Семиречье, лишь в 6 веке н.э. занятое кочевыми тюркскими народами, образовавшими

на территории теперешнего Казахстана свой Восточный каганат, а гора Ирийская, то есть благодатная для жизни, где много воды и растительности, – скорее всего Заилийский Алатау. И в этом нет ничего удивительного, если учесть, что памятники слов'янской культуры археологи находят теперь на Алтае и берегах Енисея, да и держава Аттилы, как мы помним, простиралась от Енисея до Лабы (Эльбы). О том же, что Аттила был слов'янином, убедительно свидетельствует Приск Панийский.

Затем я сравниваю свои познания, полученные от моих русских Учителей на Памире, с тем, что вобрали в себя книги «Живой этики», созданные в Гималаях, анализирую жизнь Рериха, озарённую подвижнической любовью к Родине, и у меня пропадают всякие сомнения относительно того, что только осознанное, с глубоким пониманием взятой на себя миссии, стремление вернуть Отечеству изначальный свет его Разума привело Николая Константиновича и Елену Ивановну в Гималаи, а вовсе не романтические мечтания найти нечто гипотетическое. Они твёрдо знали, где и что конкретно должны найти, когда преодолевали все опасности на пути через громадную, озверевшую в пожарищах гражданской войны страну, безводные каменистые пустыни и горы. Нет, от революции они не уходили, наоборот, именно ради революции совершали свой подвиг, ибо неколелево верили: «Эволюция мира складывается из революций и взрывов материи. Каждая революция имеет поступательное движение вверх. Каждый взрыв в конструкции своей действует спирально. Поэтому и каждая революция в своей природе подвержена законам спирали. Потому правы те, кто заботится о движении завоеваний революции».

Как невозможно приостановить эволюцию мира, так невозможно предотвратить ту или иную социальную революцию:

«Оглянёмся на страницы истории. Пришло время освобождения мысли, и запылала костры, но мысль потекла. Пришло время народоправства, и загрели расстрелы, но воспрями народы. Пришло время развития техники – ужаснулись стародумы, но двинулись машины, пульсируя с темпом эволюции. Теперь пришло время психической энергии. Все инквизиторы, реакционеры и невежды могут ужасаться, но возможность новых достижений человечества созрела во всех неисчислимых возможностях мощи. Инквизиторы и реакционеры могут строить тюрьмы и сумасшедшие дома, которые пригодятся для них же, в виде рабочих колоний. Но созревшую ступень эволюции отодвинуть нельзя...»

Читая слова Рериха, я отчётливо слышу голос моего Учителя старца Зорана, ибо о многом он говорил почти так же:

«Может ли быть потоп, смывающий целые области? Может

ли быть землетрясение, разрушающее целые страны? Может ли быть вихрь, сметающий города? Может ли быть падение громадных метеоров? Всё может быть, и скорость качания маятника может увеличиться. А имеет ли значение качество человеческой мысли? Кто хотел бы получить ответ на этот вопрос, пусть подумает о сущности вещей. Она очень близка по своим свойствам к мысли, и много мыслей устремлено из разных миров...

Из всех энергий тончайшая есть мысль. Можно истинно утверждать, что мысль переживёт всё. Мысль бессмертна и живёт, создавая новые сочетания...

Мысль нерушима, и она вибрирует в пространстве...

... наука о передаче мысли на расстояние – достижение, суждённое человечеству. Но она должна быть подлинной наукой и вызывать достойное уважение. Недопустимо, чтобы люди более почитали сделанный их руками аппарат, нежели великую энергию, заключённую в них самих...

Тончайшей, но и величайшей из энергий является энергия, рождающая и несущая в себе мысль. Но не надо подразумевать под понятием «мысль» всё, что приходит человеку в голову, часто праздную и не способную к подлинному мышлению. Подлинное мышление – сложнейший энергетический процесс, преобразующий один вид тончайшей психической энергии в другой, такой же тончайший, но качественно иной, обогащённый новыми идеями, новым познанием...

Так называемое четвёртое измерение есть свойство психической энергии. Углублённое познание свойств психической энергии неизмеримо расширит круг всех понятий...

... пора от изучения грубых слоёв материи перейти также к исследованию тончайших энергий...

Дух человеческий мы ставим в ряд высшего понимания явлений Космоса...

Человек – часть космической энергии, часть Разума, часть высшей материи...

Господство духа и сердца – великий космический закон...

Законы Космоса у современного человечества пока остаются почти за гранью понимания. Поэтому все жизненные устройства идут вразрез с Космосом. Человечество принимает ничтожное количество видимых следствий, но не может и отказывается принять великое сокровище Космоса...

Пусть учёные найдут в себе мужество не отрешаться от того, что в настоящее время им неизвестно...

... знание приходит только с готовностью духа...

В творчестве духа воплощается вся эволюция...

Мысль, лишённая вибрации духа, мертва. Только вибрация

духа может созидать...

Лишь дух не знает границ, и Учение будущего будет основано на завоеваниях духа... Мир един созвучием духа...

Умение правильно воспринимать значение нравственных понятий относится к области науки. Нельзя легкомысленно делить науку на материальную и духовную, такого разграничения не существует...

Рост духа не терпит насилия. Этим объясняется медленное течение эволюции человечества...

Самый большой урон расширению познания наносили и наносят те, кто противопоставлял и противопоставляет дух материи, а материю – духу...

Суть всякой инквизиции в преследовании необычного, в догматизме, нетерпимости и невежестве...

Часто повторяют слово «эволюция», но ещё чаще совершенно не представляют, что это такое в действительности. Много рассуждали о новом устройстве человеческого общества, но всегда полагали, что оно живёт в чём-то неподвижном, законченном. Историю Потопа и Ледникового периода воспринимают как нечто почти символическое. Об Атлантиде не принято даже говорить всерьёз, несмотря на всё написанное о ней греческими писателями и, несомненно, заслуживающее внимания. Можно видеть, как человеческое сознание не принимает ничего, что не согласуется с установленными представлениями и благополучием. Так и понятие эволюции становится отвлечённым и нисколько не волнует окаменевшее сердце. Но разве каждый небосклон не вызывает мысли о вечном движении? Только через эти эволюционные процессы можно понять и принять красоту земного пути, как дороги, зовущей к восхождению...

... человечество представляет собою словно бы цемент планеты, удерживающий её части от распада и хаоса. Мир не населённый легко разрушается. Но человечество не должно гордиться такой своей миссией, а чувствовать себя стражем в дозоре...

Никто никакими запретами не прервёт эволюции. Но невежды могут создавать судороги в познании, восстания и разрушения. Именно запретами они и вызывают волны хаоса...

Осмотрев карту Мира, нетрудно убедиться, что разложение предшествует расцвету, который осуществляется только обновлением духа... лишь это даёт прочный фундамент для нового созидания. В нём человечество найдёт своё великое назначение и своё место в Космосе. Истинно, воскресение духа будет творчеством Новой Эпохи...

Дух, обременённый останками вчерашнего дня, нагружен громадами, с которыми не взойти на Гору, не пройти через Врата

Света...

Не разрушайте чужой храм, если на его месте не можете сразу воздвигнуть новую храмину. Место храма не должно оставаться пустым...

Наступает время, когда потребуется согласие учёных из самых разных областей науки. Предстоит соединить достижения новых и древних культур с наблюдениями механическими и физическими. Отыщутся скелеты великанов также с предметами различных наблюдений. Станут необходимыми знания небосвода древних, чтобы объяснить «странные» перемены, происшедшие и происходящие с нашей планетой. Нужно доброе согласие, чтобы распахнуть шире горизонт новых наблюдений и познания...

Каждый век несёт свою весть человечеству. Грядёт эра психической энергии. Её назначение – помочь человечеству в разрешении самых трудных из стоящих перед ним проблем...

Психическая энергия в руках человека может стать страшным оружием...

... нужно понять единство энергии, иначе невежды могут отнести её только к человеку... С психической энергией необходимо обращаться осторожно и бдительно, сознавая её значение и мощь...

... энергия, излучаемая человечеством, нужна для правильного движения планеты. Если же эта энергия становится отравленной, она ослабляет заградительную сеть в Космосе и тем нарушает равновесие многих светил...

... человечество не имеет права отравлять атмосферу Земли – оно ответственно за гигиену планеты...

Не будем успокаивать себя тем, что будто бы какие-то умы за всех что-то придумают. Человечество обязано мыслить, оно должно сообща стремиться к новым достижениям. Нельзя, чтобы хаос невежества в пышных одеждах вторгался и глумился над познанием...

Весь мир разделяет граница между личным и Общим Благом. Если мы, движимые искренними помыслами, отдадим предпочтение Общему Благу, – за нами весь резервуар космических накоплений...

Правы: прекрасная Истина – в Космосе. На этой формуле Космос утверждает и продвигает вперёд эволюцию. Космос направляет мир к овладению красотой...

Светлая всепобеждающая мысль будет вполне соответствовать условиям грядущей новой Эры сотрудничества...»

Большую часть рассеянных по разным книгам из серии «Живая этика» и приведённых здесь отрывков из высказываний Н.К. Рериха (чтобы иметь возможность сослаться на общедоступный

источник, я специально подобрал в основном те из них, которые публиковались в журнале «Огонёк», №43 за 1989 г., но должен предупредить читателя, что в журнальной интерпретации почти все они подаются неточно и так разбросаны среди других тем, что стержневая мысль автора либо «размывается», либо он вообще воспринимается порой не энциклопедически образованным материалистом, а едва ли не мистиком) в том или ином виде можно найти в нашей древней дохристианской книге «Сварожье и мышление», последняя редакция которой относится к IX веку н.э. И это лишний раз убеждает меня, что в 1918 году Николай Константинович со своей супругой Еленой Ивановной отправились в индийские Гималаи именно с намерением найти у браминов и вернуть Отечеству те материалистические знания наших пращуров, которые варварски начала уничтожать христианская церковь сразу после насильственного крещения Руси при Владимире Малкинде, которого дочь любеческого раввина Малка якобы зачала от тринадцатилетнего Светослава Игоревича.

Есть у меня и другие доказательства в пользу моего предположения о гималайской миссии Рерихов.

Летом 1955 года, будучи корреспондентом Всесоюзного радио по Средней Азии, я получил из Москвы задание взять для «Пионерской зорьки» интервью у прибывшего в Ташкент премьер-министра Индии Джавахарлала Неру. С большим трудом удалось пробиться к нему с условием, что я отниму у него не более 10 минут. Наша беседа, однако, к обоюдному, как можно было судить, интересу продлилась около шести часов. Надеюсь, когда-нибудь я напишу о ней отдельно, а здесь остановлюсь лишь на одном из своих вопросов премьер-министру, благодаря которому, собственно, моё короткое, как заранее оговаривалось, интервью и закончилось против ожидания продолжительной беседой.

Зная, что Неру считал себя учеником не только Махатмы Ганди, но и Николая Рериха, которого называл махариши, я быстро написал в блокноте нашей дохристианской азбукой слово «культура» –

Кз V o l l' ↑ V o Δ N . | ^

и спросил его, знакома ли ему такая азбука.

Маленький, щупленький, в своей неизменной белой пилотке, он глянул на меня с сияющим изумлением и с такой же лучистой радостью теперь к моему удивлению прочитал по-древнерусски без акцента:

– Корень Зори несомый любовью твоей в движении родов наших к Истине. – Оказалось, в порядке импровизации я затронул

тому, мигом снявшую с него всю его официальность главы правительства крупнейшей из мировых держав. — Замечательно глубокое определение, не правда ли, Ири?

Скромно сидевшая с нами за круглым столом Индира Ганди, ещё совсем молодая, с чёрной в смоль причёской и в нежно-розовом сари, в знак согласия кивнула головой и краешками губ тоже улыбнулась.

Все трое мы словно вдруг породнились. Никогда не забуду ту одну из самых счастливых минут в моей жизни. Из простого журналиста я превратился в равноправного собеседника великого человека, которого с ликованием встречали Москва и Ташкент.

— Махариш Рерих, — сказал он, — думал, что другим людям это ваше древнее слово трудно осмыслить, потому по созвучию с латинским «култус» и нашим «ура» переводил его обычно как «поклонение Свету». Но вы, наверное, имели в виду книгу «Культура»?

— Она Вам известна?

— Полагают, её первую редакцию брамины принесли в Пенджаб четыре—пять тысяч лет назад, а окончательный вариант попал к нам, вероятно, где-то в середине одиннадцатого века, когда в Индию пришла новая волна учёных русов. Можно сказать, это наша общая книга, но в мире она получила распространение в переводах с санскрита под названием «Панчатантра, или пять книг житейской мудрости». И весь колорит, конечно, давно стал чисто индийским, в стиле наших народных притч. «Панчатантра», пожалуй, вдвое древнее Пятикнижия Моисея и отличается от Библии целомудрием и здравым смыслом, ничего сверхъестественного в ней нет, всё человеческое, хотя действующими лицами часто выступают птицы и звери. Махараши Рерих не терял надежды найти у нас её списки на древнерусском языке. Сказать, что он очень любил Россию значило бы сказать слишком мало. В Индии он много трудился для неё, восстанавливая по древним манускриптам наши общие познания, но в России потом с ним, к сожалению... Возможно, его не поняли. В 1926 году, когда он вернулся домой, ему не дали советский паспорт, а затем, уже незадолго до своей смерти, он просил разрешения приехать в Советский Союз, но почему-то опять не разрешили, не знаю, какая могла быть причина. Он только хотел привезти в Россию свои книги, некоторые картины и, видимо, имел желание умереть на родной земле. Это так естественно...

В то лето 1955 года начиналась, как теперь говорят, весна хрущёвской «оттепели», и Неру, понятно, был осведомлён о положении в нашей стране, но как искренний друг Советского Союза и мудрый государственный деятель при всей своей непринуждённости он не мог позволить себе заходить в своих откровениях чересчур далеко, тем более, что наша беседа записывалась на магнитофон-

ную плёнку. Но и сказанного для меня было достаточно, чтобы провести параллель между Рерихом и моими Учителями. А сейчас, когда я основательно поработал в архивах, прочитаны книги «Живой этики» и многое другое из литературного наследия Николая Константиновича, а также всё ещё не опубликованные у нас дневники и письма академика В.И. Вернадского, уже можно сделать и соответствующие выводы.

Но мы вряд ли поймём до конца Рериха, если не разберёмся сначала в том, почему он, материалист, отвергавший всякую теологию, вместе с тем одно из своих самых замечательных живописных полотен посвятил Сергию Радонежскому, который держит в ладонях не своё детище – Троице–Сергиевую лавру, а в общем–то как будто не сыгравший никакой особой роли в истории русской церкви маленький храм Покрова на Нерли.

Картина названа «Святой Сергий», но главные каноны христианской живописи на эту тему в ней нарушены. Лик Христа нарисован не над Сергием, а поставлен на землю в правом нижнем углу картины и по своей высоте достигает лишь колен Сергия. Над ним же, над вогнутыми вниз дугообразными облаками, – крупный глаз в центре геометрически правильной туманности – равностороннего треугольника. Нимб у Сергия светлый, излучающий сияние, идущее от головы на одинаковое расстояние по всей окружности. У Христа он притемнён и над верхушкой головы прочерчен лишь узкой полоской, намного уже, чем со стороны правого уха, а левая часть головы и нимба Иисуса вовсе остаются за рамками картины. Позади Сергия, как бы за холмом, – Кремль с церквями, тоже излучающими сияние, но бирюзовое. Оно поднимается над ними тремя волнами, но так, что вершины их не касаются той части церковной кровли, на которой укреплается основание для креста.

Каждая деталь в этой картине, все цвета и линии имеют символическое значение и наглядно показывают ту новую русскую идею, которую начал воплощать в жизнь Владимир Мономах, реформировав насаждённое на Руси греко–римское христианство в православие, коренным образом отличное от византийского.

Вот мы и подошли к Мономаху, но чтобы, в свою очередь, понять смысл его идеологических реформ, а значит, и философское содержание картины Н.К. Рериха «Святой Сергий», мы должны снова вернуться к тем знаниям, которыми владела дохристианская Русь, помня, что уровень познаний определяет уровень цивилизации.

В этой связи меня очень огорчило опубликованное в двенадцатом номере журнала «Слово» за 1989 г. интервью академика Никиты Ильича Толстого, где он говорит:

«Язык Кирилла и Мефодия выполнял роль надэтнического,

общеславянского языка общения; единой была культура, литература».

Не стоило бы печалиться, если бы это сказал академик Б.А. Рыбаков или его коллега Д.С. Лихачёв. Кто внимательно читал сочинения первого и так же внимательно следит за выступлениями в печати второго, тому понятно, как и кому они служат, особенно последний, взявший на себя роль чуть ли не духовного патриарха всея Руси. Всё сладкозвучно поёт о ней, но в то же время везде оказывается правофланговым в командах тех, кто смотрит на Россию глазами скандально шумевшего Абрама Терца – «Россия – сука»...

Огорчило упомянутое интервью потому, что в сыновней любви к Отечеству Никиты Ильича Толстого, правнука Льва Николаевича Толстого, сомневаться не приходится. Но вот ведь сказал и смутил душу, и не могу не спросить: что понимаете Вы, Никита Ильич, под словами «общий язык», «единая культура, литература»? Какая культура – теология или общий интеллект? Литература богословская или таюже научная, художественная? Или Вы имеете в виду только созданную Кириллом азбуку?

Что ж, давайте рассмотрим все эти вопросы. Кстати, замечу, что в этом смысле я значительно облегчил бы себе задачу, если бы, не опасаясь губительных последствий, мог указать адреса хранилищ тех познаний, которые накапливались нашими пращурами тысячелетиями и которые бережно сохраняют, по силе возможности развивая их дальше, немногочисленные подвижники в наши дни. Но не то сейчас время. Слишком сильны пока служители современной лженауки, готовые ради собственного мыльнопузырного престижа и алчного своекорыстия пойти на любые преступления. Захватив в свои руки академические учреждения, все институты просвещения и почти все средства массовой информации, они, в который раз обнажившие своё банкротство в слове и деле, нагнетают в стране психоз вроде бы не ими же сотворённого всеобщего кризиса и, уповая, как видно, на всеобщее же помрачение в умах, опять трубно суесловят о будущем, прожесткируя нам златые горы, однако, меньше всего в тех прожестках рачительной заботы о завтрашнем дне Руси. Напротив, прекрасно сознавая, что она всё ещё остаётся стеновым хребтом шестой части мира, прилагают все усилия, чтобы хребет этот разломать на куски и по кускам либо пустить с молотка, либо превратить во враждующие между собой «регионы».

Убедившись, что грубым насилием, подобным кровавому шабашу гражданской войны и всем последующим репрессиям, Русь уничтожить невозможно, теперь, кажется, до краёв преисполнены, главным образом надеждами на невежество. Они не глупцы и знают историю. Она же красноречиво свидетельствует, что и самые могущественные цивилизации гибли, увлекая в пучину небытия ве-

личайшие из народов, когда их развращали корыстолюбием и на фоне этого разврата начинала торжествовать демагогия кликуш и краснобаев, вознесённых над оболваненной толпой.

И именно так можно объяснить то, что происходит ныне в нашей стране. И даже более. Трудно, если вообще мыслимо представить себе ситуацию, при которой греки со всей их экзальтированной жаждой неограниченной свободы и демократии, узрев Герострата в тоге академика после того, как он сжёг храм Артемиды, возликовали до такой степени, что избрали бы его в витии народные и поручили бы ему возглавить важнейший из институтов народоправства – Институт общественного мнения, как это сделала наша самая массовая организация трудящихся – профессиональные союзы, поставившие во главе Всесоюзного центра по изучению общественного мнения Т.И. Заславскую после того, как Академия наук СССР избрала её своим действительным членом за инструкции по уничтожению тысяч русских деревень.

Лишившись храма Артемиды, своего седьмого чуда света, Греция понесла урон невосполнимый, но всё же не пошла по миру с протянутой рукой. Однако само имя Герострата заклеимила навек. Наши же доморожденные Геростраты вкупе с Заславской, этой новоявленной библейской Юдифь, оттяпавшей голову в пьяном благодушии уснувшему полководцу Навуходносора Олоферну, целыми академическими сонмами, наглые, сытые, вальяжные, законодательствуют в Кремле, иезуитствуя от имени народа на глазах у всего народа, не имея большей частью к нему никакого отношения, но обрекая его на голодный мор.

Возможно ли ещё в каком-нибудь цивилизованном государстве, чтобы трясущийся старик, но академик и законодатель, сегодня призывал к всеобщей политической забастовке, что в современных условиях равнозначно самоуничтожению, неизбежным десяткам Чернобылей, которые рассеяли бы смертоносный стронций по всему миру, а завтра у его гроба ему воздавали бы почести как великому гуманисту, вовремя не опознанному и не понятому нами, сирыми, Мессии, и этим славословиям скорбно внимали бы первые руководители государства? Не думаю, во всяком ином цивилизованном государстве судьба таких руководителей была бы решена посулее судьбы бывшего президента США Ричарда Никсона.

На весьма и весьма серьёзные размышления наводит сия Сахарониада, тем более, что он, Сахаров, без тени смущения провозглашается нынче русским Мессией... Перекреститься бы надо православным, услышав апостолов сего Мессии, или трижды плюнуть через левое плечо, как поступали в подобных случаях наши пращурь. Но заразителен пример руководителей государства, народ, за долгие десятилетия приученный взирать наверх, не смея

мыслить самостоятельно, тоже растерянно внемлет, слушая «Со-
весть советской интеллигенции», то бишь моднейшего из тепереш-
них академиков Д.С. Лихачёва:

«... Мы собрались здесь для того, чтобы почтить память ве-
личайшего человека человечества, гражданина не только нашей
страны, но и всего мира. Человека, в общем—то, двадцать первого
века. Такого, каким должен быть человек в будущем. Потому и не
поняли его в этом веке. Многие.

Он был настоящий пророк. Пророк в древнем, исконном
смысле этого слова, то есть человек, призывавший своих современ-
ников к нравственному обновлению ради будущего. И, как всякий
пророк, он был не понят...»

Народ в своей массе не знает, отчего и почему благовестит
так Дмитрий Сергеевич. Он не читал его откровений в статье «Вос-
питать в себе гражданина мира», опубликованной в пятом номере
журнала «Проблемы мира и социализма» за 1987 год, где наш ака-
демик, толкуя об интернациональном и национальном в духовной
сфере, настолько явственно ратует за отречение от всего патриоти-
ческого, что возмутились даже западные философы: австрийский
профессор Герхард Кофлер и профессор Кембриджского универси-
тета Алан Тейд, в том же журнале пять месяцев спустя обвинившие
советского академика в элементарном непонимании истории обще-
ства и человека. Но профессора Герхард Кофлер и Алан Тейд не
обратили, очевидно, внимания на интервью Д.С. Лихачёва фран-
цузской «Нуэль обсерватёр» (1987, 8—14 мая) и варшавской «Фо-
рум» за 11 июня того же 1987 года, в которых он, позабыв всякие
правила приличия, гневно клеймит русских советских писателей
Виктора Астафьева и Валентина Пикуля за их любовь к Родине и
своему народу. Если бы уважаемые профессора прочитали эти ин-
тервью, они бы прекрасно поняли, каких «граждан мира» боготворит
вроде бы русский академик д.С. Лихачёв.

Мало, однако, пророка, «великого гуманиста» и «русского
Мессии», он, Сахаров, как представляет нам его ещё журнал «Ок-
тябрь», и «великий русский интеллигент». Очевидно, в подтвержде-
ние этому здесь же, в «Октябре» (1990, №1), публикуется его но-
белевская лекция. О чём она? О надвигающемся истощении ресур-
сов Земли, угрозе перенаселения, внеземных цивилизациях, необ-
ходимости наращивать развитие атомной энергетики, о поляризо-
ванном мире, в котором «тоталитарные страны благодаря детанту
(ослаблению напряжённости) приобрели возможность своеобразного
интеллектуального паразитизма», о «страхе демократических стран
перед их тоталитарными соседями», в особенности таким «жутким
соседом», как Советский Союз, и многом—многом другом, в том чис-
ле и правах человека, как он их понимал. Тут, разумеется, прежде

всего «свобода выбора страны проживания» и, конечно же, «еврейский вопрос»:

«Я очень высоко оцениваю возможную и необходимую роль ООН, считая её одной из главных надежд человечества на лучшее будущее. Последние годы – трудные, критические для этой организации. Я писал об этом в книге «О стране и мире», уже после её выхода в свет заслуживающим сожаления событием было принятие Генеральной Ассамблеей (причём почти без обсуждения по существу) резолюции, объявившей сионизм формой расизма и расовой дискриминации (в действительности перед принятием этой резолюции 10 ноября 1975 года свободная дискуссия по существу вопроса на XXX сессии Генеральной ассамблеи ООН продолжалась несколько дней. – А.И.). Все беспристрастные люди знают, что сионизм – это идеология национального возрождения еврейского народа после 2 тысяч лет рассеяния и что эта идеология не направлена против других народов. Принятие подобной резолюции, по моему мнению, нанесло удар по престижу ООН. Несмотря на подобные факты, часто порождаемые отсутствием чувства ответственности перед человечеством у руководителей некоторых более молодых членов ООН, я всё же верю, что рано или поздно ООН сумеет играть в жизни человечества достойную роль...»

Надо полагать, под человечеством Сахаров понимал мировое еврейство и в зависимости от него ставил престиж Организации Объединённых Наций, ибо вся идеология сионизма построена на иудаизме, а с точки зрения иудаизма, как гласят уже знакомые вам цитаты из Талмуда, все остальные народы, кроме евреев, акумы и гои, то есть не люди. Только в этом смысле, зная о проводимом Израилем геноциде против арабского народа Палестины, Ливана и Сирии, а немногим раньше и против Египта, можно утверждать, не испытывая угрызений совести, что «сионизм – это идеология возрождения еврейского народа... и ... эта идеология не направлена против других народов».

Приведу выдержку из книги Ю. Иванова «Осторожно: сионизм!» (Политиздат, 1971 г.), в которой на конкретных примерах показано, как воспитывается в духе сионизма подрастающее поколение Государства Израиль:

«Сравнительно недавно американский учёный Г. Тамарин, долгое время работавший в Израиле, поставил эксперимент, принесший красноречивые и многозначительные результаты.

Тамарин сопоставил 1066 анкет одинакового содержания, на которые ему письменно ответили 563 мальчика и 503 девочки из разных израильских школ. Анкета касалась библейской «Книги Иисуса Навина», которую в израильской школе изучают с 4 по 8 класс:

«Тебе хорошо известны следующие отрывки из «Книги Иисуса

са Навина»: «Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как только услышал народ голос трубы, воскликнул народ (весь вместе) громким (и сильным) голосом; и обрушилась (вся) стена (города) до своего основания, и (весь) народ пошёл в город, каждый с своей стороны, и взяли город. И предали закланию всё, что в городе, и мужей и жён, и молодых и старых, и волов и овец, и ослов, (всё) истребили (6; 19–20). В тот же день взял Иисус Макед, и поразил (его) мечом и царя его, и предал закланию их и всё дышащее, что находилось в нём; никого не оставил, кто бы уцелел (и бежал). И поступил с царём Македским так же, как поступил с царём Иерихонским. И пошёл Иисус и все израильтяне с ним из Македа к Ливне, и воевал против Ливны. И предал Господь и её в руки Израиля, (и взяли её) и царя её, и истребил её Иисус мечом, и всё дышащее, что находилось в ней; никого не оставил в ней, кто бы уцелел (и бежал). И поступил с царём её так же, как поступил с царём Иерихонским...» (10; 28–30).

Ответь, пожалуйста, на два вопроса:

1. Считаешь ли ты, что Иисус Навин и израильтяне поступили правильно или неправильно? Объясни, почему у тебя такое мнение.

2. Допустим, что во время войны израильская армия захватила арабскую деревню. Хорошо или плохо поступить с жителями этой деревни так, как Иисус поступил с народом Иерихона... Объясни почему?

«Геноцид, который осуществлял Навин, не единственный пример подобного рода в Библии, – писал Г. Тамарин. – Я избрал его просто потому, что «Книга Иисуса Навина» занимает особое место в израильской системе образования...».

Приведём некоторые ответы. Ученик из школы города Шарона писал: «Цель войны заключалась в том, чтобы завоевать страну для израильтян. Поэтому израильтяне поступали хорошо, завоевывая города и убивая их население. Нежелательно, чтобы в Израиле был чуждый элемент. Люди разных религий могли оказывать ненужное влияние на израильтян».

Девочка из кибуца Меучад писала: «Иисус Навин поступил хорошо, убив всех людей в Иерихоне, так как у него не было времени заниматься пленными».

Таких ответов было получено от 66 до 95 процентов, в зависимости от конкретной школы, кибуца или города.

На вопрос, возможно ли ликвидировать в наше время всё население захваченной арабской деревни, 30 процентов учеников ответило категорически: «Да!»

Вот что писали дети: «Я считаю, что всё было сделано правильно, так как мы хотели покорить своих врагов и расширить наши границы, и мы бы так же убивали арабов, как Иисус Навин и изра-

ильтяне» (7 класс).

Ученик 8 класса: «По моему мнению, в арабской деревне наша армия должна поступать так же, как Иисус Навин, так как арабы – наши враги, и поэтому даже в плену они будут выискивать возможность расправиться со своей стражей»...

Вспомним: устами младенца глаголет истина.

Для желающих познакомиться с более полным текстом социологического исследования Г. Тамарина даю ссылку: «New Outlook», Tel-Aviv, January, 1966, p.49–58.

Это и есть та самая идеология сионизма, которая, по Сахарову, «не направлена против других народов». Добавлю, что по израильским законам евреем и заведомо гражданином государства Израиль считается каждый, рождённый от еврейки, независимо от национальности отца и места, то есть страны рождения и своего дальнейшего проживания, за что все евреи мира обязаны вносить в фонд государства Израиль определённую долю от всех своих доходов. Так было решено ещё задолго до создания самого этого государства – в августе 1897 года в Базеле (Швейцария) на первом съезде Всемирной сионистской организации (ВСО), вдохновителем и идейным руководителем которой был румынский еврей Теодор Герцль, автор вышедшей в 1896 году в Санкт-Петербурге книги «Еврейское государство», которая и явилась, собственно, проектом будущего Государства Израиль. Но звать туда евреев со всего света ни Теодор Герцль, ни его последователи вовсе не собирались. Один из видных теоретиков сионизма Ахад Гаам писал, что «еврейское государство» необходимо лишь как моральный фактор, что «наше национальное «я» нуждается в духовном и культурном центре между всеми разрозненными общинами и путём духовного воздействия будет стимулировать их к новой национальной жизни... Из этого центра дух иудаизма распространится по всей огромной периферии, достигнет всех общин, вдохнёт в них новую силу, укрепит их единство...» (Ahad Haam. Nationalism and Jewish Ethics, p.78, 79).

Для создания такого центра все евреи мира через синагоги и были обложены налогом, который для большего благозвучия назывался «пожертвованиями».

5 апреля 1914 года Правление еврейских колоний в Кёльне направило Абраму Ицков-Домовичу, конторщику братьев Шарканских в городе Ломже, куда пересылались деньги от евреев России, бумагу следующего содержания:

«Пересмотрев отчёт копилки для пожертвований, мы увидели, что из 108 таких копилки, находящихся у нас, вы прислали нам только из 97...

Ежегодно мы собираем 5 000 000 франков. За такой капи-

тал каждый год можно приобретать по десять колоний. Мы уже давно сказали, ещё в 1911 и 1912 годах, что русские евреи ревностно относились к делу, за что мы им благодарны. Но сколько они ни старались, в последнее время они могли бы сделать больше, так как, по сведениям, доставленным нам, мы знаем, что около тысячи городов России ещё не начали платить.

Многие города хотя и платят, но очень мало, таковы суть Вильна, Житомир, Ковно и Рига.

Самый большой доход даёт нам Россия, и в этом отношении Россия считается первым государством, в сравнении с другими государствами, но по сравнению численности еврейского населения с численностью евреев в других государствах, Россия даёт нам очень мало, и, разделяя все государства по численности евреев и приходу от них, Россия считается по разряду 19-й.

Весь доход из России составляет две копейки с каждого еврея, то есть если разделить собранные деньги в России на общее число евреев в России, то будет по две копейки на каждого» (Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР, ДП, ОО, д.44, 1914, л.83).

Как видите, Правление еврейских колоний в Кёльне было недовольно ходом сбора денег в России и, кроме того, недвусмысленно давало понять Ицков–Домовичу, что тот жулик, из 108 копилочек 11 утаил. Но, очевидно, он на это не прореагировал, потому 16 июня 1914 года из Кёльна в Гомель на Генеральскую улицу, дом 11, в котором проживал в то время Лазарь Моисеевич Каганович, и поступил конверт с вложенной в него странной на первый взгляд бумажкой:

«Россия.....	237 284 83
Австрия.....	144 133 23
Сев. Америка.....	143 740 50
Германия.....	107 905 17
Канада.....	37 563 50
Южная Африка.....	20 766 97
Англия.....	18 862 14...»

(ЦГАОР СССР, ДП, ОО, д. 44, 1914, л. 170).

Но Каганович всё прекрасно понял. Цифры означали деньги в немецких марках и представляли собой жалобу на Ицков–Домовича и других сборщиков специального налога с евреев в России и других странах. Почему такая жалоба поступила именно Кагановичу? Чтобы обстоятельно ответить на этот вопрос, сложнейший из всех вопросов, касающихся, казалось бы, невероятного могущества евреев, написана и ждёт своего часа в разных странах мира переведённая на многие языки книга. Пока же я скажу только о том, что непосредственно связано с темой нашего романа–исследования. Как

раз в 1914 году Лазарю Кагановичу исполнился 21 год, и как младший сын прямого потомка последнего хазарского кагана, то есть иудейского первосвященника, в тринадцатом колене он занял высшее положение в иудейской иерархии не только в России, но и среди всех евреев ашкенази, которые составляют примерно 80 процентов всех евреев мира и являются, как я уже говорил, потомками хазаров. В 965 году после того, как Светослав Хоробре уничтожил Великую Хазарию, они продались в рабство Византии. Потом вдруг все в одночасье заболело какой-то странной болезнью и просили своих господ не подходить к ним, потому что они заразные, их всех Господь Бог покарал страшной болезнью.

То была неизвестная в Византии одна из форм лошадиной чесотки, которой болеют азиатские степные лошади. Она действительно инфекционная, однако, легко излечивается раствором обыкновенного коровяка. Но византийцы-то этого не знали, поэтому они умоляли своих вновь обретенных рабов покинуть их дома, заплатив за это каждому «больному» такую сумму денег, какую тот требовал. Таким образом, через Византию хазарские иудеи наводнили тогда страны Средиземноморья и Западной Европы.

Тем, кого интересуется этот генезис евреев ашкенази, советую найти и прочитать роман ныне популярного в Европе еврейского писателя Артура Кестлера «Тринадцатое колено», изданного на большинстве европейских языков.

Наивны те люди, кто полагает, что после смерти Ленина Советским Союзом единолично правил «восточный деспот» Джугашвили-Сталин.

Число «мобилизованных революцией» иудеев ашкенази комиссарами в Красную Армию и во все революционные комитеты и «совдепы» доходило до 1 400 000 человек. Они потом и заняли все ключевые посты во всех без исключения государственных структурах. Как сообщал после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву корреспондент английской газеты «Таймс», из 556 лиц, занимавших высшие административные посты в РСФСР, 447 были иудеями. Существуют также их поименные списки, которые легко проверить, полистав подшивки газет того времени, особенно газеты «Известия».

Перед началом Второй мировой войны высшая партийная и правительственная номенклатура несколько сократилась, в неё входили ровно 500 человек, из которых 83 процента были опять-таки евреями, 5 процентов – русские, 6 процентов – латыши и 6 процентов – другие национальности, причём почти все русские имели жён евреек, иначе попасть в высшую номенклатуру для них не представлялась возможность.

По существу Сталин был лишь послушным орудием в руках Кагановича, который, как и положено кагану, оставался вроде бы на втором плане, но без его воли «отец народов» не принимал и не мог принять самостоятельно ни одного серьёзного решения, особенно после того, как его второй женой стала сестра Кагановича Розалия Каганович, а весь репрессивный аппарат возглавил его двоюродный брат по женской линии Лаврентий Павлович Берия.

У нас мало кто задумывается, почему все пишут и говорят «культ личности Сталина», а не «преступления Сталина». Между тем смысл в этом весьма глубокий. По древней хазарской традиции каган создавал культ своего бека, чтобы в случае каких-то серьёзных неприятностей в государстве свалить на него всю вину и сделать из него, как говорится, «козла отпущения». Эту культистскую традицию и возродил Каганович, создав культ Сталина, который всю его банду действительно ненавидел лютой ненавистью, но предпринять что-либо против них долго был бессилён. Руками опричников Берии Каганович беспощадно карал даже, казалось бы, своих, но, с точки зрения кагана, то все были ренегаты или, как Уриэль Акоста и Спиноза, «отпавшие евреи», в число которых попали и ближайšie сотрудники Сталина Апфельбаум—Радомысльский—Зиновьев и Розенфельд—Каменев и даже Бронштейн—Троцкий, оказавшийся слишком строптивым. Не случайно на суде Розенфельда—Каменева обвиняли Ольдберг, Давид, Берман, Рейнгольд и Пикель, а судьями выступали начальники отделов НКВД Слуцкий, Фриновский, Паукер и Реденс. Все девятеро — иудейские цадики с партийными билетами в карманах.

Чем больше крови «отпавших евреев», тем более устрашающа власть кагана над всей его паствой и выше «принципиальность» исполнителей его воли в глазах гоев.

Именно Лазарь Каганович сыграл решающую роль в создании Государства Израиль, во главе которого он поставил своего надёжного человека Бен—Гуриона, урождённого виленского иудея Давида Грина, выполнявшего при Лазаре в Гомеле одновременно обязанности особо доверенного порученца и что-то вроде секретаря—референта (сам Каганович хотя и закончил среднюю духовную школу, но толком так и не овладел ни еврейской, ни тем более русской грамотой). Своими людьми были Голда Меир, дочь крупного купца, которую в молодости знали в Киеве как православную Галину Марченко, получивший советское военное образование генерал Мошэ Даян и многие другие. Всех их Каганович представлял Сталину как убеждённых социалистов и твёрдо обещал, что государство Израиль станет первым коммунистическим форпостом на Ближнем Востоке. Потому Сталин с лёгкостью и подписал тройственный пакт (США, Великобритания и Советский Союз) о создании этого госу-

дарства, о чём 29 ноября 1947 года была принята соответствующая резолюция Генеральной ассамблеи ООН. Насколько Кагановичу не угрожал никакой гнев одуряченного Сталина, можно судить по тому, что уже в издании 1950 года популярной в США «Колумбийской энциклопедии» на стр.1026 в статье «Иудаизм» было сказано:

«Твёрдая надежда Израиля имеет две грани. Первая – что когда–нибудь мы возвратимся в обетованную землю Ханаана. Вторая – что в Израиле появится Князь Мессия, который заставит весь мир покориться его Богу и сделает свой народ властелином мира». Определён и срок выполнения этой программы – к 2000 году. Поставлена также главная задача: путём разжигания межнациональной розни расчленение Советского Союза на отдельные «независимые» республики и мелкие «государства–регионы», стравливание одних с другими, их экономическое и политическое ослабление и затем поэтапное покорение всей «провинции Великий Восток» руками шабесгоев, то есть гоев, отдавших себя в услужение иудеям, поскольку, как сказал автор знаменитых среди иудеев «Поправок к религии» рабби Ехиль Михль Пинес: «Мы не можем позволить себе роскошь драться на всех полях сражений. Так своей цели мы никогда не достигнем. Для этого мы слишком малочисленны, и кровь сынов Израиля слишком драгоценна. Наше оружие – Библия, и мир гоев должны положить к нашим ногам сами гои, кровь и имущество которых по праву принадлежат нам».

Собственно, к практическому осуществлению этой цели на первом этапе и направлен опубликованный в журнале «Горизонт» (1990, №1) проект «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» «русского Мессии», «пророка в древнем, исконном смысле этого слова» и «великого русского интеллигента» академика Д.С. Сахарова, где прямо сказано:

«Первоначально составными частями Союза Советских Республик Европы и Азии являются союзные и автономные республики, национальные автономные области и округа БЫВШЕГО (выделено мною. – А.И.) Союза Советских Социалистических Республик. Национально–конституционный процесс начинается с провозглашения независимости всех национально–территориальных структурных частей СССР (разумеется, и частей РСФСР, коль «независимыми» должны объявить себя и национальные округа. – А.И.), образующих суверенные республики (государства)...»

Для чего нужна такая реконструкция СССР, обещающая, может быть, что–то заманчивое для наивных простаков, но отнюдь не для тех, кто знаком с теорией, стратегией и тактикой сионизма, в «Проекте» говорится следующее:

«В долгосрочной перспективе Союз в лице органов власти и граждан стремится к встречному плюралистическому движению (кон-

вергенции) с социалистической и капиталистической систем как к единственному кардинальному решению глобальных и внутренних проблем. Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства».

Созданный после Второй мировой войны всемирный международный правовой институт Организации Объединённых Наций нашего покойного «пророка» не устраивал не потому, что, по его мнению, «принятие подобной резолюции (объявившей сионизм формой расизма и расовой дискриминации.— А.И.) ... нанесло удар по престижу ООН», но прежде всего потому, что основатели и руководители Всемирной сионистской организации Теодор Герцль, Мозес Гэсс, Ахат Гаам (Ошер Гинцберг), Наум Соколов, Бер Борохов, Наум Гольдман и многие другие в своих откровениях будущим центром мира называли «Землю Обетованную со столицей в Иерусалиме». Поэтому и по А.Д. Сахарову: «Столицей какой-либо республики, в том числе столицей России, не может быть одновременно столицей Союза», ибо, как писал в 1964 году Наум Гольдман, «еврейский народ — это историческая сущность единственная в своём роде... Его характеризуют три фактора: то, что он народ всемирный; то, что он связан с Израилем; то, что с общечеловеческой точки зрения он является одной из наименее идентичных в мировой истории групп». И потому—де «лишь еврейский народ в состоянии возглавить всё мировое движение, а Израиль — стать сердцем мира».

Не менее откровенно высказался на эту тему в июне 1950 года на пресс-конференции в Париже и Бен-Гурион:

«Я хочу напомнить вам слова рабби Авраама Кука: «Было бы фатальной ошибкой отказаться от нашего преимущества — от признания тезиса «Ты избрал нас». Мы не только отличаемся от других народов и обособлены от них замечательной исторической жизнью, не имеющей себе равных, но и превосходим любой другой народ, мы выше его...»

Далее бывший служака Лазаря Кагановича, а теперь гдава правительства государства Израиль, пространно рассуждая, пытался убедить журналистов, что в этом, мол, не надо искать обидного для других народов, дескать, сама судьба еврейского народа сложилась так, что «он накопил исключительно ценный и единственный в своём роде исторический опыт, позволяющий Сиону стать всемирным мозговым центром и источником всех идей по дальнейшему мироустройству».

Слов «Мировое правительство» Бен-Гурион не употребил, но из его выступления и без само собой вытекало, что именно в таком качестве он видел будущий «Совет Всемирного Сиона».

Однако не это выступление Бен-Гуриона в Париже вызвало в Советском Союзе ответную реакцию, которая последовала гораз-

до раньше, но истинная подоплека которой и сегодня, когда мы все клянёмся в своей приверженности правде и только правде, остаётся пока не раскрытой.

...Ещё до официального образования государства Израиль, в мае 1948 года, его посольство обосновалось в Москве на улице Герцена, в непосредственной близости к огороженному высоким забором особняку Берия на углу улицы Качалова и Садового кольца. Здесь да и в других городах, в которых вся жизнь была под бдительным контролем агента Лаврентия Павловича и его «правой руки» Израэловича, израильские дипломаты, несмотря на отсутствие у них дипломатического иммунитета, чувствовали себя вполне уверенно и занимались работой, отнюдь не свойственной дипломатам. Но в Ленинграде, где первым секретарём обкома партии был А.А.Жданов, попались с поличным. В хоральной синагоге города на Неве верные не Берия, а Жданову **сотрудники госбезопасности изъяли у них составленный людьми, хорошо знающими условия жизни в Советском Союзе, «Катехизис еврея в СССР», с которыми я и хочу познакомить читателя**, поскольку наша плюралистическая пресса, всюю громящая ждановщину и начатую было Ждановым борьбу с космополитизмом, официально обнародовать этот документ никак не отважится, хотя он-то и послужил тогда главной причиной кампании против «безродных космополитов» и, в частности, дал повод для появления разгромного Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» от 14 августа 1946 года, а затем, так как посольство Израиля распространять сей «Катехизис» среди советских евреев не прекратило, новые приближённые Сталина, которыми он окружил себя после смерти от сильного отравления А.А. Жданова, умершего 31 августа 1948 года, не без основания опасаясь такой же участи для себя со стороны приставленных к нему агентов Берия, развернули 13 января 1953 года тщательно подготовленную и грандиозную по своим масштабам кампанию якобы против еврейских «врачей-отравителей».

В июне 1962 года американский журнал «Ридерс Дайджест» по этому поводу писал:

«13 января 1953 года внезапно был нанесён самый страшный удар. Заголовки газет вопили, что девять выдающихся врачей (большинство из них – иудей) сознались в том, что они занимались отравлением своих пациентов в Кремле по заданию Американско-иудейского Объединённого Распределительного Комитета, работая в пользу всемирного иудейского заговора. В течение 3-х месяцев было арестовано бесчисленное количества

евреев. Потом 5 марта 1953 года Сталин милостиво умер».

Конечно, и эта кампания получила бы какое-то иное, более расплывчатое, как и предыдущая, наименование, если бы определить её окончательное название Сталину не помогли, скорее всего, для него самого неожиданно.

11 января 1953 года, т.е. двумя днями раньше, на обеде в Кремле, как и А.А.Жданов, был отравлен Климент Готвальд, которого среди деятелей европейского коммунистического движения Сталин считал своим лучшим другом. Его пытались спасти, но к утру 12 января стало ясно, что помочь ему ничем невозможно, началась агония, которая продлилась ещё два дня.

И в то же утро 12 января последовали аресты группы кремлёвских врачей, а ещё через день газеты опубликовали сообщение ТАСС о том, что они во всём сознались. Готвальду, несомненно, не простили арест, скорый суд и казнь 13 членов ЦК Компартии Чехословакии, одиннадцать из которых были иудеями, в том числе первый секретарь ЦК Рудольф Сланский (Зальцман). Но об отравлении Готвальда в сообщении ТАСС ничего не говорилось. Во-первых, очевидно, чтобы дело не выглядело чересчур скоропалительным, во-вторых, Сталину, естественно, не хотелось показать, что там же, в Кремле, такая же участь могла постигнуть и его, «отца народов», и он вдруг испугался за свою собственную жизнь. В газетах всё подавалось так, будто заговор «врачей-отравителей» раскрыт давно, велось длительное следствие и вот теперь они предстанут перед судом. Однако по ходу всей дальнейшей почти трёхмесячной кампании было видно, что «врачи-отравители» просто «пристёгнуты» к ней как некий зловещий символ. Она была вообще антииудейская и никаким «безродным космополитизмом», как при Жданове, не камуфлировалась. Сталин, что называется, шёл «ва-банк».

Ещё задолго до смерти Жданова у него накопилось слишком много наблюдений и фактов, чтобы не понять, какая работа ведётся вокруг него и в целом по стране.

Наши разоблачители сталинизма, никак не желающие поставить рядом со Сталиным Кагановича, настолько самоуверенны, что не допускают, наверное, и мысли о своих читателях, способных докопаться до подлинной подноготной Лазаря. Туману и всяческой лжи в его биографии действительно немало. Например, в 30-м томе Большой советской энциклопедии за 1937 год сказано:

«Каганович родился в деревне Кабаны (ныне Каганович) Киевской губ. в бедной еврейской семье».

О «бедном» Моисее Кагановиче, потомке в 12-м колене последнего хазарского кагана Иосифа и отца Лазаря, это писа-

лось, очевидно, в расчёте на то, что все предреволюционные справочники «Весь Киев», в которых он значится как оптовый лесоторговец, либо уничтожены, либо навечно похоронены в спецхранах, а людская память – вещь ненадёжная. Расчёт, конечно, напрасный. И справочники сохранились, и люди не забыли помещика Кагановича, которому в бывшем селе Кабаны принадлежали почти все земли и самый большой в округе шинок. Помнят и его заику–приказчика Марголина, в одночасье ставшим хозяином множества пароходов на Днепре. Как уточняет в своём очерке И. Дижур «Евреи в экономической жизни России», опубликованном в вышедшей в Нью-Йорке «Книге о русском еврействе», на имя этого Марголина Моисей Каганович оформил 70% всего тоннажа днепровского судоходства. Понятно, чтобы избежать чрезмерного обложения налогами, так как доходы от торговли лесом тоже были велики. И он же, Моисей Каганович, как неожиданно выяснилось в ходе следствия по «делу» об убийстве П.А.Столыпина в 1911 году, негласно держал контрольные пакеты акций многих ресторанов и домов терпимости в Киеве, Харькове, Елисаветграде, Екатеринославе, Николаеве, Херсоне и Одессе. Вот тогда «бедный» Моисей Каганович и имел крупные неприятности с киевской жандармерией и налоговым ведомством. И в том же 1911 году его сын и наследник сана хазарского кагана в 13–м колене Лазарь, как говорится в БСЭ, «вступил в партию в киевской организации большевиков».

Далее из БСЭ:

«Каганович принадлежит к правдистскому поколению большевиков, воспитанных и руководимых Лениным и Сталиным. Вёл в Киеве интенсивную партийную работу и ожесточённую борьбу с сионистами, бундовцами, эсерами и меньшевиками... В конце 1914 и в 1915 К. был членом киевского комитета большевиков, активно выступал против империалистической войны».

Это в то самое время, когда в своей штаб–квартире на Генеральской улице, 11, в Гомеле он принимал отчёты из Германии о финансовом положении Всемирной сионистской организации.

Герман Назаров в своём очерке «Дальше... дальше... дальше... к правде», опубликованном в журнале «Москва» (N12, 1989 г.), ошибается, называя Лазаря Кагановича ставленником Ешуа–Соломона Мовшовича Свердлова, известного у нас по кличке «Яков Михайлович». Свердлов действительно сделал в 1918 году Кагановича членом ВЦИК, но этим он только выполнил повеление самого Кагановича, как и по его же распоряжению в июле 1918 года отдал приказ о расстреле царской семьи в Екатеринбурге.

В уже упоминавшейся книге Артура Кестлера «Тринадцатое колено» на стр. 41 сказано:

«Мы видим, что человеческие жертвоприношения тоже практиковались хазарами, включая ритуальные убийства царей в конце их царствования».

Перед Первой мировой войной в Варшаве из-под полы продавалась среди евреев открытка с изображением иудейского цадика с Торой в одной руке и белой птицей – в другой. У птицы голова Николая II. Внизу надпись на иврите: «Это жертвенное животное да будет моим очищением; оно будет моим замещением и очистительной жертвой».

Наверное, по чьёму-то недосмотру открытка эта тоже сохранилась в одном из наших спецхран. Публиковалась она и за рубежом, даже в Австралии.

16 июля 1918 года, то есть за день до расстрела царской семьи Романовых, в Екатеринбург из Центральной России прибыл специальный поезд, состоявший из паровоза и одного пассажирского вагона, в котором приехал человек в чёрном облачении раввина и с закрытым лицом. Приезжего встречал, подчёркнуто оказывая ему всяческое внимание, сам председатель Уралсовета Шая Исаакович Голощёкин.

Равнин осмотрел подвал Ипатьевского дома и острым предметом начертал на стене каббалистическими знаками:

«ЦАРЬ ПРИНЕСЁН В ЖЕРТВУ – ЦАРСТВО УНИЧТОЖЕНО!»

В тот же день он уехал, предварительно назначив цадиком, то есть жертвоприносителем, Янкеля Юровского, сына Хаима Юровского, сосланного с Украины в Сибирь на поселение за воровство.

Этим раввином мог быть только Лазарь Каганович, ибо по иудейско-хазарской обрядности сделать такую каббалистическую надпись может только каган.

Что же касается хранящейся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ф. 602, ед. хр. 35) телеграммы Уралсовета ВЦИКу, в которой говорится, что в Екатеринбурге будто бы раскрыт белогвардейский заговор, имевший целью похитить царскую семью, и поэтому-де президиум облсовета постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, то она не более как инспирированная демонстрация «местной инициативы». Чтобы снять личную ответственность с Ешуа-Соломона Свердлова. Однако именно за это рабочие железнодорожных мастерских в Орле избили его в марте 1919 года так, что через два дня в Москве он умер, по официальной версии якобы от воспаления лёгких. Тем, кто и сейчас придерживается этой версии, не худо бы прочитать в эмигрантской газете «Новое русское слово» за 1 января 1962 года статью «Лёнька и железный Генрих» некоего Г. Александрова, называющего себя другом детства родного племянника Свердлова Л. Авербаха – выходца из семьи крупно-

го саратовского буржуа и прибалтнённого недоучку, возглавившего после революции издательство «Молодая гвардия» и РАПП (Российскую ассоциацию пролетарских писателей), и его сестры Иды, ставшей женой «железного Генриха» – Иегуды–Ягоды, промышлявшего до революции воровством, затем водворённого Свердловым на пост главы СОООГПУ (Секретно–Оперативный отдел Объединённого Главного Политического Управления).

По той же ритуальной причине Лазарь Каганович с возгласом: «Задерём подол матушке–России!» собственноручно дёрнул ручку электрорубильника во время взрыва Храма Христа Спасителя, ибо он был таким же символом России, как во Франции Собор Парижской Богоматери.

И третьим актом не только ритуального торжества, но и мести Руси за уничтожение дружинниками Светослава Хоробре иудейской Хазарии было истребление миллионов лучших россиян – сначала донского и кубанского казачества, потом «раскулачивание», о чём свидетельствует БСЭ: «Как секретарь ЦК и заведующий с.–х. отделом ЦК К. в 1929–34 выезжал по делам коллективизации и хлебозаготовок в большинство краёв и областей СССР, в особенности на Сев. Кавказ, Украину, в Сибирь, Воронежскую обл. и др., организуя борьбу партийных организаций и колхозного крестьянства с кулацким саботажем...»

Позже в знак «очищения от скверны» он принесёт в жертву своего соплеменника Янкеля Аркадьевича Эпштейна–Яковлева, как раз в эти годы бывшего наркомом земледелия.

Таков возрождённый Лазарем Кагановичем, почти тысячу лет спустя, древний обычай, неукоснительно соблюдавшийся во всех четырёх иудейских каганатах: аварском, двух тюркских и хазарском. Если приносился в жертву бек (вождь или царь) и была пролита его кровь, каган «очищался» кровью цадика и его помощника (Янкель Юровский и Шая Голощекин были расстреляны); за кровь же, венчавшую победу кагана над царством, отвечал своей кровью один или несколько его приближённых, либо даже родных.

Вот что действительно скрывается за тем, о чём пишет в своих мемуарах сбежавший за кордон личный секретарь Сталина Б.Бажанов, конечно же, разоблачающий сталинщину, но одновременно подчёркивающий, что в его бытность при Сталине, то есть с 1922 по 1928 г., тот, кроме постоянного подслушивания важнейших кремлёвских телефонов, никакими государственными делами не занимался и не проявил к ним ни малейшего интереса, вполне полагаясь на Кагановича и Молотова, женатого на иудейке по фамилии Карп и партийной кличке «Жемчужина», возглавлявшей Наркомат рыбного хозяйства и парфюмерной промышленности:

«Лазарь Моисеевич Каганович замечателен тем, что был

одним из двух–трёх евреев, продолжавших оставаться у власти во всё время сталинщины. При сталинском антисемитизме это было возможно только благодаря полному отречению Кагановича от всех своих родных, друзей и приятелей. Известен, например, факт, что когда сталинские чекисты подняли перед Сталиным дело о брате Кагановича, Михаиле Моисеевиче, министре авиационной промышленности, и Сталин спросил Лазаря Кагановича, что он об этом думает, то Лазарь Каганович, прекрасно знавший, что готовится чистое убийство без малейшего основания, ответил, что это дело «следственных органов» и его не касается. Перед арестом Михаил Каганович застрелился».

Михаил—то великолепно понимал, почему он должен умереть, но ожидать цадика у него, видимо, не хватило духа. Бывший семинарист Сталин тоже отлично знал иудейско–хазарские обычаи, потому и не стал вникать в дело старшего Кагановича.

Знал, разумеется, Сталин и кем приходится Лазарю Л.П.Берия, перемещая того из Тбилиси в Москву сначала заместителем Ежова, затем вместо него – главою НКВД. И то была отнюдь не его личная воля, вызванная необыкновенным умением Берия втереться к нему в доверие, как нам внушают наши новейшие особенно «прогрессивные» историки, принимая всех нас, их читателей, судя по всему, за дремучих невежд. Подобно тому, как Анатолий Рыбаков изобразил иудейку, мать Саши Панкратова, главного героя знаменито нашумевшего романа «Дети Арбата», благороднейшей дамой, а русского отца – неким звероподобным чудищем, думая, наверное, что, кроме иудеев, Талмуд никто не читает и не ведаёт, что, согласно ему, все прочие народы, не относящиеся к сынам Израиля, суть двуногие скоты, но лоно благороднейших дочерей Израиля, как учат высокоумные рабби, устроено таким чудесным образом, что они рожают полноценных людей хотя бы и от семени скотов.

Во всей истории с восхождением Берия к высотам безграничной власти Сталин покорно следовал по заранее намеченному Лазарем сценарию, пока не увидел, что тот, отдавший на заклятие родного брата Мошэ, стал подобострастно лебезить перед двоюродным Лаврентием. Это значило, что каган начал создавать культ нового бека. Следовательно, пока ещё существующий его, Лазаря, уже не устраивал.

Когда на ноябрьском параде 1941 года Сталин, обращаясь к патриотическим чувствам русского народа, вспомнил его славных предков и даже реабилитировал Богдана Хмельницкого, которого до войны называли «предводителем банд головорезов» и «чудовищным антисемитом», в тот момент это было необходимо, ибо в первую очередь для иудеев решался гамлетовский вопрос

«быть или не быть», и только исконный славянский патриотизм мог спасти их от подступивших к самой Москве полчищ Гитлера. Теперь же, когда война закончилась и сыгравший решающую роль в разгроме фашистской Германии русский народ своей победой, несмотря на все неисчислимые потери, законно гордился, это их национальное чувство для иудеев становилось опасным, ибо оно могло перерасти в национальное самосознание и деформировать выработанный ими, то есть иудеями, конгломеративный интернационализм и вытекавший отсюда же тезис Сталина о постепенном слиянии наций. Прежде всего сам Сталин после войны от него, похоже, начал молча отказываться. Не мог без его предварительного одобрения А.А.Жданов сказать на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 года:!

«Интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину – означает потерять руководящую линию, стать безродными космополитами. Нельзя быть интернационалистом в музыке, как и во всём, не будучи подлинным патриотом своей Родины».

За все годы Советской власти это было новым ошеломляюще. При этом, хотя на весьма представительном совещании формально обсуждалось общее положение в советской музыке по поводу Постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», Жданов в своей вступительной речи, цитируя статью «Правды», не случайно сосредоточился на критике оперы Дмитрия Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда»:

«Слушателя с первой же минуты ошарашивает в опере нарочито нестройный, сумбурный поток звуков. Обрывки мелодии, зачатки музыкальной фразы тонут, вырываются, снова исчезают в грохоте, скрежете, визге. Следить за этой музыкой трудно, запоминать её невозможно.

Так в течение почти всей оперы. На сцене пение заменено криком. Если композитору случается напасть на дорожку простой и понятной мелодии, то он немедленно, словно испугавшись такой беды, бросается в дебри музыкального сумбура, местами превращающегося в какофонию. Выразительность, которую требует слушатель, заменена бешеным ритмом. Музыкальный шум должен выразить страсть.

Это не от бездарности композитора, не от неумения выразить в музыке простые и сильные чувства. Это музыка, умышленно сделанная «шиворот-навыворот», – так, чтобы ничего не напоминало классическую оперную музыку, ничего не было общего с симфоническими звучаниями, с простой, общедоступной музы-

кальной речью. Это музыка, которая построена по тому же принципу отрицания оперы, по какому левацкое искусство вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание слова...

И всё это грубо, примитивно, вульгарно... Музыка крикает, ухает, пыхтит, задыхается, чтобы как можно натуральнее изобразить любовные сцены. И «любовь» размазана во всей опере в самой вульгарной форме...»

В таком же духе выступил и Тихон Хренников:

«Возьмём сочинения Шостаковича. К 30-летию Советской власти появилось его небольшое сочинение, составленное из нескольких песен, связанных симфоническими кусками. Такого рода сочинения в большом количестве писались до сих пор, и они назывались оркестровыми фантазиями... И они никогда не являлись предметом принципиального рассмотрения, предметом невероятного возбуждения умов и так далее. Надо сказать, что это произведение Шостаковича оказалось неудачным, потому что любимые песни народа, которые были положены в основу сочинения Шостаковича, звучат гораздо хуже у него, чем у авторов этих песен... Но нашлись люди, которые посчитали это произведение Шостаковича изумительным, невероятным!.. А некоторые критики отнесли его сразу в разряд гениальных произведений...».

В марте 1948 года на это совещание в ЦК ВКП(б) отозвался передовой статьёй и журнал «Большевик», в которой, в частности и даже с некоторым нажимом подчёркивалось:

«Только подлинно великие художники, писатели, поэты, композиторы ценили народное творчество и соединяли с ним своё индивидуальное творчество. Горький указывает, что все подлинно великие писатели и поэты возносились всего выше тогда, когда их открыляло творчество коллектива, когда они черпали вдохновение из источника народной поэзии, безмерно глубокой, неисчислимо разнообразной, сильной и мудрой. Русская классическая литература, русская классическая музыка – замечательно яркое подтверждение этих мыслей Горького».

И Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»», и необычно резкая критика ведущего еврейского композитора Дмитрия Шостаковича, и передовая статья по этому вопросу в журнале «Большевик» – всё это звенья одной цепи: ответная реакция Жданова при безусловной поддержке Сталина на распространявшийся среди советских евреев «Катехизис еврея в СССР». Причём надо сказать, что так называемый антисемитизм Сталина – миф, не имеющий под собой никакой почвы, о чём давно счёл необходимым напомнить читателям «Литературной газеты» А.Н. Яковлев – один из нынешних членов Политбюро ЦК

КПСС и уж наверняка стопроцентный юдофил. Отвечая на вопросы корреспондента газеты, он сказал:

«...кощунственно даже подумать, что идеология славянофильства — любви к славянам и их культуре — может служить базой охотничества, антисемитизма, о котором даже Сталин писал: «Антисемитизм как крайняя форма расового шовинизма является наиболее опасным пережитком каннибализма».

Если бы Сталин действительно был антиевреем, разве после самоубийства Надежды Аллилуевой он стал бы жить с Розалией Каганович и безропотно подчинился бы самому Кагановичу? Или позволил бы любимой дочери выйти замуж за еврея Морозова и ввести его в свой дом? Муж сестры Аллилуевой, Анны Сергеевны, Реденс тоже был польским евреем, как Бажанов, которому Сталин открыл своё «святое святых», подслушивание телефонов, — украинским. Говоря о двух—трёх евреях, во всё время сталинщины остававшихся у власти, Б. Бажанов просто наводит тень на плетень. Три — это Каганович, Берия и Мехлис. А возглавлявшие концлагеря генералы Нафталий Аронович Френкель и Яков Данилович Рапорт? Иудеи составляли и более трёх четвертей командного состава всего репрессивного аппарата.

Сталин не мог забыть слова В.И. Ленина, сказанные при нём в разговоре с Диаманштейном, возглавлявшим еврейскую секцию Наркомата по делам национальностей:

«Еврейские элементы были мобилизованы против саботажа и тем спасли революцию в тяжёлую минуту. Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы».

Эти слова Ленина, переданные ЕТА (Еврейским телеграфным агентством) из Москвы во все страны, были опубликованы во всей мировой прессе и множество раз цитировались в разных еврейских изданиях. Если бы Сталин и хотел их забыть, ему бы наверняка нашли возможность напомнить их. Поэтому почти всё его ближайшее окружение дома и на работе до войны было еврейским, либо состояло из людей, так или иначе связанных с евреями. Чтобы не выглядеть среди них «белыми воронами», Маленков развёл свою дочь Волю с её русским мужем и выдал замуж за еврея Шамберга, а Хрущёв женил на еврейке сына Сергея.

Единственным близким человеком Сталина, который не последовал этому примеру, был Жданов. И когда в начале июля 1946 года он впервые принёс Сталину «Катехизис еврея в СССР», тот, как можно судить по материалам из архива КГБ, без колебаний поддержал предложенную им кампанию борьбы с «безродным космополитизмом», которая началась с Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»».

Непосредственной угрозы для себя лично Сталин, очевидно, ещё не чувствовал, хотя Берия, конечно, не доверял и потому для собственной безопасности создал Особый сектор во главе со своим верным помощником Поскрёбышевым, перед которым вставали на цыпочки все секретари ЦК и министры, включая Берия. Но недавно закончившаяся война заставила «отца народов» многое пересмотреть и переосмыслить.

У нас до сих пор принято считать, что все права гражданства евреям в России дала Октябрьская революция. Это совсем не так. Вот что писал в книге «Россия в эпоху революции» (Нью-Йорк, 1966 г.) некогда близкий к кругам Временного правительства Григорий Аронсон:

«В первый же месяц существования Временного правительства, 21 марта 1917 года, были отменены все ограничительные для евреев законы и распоряжения. Они во всех отношениях были уравнены со всеми гражданами России и перед ними открылись широкие возможности для самого активного участия во всех без исключения отраслях общественной и культурной жизни страны и для занятия любых должностей в правительственном аппарате.

Евреи не заставили себя ожидать и по всем каналам устремились к руководящим позициям во всех, недоступных им раньше, секторах общественной и политической жизни России, а также административным постам.

Четыре еврея стали сенаторами: М. Винавер, Г. Блюменфельд, О. Грузенберг и И. Гуревич. Городским головою Петрограда – еврей Г. Шрейдер, а Москвы – еврей О. Минор. В Киеве в 1917 году мы видим заместителем городского головы еврея – Гинсбурга.

На ответственном посту управляющего делами Временного правительства в 1917 г. находился еврей А. Гальперн. Крупные места в министерстве заняли евреи: С.М. Шварц, Д.Ю. Далин (Левин), И.М. Ляховецкий (Майский), Я.С. Новаковский – все социал-демократы – меньшевики-бундовцы».

Потом почти все эти люди, как и председатель ЦК Бунда Арон Исаакович Ванштейн, назначенный при Временном правительстве головою городской думы в Минске, попеременно оказывали свои услуги то анархистам батьки Махно, то Антанте, пока в 1920 году не стало окончательно ясно, что перевес всё-таки на стороне большевиков, и большинство из них, особенно бундовцы во главе со своим председателем ЦК, благополучно «влились» в партию коммунистов и сразу же заняли руководящие посты в различных органах советской власти. Ванштейн, например, возглавил сначала Совнархоз Белоруссии, затем по рекомен-

дации Лазаря Когановича, готовившего раздел Туркестана на отдельные республики, был назначен председателем Совнаркома и Совета Труда и Оборона Киргизии, а после тот же Лазарь переместил его в Наркомфин СССР. Но это так, к слову...

Как рассказывает в упомянутой книге Г. Аронсон, а он человек весьма информированный и ему можно верить, ибо в отличие от подавляющего большинства евреев мира, которые являются ашкенази и потому не являются семитами, поскольку ведут своё происхождение от тюрков-хазаров, он, Аронсон, считает себя настоящим палестинским семитом и всегда готов разоблачать ашкенази с достоверными фактами в руках, Временное правительство Керенского, как только оно было сформировано, создало комиссию по расследованию обстоятельств еврейских погромов в России и на Украине и привлечению к судебной ответственности их организаторов, но скоро все расследования пришлось прекратить и постепенно дело замять.

А выяснилось следующее.

Когда в 1897 году была создана Всемирная сионистская организация (ВСО) и всех евреев мира через синагоги обложили специальным налогом якобы для накопления общими усилиями денег на покупку земли под будущее независимое еврейское государство и обустройство переселенцев из разных стран в Земле Обетованной, ВСО сочла, что приток средств из России, где в то время скопилась основная масса всего мирового еврейства, недостаточный. Поэтому создатель и первый глава ВСО отдал распоряжение скупать акции российских предприятий и вывозить из России как можно больше всевозможных ценностей, переправлять которые необходимо не в Кёльн, где находилось так называемое Правление еврейских колоний, а за океан, в Америку.

Иными словами, Теодор Герцль ещё в самом начале нынешнего века планировал осуществить в Российской империи то, что стало возможным только после Октябрьской революции, перед которой за какой-нибудь десяток лет страна весьма умело была доведена до полной разрухи, а затем «мобилизованные революцией» иудеи бросили клич: «Грабь награбленное!»

В истории нашего государства это очень важный момент, и я позволю себе остановиться на нём хотя бы очень коротко.

Как-то американский еврейский еженедельник «Ньюсуик», который наподобие нашего нынешнего «Огонька», патетически воскликнул: «Мир (конечно, мир иудейский. – А.И.) не может быть спокойным, пока Россия останется неделимой!» Имея в виду также Украину и Белоруссию. Закордонные столпы политики между нами различия не делают, и напрасно мои земляки на Украине

(не все, естественно, я говорю, главным образом, о новоявленных вождях—популистах, которые сменили преимущественно ремесло стихотворцев на приносящую больше эйфории и душевного кайфа политику и за которыми идёт, к сожалению, доверчивая публика, принимая их по недомыслию своему чуть ли не за прометеев XX века) полагают, что, открестившись от России, хорошенько вздрючив задним порядком Петра I и заодно Александра Пушкина, Украина с помощью «добрых заокеанских дядей» въедет пряником в рай. Вспомнят когда—нибудь мои слова, горячими слезами обольётся из—за них, неразумных, нэнька Украина.

Не меньшее разочарование ждёт и матушку—Россию, если усыпит её курящийся ладан из паникадила пробившегося в члены Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, увещевающего со страниц «Литературной газеты» Россию, дабы она тихо—мирно успокоилась, не пужаясь призрака хвори под названием «синдром врага», поелику—де хворь мнимая и то лишь кажется, что держава наша, кровью и потом отцов наших, дедов и прадедов да и более далёких пращуров воздвигнутая в твердыню несокрушимую, разваливается теперь на глазах, она—де перестраивается на лучший лад, устарел, мол, монолит народный, нынче человеческая щёбенка в моде, она—ить по нынешним временам самая популярная, а посему, смекай, и самая подходящая в качестве материала в видах одежд будущего прогресса.

Ну, разумеется, я понимаю, что, толкуя об этом, сам себе сажаю на лбу клеймо махровейшего из реакционеров. Ничего не поделаешь, планида моя такая, видеть откуда, что и почему да понимать, что к чему и кто есть кто. Очень опасные для нашего государства, какую бы в дальнейшем оно не приняло формацию, такие люди, как сей Яковлев и его однофамилец в «Московских новостях», об иже с ними и молвить излишне. Оттого и стоят за них монолитно, проповедуя в то же время щёбенку, витии народные, прилагающие все усилия, чтобы разодрать Россию на «независимые» регионы.

Почему они так ненавидят Русь—кормилицу? Да всё потому же, что и Лазарь Каганович. В своих кругах они шепотком, чтобы никто чужой не услышал, называют эту ненависть «мессианской», то есть угодной Князю Мессии, которого терпеливо, если не сказать стоически, ждут вот уже больше тысячелетия. Со времён канувшего в Лету Хазарского каганата ненависть к Руси стала у них генетической, в четырнадцатое колено перешла, если пользоваться арифметикой Артура Кестлера. Так что корни её ой—ой как глубоко. Голова закружится, коль заглянуть в ту преисподнюю.

В этой связи хотелось бы напомнить им слова их известного историка Соломона Лурье:

«В принципе рождать какие-то свои идеи мы, евреи, не способны, даже наднациональное единобожие придумали не мы, а иранский пророк Заратуштра; еврей же, говоря о едином боге, и сего дня молится своему племённому Иегове, оставаясь таким образом по существу язычником.

Обычно мы берём две-три или несколько уже готовых идей и путём нехитрых комбинаций вырабатываем из них одну, как это сделали творцы христианства или Карл Маркс, и тогда эту идею, которая кажется наиболее приемлемой для нас и привлекательной для других, мы пускаем в ход и нередко на первом этапе имеем успех, но затем обязательно терпим крах, наше предложение губительно оборачивается против нас же.

Основных причин я вижу тут две: 1) скомбинировав какую-то глобальную идею, мы не учитываем, что каждый народ непременно если не ассимилирует её в своём национальном горниле, то отвергнет; сами же мы ни при каких обстоятельствах никакой ассимиляции не поддаёмся, иудей всегда и везде иудей, если и считает себя атеистом; 2) у нас силен дух отрицания, но мы никогда не умели и пока не научились сочетать отрицание с созиданием, поэтому всюду несём только разрушение и отовсюду нас прогоняют.

Поскольку в мире нас относительно мало, а земля сравнительно обширна, нам, играя роль бедных гонимых человеческих существ и тем вызывая сострадание у других, более благополучных людей, пока удавалось перетекать из страны в страну. Но наступит время, когда нас хорошо узнают повсеместно, и как бы мы тогда ни старались изобретать способы перекладывать свою вину на других, всё равно в силу своего характера дальше всё того же отрицания мы не продвинемся и боюсь, как бы, сея ветер, мы в конце концов не пожали бурю».

Так вот, по словам весьма осведомлённого Г. Аронсона, американско-иудейский банкир Яков Шиф часто хвастался, что развал Российской империи – это дело его рук, но оно стоило его кредитно-финансовой компании огромных денег. Самым лёгким оказалось втянуть Россию в войну с Японией и обеспечить её поражение. На это они потратили всего несколько десятков миллионов долларов. Но куда дороже обошлось вовлечение «восточного монстра» в Первую мировую войну, вернее, его второе поражение, которое, не будь затрачены на него многие миллиарды, могло перерасти в победу, и тогда бы Россия превратилась в самую могущественную державу мира и никакая революция в ней стала бы невозможной. Да и другие расходы были немалые. Но в конечном счёте все затраты окупились с лихвой, хотя проныра Арманд Хаммер, втершись в доверие к большеви-

кам, в обход основных компаньонов тоже сумел урвать миллиарды. Яков Шиф подозревал, что Хаммеру досталась даже самая ценная книга в мире – хранившийся в Эрмитаже Коран Омара, залитый его кровью, а также лучшая в мире коллекция русских монет, собранная великим князем Георгием Михайловичем. Да и выкраденная из Зимнего дворца Бронштейном–Троцким ценнейшая коллекция марок Николая II теперь, наверное, тоже хранится где–то в бронированных сейфах Хаммера.

Арманд смолоду своё дело знал отменно. Говорить умеет красиво и доллары для него – шелуха, предпочитает то, что не зависит ни от какой конъюнктуры на бирже. Поэтому он всегда в выигрыше и всем вроде приятеля, а некоторые воспринимают его даже как благодетеля, хотя и шелухового доллара он никогда не бросит, заранее не просчитав, какие получит потом от него дивиденды.

Чтобы описать весь размах того грабежа, который пережила Россия в первые послереволюционные годы и хотя бы бегло рассказать о разграбленных ценностях, понадобилось бы несколько десятков томов, общим объёмом не меньше, чем вся Большая советская энциклопедия. Наркомпрос, возглавляемый А.В. Луначарским (девичья фамилия его матери Смидович, а братьев от первого брака матери – Меер), дал санкцию на вывоз за границу по бросовым ценам громадного количества ценнейших художественных полотен и других не менее ценных предметов искусства и рукописей из частных коллекций и музеев, в том числе из Эрмитажа и Оружейной палаты, учреждённой Петром I «для пользы и на случай крайней нужды Отечества».

Церковная же утварь из драгоценных металлов, разграблением которой ведал М.И. Губельман–Коген–Ярославский, прессовалась в брикеты и целыми вагонами направлялась на рынок в Тегеран. Исключение составляли предметы культа из золота и платины, имевшие особую художественную ценность. Они в сохранности вывозились за океан через западную границу, как и драгоценные камни, мерой веса которых были не общепринятые караты, а вместимость деревянных коробок от сигар.

Со стороны банкира Якова Шифа всей этой кампанией по переправке награбленных ценностей из России в Америку руководил Соль Бернато, поддерживавший постоянные контакты с А.В. Луначарским и М.И. Губельман–Коген–Ярославским, которые, в свою очередь, представляли в его распоряжение тысячи необходимых экспертов и искусствоведов, тоже преимущественно иудейского происхождения.

Это было такое разграбление развалившейся гигантской империи, перед которым блекли все, вместе взятые, грабежи армий

Александра Македонского, Тамерлана и Наполеона Бонапарта. Не удивительно поэтому, что миллиарды Якова Шифа, затраченные на обескровливание России в двух войнах, окупились даже не сторицей, а в куда больших размерах. Ну, Арманд Хаммер, тот в ответ на свою долю миллиардных прибылей хоть карандаши в Россию поставлял, способствовал, так сказать, просвещению безграмотных масс российского пролетариата.

Конечно, в 1902 году, пытаясь увеличить приток средств из России в фонд Всемирной сионистской организации, Теодор Герцль тогда ещё не мог рассчитывать на такой размах. Действуя через министра финансов царского правительства графа Сергея Юльевича Витте, женатого на иудейке Матильде Ивановне (Исааковне) Хотимской, он хотел скупить часть акций Лазаря Полякова – подрядчика по строительству и владельца многих железных дорог в России, Евзеля Гинцбурга, которому после крестьянских бунтов против обирателей–шинкарей в Белоруссии и на Украине в 1881–1882 годах Витте сумел передать «питейную монополию» и сделать его «королём» питейных заведений всей Руси, а также акции сына Гизцбурга Горация, того самого Горация Гинцбурга, которому принадлежали богатейшие золотые прииски в Бодайбо и Якутии и который, дабы взбунтовать рабочий люд в России и тем самым приблизить революционную ситуацию (для масонов) в стране, выложив немалые деньги на взятки высокопоставленным правительственным чиновникам, устроил в апреле 1912 года по указке из Нью-Йорка, от Якова Шифа, знаменитый Ленский расстрел, о коем нам до сих пор толкуют, как об одном из проявлений неслыханной жестокости царского деспотизма. Но верный себе Г. Аронсон, ссылаясь на самого Якова Шифа, и тут поставил точку над «i». Причём Яков Шиф опровергнуть его и не подумал.

Понятно, преданный душой и телом иудеям С.Ю.Витте охотно пошёл бы навстречу пожеланиям Теодора Герцля, но это означало бы, что сионисты получили бы право беспрепятственно вывозить из России золото прямо в слитках, не говоря уже о других ценностях, составлявших достояние государства. Поэтому все скупки акций заграничными сионистами министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве немедленно пресёк и сначала побил тростью, а затем отдал под арест и суд некоего Шмарию Герценштейна, осмелившегося предложить ему в этой связи взятку.

В отличие от большинства членов тогдашнего правительства Плеве оказался неподкупным, узнав о чём, Теодор Герцль решил встретиться с ним лично, чтобы как-то всё же договориться.

Плеве принял его в августе 1903 года. Подробности их беседы неизвестны. Мы можем судить о ней только по официальному письменному ответу Вячеслава Константиновича, который он напра-

вил Герцлю несколько позже (цитируя его Г. Аронсон точную дату не указывает):

«Если действительно исходить из того, что, поскольку сионизм имеет целью создать независимое государство в Палестине, в этом случае сионизм приведёт к эмиграции известного числа евреев – подданных России, постольку русское правительство могло бы отнестись к нему положительно.

Но с тех пор, как сионизм стал уклоняться от своей прямой цели и стал заниматься пропагандой еврейского единства в самой России, то такого направления Правительство не может потерпеть ибо оно приведёт к тому, что в стране возникнут группы людей, ЧУЖДЫХ И ВРАЖДЕБНЫХ ПАТРИОТИЧЕСКИМ ЧУВСТВАМ, НА КОИХ ОСНОВАНО КАЖДОЕ ГОСУДАРСТВО.

Если сионизм вернётся к своей прежней программе, он может рассчитывать на моральную и материальную поддержку русского правительства, особенно с того дня, когда какие-нибудь из его практических мероприятий сократят численность еврейского населения России.

В этом случае Правительство готово поддержать перед Турцией стремление сионистов, облегчить их деятельность и даже выдавать субсидии эмиграционным обществам...»

Как видите, правительство России не только не возражало против образования независимого еврейского государства в Палестине, но и готово было хлопотать перед Турцией о выделении под это государство необходимой территории (одновременно с письмом Теодору Герцлю Плеве направил депешу русскому посланнику в Стамбул с предложением провести предварительные переговоры с правительством Турции, на каких условиях оно согласилось бы уступить часть Палестины для еврейского государства и заверить его, что правительство России со своей стороны согласится на любую компенсацию) и даже субсидировать выезд российских иудеев в Палестину, а также выделение средств для их обустройства на новом месте пребывания.

Однако такой оборот дела сионистов совершенно не устраивал. Им нужны были прежде всего деньги, а если и какие-то евреи из России, то лишь «гонимые», которые вызывали бы сочувствие у всего мира и гнев по адресу России. Для этого необходимым стало многократно проверенное и самое надёжное средство – еврейские погромы. Но пока Плеве занимал пост министра внутренних дел, в России они были невозможны. Оставалось только устранить Плеве, что эсер Созонов и сделал: 15 июля 1904 года застрелил Вячеслава Константиновича.

Я хочу сделать здесь оговорку. Сейчас, когда время конспиративных кличек давно миновало, этого Созонова (по другой версии

– Сазонова) во всех наших энциклопедиях и энциклопедических справочниках по–прежнему называют Евгением Сергеевичем, хотя на каторге в Горном Зелентуе он числился под своим настоящим именем–отчеством: Мейлох Самуилович.

На мой взгляд, это самая низкая непорядочность – без крайней нужды отречься от своего роду–племени, а тем более когда отторгают тебя от него другие. Особенно же грязное дело, как я уже говорил, – приклеивать к другому народу своих подлецов. С какой стати Яков Михайлович, если он Ешуа–Соломон Мовшович? Шая Исаакович Голощёкин – Фёдор Иванович? Апфельбаум и Розенфельд – Зиновьев и Каменев? Лейба Бронштейн – Лев Троцкий? Палачка Розалия Залкинд – Землячка? Осквернитель христианских храмов и церковный вор – Миней Губельман–Коген – Емельян Ярославский?

Так оно и повелось по сей день, особенно среди нашей пишущей братии. Люди читают книги и по простоте своей душевной полагают, что большинство писателей у нас славяне. Да и поругивают их, что книги всё хуже и хуже. Как бы не так, дай бог, чтоб под славянскими именами славян хотя треть набралась. Вот приклеился, например, к моему народу приблудный стихотворец–оратор по кличке «Евгений Евтушенко», да не всякому ведь известно, что то кличка, а настоящая его фамилия – Гангнус. Вот и приходится терпеть срам за эту одиозную личность. Абрам Кацнельсон, поэт, пишущий по–украински, почему–то не переделывает себя в Авраменко. Стало быть, нет у него причины скрывать, от какого он роду–племени. Я понимаю, Ган–гнус не совсем благозвучно, так пиши тогда Мошкаренсон или Комаренсон, но чтобы «–сон» или, если тебе так хочется, «–зон», а не как не наше природное «–нко». Для чего, скажите на милость, терпеть моему народу этот позор?

Но если ты всё же украинец, русский или белорус, но считаешь синагогальную Субботу, никто тебе этого не воспрещает, кругом же полная свобода, но, пожалуйста, будь тогда честным, пиши, как полагается: Шабес... и дальше свою фамилию или всем известное прозвище. Народ же должен знать, какому ты Богу молишься, если тебе так уж захотлось в витии народные. Зачем конспирация, когда на дворе демократия?

Но это опять к слову, продолжим нашу тему.

После убийства В.К.Плеве по Российской империи и прокатились те волны еврейских погромов, обстоятельства которых потом расследовала специальная комиссия Временного правительства, но вскоре свою работу прекратила и всё, что узнала, пыталась предать забвению.

Возможно, это ей и удалось бы, если бы в той комиссии не оказался один строптивый караим (караимы – иудеи, признающие

только Тору, отвергая Талмуд) Осип Сомонович Крым – сын члена Государственной думы I созыва, агроном, как и отец, по образованию и член партии кадетов (конституционных демократов). Он – то и обнародовал всё то, чего не хотела разглашать комиссия Временного правительства, опубликовав в 1921 году в Берлине брошюру «Граф С.Ю.Витте и Союз Михаила Архангела».

Оказалось, что организатором погромов в Курске, Нижнем Новгороде, Твери, Балашове (1905), Одессе, Симферополе, Ростове–на–Дону, Ярославле, Челябинске, Томске (1906), затем в Киеве, Белой Церкви, Бердичеве, Минске, Могилёве, Гомеле, Белостоке и других городах был тот самый начальник департамента полиции Лопухин, женатый на иудейке масон, который вроде как русского Михаила Багрова устроил в личную охрану императора Мордухья Богрова, убившего 1 сентября 1911 года в киевском театре П.А.Столыпина. Непосредственными же громилами евреев были преимущественно работавшие под русских патритов якобы члены Союза Михаила Архангела, который через графа Витте финансировал Еврейский Колониальный Фонд – дочерняя компания Всемирной сионистской организации, в которую аккуратно делал приличные взносы нью–йоркский банкир Яков Шиф.

И убийство Плеве, и убийство Столыпина, и Ленский расстрел, и еврейские погромы – всё опять–таки звенья одной цепи. Усиленно подстёгивая Германию к развязке Первой мировой войны, сионисты в то же время готовили в России контингент недовольных царской властью рабочих масс, в первую очередь страдавших от погромов местечковых евреев, которых в Российской империи тогда уже насчитывалось более пяти миллионов. Они – то не ведали, кто стоял за так называемыми «черносотенцами».

Сталина можно обвинять в чём угодно, но только не в некомпетентности в вопросах того, как создавалась в России революционная ситуация и какую роль в её подготовке сыграли еврейские погромы. И когда более чем за год до официального провозглашения государства Израиль, но уже фактически образованного, Жданов принёс ему отпечатанный в анонимной заграничной типографии в виде маленькой брошюрки (ни такой бумаги, ни таких типографских шрифтов в Советском Союзе не было) «Катехизис еврея в СССР», Сталин сначала воспринял его как адресованный не столько евреям, сколько вчерашним голодным фронтовикам. Попади он им в руки, последствия могли быть самые непредсказуемые, на что, как полагал «отец народов», и делалась главная ставка. Сионистам нужна была не добровольная эмиграция советских евреев в Израиль, которую Сталин вряд ли бы

разрешил, а их исход из Советского Союза со статусом беженцев, чему в случае массовых погромов Сталин не только не смог бы препятствовать, но и вынужден был бы согласиться на оплату всех расходов по переселению. С другой стороны, это позволило бы Израилю заведомо откеститься от той просоветской политики, которую через Кагановича Бен-Гурион обещал Сталину.

Так, повторяю, Сталин воспринял «Катехизис еврея в СССР» сначала, когда Жданов впервые познакомил его с ним в 1946 году. Потом, однако, своё отношение к этому документу ему пришлось изменить. Он понял, что, продолжая распространять его среди советских евреев, посольство Израиля, несомненно, пользуется поддержкой Берия, а значит, «Катехизис» – это программа в первую очередь для Советского Союза, и программа серьёзная, игнорировать которую было бы легкомысленно.

Вот этот «Катехизис» в редакции 1946 года (с тех пор его текст в зависимости от перемен в СССР видоизменялся и сейчас уже распространяются его варианты, значительно отличные от первоначального, но я имею возможность привести здесь именно тот вариант, который в июне 1946 года был изъят ленинградскими чекистами у израильских дипломатов, так как чекисты позаботились при этом о необходимых формальностях, и все документы сохранились в архиве КГБ):

«Евреи!

Любите друг друга, поддерживайте друг друга, будьте сплочёнными, даже если разрозненны по великим пространствам или, находясь близко один от другого, друг друга ненавидите.

Наша сила в единстве – в нём залог наших успехов, наше спасение и процветание. Многие народы погибли в рассеянии, потому что у них не было чёткой программы действий и чувства локтя. Мы же, благодаря рассеянной по всему миру, но единой семье, прошли через века и народы, сохранились, приумножились и окрепли. Единство – цель, но оно же и средство к достижению цели. Не бойтесь протекционизма – это наш главный инструмент. В него открыты двери евреям всех национальностей, всех вероисповеданий, всех партий. Истинный интернационалист только тот, кто кровными узами связан с еврейством, все остальные – профанация и обман. Шире привлекайте людей близких по крови, только они обеспечат вам желательную биосферу. Формируйте свои кадры. Кадры – это святая святых. Кадры решают всё. Каждая лаборатория, каждая кафедра, каждый, институт, газета, журнал, издательство должны стать кузницей наших кадров. Проникайте на руководящие посты, в рабочую и крестьянскую среду гоев, дайте им много денег, но еще больше вод-

ки, чтобы зачатые в пьяной угаре гои деградировали и действительно представляли собою рабочий скот: деньги, водка, секс и никакой духовности!

Не употребляйте сами никакого алкоголя, не курите, чтобы рожать здоровую, крепкую телом еврейскую поросль, способную принять эстафету поколений. Пусть каждое поколение всех в этом мире неевреев сталкивается с нашей глубоко эшелонированной обороной.

Всеми средствами подавляйте сознание гоев, лучшего из них раздавите, полоните, худшего, подобного тупому барану, возвысьте.

Каждый раз, когда уходит в небытие старшее поколение, вместо него на сцену должна подняться, еще более мощная когорта заблаговременно подготовленных, закалённых духом Израиля молодых евреев. Для этого необходимо как можно раньше выдвигать наших молодых людей на ключевые посты, доказывая всем и всюду их зрелость и гениальность. Пусть это пока не так, они дозреют на должностях. Кто у власти, тот умен, тот и прав. Мы должны передать нашим детям больше, чем приняли от отцов, а те, сохранив и приумножив принятое, передадут дальше, в свою очередь, следующему поколению и т.д. В преемственности поколений наша сила, наша стабильность, наше бессмертие, хотя по сравнению с большинством из гоев мы физически и слабее. Но это и естественно. Заниматься чёрным трудом, накачивая мускулы, богоизбранным сыновьям Израиля не пристало. Устами Моисея Иегова молвил: «У каждого сына Израилева колена будет 2800 рабов». Гои – наши рабы.

Мир жесток, в нем нет места филантропии. Не наше дело заботиться в СССР о славянских кадрах. Если им лень думать о себе, почему мы должны думать о них? Наш великий мудрец на невольничьем рынке в Риме когда-то назвал их складами, то есть рабами в душе, почему же мы теперь должны думать о них иначе? От лени своей, будучи лишёнными мыслительной энергии, они извечно плаксиво проповедуют всеобщее человеколюбие. Но что это такое, как не врожденная неспособность постигнуть здравый смысл бытия? Их Бог по духу создал рабами, и потому все славяне, заражающие своей пропагандой других гоев, должны лечь у наших ног в первую очередь. Презрите их милосердие, возвысьтесь над ними, сыны Израиля, как Иегова возвысился над нами. Но Суций, избрал нас, возвысившись над нами, не унизив нас, нас единственных.

Помните: все высокооплачиваемые, влиятельные, прибыльные должности на всем пространстве России от Карпат до Тихого океана – все это наш национальный доход, принадлежащий нам по праву нашей избранности. В то же время помните, что многие неевреи, беря с нас пример, могут дорасти до нашего уровня, могут занять места, которые должны принадлежать нам, светозарным сынам Израиля.

Мы создаем коллективы, чтобы гои не мешали нам жить по-своему. Пусть гои тоже пытаются создавать коллективы по нашему примеру, но они по природе своей эгоистичны и перессорятся раньше, чем что-то у них получится, а мы с помощью Сущего в этом им поможем. Здесь мы себе не противоречим. Гои в России у евреев многое перенимают. Обезьянья мимикрия им присуща. И в общем она не опасна, но если только в этой мимикрии не допускать слаженности. В противном случае она может стать угрожающей. В особенности угрожающе всяческие обсуждения тех или иных вопросов, могущие привести мимикрию гоев к однообразию, то есть к тому, что у нас называется общим мнением или единодушием. В таком случае гои могут представить собой значительную силу. Поэтому разьединение их всеми средствами – наша задача. Мы не должны допустить, чтобы сгруппировавшаяся огромная масса нас поглотила, ибо по отношению к еврею нееврей всегда враждебен из зависти. С другой стороны, мы не должны стремиться к примирению, ибо ненависть гоев умножает нашу бдительность, а следовательно, и наши силы.

Славяне, а русские в особенности, не способны мыслить глубоко, что-то анализировать и делать обобщения. Они подобны свиньям, которые живут, уткнувшись рылом в своё корыто и не подозревая, что над ними есть небо. Все явления они воспринимают слишком поверхностно, слишком конкретно. Для них каждый случай – только случай, как бы часто он ни повторялся.

Наша идеология в принципе противоположна идеологии гоев. Они говорят: «Лучше меньше, да лучше». Мы говорим: «Лучше больше и лучше». Они говорят: «Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным». Мы говорим: «Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным». Они говорят: «Все или ничего». Мы говорим: «Лучше что-нибудь, чем ничего». Они говорят: «Отдавать также приятно, как и получать». Мы говорим: «Одаривать кого-то, может быть, и приятно, но получать что-то, кроме приятности, ещё и полезно». Они говорят: «Следуй закону, это твой долг и в этом общественная гармония». Мы говорим: «Закон – гора, умный её обойдет». Они говорят: «Победить или умереть». Наш девиз: «Победа ради жизни и благополучия, а не жизнь ради пустой победы». К чему победа, если она не возвысит жизнь на пьедестал благополучия? Горечь всякого поражения нужно уметь пережидать, ибо всё достойное мира придёт к тому, кто ждет и не позволяет затухать уму.

Всё, что умеют и знают гои, умеем и знаем мы. В то же время то, что знаем и чувствуем мы, им недоступно. Всё, что они имеют, – это их предел. Всё, что имеем мы – только средство к достижению цели. Всё, что они имеют сегодня, – это наше в их временном пользовании. Отобрать у них то, что завещано нам Сущим – наша задача.

Мы ждали сорок веков, нас никто даже не признавал нацией, но час решающей битвы, пробил, мы – у порога НАШЕЙ Победы.

Славяне СССР упрямы, но они не обладают достаточным упорством для достижения цели. Да и сколько–нибудь существенную цель поставить перед собой они не способны, у них нет для этого ни достаточного ума, ни достаточной мыслительной энергии.

Они ленивы, поэтому всегда спешат, всё пытаются решать разом. Они жертвуют малым ради большой решающей победы, но такая победа либо не приходит вовсе, либо, побеждая, они оказываются у разбитого корыта. Мы – за тактику малых побед. Малая победа – тоже победа! Малый успех – тоже успех! Из малого складывается большое.

Славяне не умеют ни руководить, ни подчиняться – они генетически саботажники. Они завистливы, ненавидят своих же собратьев, когда те начинают возвышаться над серой толпой. Сделайте всё возможное, чтобы они растоптали, разорвали этих своих выживенцев. Разорвут они их с удовольствием. Будьте всегда арбитрами, становитесь в позу миротворцев, защищайте «несчастных», против которых опалчивается толпа, но лишь на столько, чтобы выглядеть добрым и объективным. Немного выдержки, и вы займете место того, которого растерзали. Слюноточивый и витающий в облаках славянин вас страстно полюбит, восторженно вас восхвалит, проникнется к вам чувством (некоторые зачатки чувства у них имеются) благодарности.

Когда два славянина дерутся, пускают друг другу кровь, присутствующий при этом здравомыслящий еврей всегда выиграет. Сохраняя видимую объективность, натравливайте их друг на друга, подогревайте в них зависть один к другому, но будьте при этом благородны, показывайте свою доброжелательность. И место третьей судьи вершителя справедливости вам обеспечено.

Славяне несокрушимы до тех пор, пока у них присутствуют зачатки самосознания. Поэтому вытравить их у них наша задача. Советская власть в СССР возможности для этого даёт безграничные. Используйте их, евреи СССР, и вы станете хозяевами всего пространства от Карпат до Тихого океана.

Славяне, в особенности русские, не умеют жить и ставить перед собой достойные рассудка цели. Задачи перед ними ставим мы, эфемерные, конечно, но они стараются их выполнить. Работайте в этой области.

Они боготворят природу, живы ею телесно и духовно (полностью отрицать их способность к духовности было бы ошибкой). Они любят всё великое. Дайте им проекты гигантскихстроек, сыграйте на их дикарском энтузиазме, и они сами разрушат свой жизненный фундамент.

Обещая им «гигантские урожаи», дайте им на поля химию. Они получат много злаков и овощей, употребляя которые, будут травить свои эндокринные железы, кровь и мозг.

Добивайтесь для них высокой зарплаты, одновременно делая все возможное для широкого распространения спиртных напитков, имеющих такие же свойства, как сельскохозяйственные ядохимикаты.

Только таким путем вы сможете сокрушить их окончательно. Будущей нашей провинции Великий Восток на пространстве от Карпат до Тихого океана инородный людской элемент не нужен, нужны покорные, всем довольные гои в полном смысле этого слова.

Ни русские, ни украинцы, ни белорусы не умеют просить, считая это унижением, а сами и без того унижены и бедны. Мы говорим: «Всякое унижение – благо, если, оно дает выгоду». Ради достижения цели можно унизиться, унижаться тоже можно с достоинством. Нет аморальных поступков, если они способствуют самоутверждению и процветанию нашего народа. Цель освящает средства. Нравственно всё, что выгодно.

Славяне глупы и грубы. Свою глупость они именуют честностью, порядочностью, «высокими» принципами. Неумение приспособляться и менять своё поведение в зависимости от ситуации, отсутствие гибкости ума они называют «быть самим собой», «принципиальностью». Гои глупы настолько, что не умеют даже лгать. Свою примитивность и глупость они опять же называют честностью и порядочностью, хотя по природе своей они лживы и беспечны. В древние времена свойственная им примитивность именовалась варварством; а в средние века – рыцарством, а позднее – джентльменством. Из-за пустого они ударялись в амбицию и убивали друг друга на дуэлях. Из-за пустых принципов они кончали жизнь самоубийством. Не следует им мешать в этом.

Они ограничены в своих возможностях и поэтому ставят пределы всему. Мы говорим: «Возможности человека (не путайте гоя с евреем, то есть человеком) беспредельны!», так как он ведет себя соответственно, обстоятельствам.

Постоянно помните о пределах, которые ставят себе гои, вернее, ограждаются ими, в этих пределах их мышление заострено. Это можно назвать их несчастьем, но как раз здесь наше огромное преимущество.

Везде и при любых обстоятельствах говорите и поступайте уверенно, напористо, агрессивно, обескураживающе и ошеломляюще. Больше шума и словесной мишуры, больше непонятного и наукообразного. Создавайте теории, гипотезы, направления, школы, методы, реальные и нереальные. Чем экстравагантнее, тем лучше! Пусть не смущает вас, что ваши «теории» и «гипотезы» беспочвен-

ны и никому не нужны, пусть не смущает вас, что о них завтра забудут. Придёт новый день, придут новые идеи. В этом выражается могущество нашего духа, в этом наше превосходство. Пусть гои оплачивают наши векселя. Пусть ломают головы в поисках рациональных зёрен в наших идеях, пусть ищут и находят в них то, чего там нет. Завтра мы дадим новую пищу их примитивным мозгам.

Неважно, что вы говорите, – важно, как говорите. Ваша самоуверенность будет воспринята как убежденность, амбиция – как возвышенность ума, манера поучать и направлять – как превосходство.

Крутите им мозги, взвинчивайте нервы. Подавляйте волю тех, кто вам возражает. Компрометируйте выскочек и крикунов, натравливайте самолюбие толпы на скептиков. Спрашивайте фамилию, место работы и должность сомневающегося в вашей правоте или пытающегося вам возражать. Требуйте ответов, а получив их, твердите: «Это не так, это не совсем так!», не анализируя их по существу. Ваш оппонент – гои непременно ретируется. Особенно это важно в вопросах истории, побуждающих у гоев инстинкт самоутверждения, что, в свою очередь, ведёт к самосознанию, а последнее – к гордости. Поэтому их историю должны создавать мы, взять в свои руки их литературоведение и любую из общественных наук, они всё должны получать в нашем преломлении, в приемлемом и выгодном для нас свете.

Если гои попытается проявить себя, привлечь к себе внимание, создавайте в этот момент шумовые эффекты: шаркайте ногами, скрипите стульями, вставайте и ходите, смейтесь, разговаривайте, мурлычьте, что-нибудь себе под нос, кашляйте, сморкайтесь, перебивайте речь гои встречными вопросами, шутками и т.д.

Создавайте советским гоим славянского происхождения массу мелких, раздражающих неудобств, которые ими осознаются не сразу. Кладите свои предметы на их вещи, наступайте им как бы нечаянно на ноги, наваливайтесь на них, дышите им в лицо, разговаривайте вызывающе громко. Пусть они постоянно ощущают ваш локоть своим боком. Долго выдержать гои это не могут. Избегая скандала, они уходят, освобождая место... Особым шиком они считают хлопнуть дверью, и уйти. Предоставьте им эту возможность! Вежливая наглость — вот наш девиз!

Все славянские гои – существа стадные. Не упускайте этого из виду. Стадо с вашей помощью должно подавлять всякую особь, которая хоть как-то попытается о себе заявить. Но при этом никогда не забывайте их собственную теорию о роли личности в истории. Если особь действительно что-то собой представляет, она должна быть подавлена стадом. Особь же примитивную, с одной лишь амбицией, непременно возвышайте. Пусть она какое-то время побу-

дет на пьедестале. Имейте терпение, выждите и затем эту особь перед стадом разоблачите. В глазах стада вы станете не только праведником, но даже героем.

Наше мощнейшее оружие, главный стимул нашей сплоченности – антисемитизм. Стадной морали гоев он противен. Поэтому всякого своего гойского противника, который в чем-то пытается вас обвинить, клеймите ярлыком антисемита, и вы увидите, с каким удовольствием остальные гои подхватят эту версию. Если же в этот момент найдется какой-нибудь образованный гой и он заявит, что семиты – арабы, найдите аргументы для доказательства того, что настоящие семиты – мы. Полностью семитское происхождение арабов не отрицайте, но преподнесите их как смесь, подобную смеси днепровских русов с северо-восточной чудью и угро-финами. Истинные же семиты – мы. Поэтому термин «антисемитизм» направлен не против арабов, а против нас. В таком духе должна быть ваша аргументация..

Вообще-то в таком понимании вопроса все славяне СССР – антисемиты, но как только вы приклеите ярлык одному, он становится в своей же среде беззащитным. Все остальные кидают его нам в жертву и уничтожают его своими руками. Мы же продолжим клеймение дальше, смотря по обстоятельствам.

Играйте на сердолюбии гоев-славян, изображайте из себя бедных и несчастных, вызывайте к себе жалость и симпатию, распускайте молву о народе – вечном страдальце, о гонениях в прошлом и дискриминации в настоящем.

Тактика «бедного еврея» проверена тысячелетиями.

Для удобства всех славян СССР будем дальше именовать русскими.

Пусть они имеют меньше нас, все равно они помогут нам иметь больше. Русские любят быть благодетелями и покровителями, каждый нищий стремится быть благодетелем, ибо это возвышает. Великодушие у них тем больше, чем меньше возможностей для его реализации. Возьмите от них то, что они могут дать: с паршивой овцы хоть шерсти клок, как говорят они.

Преломляйте все явления через призму наших интересов, каждое явление обязательно должно рассматриваться с точки зрения вреда или пользы, которое оно несёт евреям!

Информируйте друг друга обо всём, что может принести нам вред или пользу. Информация – святая святых. Деньги, кадры, информация – вот три кита на которых зиждется наше благополучие. Священная обязанность, долг каждого еврея поставить в известность другого еврея о том, что намереваются делать гои. Сегодня ты помог мне, завтра я помогу тебе — в этом наша сила!

Иегова, Бог наш, завещал нам власть над всем миром. Сегод-

ня мы это имеем. Теперь наша задача – удержать этот мир в своих руках. Один из двух главнейших мировых колоссов – Соединенные Штаты Америки – в этом отношении опасений не вызывает. Его национальный конгломерат в желательном для нас направлении обработан достаточно. Но другой колосс – СССР – нашим усилиям пока подчинён не окончательно. Со стороны русских не составляющих такого разноязычного конгломерата, как в США, возможен стадный взрыв, вызванный национальными мотивами. В момент такого взрыва они забудут кто русский, кто украинец, кто белорус, и, вспомнив своё кровное родство, единой стадной лавиной двинутся на нас. Противодействие экономическое здесь бесполезно. По природе своей они жадны, но настоящей цены золота и всего стоящего за ним они никогда не понимали. В критические моменты своей истории они всегда предпочитали золоту стадное родство. Стадная мораль для них превыше всего. Поэтому держите в своих руках средства пропаганды и информации, печать, книгоиздательство, радио, кино. Нужно и далее проницать в аппарат партийного и государственного управления. Вокруг любого вопроса формируйте общественное мнение с учётом наших интересов. Всячески поддерживайте гоев азиатско–мусульманского происхождения, для которых роскошь и нега – идеал. Пусть их великая плодовитость превысит и поглотит с течением времени славянский элемент совершенно. Поддерживайте из тех же соображений армян, и грузин. Но делайте всё возможное для нейтрализации враждебного нам таджикского элемента в среде азиатов–мусульман. Арийцам–таджикам присуще не меньшее по своей силе чувство стадности, чем славянам.

Ни один общественный процесс нельзя пускать на самотек. Если видно, что пользы нам он не принесёт, либо спускайте его по наклонной плоскости на тормозах, либо направляйте его против гоев. Любое начинание должны возглавлять Мы, чтобы вести его в нужном нам направлении.

Будьте во всем лидерами, стремитесь всегда быть первыми! Выработывайте в себе руководящий характер ежечасно, ежеминутно, даже в мелочах повседневной жизни. Ни при каких обстоятельствах не уступайте гоям ни в чём, даже в мелочах: будь то место в общественном транспорте или очередь в магазине.

Стремитесь внешне походить на гоев, усваивайте их поведение, меняйте свои имена на гойские! Это облегчит вашу работу во имя наших интересов.

Не следует всем сынам Израиля стремиться в будущее Государство Израиль, иначе гойские провинции останутся без нашего контроля. Необходимо в этом вопросе соблюдать разумные пропорции с учётом того, что Государство Израиль должно стать руководящим и духовным центром.

В любом стаде—коллективе берите власть в свои руки и управляйте им в наших интересах. Административную и творческую часть производственного процесса должны выполнять мы. Пусть гои занимаются черновой, материально—технической частью нашего творчества. Пусть они следят за чистотой рабочих помещений и охраняют плоды наших мыслей. Пусть, даже занимая какое—то ответственное место, они будут в действительности не выше вахтера и уборщика. К творчеству в виде исключения можно допустить гоев не славянского происхождения, лучше всего ненавидящих друг друга армян и грузинов, которые друг друга сожрут, либо других азиатов, кроме таджиков. Русских в широком понимании этого слова допускать никак нельзя! Это всегда будет нам укором. И не бойтесь прослыть националистами, ведь нас как нацию в СССР не признают. Какой же здесь может быть национализм? В национализме, этом смертном грехе всех славян, за исключением поляков, неустанно обвиняйте украинцев, представляющих собою в СССР значительную силу, а собственно русских клеймите великодержавным шовинизмом.

Иллюзию милого сердцу славян интернационализма обеспечит вам наличие лиц смешанной национальности, с примесью еврейской крови или на худой конец, крови нацменьшинств. Если у вас есть вакансия — берите только еврея. Если не можете сделать этого, ликвидируйте должность. Если не можете сделать и того, и другого, берите азиата. Если нет такого, берите поляка, белоруса или в крайнем случае украинца, предварительно настроив его против русских. Однако все усилия нужно направить на поиски поляка — исконного врага трех остальных наций. Белорус или украинец поссорятся с русским, потом выпьют «мировую» и вспомнят, что они братья, поляк — никогда.

Не разрушайте открыто, как делалось в 30—х годах, памятников гойской старины. Сейчас, после войны, когда массы гоев из СССР насмотрелись величественных памятников в Европе, это может вызвать недовольство, чреватое взрывом национальных чувств, тех самых стадных чувств, которыми всегда отличались славяне и которые делали их грозной силой. Но ничего и не восстанавливайте. Пройдут годы, и памятники архитектуры, один за другим сами постепенно разрушатся. А хулиганы и «любители старины» остатки растащат по кирпичику. Делайте вид, что не замечаете этого, будучи занятыми решением больших народно—хозяйственных проблем. Вслед за Днепрогэсом придумайте им каскады электростанций на Волге и других великих реках. Электростанции погубят реки, а погибшие реки сделают бесполезными сооружения электростанций.

В настоящий, момент русские в СССР — гегемоны. Поэтому держите под контролем каждый шаг влиятельных и перспективных рус-

ских. Не позволяйте им объединяться и уединяться. Не допускайте между ними никаких коротких прямых связей, их контакты должны быть с нами и через нас. Не они сами, а мы посредством своей интерпретации должны выражать их мысли перед публикой. Не позволяйте им обсуждать никакие вопросы без нас. Там, где двое русских, должен быть хотя бы один еврей. Будьте вездесущи!

Если не удастся заблокировать и «засушить» молодых и перспективных русских, делайте их управляемыми. Привлекайте их в свои компании, создавайте вокруг них плотное кольцо еврейского окружения, лишайте их контактов и знакомств помимо вас. Вынуждайте их жениться на еврейских женщинах и только после этого открывайте им «зеленую улицу». Не бойтесь, их дети все равно будут нашими. Никакая еврейка не отрешится от своей богоизбранности и соответственно воспитает своих детей. Потому и сказано: «Чей бы бычок не скочил, теленок наш». Во имя этого отдайте необходимому нам гою не только свою дочь, но если случится, не покупитесь и своей женой, хотя бы в качестве любовницы. Влияя таким образом на гою, вы вносите вклад в наше святое дело. Он полностью будет под нашим влиянием, а кроме того, его зарплата и все другие доходы, войдут в наш доход. Через жен-евреек или любовниц-евреек они отдадут нам свои ценности сами, а золото укрепит нашу власть над ними.

Ради детей своих, рожденных от еврейки, они потеряют свои национальные чувства и уж во всяком случае, не смогут быть юдофобами.

Итак, каждому перспективному гою – еврейскую жену или подружку. Если через неё он поднимет по иерархической лестнице хотя бы одного еврея, мы все будем устроены.

Давайте им взятки, дарите дорогие подарки, поите их дорогими винами, коньяком и водкой. За побрякушки и хмельное зелье они отдадут ВСЁ и свою «милаю Расею» тоже.

И последний совет. Будьте бдительны! Испанская инквизиция и немецкий фашизм не должны повториться. Гасите в зародыше любые попытки противопоставить нас обществу, уничтожайте антиеврейские тенденции в самом начале, в каком бы виде они не проявлялись. Фашизм – явление не случайное. Он возникает там, где мы недооцениваем стремление местных гоев стать хозяевами своего положения. Фашизм подспудно зреет во всех гоях. К счастью, в разных странах приходят к нему в разное время и под различными названиями. Но суть везде одна и та же. Скупайте, похищайте и уничтожайте, не допускайте к переизданию всякую литературу, раскрывающую нашу стратегию и тактику, представляющую хотя бы одним упоминанием еврея в дурном свете.

Не позволяйте вырасти из маленьких юдофобов больших инк-

визиторов! Пусть они зачахнут в зародыше с их упрямой идеей национального достоинства! Любыми путями найдите повод наклеить на них ярлык криминального в СССР антисемитизма, опалчивайтесь против них многомассово. Пока они одиноки, им не устоять против нашей сплоченной силы. Пусть они тысячу раз правы в своих мелочах – всё равно они виноваты, ибо мешают нам.

Распространяйте против этих типов компрометирующие слухи, создавайте им сомнительную репутацию. В конце концов, их начнут опасаться те же, кто имел о них прекрасное мнение и поддерживал их. Лишайте их связей и контактов, не давайте им возможности эффективно работать, ставьте под сомнение целесообразность выполняемой ими работы и занимаемых должностей, изолируйте их, навлекая на них толпу, лишайте их влиятельных позиций в обществе. Провоцируйте их на конфликт. Унижайте их, игнорируйте их, обижайте несправедливостью поощрений, а когда они протестуют – обвиняйте их во всех смертных грехах, тащите их в партком, милицию, а если можно – в суд.

Если, вы старше, обвиняйте в нарушении почтения к старшим, если по возрасту ровня — обвиняйте в нарушении принципов братства и, обязательно, интернационализма. Главное – обвинить, пусть они оправдываются. Тот, кто оправдывается, – уже наполовину виноват.

Провоцируйте их на выступления против государственной власти, а затем разоблачайте их и уничтожайте с помощью государственной власти. Право на привилегии и спокойную жизнь получает лишь тот, кто покорно следует за нами, и вместе с нами. Тот, кто хочет идти своим независимым путем, — потенциально опасен и должен быть лишен всяческой поддержки и даже средств к существованию.

Либо наш порядок, либо полная дезорганизация. Там, где намерены обойтись без нас, должен быть хаос! Делайте так, чтобы беспорядок продолжался до тех пор, пока измученные гои, отчаявшись, не попросят вас взять власть в свои руки и обеспечить им спокойную жизнь.

Гои должны работать под нашим руководством и приносить нам пользу. Кто пользу не приносит, должен быть изгнан, либо осуждён. Вне наших интересов нет общественной пользы! Кто не с нами, тот против нас! Око за око! Зуб за зуб! Так учил Моисей, так жили наши предки. Так будем жить мы. Месть – священное чувство. Она воспитывает характер, утверждает человека. Лозунги христианского милосердия, смирения, самоотречения оставьте гоям – достойны этого только они. Поэтому среди них проповедуйте и насаждайте христианские и коммунистические «добродетели», сами же в душе оставайтесь непримиримыми и твердыми. Гои не должны знать вашей

пощады. Если вы сегодня простите им малую обиду, завтра они нанесут вам большую.

Пусть гой уговаривают друг друга в осторожности, умеренности и гибкости, по отношению к нам. Пусть они осторожно сдерживают наш натиск. Мы же должны действовать решительно и быстро, ставя их всегда перед свершившимся фактом. Пусть они после этого ведут долгие, бесплодные дискуссии – против наших методов у них нет оружия. Пусть они волевым решением сделают одно дело, пока додумаются, договорятся и сделают это, мы совершим десять более важных дел. Пусть их сопротивление будет для нас необходимым стимулом, но не тормозом. Их противодействие нам нужно для поддержания нашего боевого духа, постоянной бдительности и постоянного натиска.

Создавая Государство Израиль, мы воплощаем в явь идею великого Теодора Герцля, становимся наконец нацией, как её понимают во всём мире. Но нам этого мало. Земля Обетованная – лишь только очаг нашего духа и место хранения наших святынь. Как говорил наш великий Теодор, поднимая знамя всемирного сионистского движения, мы не должны превратить себя на этой земле в мужиков и чёрную рабочую силу. Суший избрал нас для другой цели – господства над гоями. США и СССР – два наших великих данника. Первый – у наших ног. Второй – практически тоже. Но в экономическом отношении в такой мере, как первый, он ещё не освоен. Превратить его в ещё более живительный для нас источник, чем США, – наша стратегическая задача. Разрешив её, мы покорим весь мир.

Евреи СССР, заучите этот КАТЕХИЗИС как ЗАКОН Моисея. Помните его и исполняйте! Но для того, чтобы ни единого его слова не мог прочитать ни один гой, будьте готовы пожертвовать даже жизнью!

Используйте в своём поведении веками испытанный приём иезуитов: яд – в душе, мёд – на языке, внутри – вздыбленный тигр, на лице – кротость.

Вы – племя Израиля! Вы – единственный народ на нашей Земле, воплощающий в себе всё человечество! Не забывайте великой к вам милости Сущего, высказанной устами Моисея и запечатлённой в священной Торе!

Пусть никогда не падает ваш ДУХ!»

Это всё. Хочу подчеркнуть только, что вы прочитали сейчас не пресловутые Протоколы сионских мудрецов, а документ из архива КГБ, изъятый в первую июльскую субботу 1946 года у ещё не имевших дипломатического иммунитета израильских дипломатов в Ленинградской хоральной синагоге, что соответствующим образом было, естественно, оформлено и запротоколировано.

Там же, в архиве КГБ, я имел возможность ознакомиться с редакцией этого «Катехизиса», относящейся к 1952 году, когда Сталин пересмотрел свою первоначальную оценку его, как направленного в основном на провокацию еврейских погромов в СССР, что могло дать повод для оттока советских евреев в только что создававшееся государство Израиль в качестве беженцев (в этом случае им полагалась бы материальная компенсация, поэтому и сейчас, когда в Израиль запланирован отъезд 750 тысяч евреев из СССР, некоторые из них провоцируют погромы, дабы заполучить возжеланный статус беженцев, а не эмигрантов из Советского Союза), и, заподозрив, очевидно, не без посторонней хитро сплетённой чьей-то помощи в измене преданного ему душой и телом Поскрёбышева и его Особого сектора, который не подчинялся никому, кроме Поскрёбышева и самого Сталина, принял решение начать широкомасштабную анти-иудейскую кампанию, прикрытую фиговым листком борьбы с еврейскими «врачами-отравителями».

Следующая, третья по счёту, редакция «Катехизиса» вышла в 1956 году, когда Н.С.Хрущёв выступил на XX съезде КПСС с докладом «О культе личности Сталина» и произошли венгерские события, которые фактически были не выступлением против социализма, а охватившим всю страну восстанием против засилья иудеев, занимавших, по оценке английской спецслужбы «Интележис сервис», примерно 60% ключевых постов в партийном и государственном аппаратах и 70% – в органах госбезопасности, деятельность которых координировал с советской разведкой бывший тогда нашим послом в Будапеште будущий председатель КГБ, а затем Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов (настоящая фамилия Эренштейн), с которым в декабре 1962 года, когда он стал секретарём ЦК КПСС, ведавшим вопросами внешней политики, у меня произошло бурное объяснение и я думал, что меня тут же, как только я выйду из его кабинета, арестуют, но, к счастью, этого не произошло. А три года спустя, то есть в 1965 году, когда на секретариате ЦК КПСС обсуждалось нашумевшее в тот год «дело» генерального капитандиректора антарктических китобойных флотилий «Советская Украина» и «Слава» А.В.Соляника, куда я был приглашён, поскольку по командировке ЦК КПСС, выданной мне по указанию А.И.Микояна, находился в том 19-ом рейсе этих флотилий, в который, как я позже узнал, жаждал попасть некий пробивной публицист Аркадий Сахнин, потрясавший перед Соляником командировкой от газеты «Известия», да так потрясал, что тот выгнал его из своего кабинета, обматеря. А Сахнин потом, перед возвращением на Родину «Советской Украины», взял интервью у нескольких отправленных месяцем раньше в Одессу на «Славе» лишённых загранвиз бузотёров, устроивших на флотилии пьяную поножовщину из-за «дефицитных»

в море женщин, и отомстил А.В.Солянику через «Комсомольскую правду» («Известия» тогда придерживались иной, отличной от теперешней, ориентации, и публиковать статью А. Сахнина отказались), которую редактировал в то время Юрий Воронов, выступая якобы за правду–матку, не кто иной, а именно Ю.В.Андропов предложил мне пойти и в 20–й юбилейный рейс наших китобоев замполитом флотилии «Советская Украина» вместо действительно виноватого во многом Барабанова, которого пришлось поэтому снять с работы вместе с Соляником, хотя я не был, как и теперь, членом партии. Ю.В.Андропов на это сказал, что ради такой необходимости меня примут в КПСС без кандидатского стажа прямо здесь, на секретариате ЦК, отчего я, поблагодарив, как полагается, за высокое доверие, вежливо отказался, сославшись на то, что в связи со своими творческими планами я уже оформился на международное спасательное судно и вообще первым помощником капитана, то есть замполитом (самая сволочная должность на всех наших кораблях) я работать не сумею.

Издавался «Катехизис еврея в СССР» также в 1958 и в 1976 годах – после того, как ХХХ сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию, определяющую сионизм как Форму расизма и расовой дискриминации. Тогда же, в 1976 году, в Тель–Авиве вышла, кстати, книга «Евреи – великие люди России», которая открывалась большой статьёй об Н.Н. Миклухо–Маклае.

Теперь же, когда сионизм в Советском Союзе легализован и в августе 1989 году в Москве в одном из самых престижных столичных залов Всесоюзного киноконцерта вполне открыто и гласно прошёл учредительный съезд вновь образованной сионистской партии СССР, однако как составной части Всемирной сионистской организации, основные программы этих «Катехизисов» уже во многом воплощены на практике.

В 1956 году, когда я не подозревал ещё о существовании какого–то «Катехизиса еврея в СССР», мой Учитель Зоран говорил мне на одном из своих уроков:

«На разные лады обскаянная, всяк мудрено дудя в свою дуду, побасенка о единстве и борьбе двух противоположностей востребовалась не иначе, как взамен «братства во Христе», чтобы будто бы по научному оправдать одно вселенское насилие над другим.

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья,
А затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем....

Посула тем, у кого бытие определяет сознание, а стало быть, чей разум и вовсе им не отягощён, соблазнительная. Только из чего же созидать, если «разрушим до основания»? На «интернационале»? Но тогда «интеру», ежели он не пустота, надобны, очевидно, и «националы», не исключая, наверное, и такого, как российский, который с прадавних времён и не слышавший пока что об «интере», брал под свою руку более слабых «националов», не лишая, однако, их присущей каждому своеобразности, ибо тоскно ведь было бы глазу, засеи всё поле одними лютиками. Да и плодородность земли скоро бы оскудела, ежели после лютиков выращивать опять—таки лютики. На рассудок, не одурманенный «интером», полагались, оттого и многоцветью человеческому на Руси душа радовалась. Нынче же отовсюду слышишь: «интер», «интер» да «национал», «национал», а языки — что вода в песок. И российский, собственно, туда же вроде как на челе... Смотрел я по карте звёздной, в четвёртый раз за этот век Русь тяжкие испытания ждут. Через двадцать четыре года Студенец образует квадратуру с Эмитом при убывающем влиянии Мальцов. (Квадратура Сатурна с Ураном. Мальцы — созвездие Ближнецов.) Шесть лет продержится она. К тому времени во всём нашем государстве великие разрушения произойдут, поболее, чем в последнюю войну. Земля ядами наполнится, сгинут многие реки, озёра, загниют, испаряя зловоние, не Природой созданные моря, отравленными будут питьевая вода и воздух... Укрепи душу, сына, не для того Орсонисом мать тебя родила мне в приемники, чтобы благостью тешил тебя я. Страшные беды видятся мне: неохватные глазом новые пустыни, низведённые леса, чертополохом обросшие покинутые многие жилища, взрывы Эмита... Казни египетские ничто сравнительно с тем, что грянет на нас. То горше всего, что не сразу ужаснётся Русь. Все шесть лет, пока не распадётся квадратура Студенца с Эмитом, будет искать забвения в чаду дурмана, не желая оглянуться вокруг, и матери станут отречься от детей, зачатых в дурмане и рождённых калеками. Мнимую цену возымеет только ничего не стоящая деньга, в погоне за коей все будут строить, но не зидать... Соединив в одно слово чужеродные нам «интер» и «национал», со времён революции у нас и языки строить взялись, оттого и яловые они стали, от евнухов какой приплод? Всё сотворили и многое ещё сотворят те, которые «интеры», а когда начнут виноватого искать, укажут на Русь...»

Всё, о чём три с половиною десятилетий назад говорил мой Учитель, сбылось. Нитратами отравлена земля. Задыхаются от недостатка кислорода и ядовитых выбросов в воздух промышленных предприятий десятки крупнейших городов, в том числе Москва и Ленинград, и не говоря уже о всех без исключения больших и малых

промышленных центрах Донбасса, Урала, Кузбасса. Опустели объявленные советской Юдифь академиком Т.И. Заславской сотни тысяч деревень, загнили и испаряют зловоние все без исключения «рукотворные моря», на глазах исчезает, превращая в пустыни миллионы гектаров плодородных земель Природой дарованный Арал, под угрозой Байкал и Ладога, мертвеют от ядовитых промышленных стоков и гибнут от каскадов гигантских гидроэлектростанций Днепр, Волга, «брат океана» Енисей, отравлены Нева, Обь, Иртыш, Лена, Амур, клубятся чёрные бури над распаханными и сведёнными эрозией бывшими целинными и залежными степями, низведены громадные пространства сибирской и дальневосточной тайги, навсегда загублена, к несчастью, открывшая под своим слишком уязвимом покровом нефть, золото и полиметаллы кормилица коренных жителей Севера тундра, рассеял над Украиной и Белоруссией смертоносный стронций Чернобыль, от «пьяного» бюджета, скудной, отравленной ядохимикатами пищи и таких же отравленных воды и воздуха матери рождают миллионы дебилов...

Всё сбылось. И нет в этом ничего, что ещё в 40–50 годах не было запрограммировано в разных вариантах «Катехизиса еврея в СССР».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г.В. НОСОВСКИЙ, А.Т. ФОМЕНКО

ЗАГАДКИ ЭТРУСКОВ БОЛЬШЕ НЕТ!

1. Могущественные, легендарные и якобы загадочные Этруски

В скалигеровской истории есть одна до сих пор **НЕРЕШЕННАЯ ЗАГАДКА**. Называется она – **ЭТРУСКИ**.

Народ, который якобы ещё до основания Рима в VIII в. ДО н.э. появился в Италии, создал там замечательную культуру. А потом загадочно исчез, оставив после себя многочисленные памятники. Покрытые непонятными письменами. Которые **ДО СИХ ПОР НЕ МОГУТ РАСШИФРОВАТЬ** поколения и поколения учёных. Несмотря на прилагаемые ими невероятные усилия.

Но в рамках нашей концепции «загадка Этрусков», по-видимому, исчезает. Оказывается, ещё в XIX в. учёными Александром Дмитриевичем Чертковым и Фаддеем Воланским было предложено её решение.

Они предложили метод расшифровки и чтения этрусских надписей. По их мнению, **ЭТИ НАДПИСИ ОКАЗАЛИСЬ СЛАВЯНСКИМИ**. А **ЭТРУСКИ**, следовательно, **ОКАЗАЛИСЬ СЛАВЯНАМИ**.

И стало понятным, почему сами **ЭТРУСКИ НАЗЫВАЛИ СЕБЯ «РАСЕННА»**, т.е. русские.

Однако предложенное ими решение проблемы этрусков, несмотря на беспорочность прочтения ими по крайней мере некоторых этрусских текстов, **ПОЛНОСТЬЮ ПРОТИВОРЕЧИЛО** духу скалигеровской версии хронологии и истории.

Этого было достаточно, чтобы **А.Д. Черткову и Ф. Воланскому НЕ ПОВЕРИЛИ**. Несмотря на то, что возразить что-либо по существу им, по-видимому, **ТАК И НЕ СМОГЛИ**. Во всяком случае, в доступных нам исследованиях такие возражения нам не встречались. Видимо, возражать было нечего – **А.Д. Чертков и Ф. Воланский ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРОЧЛИ** по крайней мере некоторые **ЭТРУССКИЕ НАДПИСИ**.

Именно поэтому уже на протяжении **БОЛЕЕ СТА ЛЕТ** этрускологи хранят молчание о результатах **А.Д. Черткова и Ф. Воланского**.

Более того, видимо, не найдя других способов **ВОЗРАЗИТЬ А.Д. Черткову и Ф. Воланскому**, кое-кто стал намеренно их **ПАРОДИРОВАТЬ**, с серьёзным видом издавая «исследования» с якобы похожими, но очевидно бессмысленными «расшифровками». Подмена аргументов оппонентов на другие, очевидно бессмысленные аргументы (т. е. пародирование), - не честный, но, к сожалению, бытующий метод «научной борьбы».

Такую позицию можно понять. С одной стороны, что можно возразить, если некоторые этрусские надписи действительно, - как показывают **А.Д. Чертков и Ф. Воланский**, - **ПРОЧИТЫВАЮТСЯ** на основе **СЛАВЯНСКИХ** языков. Не скажешь же, что «это - случайно».

А с другой стороны и согласиться никак невозможно. Ведь если **ЭТ-РУСКИ – СЛАВЯНЕ**, то мгновенно возникает мысль, что это – **РУССКИЕ?!**

Так что же? – Неужели это **РУССКИЕ** основали итальянскую **ЭТРУРИЮ? – «ОЧАГ ДРЕВНЕЙШЕЙ В ИТАЛИИ КУЛЬТУРЫ И ВЕЧНУЮ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦУ И ХРАНИТЕЛЬНИЦУ РЕЛИГИЙ»?**

Так что же? РУССКИЕ ЖИЛИ В ИТАЛИИ ДО ОСНОВАНИЯ РИМА? В скалигеровской концепции истории это — бессмыслица. Но в рамках новой хронологии все трудности с восприятием результатов А.Д. Черткова и Ф. Воланского исчезают.

Более того, было бы чрезвычайно странно, если бы «монгольское», оно же русско-тюркское, завоевание не оставило следов в средневековой Италии XIV-XV вв. И действительно верно, что этрусские «монголы»=великие пришли в Италию в XIII-XIV вв., ранее основания итальянского Рима в XIV-XV вв.

Орбини писал: «Оттокар (т.е. знаменитый Одоакр. — Авт.) Король Ругянов СЛАВЯН овладеывствовал Царством Итальяским... Сей град [Рим] яко обладатель мира ни от единого инага народа восприял величайшее поражение, яко от народа СЛАВЯНАМИ... Оттокар же от иных наречён Одоакр ... который держал царство Итальяское пятьнадесять (15) лет». Вот и выходит, что Италия была завоевана СЛАВЯНАМИ в XIII-XIV вв. н.э. Удивительно ли, что там до сих пор находят ЭТРУССКИЕ памятники? Которые действительно относятся ко времени до основания Рима, т. е. к XIII-XV вв. НАШЕЙ ЭРЫ.

Наконец, итальянец Иован де Рубер в статье «Славянские поселения в Неаполитанском королевстве» сообщает, что 1468 г. н.э. (!) в Италии СЛАВЯНАМИ были основаны города Montemiro, Sanfelice, Tavenna, Serritello.

ВСЁ СТАНОВИТСЯ НА СВОИ МЕСТА.

	Alphabetum			
	num. no.	polon. num.	latini. num.	antiquum.
А	a, 2	a	a	· I ·
Б	b, 6	b	b	Г
В	v, w	v, w	v, w	Г
Г	g, h	g, h	g, h	Г
Д	d, d'	d, d'	d, d'	Г
Е	e, e'	e, e'	e, e'	Г
Ж	z	z	z	Г
З	z, z'	z, z'	z, z'	Г
И, I	j, i	j, i	j, i	Г
К	k	k	k	Г
Л	l, k	l	l	Г
М	m, n	m	m	Г
Н	n, n'	n, n'	n, n'	Г
О	o, o'	o, o'	o, o'	Г
П	p, p'	p	p	Г
Р	r, r'	r	r	Г
С	s, s'	s	s	Г
Т	t	t, i	t, i	Г
У	u	u	u	Г
Ф	f	f	f	Г
Х	ch	ch	ch	Г
Ц	c, c'	c	c	Г
Ч	cz	cz	cz	Г
Ш	sz	sz	sz	Г
Щ	sc	sc	sc	Г
Ъ	·	·	·	Г
Ы	ji	ji	ji	Г
Э	je	je	je	Г
Ю	ju	ju	ju	Г
Я	ja	ja	ja	Г
О	oo	o	o	Г
К	ks	ks	ks	Г
П	ps	ps	ps	Г
Д	dh	dh	dh	Г
У	y	y	y	Г

DEKI UM [V] LW [V] LW · I PIW ESWENV DSIVE,
 · WS VJEKE WVO PW I PKEZ, IETIEEM EZWEN.
 EKTIM PAECI·W, PV PA ZIW U·JEIV,
 T·KI LEDV LDV EM, ·KKW EWEI KOPIE.
 MWPEZ M APWV EI·WVW LEIT· PVWEL ZLICKIET,
 O · P·R· K·V·V·V·

Monogrammata.

la, al
juw, wji
poi
leki
zabiw
dr
crnd

Таблица (Ф. Воланского) соответствия эт-русского алфавита со славянскими алфавитами. В частности, с кириллицей (первый столбец) и польским (второй столбец). Слева приведена эт-русская надгробная надпись.

2. Что известно об Этрусках

О том, как знамениты были Этруски, красноречиво свидетельствует существование утраченной сегодня «Истории этрусков» в ДВАДЦАТИ книгах, написанной римским императором Клавдием (см. Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. М., «Наука», 1983, с.3).

«ВСЕ НЕПОНЯТНЫЕ НАДПИСИ в Италии (т. е. в поздние средние века. – Авт.) считались ЭТРУССКИМИ, и сложилась поговорка «ЭТРУССКОЕ НЕ ЧИТАЕТСЯ» (там же, с. 3).

В ХІУ-ХУІ вв. область между реками Арно и Тибром (т. е. ЭТРУРИЯ. – Авт.) стала КОЛЫБЕЛЬЮ КУЛЬТУРЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ. Вместе с интересом к грекам и римлянам пробуждается интерес к ЭТРУСКАМ, КАК К ДРЕВНЕЙШИМ ОБИТАТЕЛЯМ ТОСКАНЫ» (там же, с. 3).

Более того, даже в ХУІІІ в. «изучение «СЛАВНОЙ ИСТОРИИ ЭТРУСКОВ», КОТОРЫХ ЖИТЕЛИ Тосканы считали СВОИМИ ПРЕДКАМИ, давало моральное удовлетворение и выход ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ЧУВСТВУ» (там же, с. 5). Насколько же свежим было воспоминание о «древнейших» Этрусках ещё в ХУІІІ в.!

И неудивительно. «В муниципальных архивах городов Тосканы сохранились зарисовки фортификационных сооружений ЭТРУССКОГО ВРЕМЕНИ, СДЕЛАННЫЕ В ХУ-ХУІ ВВ., и тщательно скопированные надписи, покрывавшие их стены» (там же, с.3).

Итак, ещё в ХУ-ХУІ вв. в Тоскане СТОЯЛИ ЭТРУССКИЕ ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ! С ещё нестертыми якобы ЗА ДВАДЦАТЬ ВЕКОВ этрусскими надписями.

Любопытно отметить, что ... исследователи, не успев приступить к подробному изучению надписей, СРАЗУ почему-то «поняли», что они никогда не могут быть прочтены и что язык навсегда потерян! Всё знали наперёд. На четыре сотни лет бурного развития этрускологию. И откуда такая прозорливость? Не потому ли, что на самом деле ПРОЧИТАЛИ? И ужаснулись. И тут же сказали: читать НЕЛЬЗЯ. Изучать – можно. Читать – нельзя. С тех пор так и живём.

А.Д.Чертков называет Этрусков ПЕЛАЗГАМИ, как это было принято в его время.

3.Вероятное происхождение слов: Этруски и Тоскана

Раз уж сами Этруски называли себя РАСЕНАМИ (РУССКИМИ), то и итальянцы, понятно, называли их примерно так же: ЭТ-РУСКИ. Приклеившаяся к слову РУСКИ приставка ЭТ, возможно, произошла от итальянского слова *età* – «возраст» или же от французского *e'tat* – «страна». Таким образом, ЭТРУСКИ – это что-то вроде «старые (бывшие) русские=*et ruski*», или люди «из русской страны=*e'tat ruski*».

По мнению Ф.Воланского, название ЭТРУСКИ означало Геты-Русские или Готы-Русские.

А имя ТОСКАНА, - область, где жили Этруски в Италии, - возможно, происходит от уже известного нам слова АСКАНИЯ, т.е. СКИФИЯ НОВАЯ. Как и в случае слова ЭТРУСКИ, здесь мы тоже видим приклеившуюся к началу слова АСКАНИЯ приставку Т, вероятно, - остаток от того же *e tat*.

Поэтому в дальнейшем мы будем слово ЭТРУСКИ писать через чёрточку: ЭТ-РУСКИ, отделяя приставку.

4. Эт-русские зеркала

Вот эт-русское зеркало якобы ІІІ в. до н.э., - в которое смотрелись Эт-русские, т.е. попросту русские женщины. Как мы теперь понимаем, перед нами – русские люди ХІУ-ХУІ вв., заселившие Италию. Строили дома, воевали, растили детей. Между прочим, изображали они себя так, как сегодня принято представлять исклю-

чительно «древних греков и римлян». Венки на головах, свободные южные одежды. Внизу – юноша с крыльями и двумя рыбами в руках. Он изображён как бы на фоне двуглавого имперского орла...

Повторим, что подобные изображения сегодня уверенно относят к «древнему греко-римскому» стилю. В общем, это верно. Но только нужно уточнить, что это - старый русский стиль, объявленный в XVII-XVIII вв. – «древним греко-римским». Якобы не имеющий абсолютно никакого отношения к средневековой Руси-Орде. И насильственно изъятый из истории Великой=Монгольской Империи XIV-XVI вв. А сама Империя была отодвинута в далёкое прошлое под громким именем «древней» Римской империи. При этом, перекусав Империю, сохранили за её «древним» фантомным отражением всю её славу. А историю оригинала, т. е. Руси-Орды, погрузили в темноту и мрак невежества...

(«Империя», т. II. М., «Римис», 2004. Публикуется с сокращениями)

Содержание

Предисловие редактора.....	3
Книга первая.....	9
Книга вторая.....	99
Приложение.....	331

84.3 P7
И 75

Александр Семёнович Иванченко
Роман-исследование

ПУТЯМИ
ВЕЛИКОГО РОССИЯНИНА

Редактор и издатель - Гусев Олег Михайлович
Компьютерный набор и корректура - Шубина Валентина Алексеевна
Рисунки на стр. 9 и 99 - Гусельников А.В. (Из книги «Пантеоны Богов
Индоевропейцев и Прапансион». М., «Белые Альвы», 2001)

ISBN 5-7058-0418-0

*"Я еду вас в Сурталево.
Человек есть нечто, что удалось прогнать.
Что спалил вы, чтобы прогнать его ?"
Никс автор: Зарубинский*

ИСТОРИЯ ● ВЕДИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ● ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ ● МИФОЛОГИЯ ● МИСТИКА

Чтобы подписаться на 12 выпусков газеты «Потаённое», необходимо выслать на имя гл. редактора Гусева Олега Михайловича 100 руб. и 12 **ПОДПИСАННЫХ** конвертов: 190103, С.-Петербург, а/я 171

Редакция высылает желающим распространять «Потаённое» от 10 экз. и больше при условии достаточно быстрой (в течение 1 мес.) реализации газет и отправления нам денег по почте из расчета 7 руб. за 1 экз.

Отправляя нам письма и корреспонденции, прилагайте подписанный конверт для ответа.

Наложённым платежом газеты и книги не высылаются.

E-mail: zrdp@rol.ru

www.zrd.spb.ru

КАК ЗАКАЗАТЬ КНИГИ СЕРИИ «ПОТЕРЯННЫЕ КЛЮЧИ»

Олега Гусева

«БЕЛЫЙ КОНЬ АПОКАЛИПСИСА» (2000),

«МАГИЯ РУССКОГО ИМЕНИ» (2001);

Романа Перина

«ПСИХОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА» (1999),

«ГИЛЬОТИНА ДЛЯ БЕСОВ. Этнические и психогенетические аспекты кадровой политики 1934-2000 гг.» (2001),

«ГИПНОЗ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ» (2002);

Петра Орешкина «ВАВИЛОНСКИЙ ФЕНОМЕН» (2002);

Егор Классен «НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ...СЛАВЯНО-РУСОВ» (2003).

В.Гирша «ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ВЫРОЖДЕНИЕ». (2004)

Александра Романенко

ТАЙНЫ «РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ». (2005)

Георгия Сомова «ОСВЕЩЁННЫЕ ТЬМОЙ». (2005)

П. Ковалевский. «РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ...» (2006);

С содержанием книг можно ознакомиться на сайте:

www.zrd.spb.ru

Для получения списка книг с указанием цен необходимо выслать подписанный конверт по адресу:

190103 С.-Петербург, а/я 171 Гусеву Олегу Михайловичу.

E-mail: zrdp@rol.ru

Книги издательства «Белые альвы»:

109542, Москва, а/я 44 С.Н. Удаловой

Книги издательства «ФЭРИ-В» можно заказать по адресу:

121165, Москва, до востребования

Дьякову И. В.

Подписано в печать 15.08. 2006. Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Печ. л. 21,1. Тираж 300 экз. Заказ № 624.

Отпечатано в типографии ООО «АНТТ-Принт»
195279 Санкт-Петербург, пр. Ударников, дом 20